Бухарин.
„Читай" Бр.
Сбор. ст.
1 изд.

А 175/47

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ СОЛДАТАМЪ

ВЪ ШКОЛАХЪ И КОМАНДАХЪ

въ двухъ частяхъ.

Изданіе первое.

„ЧИТАЙ, БРАТЪ!"...

СОСТАВЛЕНЪ

110-го пѣхотнаго

КАМСКАГО ПОЛКА

ПОРУЧИКОМЪ

Бухаринымъ.

Ковна, 1889 года.

Цѣна 70 коп.

А 173/47

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ СОЛДАТАМЪ

ВЪ ШКОЛАХЪ И КОМАНДАХЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Изданіе первое.

СОСТАВЛЕНЪ

110-го пѣхотнаго

КАМСКАГО ПОЛКА

ПОРУЧИКОМЪ

Бухаринымъ.

Ковна, 1889 года.

Дозволено цензурою. 1-го Марта 1889 года. Вильна.

2007098125

Печатано въ Ковенской Губернской Типографіи, 1889 г.

ПОСВЯЩАЕТСЯ РУССКОМУ ВОЙСКУ.

. . . . . .

... Родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу своей работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ; на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль изданія настоящаго сборника заключается въ желаніи: во первыхъ, дать учащимся нижнимъ чинамъ самостоятельное, интересное чтеніе, и во вторыхъ, снабдить учителей матеріаломъ, какъ для объясненія нѣкоторыхъ событій, явленій природы и т. п., такъ и для выбора соотвѣтствующихъ образцовъ для упражненій. Ради этой цѣли сборникъ раздѣленъ на двѣ части и статьи расположены въ зависимости отъ возможности усвоенія ихъ малограмотными и средне и хорошо грамотными. Нисколько ни обманываясь относительно недостатковъ своей книги, я полагаю, что они отчасти объясняются первымъ опытомъ—опытомъ совмѣстить въ одной книгѣ полезное и занимательное чтеніе для учащихся и надлежащій матеріалъ для учителей, имѣющихъ дѣло съ людьми, вышедшими изъ младшаго возраста и еще мало развитыми. Пусть другіе сдѣлаютъ лучше.

Откуда началась называться наша земля Русью?

Русскій народъ принадлежитъ къ *племени*, которое называется славянскимъ. Прежде, очень давно, славяне были покорены другимъ племенемъ, или народомъ, называвшимся варягами. Это племя управляло славянами и брало съ нихъ дань. Въ 859 году славяне прогнали варяговъ за море, перестали имъ платить дань и начали управляться сами собой. Но у нихъ открылись между собой несогласія и драки. Родъ возсталъ на родъ, управы не было. Тогда они собрались на народный совѣтъ, называвшимся вѣчемъ, и рѣшили на немъ: идти искать себѣ князя, который-бы управлялъ ими и судилъ по нраву. Одинъ умный и знатный человѣкъ, изъ города Новгорода, по имени Гостомыслъ, посовѣтовалъ послать имъ пословъ къ варяжскому племени русь. Славяне послушались совѣта умнаго человѣка и отправили отъ себя пословъ. Послы, придя къ племени русь, сказали: „земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами“. Три брата съ родственниками своими и съ дружиною собрались и пришли. Старшій изъ нихъ по имени Рюрикъ поселился въ гор. Ладогѣ, второй Синеусъ—на Бѣлоозерѣ, а третій Труворъ—въ Изборскѣ. Вотъ отъ нихъ-то наша земля и начала называться Русью.

Б.

Муха.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ,
А муха у него сидѣла на рогахъ,
И муху же они дорогой повстрѣчали.
„Откуда ты, сестра?“ отъ этой былъ вопросъ,
А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: „откуда? Мы пахали“.

Дмитріева.

Принятіе христіанской вѣры и крещеніе Руси.

Русскій князь Владиміръ сначала былъ ревностнымъ поклонникомъ языческихъ боговъ. Онъ поставилъ въ городѣ Кіевѣ на холмѣ, передъ своимъ дворцомъ деревянное изображеніе языческаго бога Перуна съ серебрянною головою и золотыми усами; подобный же истуканъ былъ поставленъ и въ Новгородѣ. Самъ князь вмѣстѣ съ своимъ народомъ приносилъ имъ жертвы. Въ жертвы Перуну онъ приказывалъ даже приносить по жребію сыновей и дочерей Кіевскихъ жителей. Однажды жребій палъ на сына одного христіанина, жившаго въ Кіевѣ. Когда посланные объявили ему, что сынъ его долженъ быть принесенъ въ жертву богамъ, онъ отвѣтилъ имъ: „у васъ не боги, а дерево. Богъ одинъ, Которому кланяются греки и Который сотворилъ небо, землю и человѣка; а ваши боги что сдѣлали? Сами они сдѣланы руками человѣческими изъ дерева. „Не дамъ сына моего бѣсамъ“. Собравшаяся толпа язычниковъ въ ярости умертвила христіанина и его сына. Вскорѣ послѣ этого къ Владиміру, являютси послы отъ разныхъ народовъ съ предложеніемъ своей вѣры: отъ камскихъ болгаръ, нѣмцевъ, евреевъ и грековъ. Сначала Владиміръ слушалъ со вниманіемъ болгарскихъ пословъ. Но когда онъ услыхалъ, что вѣра магометанская предписываетъ обрѣзаніе и воспрещаетъ употребленіе свинаго мяса и вина, то обнаружилъ неудовольствіе и отпустилъ пословъ ни съ чѣмъ. Нѣмецкимъ проповѣдникамъ Владиміръ просто сказалъ: „идите обратно; отцы наши не приняли вашего ученія и я не приму“. Еврейскіе учители должны были также удалиться ни съ чѣмъ. „Гдѣ ваше отечество“? спросилъ у нихъ Владиміръ. „Въ Іерусалимѣ“, отвѣчали они: „но Богъ прогнѣвался на нашихъ отцовъ и разсѣялъ ихъ по разнымъ странамъ“. „Какъ же вы учите другихъ“ замѣтилъ имъ Князь, „будучи сами отвергнуты Богомъ и разсѣяны; или вы хотите, чтобы и насъ Богъ тоже отвергъ и лишилъ отечества“? Наконецъ явился къ Владиміру греческій ученый. Князю такъ полюбилась его проповѣдь, что между нимъ и ученымъ завязался продолжительный разговоръ, во время котораго грекъ изложилъ сущность христіанской вѣры, начиная

отъ сотворенія міра. Въ заключеніе своей проповѣди, онъ развернулъ передъ княземъ картину страшнаго суда, гдѣ по правую сторону Судіи стояли праведники, а по лѣвую грѣшники. Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: „хорошо тѣмъ, которые стоятъ по правую руку и плохо стоящимъ по лѣвую". „Крестись" замѣтилъ ему грекъ, „ежели хочешь стоять по правую сторону". Владиміръ, рѣшившись перемѣнить вѣру, созвалъ бояръ и старѣйшинъ города. Они посовѣтывали выбрать десять ученыхъ мужей и отправить ихъ извѣдать на мѣстѣ, чья вѣра лучше. Такъ и было сдѣлано. Когда посланные возвратились, то Князь опять собралъ бояръ и старѣйшинъ. Оказалось, что богослуженіе грековъ болѣе всѣхъ другихъ понравилось русскимъ посламъ. „Когда мы были въ храмѣ грековъ при богослуженіи, говорили послы, то не знаемъ— на небѣ или на землѣ находились. И какъ всякій, вкусившій разъ сладкаго не захочетъ горькаго, такъ и мы уже не можемъ остаться послѣ этого при прежней вѣрѣ". При этомъ бояре и старѣйшины сказали Князю, что Греческая вѣра самая лучшая и всѣ они хотятъ ее принять.

Послѣ этого Владиміръ отправился въ походъ на гор. Корсунь (въ Крыму) и осадилъ его. Долго Корсунцы защищались, но, наконецъ, томимые голодомъ и жаждою, сдались. Тогда Князь послалъ сказать греческимъ императорамъ Константину и Василію, что если они не выдадутъ за него сестры своей Анны, то и съ Константинополемъ, гдѣ они жили, будетъ тоже, что и съ Корсунемъ. Испуганные императоры отвѣчали, что они рады-бы выдать, но за язычника вѣра не позволяетъ. Владиміръ велѣлъ объявить, что онъ уже рѣшился креститься, ждетъ только царевны и священниковъ. Тогда императоры уговорили сестру выдти за русскаго князя и она прибыла въ Корсунь. У Владиміра въ это время разболѣлась голова, такъ что онъ не могъ ничего видѣть. Царевна посовѣтывала ему, для излеченія, поскорѣе креститься. Владиміръ крестился и глаза его выздоровѣли. Примѣру Князя послѣдовали многіе изъ дружины его. Вслѣдъ за тѣмъ Владиміръ вступилъ въ бракъ съ царевною и возвратился въ Кіевъ, взявъ съ собою архіереевъ, свя-

щенниковъ, мощи, сосуды церковные и иконы. Корсунь-же возвратилъ императорамъ, въ видѣ выкупа за Царевну.

По возвращеніи въ Кіевъ, Владиміръ прежде всего крестилъ своихъ сыновей и близкихъ людей, потомъ приказалъ истреблять идоловъ, которыхъ рубили и жгли; истукана-же Перуна привязали къ конскому хвосту, били палками и стащили въ рѣку Днѣпръ. Священники, между тѣмъ, ходили по улицамъ и учили народъ вѣрѣ христіанской. Послѣ того было объявлено по городу, чтобы всѣ некрещенные на другой день шли къ рѣкѣ креститься. Когда въ назначенное время Владиміръ вышелъ съ духовенствомъ на Днѣпръ, тутъ уже собралось множество народу: одни стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь; младенцевъ взрослые держали на рукахъ. Священники прочитали молитвы и такимъ образомъ совершилось крещеніе Руси. Это крещеніе было въ 988 году. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ истуканъ Перуна, Владиміръ поставилъ храмъ св. Василія и потомъ въ Кіевѣ построилъ очень много церквей.

Б.

Куликовская битва.

Московскій Князь Димитрій, пользуясь безпорядками, наступившими въ татарской ордѣ, послѣ смерти хана Узбека, рѣшился, наконецъ, поднять противъ нихъ оружіе. На берегахъ рѣки Вожи, въ Рязанской губер., онъ встрѣтилъ отрядъ татаръ, посланный ханомъ Мамаемъ противъ Москвы, и разбилъ его. Вѣсть объ этомъ пораженіи сильно раздражила Мамая. Онъ началъ собирать всѣ свои силы, нанялъ иноземцевъ и хотѣлъ совершенно разорить Русь. „Возьму Русскую землю, говорилъ онъ, разорю христіанскія церкви и велю кланяться своему Богу, Магомету; посажу своихъ правителей по всѣмъ русскимъ городамъ и перебью русскихъ князей“. Но ему не удалось выполнить своихъ угрозъ. По распоряженію Князя Димитрія, всѣ князья (за исключеніемъ Рязанскаго) приготовились къ войнѣ и стали подъ знамена Великаго Князя Московскаго. Составилось огромное

войско, какого прежде не бывало на Руси, болѣе 150000. Передъ выступленіемъ въ походъ, Дмитрій отправился въ Троицкій монастырь, не задолго передъ тѣмъ основанный пустынникомъ Сергіемъ Радонежскимъ. Святой мужъ благословилъ его на войну, далъ ему двухъ иноковъ, по имени Ослабья и Пересвѣта и предсказалъ побѣду. На Куликовскомъ полѣ, при впаденіи Непрядвы въ Донъ, произошла страшная битва, называющаяся Куликовскою по названію того поля, на которомъ она была.

8-го Сентября 1380 г. стоялъ большой туманъ, мѣшавшій расположить уже готовые войска. Наконецъ къ полудню туманъ началъ расходиться. Тогда Димитрій разставилъ полки, спрятавъ часть своего войска въ засаду. Приготовясь къ битвѣ, Великій Князь объѣзжалъ полки свои и обратился къ воинамъ, сказавъ: „умремъ, возлюбленные отцы и братья, за святую вѣру, за святыя церкви и за братій нашихъ“. Въ это время принесли посланіе отъ св. Сергія, въ которомъ онъ ободрялъ Великаго Князя помощію Божіею и Пресвятой Богородицы. Въ полдень начали сходиться враги. Татары спустились съ горы и стали стѣною; не было имъ мѣста развернуть свои полки. Страшно было смотрѣть, какъ два такія огромныя войска шли на кровопролитный бой. Мамай остался на горѣ, чтобы наблюдать за ходомъ битвы. Дмитрій-же былъ въ переднихъ рядахъ. Битва началась поединкомъ богатырей. Изъ среды татарскаго войска выѣхалъ богатырь Телебей и, хвастаясь своею силою и храбростью, сталъ вызывать себѣ соперника. Изъ русскаго войска выѣхалъ Пересвѣтъ въ шлемѣ, накрытомъ монашескимъ одѣяніемъ. Богатыри понеслись на встрѣчу другъ другу и на всемъ скаку ударили себя копьями съ такою силою, что оба упали на землю мертвые. Вслѣдъ за тѣмъ данъ былъ сигналъ и начался бой, какого до сихъ поръ не бывало на Руси. Битва происходила на пространствѣ десяти верстъ; тутъ кровь лилась, какъ вода; отъ труповъ человѣческихъ не было проѣзду. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ татаръ. Пѣшее русское войско падало, какъ скошенное сѣно; подъ Великимъ Княземъ убиты были двѣ лошади, однимъ словомъ, татары начали одолѣвать на всѣхъ пунктахъ. Но въ это время вышло

изъ засады войско подъ начальствомъ двоюроднаго брата Великаго Князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго и ударило на татаръ. Напоръ свѣжихъ войскъ рѣшилъ битву въ пользу русскихъ и Мамай постыдно бѣжалъ. За Куликовскую битву Дмитрій получилъ въ потомствѣ прозваніе Донскаго.

Послѣ этой побѣды, русскіе увидѣли, что могутъ побить татаръ и стали надѣяться на освобожденіе отъ ига татарскаго, что и исполнилось въ 1480 году при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III.

Б.

Взятіе Казани.

Вы послушайте, ребята,
Что мы станемъ говорить;
А мы, старыя старушки,
Будемъ сказывати
Про грозна царя Ивана,
Про Васильевича;
Какъ Царь-Государь
Подъ Казань подступалъ,
Онъ подъ рѣчку, подъ Казанку,
Подкопъ подкопалъ—
Сорокъ бочекъ закопалъ;
Что съ тѣмъ-ли ярымъ зельемъ,
Чернымъ порохомъ,
А на бочки становили
Воску ярова свѣчи.
Злы Татарева по городу
Похаживаютъ,
Похваляются,
Да выхваляются,
Что не быть, дескать, Казанюшкѣ
Подъ бѣлымъ—подъ Царемъ.
А и нашъ Царь-Государь
Распаляется,
Распаляется, погнѣвляется
А на завтра пушкарей

Онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкарчиковъ,
Зажигальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь
Посмѣлѣй всѣхъ былъ:
„А за первое, царь, слово
Мнѣ нѣтъ казни;
За другое, царь, слово
Головы не сними.
А въ тиши то свѣчи,
Онѣ тише горятъ,
На вѣтру то свѣчи—
Онѣ шибче горятъ“.
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Какъ и взорвало стѣну.
Бѣлокаменную;
Поломало всѣ башенки
Узорчатыя.
Вдругъ нашъ Царь-Государь
Очень веселъ сталъ,
А на утро пушкарей
Велитъ жаловати,
И всѣмъ пушкарямъ
По пятидесяти рублей,
Одному пушкарю
Полтораста рублей.

Покореніе Казани Грознымъ Царемъ.

Опустошенія, производимыя Казанскими татарами въ пограничныхъ областяхъ Московскихъ, принудили Іоанна Грознаго рѣшиться покорить Казань. Въ 1552 году Іоаннъ самъ, съ многочисленнымъ войскомъ, двинулся къ Казани и осадилъ ее. Прошло около пяти недѣль отъ начала осады, а Казанцы не сдавались. Тогда рѣшено было идти на приступъ. Подъ стѣны города были сдѣланы подкопы и туда навалены были бочки съ порохомъ. Передъ самымъ приступомъ Царь пошелъ къ обѣднѣ. Когда дьяконъ, оканчивая чтеніе Евангелія, произнесъ: „и будетъ

едино стадо и единъ пастырь“—раздался сильный громъ, такъ что земля поколебалась. Іоаннъ вышелъ на паперть и увидалъ, что часть городской стѣны взорвана; бревна и люди летятъ на воздухъ. Вслѣдъ за тѣмъ когда дьяконъ на эктеніи возгласилъ: „и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“—послѣдовалъ второй взрывъ, еще сильнѣе перваго; множество татаръ вмѣстѣ съ обломками стѣны, снова взлетѣло на воздухъ. Послѣ того русскіе, съ крикомъ: „съ нами Богъ“! пошли на приступъ. Когда русскіе приблизились къ стѣнамъ, то татары сначала открыли сильный огненный бой, потомъ посыпались на насъ стрѣлы подобно дождю, полетѣли камни въ громадномъ количествѣ, а когда подошли къ самымъ стѣнамъ, то стали на русскихъ лить кипятокъ и растопленную смолу, давя бревнами..... Но Богъ помогъ русскимъ. Первый влѣзъ на стѣну по лѣстницѣ Князь Курбскій, а за нимъ и другіе храбрые воины. Татары не могли удержаться на стѣнахъ и бросились на гору къ царскому дворцу, сильно укрѣпленному. Тутъ бились часа съ четыре. Часть русскихъ войскъ, взойдя въ городъ, разсыпалась по улицамъ и предалась грабежу, прельстившись добычею и оставивъ битву. Это замѣтили татары и съ новою силою ударили на русскихъ, заставивъ осаждающихъ отступить. Корыстолюбцы, увидѣвъ это, бросились вонъ изъ города, съ крикомъ: „сѣкутъ, сѣкутъ“! Однакожъ храбрѣйшая часть нашего войска устояла противъ татаръ. Между тѣмъ опытные мужи и совѣтники, окружавшіе царя, повелѣли нести большое знамя къ воротамъ, называемымъ царскими, и, взявъ за узду его коня, самого его поставили близъ знамени. Въ то же время половина царскаго большаго полка, сошедъ съ коней, отправилась въ городъ на подкрѣпленіе сражающихся. Тѣснимые нашими, татары опять отступили къ царскому дворцу и тутъ еще нѣсколько времени отчаянно сопротивлялись. Наконецъ наши войска ворвались на дворъ царскій. Тогда татары вывели своего царя на башню и сказали: „пока наше царство и мѣсто, гдѣ былъ престолъ царскій, стояли, до тѣхъ поръ мы бились на смерть за царя и отечество; теперь отдаемъ Вамъ царя живымъ; ведите его къ своему царю, а сами идемъ на широкое поле испить съ вами

послѣднюю чашу". Выдавъ царя, татары въ числѣ пяти—шести тысячъ самаго отборнаго войска, сошли со стѣнъ и перешли въ бродъ рѣчку Казанку. Въ это время Курбскій со своимъ отрядомъ ударилъ на татаръ и послѣ упорнаго боя обратилъ ихъ въ бѣгство, хотя самъ при этомъ и былъ сильно раненъ. Татары-же, поражаемые нашими войсками, устремились черезъ широкій лугъ къ большому болоту, а потомъ, почти совсѣмъ истребленные, въ дремучій лѣсъ.

Б.

Какъ гуси Римъ спасли. (Исторія).

Въ 390-мъ году до Р. Х. дикіе народы Галлы напали на Римлянъ. Римляне не могли съ ними справиться, и которые убѣжали совсѣмъ вонъ изъ города, а которые заперлись въ Кремлѣ. Кремль этотъ назывался Капитолій. Остались въ городѣ одни сенаторы. Галлы вошли въ городъ, перебили всѣхъ сенаторовъ и сожгли Римъ. Въ серединѣ Рима оставался только Кремль Капитолій, куда не могли добраться Галлы. Галламъ хотѣлось разграбить Капитолій, потому что они знали, что тамъ много богатствъ. Но Капитолій стоялъ на крутой горѣ: съ одной стороны были стѣны и ворота, а съ другой былъ крутой обрывъ. Ночью Галлы украдкою полѣзли изъ подъ обрыва на Капитолій: они поддерживали другъ друга снизу и передавали другъ другу копья и мечи.

Такъ они потихоньку взобрались на обрывъ: ни одна собака не слыхала ихъ.

Они уже полѣзли черезъ стѣну, каки вдругъ гуси почуяли народъ, загоготали и захлопали крыльями. Одинъ римлянинъ проснулся, бросился къ стѣнѣ и сбилъ подъ обрывъ одного Галла. Галлъ упалъ и свалилъ за собою другихъ. Тогда сбѣжались Римляне и стали кидать бревна и каменья подъ обрывъ и перебили много Галловъ. Потомъ пришла помощь къ Риму и Галловъ прогнали.

Съ тѣхъ поръ Римляне въ память этого дня завели у себя праздникъ. Жрецы идутъ наряженные по городу; одинъ изъ нихъ несетъ гуся, а за ними на веревкѣ тащатъ собаку. И народъ подходитъ къ гусю и кланяется ему и жрецу; для гусей даютъ дары, а собаку бьютъ палками до тѣхъ поръ, пока она не издохнетъ.

Чижъ и голубь.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня.
Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался;
А голубь молодой, надъ нимъ-же издѣвался.
„Не стыдноль“, говоритъ: „средь бѣла дня попался,
Не провели-бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло“.
Анъ смотришь: тутъ-же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся голубокъ.

Крыловъ.

Праведный Судья. (Сказка).

Одинъ Алжирскій царь Бауакасъ захотѣлъ самъ узнать,—правду-ли ему говорили, что въ одномъ изъ городовъ есть праведный судья, что онъ сразу узнаетъ правду и что отъ него ни одинъ плутъ не можетъ укрыться. Бауакасъ переодѣлся въ купца и поѣхалъ верхомъ на лошади въ тотъ городъ, гдѣ жилъ судья. У въѣзда въ городъ къ Бауакасу подошелъ калѣка—сталъ просить милостыню. Бауакасъ подалъ ему и хотѣлъ ѣхать дальше, но калѣка уцѣпился ему за платье. „Что тебѣ нужно“? спросилъ Бауакасъ: развѣ я не далъ тебѣ милостыню? „Милостыню ты далъ“, сказалъ калѣка, „но еще сдѣлай милость, довези на твоей лошади до площади, а то лошади и верблюды какъ-бы не раздавили меня“. Бауакасъ посадилъ калѣку сзади себя и довезъ его до площади. На площади Бауакасъ остановилъ лошадь. Но

нищій не слѣзалъ. Бауакасъ сказалъ: „чтожь сидишь, слѣзай, мы пріѣхали“. А нищій сказалъ: „зачѣмъ слѣзать,—лошадь моя; а не хочешь добромъ отдать лошадь, пойдемъ къ судьѣ“. Народъ собрался вокругъ нихъ и слушалъ, какъ они спорили; всѣ закричали: „ступайте къ судьѣ, онъ васъ разсудитъ“.

Бауакасъ съ калѣкою пошли къ судьѣ. Въ судѣ былъ народъ, и судья вызывалъ по очереди тѣхъ, кого судилъ. Прежде чѣмъ очередь дошла до Бауакаса, судья вызвалъ ученаго и мужика, они судились за жену. Мужикъ говорилъ, что это его жена, а ученый говорилъ, что его жена. Судья выслушалъ ихъ, помолчалъ и сказалъ: „оставьте женщину у меня, а сами приходите завтра“.

Когда эти ушли, вошли мясникъ и масленникъ. Мясникъ былъ весь въ крови, а масленникъ въ маслѣ. Мясникъ держалъ въ рукѣ деньги, масленникъ руку мясника. Мясникъ сказалъ: „я купилъ у этого человѣка масло и вынулъ кошелекъ, чтобы расплатиться, а онъ схватилъ меня за руку и хотѣлъ отнять деньги. Такъ мы и пришли къ тебѣ,—я держу въ рукѣ кошелекъ; а онъ держитъ меня за руку. Но деньги мои, а онъ—воръ“.

А масленникъ сказалъ: „это неправда. Мясникъ пришелъ ко мнѣ покупать масло. Когда я налилъ ему полный кувшинъ онъ просилъ меня размѣнять ему золотой. Я досталъ деньги и положилъ ихъ на лавку, а онъ взялъ ихъ и хотѣлъ бѣжать. Я поймалъ его за руку и привелъ сюда“.

Судья помолчалъ и сказалъ: „оставьте деньги у меня и приходите завтра“.

Когда очередь дошла до Бауакаса и до калѣки, Бауакасъ разсказалъ, какъ было дѣло. Судья выслушалъ его и спросилъ нищаго. Нищій сказалъ: „это все неправда. Я ѣхалъ верхомъ черезъ городъ, а онъ сидѣлъ на землѣ и просилъ меня подвезти его. Я посадилъ его на лошадь и довезъ, куда ему нужно было; но онъ не хотѣлъ слѣзать и сказалъ, что лошадь его. Это неправда“.

Судья подумалъ и сказалъ: „оставьте лошадь у меня и приходите завтра“.

На другой день собралось много народу слушать, какъ разсудитъ судья.

Первые подошли ученый и мужикъ.

„Возьми свою жену“ сказалъ судья ученому, „а мужику дать 50 палокъ“. Ученый взялъ свою жену, а мужика тутъ же наказали.

Потомъ судья вызвалъ мясника.

„Деньги твои“, сказалъ онъ мяснику; потомъ онъ указалъ на масленника и сказалъ: „а ему дать 50 палокъ“.

Тогда позвали Бауакаса и калѣку.

„Узнаешь ты свою лошадь изъ двадцати другихъ“? спросилъ судья Бауакаса.

— „Узнаю“.

— „А ты“?

— „И я узнаю“, сказалъ калѣка.

— „Иди за мною“, сказалъ судья Бауакасу. Они пошли въ конюшню. Бауакасъ сейчасъ же промежъ двадцати другихъ лошадей показалъ свою. Потомъ судья вызвалъ калѣку въ конюшню и тоже велѣлъ ему указать на лошадь. Калѣка призналъ лошадь и показалъ ее. Тогда судья сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ Бауакасу.

— „Лошадь твоя; возьми ее. А калѣкѣ дать 50 палокъ“.

Послѣ суда судья пошелъ домой, а Бауакасъ пошелъ за нимъ.

— „Что-же ты, или недоволенъ моимъ рѣшеніемъ“? спросилъ судья.

— „Нѣтъ, я доволенъ“, сказалъ Бауакасъ.

„Только хотѣлось-бы мнѣ знать—почему ты узналъ, что жена была ученаго, а не мужика, что деньги были мясниковы, а не масленникова, и что лошадь была моя, а не нищаго“?

— „Про женщину я узналъ вотъ какъ: позвалъ ее утромъ къ себѣ и сказалъ ей: налей чернила въ мою чернильницу. Она взяла чернильницу, вымыла ее скоро и ловко и налила чернила. Стало быть она привыкла это дѣлать. Будь она жена мужика, она не съумѣла-бы этого сдѣлать. Выходитъ, что ученый былъ правъ. Про деньги я узналъ вотъ какъ: положилъ я деньги въ чашку

съ водой и сегодня утромъ посмотрѣлъ—всплыло-ли на водѣ масло. Если-бы деньги были масленниковы, то онѣ были-бы запачканы его масляными руками. На водѣ масла не было, стало быть мясникъ говоритъ правду".

„Про лошадь узнать было труднѣе. Калѣка также, какъ и ты, изъ двадцати лошадей сейчасъ указалъ на лошадь. Да я не для того приводилъ васъ обоихъ въ конюшню, чтобы видѣть, узнаете-ли вы лошадь, а для того, чтобы видѣть—кого изъ васъ двоихъ узнаетъ лошадь. Когда ты подошелъ къ ней, она обернула голову, потянулась къ тебѣ; а когда калѣка тронулъ ее, она прижала уши и подняла ногу. По этому я узналъ, что ты настоящій хозяинъ лошади".

Тогда Бауакасъ сказалъ:

— „Я не купецъ, а царь Бауакасъ. Я пріѣхалъ сюда, чтобы видѣть—правда-ли то, что говорятъ про тебя. Я вижу теперь, что ты мудрый судья. Проси у меня чего хочешь, я награжу тебя".

Судья сказалъ: „Мнѣ не нужно награды; я счастливъ уже тѣмъ, что царь мой похвалилъ меня".

Старикъ и смерть. (Басня).

Старикъ разъ нарубилъ дровъ и понесъ. Нести было далеко; онъ измучился, сложилъ вязанку и говоритъ: „Эхъ, хоть-бы смерть пришла!" Смерть пришла и говоритъ: „вотъ я, чего тебѣ надо?" Старикъ испугался и говоритъ: „мнѣ вязанку поднять".

Булька.

У меня была мордашка. Ее звали Булькой. Она была вся черная, только кончики переднихъ лапъ были бѣлые.

У всѣхъ мордашекъ нижняя челюсть длиннѣе верхней и верхніе зубы заходятъ за нижніе; но у Бульки нижняя челюсть такъ выдавалась впередъ, что палецъ можно было

заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Булькн было широкое; глаза большіе, черные и блестящіе, а зубы и клыки бѣлые всегда торчали наружу. Онъ былъ похожъ на арапа. Булька былъ смирный и не кусался, но онъ былъ очень силенъ и цѣпокъ.

Когда онъ бывало уцѣпится за что нибудь, то стиснетъ зубы и повиснетъ, какъ тряпка, и его, какъ клещука, нельзя никакъ оторвать.

Одинъ разъ его пускали на медвѣдя и онъ вцѣпился медвѣдю въ ухо и повисъ, какъ тряпка. Медвѣдь билъ его лапами, прижималъ къ себѣ, кидалъ изъ стороны въ сторону, но не могъ оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тѣхъ поръ на немъ держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взялъ его щенкомъ и самъ выкормилъ. Когда я ѣхалъ служить на Кавказъ, я не хотѣлъ брать его и ушелъ отъ него потихоньку, а его велѣлъ запереть. На первой станціи я хотѣлъ уже садиться на другую перекладную, какъ вдругъ увидалъ, что по дорогѣ катится что-то черное и блестящее. Это былъ Булька въ своемъ мѣдномъ ошейникѣ. Онъ летѣлъ во весь духъ къ станціи. Онъ бросился ко мнѣ, лизнулъ мою руку и растянулся въ тѣни подъ телѣгой. Языкъ его высунулся на цѣлую ладонь. Онъ то втягивалъ его назадъ, глотая слюни, то опять высовывалъ на цѣлую ладонь. Онъ торопился, не поспѣвалъ дышать, бока его такъ и прыгали. Онъ поворачивался съ боку на бокъ и постукивалъ хвостомъ о землю.

Я узналъ потомъ, что онъ послѣ меня пробилъ раму и выскочилъ изъ окна, и прямо, по моему слѣду поскакалъ по дорогѣ и проскакалъ такъ верстъ 20-ть въ самый жаръ.

Прохожіе и собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой,
И дѣльный разговоръ вели между собой;
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняшка тявкнула на нихъ;

За ней другая, тамъ еще двѣ,—три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ, было, уже прохожій камень взялъ.
„И полно братецъ!“ тутъ другой ему сказалъ:
„Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю“.
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали по малу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

—

Завистники, на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ.

Крыловъ.

Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. (Быль).

Въ городѣ Владимірѣ жилъ молодой купецъ Аксеновъ. У него были двѣ лавки и домъ.

Изъ себя Аксеновъ былъ русый, кудрявый, красивый и первый весельчакъ и пѣсенникъ. Съ молоду Аксеновъ много пилъ и когда напивался—буянилъ, но съ тѣхъ поръ какъ женился, онъ бросилъ пить, и только изрѣдка случалось это съ нимъ.

Разъ лѣтомъ Аксеновъ поѣхалъ въ Нижній на ярмарку. Когда онъ сталъ прощаться съ семьей, жена сказала ему:

— Иванъ Дмитріевичъ, не ѣзди ты нынче, я про тебя дурно во снѣ видѣла.

Аксеновъ посмѣялся и сказалъ:

— Ты все боишься, какъ-бы не загулялъ я на ярмаркѣ?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а такъ дурно видѣла,—видѣла, будто ты приходишь изъ города, снялъ шапку, а я гляжу: голова у тебя вся сѣдая.

Аксёновъ засмѣялся.

— Ну, это къ прибыли. Смотри,—какъ расторгуюсь, дорогихъ гостинцевъ привезу.

И онъ простился съ семьей и уѣхалъ.

На половинѣ дороги съѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Они напились чаю вмѣстѣ и легли спать въ двухъ комнатахъ рядомъ. Аксеновъ не любилъ долго спать; онъ проснулся среди ночи и, чтобы легче холодкомъ было ѣхать, разбудилъ ямщика и велѣлъ запрягать. Потомъ вышелъ въ черную избу, расчелся съ хозяиномъ и уѣхалъ.

Отъѣхавши верстъ сорокъ, онъ опять остановился кормить, отдохнулъ въ сѣняхъ на постояломъ дворѣ, и въ обѣдъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ поставить самоваръ; досталъ гитару и сталъ играть. Вдругъ ко двору подъѣзжаетъ тройка съ колокольчикомъ, и изъ повозки выходитъ чиновникъ съ двумя солдатами, подходитъ къ Аксенову и спрашиваетъ: кто? откуда? Аксеновъ все разсказываетъ, какъ есть, и проситъ: не угодно-ли чайку вмѣстѣ выпить? Только чиновникъ все пристаетъ съ разспросами; „Гдѣ ночевалъ прошлую ночь? одинъ или съ купцомъ? Видѣлъ-ли купца по утру? Зачѣмъ рано уѣхалъ со двора?—Аксеновъ удивился, зачѣмъ его обо всемъ спрашиваетъ: все разсказалъ, какъ было, да и говоритъ: „что-же вы меня такъ выспрашиваете? Я не воръ и не разбойникъ какой нибудь. Ѣду по своему дѣлу, и нечего меня спрашивать“.

Тогда чиновникъ кликнулъ солдатъ и сказалъ:

— Я исправникъ и спрашиваю тебя за тѣмъ, что купецъ, съ которымъ ты ночевалъ прошлую ночь, зарѣзанъ. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Вошли въ избу, взяли чемоданъ и мѣшокъ и стали развязывать и искать. Вдругъ исправникъ вынулъ изъ мѣшка ножикъ и закричалъ:

— Это чей ножикъ?

Аксеновъ поглядѣлъ, видитъ—ножикъ въ крови изъ его мѣшка достали, испугался.

— А отъ чего кровь на ножѣ?

Аксеновъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ выговорить слова.

— Я.... я не знаю.... я.... ножъ.... я.... не мой....

Тогда исправникъ сказалъ:

— По утру купца нашли зарѣзаннымъ на постели. Кромѣ тебя некому было это сдѣлать. Изба была заперта изнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя въ мѣшкѣ, да и по лицу видно. Говори, какъ ты убилъ его и сколько ты ограбилъ денегъ?

Аксеновъ божился, что не онъ это сдѣлалъ, что не видалъ купца послѣ того, какъ пилъ чай съ нимъ, что деньги у него свои 8.000, что ножикъ не его. Но голосъ у него обрывался, лицо было блѣдно, и онъ весь трясся отъ страха, какъ виноватый.

Исправникъ позвалъ солдатъ, велѣлъ связать и вести его на телѣгу. Когда его съ связанными ногами взвалили на телѣгу, Аксеновъ перекрестился и заплакалъ. У Аксенова отобрали вещи и деньги, отослали его въ ближайшій городъ, въ острогъ. Послали во Владиміръ узнать, какой человѣкъ былъ Аксеновъ, и всѣ купцы и жители Владимірскіе показали, что Аксеновъ съ молоду пилъ и гулялъ, но былъ человѣкъ хорошій. Тогда его стали судить. Судили его за то, что онъ убилъ Рязанскаго купца и укралъ 20.000 денегъ.

Жена убивалась о мужѣ и не знала, что дѣлать. Дѣти ея еще всѣ были малы, а одинъ былъ у груди. Она забрала всѣхъ съ собою и поѣхала въ тотъ городъ, гдѣ ея мужъ содержался въ острогѣ. Сначала ее не пускали, но потомъ она упросила начальниковъ, и ее привели къ мужу. Когда она увидала его въ острожномъ платьѣ, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ разбойниками,—она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потомъ она поставила дѣтей вокругъ себя, сѣла съ нимъ рядышкомъ и стала сказывать ему про домашнія дѣла и спрашивать его про все, что съ нимъ случилось. Онъ все разсказалъ ей.

Она сказала:

— Какъ-же быть теперь?

Онъ сказалъ:

— Надо просить Царя. Нельзя-же невиновному погибать! Жена сказала, что она уже подавала прошеніе Царю, но что прошеніе не дошло. Аксеновъ ничего не сказалъ и только потупился. Тогда жена сказала:

— Не даромъ тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужъ и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить-бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волоса и сказала:

—Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду: не ты сдѣлалъ это?

Аксеновъ сказалъ: „и ты подумала на меня!“ закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришелъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо уходить. И Аксеновъ въ послѣдній разъ простился съ семьей.

Когда жена ушла, Аксеновъ сталъ вспоминать, что говорили. Когда онъ вспомнилъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ-ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: „видно, кромѣ Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо просить и отъ Него только ждать милости“. И съ тѣхъ поръ Аксеновъ пересталъ подавать прошенія, пересталъ надѣяться и только молился Богу.

Аксенова присудили наказать кнутомъ и сослать въ каторжныя работы. Такъ и сдѣлали.

Его высѣкли кнутомъ и потомъ, когда отъ кнута раны зажили, его погнали съ другими каторжниками въ Сибирь.

Въ Сибири, на каторгѣ Аксеновъ жилъ 26 лѣтъ. Волоса его на головѣ стали бѣлые, какъ снѣгъ, и борода отросла длинная, узкая и сѣдая. Вся веселость его пропала. Онъ сгорбился, сталъ ходить тихо, говорилъ мало, никогда не смѣялся и часто молился Богу.

Въ острогѣ Аксеновъ выучился шить сапоги и на заработанныя деньги купилъ Четьи-Минеи и читалъ ихъ, когда былъ свѣтъ въ острогѣ; а по праздникамъ ходилъ въ острожную церковь и читалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ,—голосъ у него все еще былъ хорошъ. Начальство любило Аксенова за его смиренство, а товарищи острожные почитали его и называли „дѣдушкой“ и „божьимъ человѣкомъ“. Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксенова посылали просить начальство, и когда промежъ каторжныхъ были ссоры, то они всегда къ Аксенову приходили судиться.

Изъ дому никто не писалъ писемъ Аксенову, и онъ не зналъ, живы-ли его жена и дѣти.

Привели разъ на каторгу новыхъ колодниковъ. Вечеромъ всѣ старые колодники собрались вокругъ новыхъ и стали ихъ разспрашивать, кто изъ какого города или деревни и за какія дѣла. Аксеновъ тоже подсѣлъ на нары подлѣ новыхъ и, потупившись, слушалъ, кто что разсказывалъ. Одинъ изъ новыхъ колодниковъ былъ высокій, здоровый старикъ лѣтъ 60-ти, съ сѣдой стриженой бородой. Онъ разсказывалъ, за что его взяли. Онъ говорилъ:

— Такъ, братцы, ни за что сюда попалъ. У ямщика лошадь отвязалъ отъ саней. Поймали, говорятъ: укралъ. А я говорю: я только доѣхать скорѣй хотѣлъ,—я лошадь пустилъ. Да и ямщикъ мнѣ пріятель. Порядокъ, я говорю. Нѣтъ, говорятъ, укралъ. А того не знаютъ, что и гдѣ укралъ. Были дѣла, давно-бы слѣдовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врешь,—былъ въ Сибири, да не долго гащивалъ...

А ты откуда будешь? спросилъ одинъ изъ колодниковъ.

— А мы изъ города Владиміра, тамошніе мѣщане. Звать Макаромъ, а величаютъ Семеновичемъ.

Аксеновъ поднялъ голову и спросилъ:

— А что, не слыхалъ-ли, Семенычъ, во Владимірѣ городѣ про Аксеновыхъ купцовъ? Живы-ли?

— Какъ не слыхать! Богатые купцы—даромъ что отецъ въ Сибири. Такой-же, видно, какъ и мы грѣшные. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла?

Аксеновъ не любилъ говорить про свое несчастье: онъ вздохнулъ и сказалъ:

— По грѣхамъ своимъ 26-й годъ нахожусь въ каторжной работѣ.

Макаръ Семеновъ сказалъ:

— А по какимъ-же такимъ грѣхамъ? Аксеновъ сказалъ: „стало быть стоилъ того“, и не хотѣлъ больше разсказывать, но другіе острожные товарищи разсказали

новому, какъ Аксеновъ попалъ въ Сибирь. Они разсказали, какъ на дорогѣ кто-то убилъ купца и подсунулъ Аксенову ножикъ, и какъ за это его понапрасну засудили.

Когда Макаръ Семеновъ услыхалъ это, онъ взглянулъ на Аксенова, хлопнулъ себя руками по колѣнамъ и сказалъ:

— Ну чудо! Вотъ чудо-то! Постарѣлъ-же ты, дѣдушка!

Его стали спрашивать, чему онъ удивлялся, и гдѣ онъ видѣлъ Аксенова; но Макаръ Семеновъ не отвѣчалъ, онъ только сказалъ:

— Чудеса, ребята,—гдѣ свидѣться пришлось!

И съ этихъ словъ пришло Аксенову въ мысли, что не знаетъ-ли этотъ человѣкъ про то, кто убилъ купца? Онъ сказалъ:

— Или ты слыхалъ, Семенычъ, прежде про это дѣло, или видалъ меня прежде?

— Какъ не слыхать! Земля слухомъ полнится. Да давно ужъ дѣло было: что и слыхалъ, то забылъ, сказалъ Макаръ Семеновъ.

— Можетъ слыхалъ, кто купца убилъ? спросилъ Аксеновъ. Макаръ Семеновъ засмѣялся и сказалъ:

— Да видно тотъ убилъ, у кого ножикъ въ мѣшкѣ нашелся. Если кто и подсунулъ тебѣ ножикъ, не поймавъ—не воръ. Да и какже тебѣ ножикъ въ мѣшокъ сунуть? Вѣдь онъ у тебя въ головахъ стоялъ? Ты бы услыхалъ.

Какъ только Аксеновъ услыхалъ эти слова, онъ подумалъ, что этотъ самый человѣкъ убилъ купца. Онъ всталъ и отошелъ прочь. Всю эту ночь Аксеновъ не могъ заснуть. Нашла на него скука и стало ему представляться: то представлялась ему его жена, такою, какою она была, когда провожала его въ послѣдній разъ на ярмарку. Такъ и видѣлъ онъ ее, какъ живую, и видѣлъ ея лицо и глаза, и слышалъ, какъ она говорила ему и смѣялась. Потомъ представлялись ему дѣти, такія, какія они были тогда—маленькія, одинъ въ шубкѣ, другой у груди. И себя онъ вспоминалъ, какимъ онъ былъ тогда—веселымъ, молодымъ; вспоминалъ, какъ онъ сидѣлъ на крылечкѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ его взяли и игралъ

на гитарѣ,—и какъ у него на душѣ весело было тогда. И вспомнилъ лобное мѣсто, гдѣ его сѣкли, и палача, и народъ кругомъ, и цѣпи, и колодниковъ, и всю 26-ти лѣтнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнилъ. И такая скука нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить.

— И все отъ того злодѣя!... думалъ Аксеновъ.

И на него нашла такая злость на Макара Семенова, что хоть самому пропасть, а хотѣлось отмстить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но не могъ успокоиться. Днемъ онъ не подходилъ къ Макару Семенову и не смотрѣлъ на него.

Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксеновъ не могъ спать, и на него находила такая скука, что онъ не зналъ, куда дѣваться.

Одинъ разъ, ночью, онъ пошелъ по острогу и увидалъ, что изъ подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился посмотрѣть. Вдругъ Макаръ Семеновъ выскочилъ изъ подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ на Аксенова. Аксеновъ хотѣлъ пройти, чтобъ не видѣть его: но Макаръ ухватилъ его за руку и разсказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ подъ стѣнами, и какъ онъ землю каждый день выноситъ въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу. Онъ сказалъ:

— Только молчи, старикъ—я и тебя выведу. А если скажешь,—меня засѣкутъ; да и тебѣ не спущу—убью.

Когда Аксеновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости, выдернулъ руку и сказалъ:

— Выходить мнѣ не за чѣмъ и убивать меня нечего,—ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду или нѣтъ,—какъ Богъ на душу положитъ.

На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семеновъ высыпалъ землю, стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ пріѣхалъ и сталъ всѣхъ допрашивать: кто выкопалъ дыру? Всѣ отпирались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семенова, потому что знали, что за это дѣло его засѣкутъ до полусмерти. Тогда начальникъ

обратился къ Аксенову. Онъ зналъ, что Аксеновъ справедливый человѣкъ и сказалъ:

— Старикъ, ты правдивъ; скажи мнѣ передъ Богомъ, кто это сдѣлалъ?

Макаръ Семеновъ стоялъ какъ ни въ чемъ не бывало и смотрѣлъ на начальника и не оглядывался на Аксенова. У Аксенова тряслись руки и губы, и онъ долго не могъ слова выговорить. Онъ думалъ: „Если скрыть его, за что-же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай поплатится за мое мученье. А сказать на него, точно—его засѣкутъ. А что какъ я понапрасну на него, думаю? Да и что-жъ мнѣ легче развѣ будетъ?“

Начальникъ еще разъ сказалъ: „ну что-же старикъ, говори правду: кто подкопался?“

Аксеновъ поглядѣлъ на Макара Семенова и сказалъ:

— Я не видалъ и не знаю.

Такъ и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксеновъ легъ на свою нару и чуть задремалъ, онъ услыхалъ, что кто-то подошелъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара.

Аксеновъ сказалъ:

— Что тебѣ еще отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь?

Макаръ Семеновъ молчалъ. Аксеновъ приподнялся и сказалъ:

— Что надо? Уйди! А то я солдатъ кликну.

Макаръ Семеновъ нагнулся близко къ Аксенову и шопотомъ сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня!

Аксеновъ сказалъ: „за что тебя прощать!“

— Я купца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунулъ. Я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли: я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окно.

— Аксеновъ молчалъ и не зналъ, что сказать.

Макаръ Семеновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня, прости ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убилъ:—тебя простятъ. Ты домой вернешься.

Аксеновъ сказалъ:

— Тебѣ говорить легко, а мнѣ теперь каково! Куда я пойду теперь? Жена померла, дѣти забыли; мнѣ ходить некуда...

Макаръ Семеновъ не вставалъ съ полу, бился головой о землю и говорилъ:

— „Иванъ Дмитричъ, прости! Когда меня кнутомъ сѣкли, мнѣ легче было, чѣмъ теперь на тебя смотрѣть... А ты еще пожалѣлъ меня—не сказалъ на допросѣ. Прости меня, ради Христа! Прости ты меня, злодѣя окаяннаго"!—и онъ зарыдалъ.

Когда Аксеновъ услыхалъ, что Макаръ Семеновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ:

— „Богъ проститъ тебя; можетъ быть я во сто разъ хуже тебя!" И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ: и никуда не ходилъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ.

Макаръ Семеновъ не послушался Аксенова и объявился виноватымъ. Когда вышло Аксенову разрѣшеніе вернуться,—Аксеновъ уже умеръ.

Л. Н. Толстой.

Обозъ.

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая,
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ:
„Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите, лѣпится какъ ракъ,

Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень; косо! криво!
Смѣлѣе! вотъ толчокъ опять.
А тутъ-бы влѣво лишь принять,
Какой оселъ! Добро-бы было въ гору,
Или въ ночную пору;
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду-бы таскалъ, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья!
Гляди-ко насъ, какъ мы махнемъ!
Не бойсь—минуты не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ".
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ въ путь;
Не только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась,
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ,
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ, пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ—бухъ въ канаву!
Прощай хозяйскіе горшки!

—

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же:
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

Крыловъ.

Зайцы и лягушки. (Басня).

Сошлись разъ зайцы и стали плакаться на свою жизнь: „И отъ людей, и отъ собакъ, и отъ орловъ, и отъ прочихъ звѣрей погибаемъ. Ужъ лучше разъ умереть, чѣмъ въ страхѣ жить и мучиться. Давайте утопимся!"

И поскакали зайцы въ озеро топиться. Лягушки услыхали зайцевъ и забултыхали въ воду. Одинъ заяцъ и говоритъ:

„Стойте, ребята! Подождемъ топиться; вотъ лягушечье житье, видно, еще хуже нашего: они и насъ боятся“.

Л. Н. Толстой.

Волкъ и Котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, а животъ спасая;
За шкуру онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.
Онъ радъ-бы въ первыя тутъ шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ.
Вотъ видитъ Волкъ мой на заборѣ
Кота
И молитъ: „Васенька мой другъ! скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе,
Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ!
Все это вѣдь за мной“. „Проси скорѣй Степана;
Мужикъ предобрый онъ“. Котъ-Васька говоритъ.
„То такъ; да у него я ободралъ барана“.
„Ну попытайся-жь у Демьяна“.
— „Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унесъ козленка“.
„Бѣги-жь, вонъ тамъ живетъ Трофимъ“.
„Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за ягненка!“
„Ну плохо-жь! Но авось тебя укроетъ Климъ!“
— „Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!“
— „Что вижу, кумъ! Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ!“
Сказалъ тутъ Васька Волку.
„Какую-жь ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не такъ ужь мало толку,

Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы,—самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни".

Крыловъ.

Петръ I и мужикъ. (Быль).

Наѣхалъ Царь Петръ на мужика въ лѣсу. Мужикъ дрова рубитъ.

Царь говоритъ: „Божья помощь, мужикъ!"

Мужикъ и говоритъ: „и то мнѣ нужна Божья помощь".

Царь спрашиваетъ: „а велика-ли у тебя семья?"

— У меня семьи два сына да двѣ дочери.

— Ну не велико твое семейство. Куда-жъ ты деньги кладешь?

А я деньги на три части кладу: во первыхъ долгъ плачу, въ другихъ - въ долгъ даю, въ третьихъ въ воду мечу.

Царь подумалъ и не знаетъ, что это значитъ, что старикъ и долгъ платитъ, и въ долгъ даетъ и въ воду мечетъ.

А старикъ говоритъ: „долгъ плачу—отца мать кормлю; въ долгъ даю—сыновей кормлю; а въ воду мечу—дочерей рощу".

Царь и говоритъ: „умная твоя голова, старичекъ. Теперь выведи изъ лѣсу въ поле: я дороги не найду". Мужикъ говоритъ: „найдешь и самъ дорогу: иди прямо, потомъ сверни вправо, а потомъ влѣво, потомъ опять вправо".

Царь и говоритъ: „я этой грамоты не понимаю, ты сведи меня".

— Мнѣ, сударь, водить некогда: намъ въ крестьянствѣ день дорого стоитъ.

— Ну дорого стоитъ, такь я заплачу.

— А заплатишь,—пойдемъ.

Сѣли на одноколку, поѣхали.

Сталъ дорогою Царь мужика спрашивать: „далече-ли ты, мужичекъ, бывалъ?"

— Кое-гдѣ бывалъ.

— А видѣлъ-ли Царя?

— Царя не видалъ, а надо-бъ посмотрѣть.

— „Такъ вотъ, какъ выѣдемъ въ поле,—и увидишь Царя.“

— А какъ я его узнаю?

— Всѣ безъ шапокъ будутъ; - одинъ Царь въ шапкѣ.

Вотъ пріѣхали они въ поле. Увидалъ народъ Царя — всѣ поснимали шапки. Мужикъ пялитъ глаза, а не видитъ Царя.

Вотъ онъ и спрашиваетъ: „а гдѣ же Царь?“

Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: „видишь, только мы двое въ шапкахъ—кто нибудь изъ насъ да Царь“.

Л. Н. Толстаго.

Волкъ и Лисица.

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ,
Мы это басней пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

—

Лиса, курятинки накушавшись до сыта
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ,—а въ гости къ ней голодный волкъ тащится.
„Что, кумушка, бѣда!“ онъ говоритъ:
„Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться!“
„Неужли?“—„Право такъ“.—Бѣдняжка куманекъ!
Да неизволишь-ли сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ:
Я куму услужить готова“.
А куму не сѣнца, хотѣлось-бы мяснаго.
Да про запасъ Лиса ни слова.
И сѣрый рыцарь мой,
Обласканъ по уши кумой
Пошелъ безъ ужина домой!

Крыловъ.

Отчего бываетъ вѣтеръ? (Разсужденіе).

Рыбы живутъ въ водѣ, а люди въ воздухѣ. Рыбамъ не слышно и не видно воды, пока сами рыбы не шевелятся, или пока вода не шевелится. И намъ также не слышно воздуха, пока мы не шевелимся, или воздухъ не шевелится.

Но какъ только мы побѣжимъ, мы слышимъ воздухъ—намъ дуетъ въ лицо; а тогда слышно, когда мы бѣжимъ, какъ воздухъ въ ушахъ свиститъ. Когда-же отворимъ дверь въ теплую горницу, то всегда будетъ идти вѣтеръ низомъ со двора въ горницу, а верхомъ дуетъ изъ горницы на дворъ.

Когда кто-нибудь ходитъ по комнатѣ или махаетъ платьемъ, то мы говоримъ: „онъ вѣтеръ дѣлаетъ“, а когда топятъ печку, всегда въ нее дуетъ вѣтеръ. Когда на дворѣ дуетъ вѣтеръ, то онъ дуетъ цѣлые дни и ночи, иногда въ одну сторону, а иногда въ другую. Это бываетъ оттого, что гдѣ нибудь на землѣ воздухъ очень разогрѣется, а въ другомъ мѣстѣ остынетъ,—тогда и начинается вѣтеръ, и низомъ идетъ холодный духъ, а верхомъ теплый, такъ-же какъ съ надворья въ избу. И до тѣхъ поръ дуетъ, пока не согрѣется тамъ, гдѣ было холодно, и не остынетъ тамъ, гдѣ было жарко.

Л. Н. Толстаго.

Двѣ бочки.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая – пустая.
Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется;
Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страха жмется,
Ее заслышавши издалека,
Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой велика.

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто истинно дѣлецъ—тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ, вишь, громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Крыловъ.

Тепло.

Отчего на чугунку кладутъ рельсы такъ, чтобы концы не сходились съ концами?

Оттого, что зимой желѣзо отъ холода сжимается, а лѣтомъ отъ жару растягивается. Если-бы зимой вплотную сомкнуть рельсы концы съ концами, они-бы лѣтомъ растянулись, уперлись-бы другъ въ друга и поднялись.

Отъ жару все раздается, отъ холода все сжимается. Если винтъ не входитъ въ гайку, то надо погрѣть гайку и винтъ войдетъ. А если винтъ слабъ, то нагрѣть винтъ и онъ будетъ тугъ.

Отчего стаканъ лопается, если нальешь въ него кипятокъ?

Оттого, что мѣсто, гдѣ кипятокъ, разогрѣвается, растягивается; а то мѣсто, гдѣ нѣтъ кипятка, остается по прежнему: внизу тянетъ стаканъ врозь, а вверху не пускаетъ, и онъ лопается.

Отчего, когда въ оттепель идетъ снѣгъ, онъ таетъ на рукѣ, а на шубѣ остается?

Оттого, что тепло лица и руки переходитъ въ снѣгъ и распускаетъ его; отъ этого, то мѣсто лица, гдѣ растаялъ снѣгъ, дѣлается холодно.

Отчего, если подержать жестяную кружку съ холодной водой въ ладоняхъ, вода согрѣется, а ладони охолодѣютъ?

Оттого, что тепло перейдетъ въ жесть, а потомъ въ воду.

Если держать кружку рукавицами, отчего она не скоро согрѣвается?

Оттого, что рукавицы не позволяютъ теплу изъ руки перейти въ воду, а жесть тогда не пропускаетъ тепло изъ рукъ въ воду. Желѣзо и жесть пропускаютъ тепло и холодъ, а шуба и дерево не пропускаютъ. Отъ этого желѣзо, жесть, мѣдь и всякій металлъ разогрѣваются на солнцѣ сильнѣе дерева, шерсти, бумаги и скорѣе остываютъ. Отъ этого-то въ холода одѣваются въ мѣха, шерсть и во все, что не пропускаетъ тепла.

Для чего закрываютъ квашню шубой, а не заслонкой?

Для того, что шуба не пропуститъ тепла, и хлѣбы (квашни) не остынутъ, а заслонка пропуститъ тепло наружу и хлѣбы остынутъ.

Отчего подъ щепой и соломой снѣгъ не таетъ, а лежитъ до Петровокъ?

Отчего ледъ лучше держится въ погребахъ подъ соломенной крышей?

Отчего, когда хотятъ высушить доски, то кладутъ ихъ подъ желѣзную, а не подъ соломенную крышу?

Для чего на покосѣ и жнитвѣ мужики, чтобы не согрѣлась вода,—обертываютъ кувшины полотенцемъ?

Отчего, когда вѣтрено безъ мороза, то зябнешь больше, чѣмъ въ морозъ безъ вѣтра?

Оттого, что тепло изъ тѣла переходитъ въ всздухъ, и если тихо, то воздухъ вокругъ тѣла нагрѣвается и стоитъ теплый. Но когда дуетъ вѣтеръ, онъ уноситъ нагрѣтый воздухъ и приноситъ холодный. Опять изъ тѣла выходитъ тепло и нагрѣваетъ воздухъ вокругъ него, и опять вѣтеръ относитъ теплый воздухъ. Когда выйдетъ много тепла изъ тѣла, тогда и зябнешь. Отчего, когда горячъ чай въ чашкѣ, на него дуютъ?

Л. Н. Толстаго.

Вечеръ.

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада.
Длинный день покончилъ рядъ заботъ:
По дворамъ давно загнали стадо,
И косцы вернулися съ работъ.

Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ.
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...
Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ широкія слились.
Встрѣтить ночь готовится природа—
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ, и будто шевелится,
И растетъ, и шепчется трава.

Аксакова.

Цапля, рыбы и ракъ. (Басня).

Жила цапля у пруда и состарѣлась; не стало уже въ ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, какъ-бы ей хитростью прожить. Она и говоритъ рыбамъ: „а вы, рыбы, не знаете, что на васъ бѣда собирается: слышала я отъ людей, хотятъ они прудъ спустить и васъ всѣхъ повыловить. Знаю я, тутъ за горой хорошъ прудокъ есть. Я бы помогла, да стара стала: тяжело летать". Рыбы стали просить цаплю, чтобъ помогла.

Цапля и говоритъ:

„Пожалуй, постараюсь для васъ—перенесу васъ; только вдругъ не могу, а по одиночкѣ".

Вотъ рыбы и рады; всѣ просятъ: „меня отнеси, меня отнеси!"

И принялась цапля носить ихъ: возьметъ, вынесетъ въ поле, да и съѣстъ. И переѣла она такъ много рыбъ.

Жилъ въ пруду старый ракъ. Какъ стала цапля выносить рыбу, онъ смекнулъ дѣло и говоритъ:

„Ну теперь, цапля, и меня снеси на новоселье". Цапля взяла рака и понесла. Какъ вылетѣла она на поле,

хотѣла сбросить рака. Но ракъ увидалъ рыбьи косточки на полѣ, стиснулъ клещами цаплю за шею и удавилъ ее, а самъ приползъ назадъ къ пруду и разсказалъ рыбамъ.

Л. Н. Толстаго.

Волкъ и Журавль.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
За то на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью, чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить,
И проситъ горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ волку въ пасть, и съ трудностью большою
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
„Ты шутишь!“ звѣрь вскричалъ коварный:
„Тебѣ за трудъ? Ахъ, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ!
Поди-жь, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся“.

Крыловъ.

Ежъ и Заяцъ. (Басня).

Повстрѣчалъ заяцъ ежа и говоритъ: „Всѣмъ-бы ты хорошъ, ежъ, только ноги у тебя кривыя, заплетаются“.

Ежъ разсердился и говоритъ: „ты что-жь смѣешься; мои кривыя ноги скорѣе твоихъ прямыхъ бѣгаютъ. Вотъ дай только схожу домой, а потомъ давай побѣжимъ на перегонку“.

Ежъ пошелъ домой и говоритъ женѣ: „я съ зайцемъ поспорилъ: хотимъ бѣжать на перегонку!“

Ежова жена говоритъ: „ты видно, съ ума сошелъ! гдѣ тебѣ съ зайцемъ бѣжать? У него ноги быстрыя, а у меня умъ быстрый. Только ты дѣлай, что я велю. Пойдемъ въ поле“. Вотъ пришли они на вспаханное поле къ зайцу; ежъ и говоритъ женѣ:

„Спрячься ты на этомъ концѣ борозды, а мы съ зайцемъ побѣжимъ съ другаго конца; какъ онъ разбѣжится, я вернусь назадъ; а какъ прибѣжитъ къ твоему концу, ты выходи и скажи: „а я уже давно жду“. Онъ тебя отъ меня не узнаетъ—подумаетъ, что это я“.

Ежова жена спряталась въ бороздѣ, а ежъ съ зайцемъ побѣжали съ другаго конца.

Какъ заяцъ разбѣжался, ежъ вернулся назадъ и спрятался въ борозду. Заяцъ прискакалъ на другой конецъ борозды: глядь!—а ежова жена уже тамъ сидитъ. Она увидала зайца и говоритъ: „а я уже давно жду!“

Заяцъ не узналъ ежову жену отъ ежа и думаетъ: „что за чудо! Какъ это онъ меня обогналъ?“

„Ну“, говоритъ: „давай еще разъ побѣжимъ!“

„Давай!“

Заяцъ пустился назадъ, прибѣжалъ на другой конецъ, глядь!—а ежъ уже тамъ, да и говоритъ: „Э, братъ, ты только теперь, а я уже давно тутъ“.

„Что за чудо!“ думаетъ заяцъ, „ужъ какъ я шибко скакалъ, а все онъ обогналъ меня. Ну, такъ побѣжимъ еще разъ, теперь уже не обгонишь“.

„Побѣжимъ!“

Поскакалъ заяцъ, что было духу; глядь!—ежъ впереди сидитъ и дожидается. И такъ, заяцъ до тѣхъ поръ скакалъ изъ конца въ конецъ, что изъ силъ выбился.

Заяцъ покорился и сказалъ, что впередъ никогда не будетъ спорить.

Л. Н. Толстаго.

Макъ и Перецъ.

Повстрѣчался съ Русскимъ Турка
И взгородился вражій братъ...
— Не велика ты фигурка!—
Молвилъ нашъ ему солдатъ.
„Какъ, сермяжникъ, не велика?“
Чванный Турка закричалъ,
И въ пригоршни маку взялъ:
„На-тка, Русь, тебѣ!... сочти-ка!
Войска нашего число
Ты тогда только узнаешь,
Какъ весь макъ пересчитаешь“.
— Коль на это ужь пошло,
Что числомъ меня пугаешь,
Такъ ты мало русскихъ знаешь!
Нашъ солдатикъ отвѣчалъ:
И тотчасъ-же изъ кармана
Перцу зернышко досталъ
И, подавъ его Осману,
„На-тка, братъ, тебѣ!“ сказалъ:
Наше войско не велико,
Какъ зерно,—да раскуси-ка!
Такъ узнаешь—каково
Противъ маку твоего!...

М. Максимовъ.

Нива.

Нива, моя, нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.
По тебѣ отъ вѣтру,—
Словно въ синемъ морѣ,—
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ.

Надъ тобой съ пѣсней—
Жаворонокъ вьется;
Надъ тобой и туча
Грозно пронесется.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,—
О людскихъ заботахъ,
Ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую;
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую.

Жадовская.

Городъ Петра Великаго.

Движимъ думою чудесной,
„Здѣсь“, онъ молвилъ: „будетъ градъ,
Украшенье поднебесной—
И Москвѣ державный братъ!“
Чудо! Волю полубога
Понялъ доблестный народъ,
И у запада порога
Изъ лѣсовъ и изъ болотъ—
Всталъ красавецъ полуночи
На землѣ получужой,
Гордо глянулъ міру въ очи,
Опоясался Невой,
И у ногъ его сердито
Волны Финскія кипятъ:
Весь онъ въ латахъ изъ гранита
Съ головы до самыхъ пятъ,
Держитъ онъ въ рукѣ могучей
Богатырское копье—
И горитъ его за тучей
Золотое остріе.
Дряхлый міръ ему дивится,
Самъ спѣшитъ по лону водъ
Исполину поклониться
И дары покорно шлетъ.

Такъ-то волею чудесной—
Созданъ Имъ могучій градъ,
Украшенье поднебесной
И Москвы державный братъ.

Прокоповича.

Илья Муромецъ крестьянскій сынъ.

Разскажу я вамъ, братцы, про старое,
Про старое, про бывалое,
Про могучаго богатыря, Илью Муромца.

—

Въ старину было стародавнюю,
Когда князь Владиміръ княжилъ въ Кіевѣ,
Близъ города было, близъ Мурома,
Въ селѣ было Карачаровѣ—
Жилъ тутъ крестьянинъ, Иванъ Тимоѳѣевичъ,
Со своей старухой, Анной Ивановной.
Даровалъ имъ Богъ дѣтище,
Ильюшу сына Ивановича.
Тридцать лѣтъ онъ сиднемъ сидѣлъ,
Сидѣлъ-лежалъ на печкѣ муравленой:
Не имѣлъ дѣтище ногъ у себя,
Ѣлъ-пилъ, что ѣсть-пить дадутъ.
Тридцать лѣтъ миновалося,
Пришло время лѣтнее, дни сѣнокосные,
Ушелъ отецъ съ матерью сѣно косить,
Оставили дѣтище дома одного.
Шли тѣмъ селомъ люди нищіе—старые,—
Самъ Іисусъ Христомъ со Апостоломъ,
Въ ту пору по землѣ ходилъ.
Пришли подъ окно люди нищіе,
Просятъ у Ильи напиться,
Старымъ людямъ милостыни благословенной.
Говоритъ имъ Илья Муромецъ:
„Ай-же вы, старички, други любезные,
Радъ-бы я вамъ подать напитися
Да встать не могу, а дома нѣтъ никого“.

„А встань-ка ты, попробуй, Илья сынъ Ивановичъ,
Можетъ, ты намъ напиться дашь,
Съ жары-то мы больно поразслабились".
Попробовалъ Ильюша съ печи встать:
Очень его старички разжалобили,
Сталъ вставать на ноги свои,
Всталъ, пошелъ, чашу взялъ со стола:
Въ ту пору въ селѣ праздникъ былъ:
Иванъ Тимооеевичъ пива наварилъ.
Нацѣдилъ Илья пива старикамъ,
Нищей братіи поднашиваетъ.
Напился тотъ и другой старичокъ,
Самому Ильѣ испить подаютъ:
Испиваетъ послѣ старичковъ.
Старички у него спрашиваютъ:
„Что, Илья, каково ты себя чувствуешь?"
„Покорнѣйше благодарю, старички,
„Очень велико въ себѣ здоровье чувствую".
„А испей-ка еще!" испилъ во второй разъ:
Великую въ себѣ силу почувствовалъ.
Говорятъ ему старички: „Выдь на улицу".
Вышелъ Илья Муромецъ на улицу,
Молодцомъ идетъ—яснымъ соколомъ.
Говорятъ ему нищи старички:
„Богъ тя благословитъ, Илья Муромецъ,
„Что насъ напоилъ нищу братію:
„Дана тебѣ отъ Бога силушка великая,
„Что не чуялъ ты ее ровно тридцать лѣтъ;
„Будетъ тебѣ дома жить не работая;
„Послужи своей силушкой своему роду крестьянскому,
„Русскому роду христіанскому,
„Стой за благочестивыхъ вдовъ, за сиротъ,
„Стой за вѣру христіанскую,
„Бейся со всей силою невѣрною,
„Противъ всякаго богатыря удалаго,
„Что Русь-матушку побороть хотятъ.
„Много по окраинамъ не мирныхъ людей:
„Печенеговъ злыхъ, да половцевъ.
„Хотятъ они Русь разграбити,
„Малыхъ дѣтушекъ во полонъ увести.

„Старыхъ стариковъ перебити,
„Села, города огнемъ пережечь;
„Церкви Божіи ограбити.
„Не мало и внутри Руси, по дорогамъ большимъ,
„По темнымъ лѣсамъ воровъ—разбойниковъ.
„На всѣхъ тѣхъ твою силушку надобно,
„На бою тебѣ смерть не писана.
„Дома не живи, не работай,
„А поѣзжай во стольный Кіевъ градъ,
„Ко тому служить ко князю ко Владиміру.
„Купи для того себѣ у сосѣда жеребеночка одногодаго".
Дали Ильѣ калики палицу въ девяносто пудъ,
Дали ему лукъ да стрѣлы каленыя
Простилися съ нимъ и прочь ушли.

* * *

Захотѣлося Ильюшкѣ силушку попробовать.
Пошелъ онъ къ отцу на лугъ,
Отецъ съ матерью умаялись,
Покосили да и отдыхать полегли.
Взялъ Илья косу вострую,
Сталъ той косой сѣно косить:
Накосилъ той косой въ часъ столько стоговъ,
Что имъ въ недѣлю не накосить,
Все поле перекосилъ во стога наметалъ.
А косу воткнулъ въ землю таково глубоко,
Никому той косы не вынути.
Всталъ отецъ съ матерью,
Таковому чуду дивуются:
„Кто этакъ напроказилъ, начудилъ?"
Вышелъ Илья Муромецъ изъ лѣсу.
Вынулъ ту косу изъ земли:
Отецъ говоритъ: „Слава Богу,
Сыну далъ Богъ здоровье,
Большой будетъ работникъ!"
Купилъ Ильюша у сосѣда жеребеночка,
Выѣздилъ, выходилъ жеребеночка въ три зори, въ три росы,
Сталъ конь оченно сильный и храбрый.
Пошелъ Илья къ родителямъ;

Не сырой боръ къ землѣ клонится,
Не листочки по землѣ растилаются,
Растилается сынъ передъ батюшкой:
„Охъ ты, гой еси, родимый, милый батюшка,
Дай ты мнѣ, свое благословеньице,
Я поѣду во стольный Кіевъ градъ,
Послужить вѣрой правдой Князю Владиміру,
Постоять за Русь православную.“
— „Я на добрыя дѣла тебѣ, сынъ, благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ-дорогою,
Не помысли зломъ и на татарина,
Коль онъ землѣ зла не замыслитъ,
Напрасно тебѣ рукъ не кровавити,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина“.
Поклонился Илья отцу до земли,
А родна матушка плачетъ, что рѣка течетъ.
— „Ужь ты. свѣтъ, мое чадо порожденное,
„Потеряешь ты свою буйну голову
„Не за денежку, не за мѣдную:
„Той дорогой въ Кіевъ еще никто не ѣзжалъ,
„Тамъ засѣлъ Соловей, воръ разбойничекъ,
„Во высокомъ терему съ дѣтками,
„Не пропущаетъ ни коннаго, ни пѣшаго.
„А останься-ка ты, дитятко, во своемъ дому,
„Утѣшь ты мою старость безпомощную“.
— Утѣшаетъ Илья родиму матушку.
Утираетъ ей платкомъ слезы горькія:
— „Ты не плачь, не горюй моя родная,
„Не скорби свое лицо бѣлое,
„Не слези свои очи ясныя!
„Остаться съ тобою я душой-бы радъ,
„Да самимъ Христомъ мнѣ назначено:
„Добру молодцу за Русь постоять.“
Всталъ Ильюша на рѣзвы ноги,
Далъ отцу съ матерью цѣлованьице прощальное;
Видѣли: Илья на коня-то сѣлъ,
Да не видѣли, куда поѣздку далъ.
Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ;
У него конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,

Рѣки и озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля устилаются,
Люди добрые смотрятъ, дивуются.....

В. Острогорскій.

Кабакъ.

Выпьемъ что-ли, Ваня,
Съ холода и съ горя;
Говорятъ, что пьянымъ
По колѣно море.
У Антона дочь-то
Дѣвка молодая:
Очи голубыя,
Славная такая.
Да богатъ онъ, Ваня:
На отрѣзъ откажетъ;
Вѣдь сгоришь съ стыда братъ,
Какъ на дверь укажетъ.
Что я ей за пара?
Скверная избушка...
А оброкъ-то, Ваня,
А кормить старушку!
Выпьемъ что-ли, съ горя?
Эхъ, братъ! да едва-ли
Бѣдному за чаркой
Позабыть печали.

Огаревъ.

Штыкъ и пуля.

„Гляди, какъ я хвачу далеко!
А у тебя, братъ, не беретъ:
Хоть видитъ око
Да зубъ неймётъ!“
Въ цѣпи застрѣльщичьей такъ пуля просвистѣла
Штыку—и въ лобъ врагу засѣла.

— „Пождемъ! что скажетъ барабанъ!“
Отвѣтилъ пулѣ штыкъ въ смиреньи.
А барабанъ забилъ вдругъ „наступленье!“
И батальонъ поперъ въ штыки, какъ ураганъ:
Ура! сверкаетъ штыкъ: ударитъ влѣво, вправо—
Купается въ крови, подъ ребрами скрыпитъ.
Врагъ опрокинутый бѣжитъ...
Ура! штыку и честь и слава!
„Ну что?“ трунитъ надъ пулей штыкъ:
„Пока работа шла—чай выспалась, сестрица?
Вѣдь только издали свистѣть ты мастерица,
А нашъ братъ отвѣчать и за тебя привыкъ!“
Прослушавъ то, ружье имъ прогудѣло:
„Не хвастайте и не теряйте словъ:
Вы порознь—половина дѣла;
Вы вмѣстѣ—гибель для враговъ!“

А. П.

О Русской землѣ.

Русское государство, по величинѣ своей, по количеству занимаемыхъ имъ земель—самое большое и пространное изо всѣхъ государствъ земнаго шара. Однѣ сибирскія земли едва не вдвое больше всей Европы и слишкомъ въ два раза Сибирь больше той части Россіи, которая лежитъ по сю сторону Уральскихъ горъ и принадлежитъ къ числу европейскихъ государствъ.

По числу жителей, то-есть по количеству народонаселенія, Русская земля тоже изъ самыхъ крупныхъ. Больше нашего живетъ народу въ малоизвѣстномъ Китаѣ, гдѣ насчитываютъ жителелей до 377 милліоновъ. 210 милліоновъ подчиняются Англіи—самой образованной изо всѣхъ странъ свѣта, и при томъ такой, которая имѣетъ подданныхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, въ такъ называемыхъ колоніяхъ. За Англіею, съ ея колоніями, по народонаселенію слѣдуетъ Россія: въ ней девяносто милліоновъ повинуются русскому Императору и Его законамъ.

Стало быть, по числу душъ Русская Имперія занимаетъ третье мѣсто въ ряду государствъ, самыхъ богатыхъ населеніемъ. Но если-бы подданныхъ русскаго Царя разселить не кучками, а по всему лицу земли Русской равномѣрно, то на каждыя 49 верстъ, или, на такъ называемую, квадратную милю, придется 617 человѣкъ въ Россіи и только 28 человѣкъ въ Сибири, между тѣмъ какъ въ Китаѣ на томъ-же пространствѣ живетъ 1731 человѣкъ; а въ Англіи—4781 человѣкъ.

Существуютъ и такія земли, которыя очень густо населены народомъ. Народу этому становится тѣсно на родинѣ и онъ бросаетъ ее и идетъ искать счастья въ людяхъ. Такъ ведется у нѣмцевъ.

Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ королевствахъ, напримѣръ, въ Саксонскомъ, на каждой полусотнѣ верстъ русскихъ привелось-бы столпиться народу по семи съ половиною тысячъ, или на каждой квадратной верстѣ слишкомъ полтораста человѣкъ. Хотя-бы люди и въ городахъ жили, хотя-бы они тамъ и въ высь самые высокіе дома строили и селились-бы другъ надъ другомъ, все-таки пришлось-бы жить тѣсно, все-таки на всѣхъ не хватило-бы земли и привелось-бы народу разойтись. Нѣмцы такъ и поступаютъ.

Нѣмцы разбрелись по всему лицу земли. Они во многолюдствѣ сѣли и на нашей Русской землѣ. Мы русскіе, въ чужихъ земляхъ счастья не ищемъ, не охотимся жить въ другихъ государствахъ, потому что владѣемъ въ избыткѣ своими землями. Земли эти въ разное время добыты нами оружіемъ и собственною кровью, взяты съ боя, войнами или пріобрѣтены мирнымъ путемъ: умѣньемъ и случайностью. Но какъ тѣ земли, которыя завоеваны, такъ и тѣ, которыя заняты, дѣды и прадѣды наши успѣли уже удобрить своими костями, полить своимъ трудовымъ потомъ и воздѣлать собственными руками, то онѣ и считаются нашею собственностью, народнымъ достояніемъ, называются Русскими землями, Русскою Имперіею, Россіей.

С. Максимова.

Раскинулась вольно, широко, далеко
Отъ юга на сѣверъ, на западъ съ востока
Святая отчизна—нашъ край дорогой!
Стоишь вѣковою вѣнчанная славой
И смотришь съ грозою на Западъ лукавый.
И онъ, удивленный, поникъ предъ тобой.

X.

Студеное море.

По всей длинѣ своей, съ сѣвера, Россія прилегаетъ къ громадному океану, который называется Ледовитымъ за то, что покрытъ нетающими льдами. Въ этомъ заключается самое большое несчастье русскихъ. Цѣлую вѣчность, отъ сотворенія міра, бродятъ льды въ океанѣ съ мѣста на мѣсто. На мелкихъ мѣстахъ набивается ихъ столько, что они кажутся волшебными замками бѣлаго, какъ мѣлъ, или сѣраго цвѣта. На глубокихъ мѣстахъ льды громоздятъ цѣлыя высокія горы. Крѣпкіе, устойчивые и продолжительные вѣтры приносятъ ледяныя горы раннею осенью, на всю зиму, къ Россіи. Здѣсь онѣ уже находятъ намерзшій у береговъ молодой ледъ, такъ называемые *припаи*, толщиною до двухъ саженъ. Выходя изъ чудовищнаго громаднаго ледника и проходя по неоглядным ледянымъ полямъ, океанскіе вѣтры приносятъ на берега необычайное количество стужи. Стужи этой хватаетъ на большую половину Россіи; хватило-бы ея и на все наше отечество, если-бы холодъ вѣтровъ въ теченіи ихъ не удерживали спопутныя горы, не умѣряли громадные лѣса, не смягчали теплые пары воздѣланныхъ земель и если-бы не осиливало ихъ встрѣчное теченіе южныхъ (теплыхъ) вѣтровъ.

Лѣтомъ прибрежные припаи и океанскіе льды уйдутъ частью въ даль, частью растаютъ или изноютъ на солнечныхъ лучахъ: океанъ у береговъ сдѣлается открытымъ и чистымъ: океанская вода отъ солнечнаго жара начинаетъ испаряться, сдавать туманами. Туманы до того густы, что застилаютъ свѣтъ Божій и въ те-

ченіи всѣхъ трехъ—четырехъ мѣсяцевъ затрудняютъ плаваніе и столь часты и насыщены влагой, что влаги этой достаточно для образованія громады облаковъ. Облака покрываютъ сѣверное русское небо въ такомъ обиліи, что дожди весной и осенью и на большую половину лѣта, льютъ почти безпрерывно.

Частымъ дождямъ и глубокимъ снѣгамъ удалось превратить землю въ рыхлыя, мокрыя, неоглядныя и глубокія трясины и болота. Въ этомъ второе несчастье нашего отечества отъ сосѣдства его съ океаномъ и съ тѣми частями его, которыя, въ видѣ морей, врѣзались въ твердую землю.

И такъ—весь сѣверный берегъ Россіи примыкаетъ къ студеному океану. Если мы придемъ на его берега и вглядимся въ нихъ, то на первыхъ-же шагахъ у самой воды натолкнемся на мертвый, голый и холодный камень—гранитъ. Въ гранитные камни эти, какъ въ рамку, или оправу, закованы всѣ берега океана на всемъ безпредѣльномъ протяженіи своемъ во всю длину Россіи. Вездѣ, на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя обращены прямо къ морю и сѣверу, чужіе холодные вѣтры изнобили всякую растительность, вывѣтрили даже самый гранитъ. Вѣтры разбиваютъ его на мелкіе камни, разсыпаютъ эти камни въ мелкій песокъ и песокъ смываетъ вода или уносятъ тѣ-же вѣтры прочь съ берега.

Самый берегъ мертвъ и пустыненъ. Бьютъ въ него вѣчно холодныя волны, вздымаемыя морскими вѣтрами пяти саженъ высотою. Обмываютъ каменныя твердыни, гранитныя громады и песчаныя пустыри приливы и отливы воды, которая имѣетъ обыкновеніе два раза въ сутки прибывать и два раза отливать назадъ. Въ теченіи шести часовъ (говорятъ: отъ притягательной силы луны) лезетъ море на берегъ и, дойдя до извѣстной границы, въ высоту иногда до 8 саженъ, начинаетъ отходить впродолженіи слѣдующихъ шести часовъ. На самое короткое время вода остается неподвижною на той поверхности, которая всегда ниже всѣхъ мѣстъ на землѣ, даже дна самыхъ глубокихъ овраговъ. И снова вода пойдетъ сполняться, снова начнется на шесть часовъ

приливъ: и такъ вѣчно и непрерывно. Безъ этого и безъ волненій вода въ океанѣ застоялась-бы, загнила и заражала-бы воздухъ: стоитъ 20 дней продержать морскую воду дома въ какомъ-либо сосудѣ, чтобы получить отъ нея невыразимый, отвратительный запахъ.

И вотъ, кажется, только и живетъ въ своихъ вѣчныхъ движеніяхъ и колыханіяхъ морская вода темно-зеленая цвѣтомъ, горько-соленая вкусомъ, неудобная для питья и производящая рвоту. Только и способна она на выварку соли, да на купанье больнымъ, да носить на себѣ крупныя и самыя тяжелыя суда, которыя, однако, съ равнымъ удобствомъ ходятъ и на прѣсныхъ водахъ нашихъ рѣкъ и озеръ. За то въ водѣ морской, въ глубинахъ океана, кипитъ сильная, горячая жизнь. Тамъ гуляетъ неимовѣрное множество рыбъ въ безчисленныхъ стадахъ. Стада эти преслѣдуютъ безконечное число крупныхъ морскихъ звѣрей, ради прокормленія себя рыбной поживой, тоже въ громадныхъ стадахъ. Когда на зимнюю стужу существованіе въ глубинѣ океанской становится невозможнымъ, и тѣ и другія стада, и жертвы и непріятели ихъ, идутъ во внутреннія моря, углубленныя въ землю, а стало быть и болѣе теплыя. Рыба проходитъ въ рѣки метать икру, звѣри остаются на льдахъ вблизи береговъ, тоже съ цѣлью рождать дѣтенышей. Изъ звѣрей только китъ (величайшее изъ морскихъ животныхъ), да моржъ (тоже довольно большой звѣрь) не ходятъ въ теплыя воды. Идутъ туда звѣрь—бѣлуга, или морская бѣлуга, длиною отъ полуторы сажени до двухъ съ половиною саженъ, и разныхъ видовъ и родовъ тюлени. Изъ звѣрей живетъ еще тамъ медвѣдь—родня нашему Мишкѣ, но съ той разницей, что онъ весь бѣлый, любитъ жить на льдинахъ и въ воду ходитъ за рыбой. Изъ рыбъ живутъ въ океанской водѣ: самая большая, трехсаженная рыба съ бѣлымъ костянымъ рогомъ—рогозубъ, самая вкусная и нѣжная мясомъ—семга, самая здоровая и жирная—треска и самая плодовитая, приходящая въ необычайномъ множествѣ, маленькая, хваленая и извѣстная всему міру—сельдь. Всѣ эти рыбы приходятъ изъ самой дальней дали океана, изъ самой глубокой глуби морской, гдѣ онѣ лѣтомъ на потеплѣв-

шей водѣ отгуливаются и выростаютъ въ тишинѣ глубины океанской: на глубинѣ 14 саженъ, океанъ всегда спокоенъ.

Изъ морской глубины выйдемъ на берегъ и оглядимся.

На берегу лѣто. Солнышко, животворное и животворящее, не сходитъ съ неба въ теченіи почти двухъ мѣсяцевъ: съ конца мая почти до конца іюля. На берегахъ Ледовитаго океана вмѣсто десятимѣсячной зимы стоитъ девяти-недѣльное красное лѣто. Снѣгъ подъ лучами солнца исчезъ; его нѣтъ даже и въ тѣнистыхъ мѣстахъ, гдѣ онъ вообще любитъ залеживаться. Кажутъ сѣрымъ, мертвымъ цвѣтомъ гранитныя массы подлѣ воды и глядитъ голышомъ весь тотъ берегъ, который обращенъ къ сѣверу и подверженъ вѣянію холодныхъ и зимнихъ вѣтровъ. Но мы видимъ и такія мѣста, ложбинки, лощины, такія углубленія, которыхъ знойные морскіе вѣтры продувать не могутъ: они дуютъ только поверхъ нихъ. Въ углубленіяхъ этихъ мы разглядимъ растенія и не ошибаемся: вездѣ тамъ, гдѣ чуть успѣла прилѣпиться и улежаться хоть горсточка земли, вездѣ тамъ солнышко и теплота его съумѣли сдѣлать свое дѣло, то есть, завязали растеніе. Сѣлъ желтоватый мохъ, распластался сѣрый лишай и ягиль. Ягиль затянулъ собой всю землю такъ, что она и лѣтомъ кажется какъ-бы покрытою снѣгомъ. Подлѣ нихъ пустила корешокъ морошка, разбросала цѣпкія вѣтки и усики ягода вороница, или спыха. Обѣ дали плодъ, то-есть ягоду, и обѣ не проросли корнями всю землю, хоть и земли этой всего только горсточка, но подъ ней сейчасъ-же лежитъ мертвый, холодный камень. Эти подземныя массы камней, эти гранитныя скалы съ трудомъ поддерживаютъ наносную вѣтрами почву и ту, которая наростаетъ вновь изъ ежегодно сгнивающей ягодной листвы и самыхъ ягодъ. И чѣмъ выше лежитъ слой земной, то-есть, чѣмъ ближе онъ къ дуновенію холодныхъ вѣтровъ, тѣмъ онъ тоньше и суше и растительность состоитъ непремѣнно только изъ ягилей и моха. Но чѣмъ глубже залегаетъ земляной пластъ, тѣмъ онъ толще и доступнѣе для прозябанія:

тутъ и мохъ студенистѣе и лишай раскидистѣе и о-бокъ съ ними объ ягоды сидятъ непремѣнно, а за тѣмъ уже и все тутъ. Земной пластъ либо такъ тонокъ, что похожъ на камень и обросъ лишаями, которые съ родни неспѣсивому моху; а этотъ вездѣ поспѣлъ: садится онъ и на стѣнахъ, и на деревьяхъ, и голой скалой не брезгаетъ. Либо пластъ земной до того пропитанъ весь водой, что ноги человѣчьей не держитъ и до того насыщенъ холодной сыростью, что и лѣтніе, жгучіе лучи солнца не могутъ просушивать землю, не въ силахъ бороться со влагой и производятъ только два сорта ягодъ: морошку и воронищу.

Только тамъ, гдѣ земля ушла дальше отъ океана и попадаются по ней склоны къ югу и на теплые вѣтры, выростаетъ терпѣливый и выносливый можжевельникъ и цѣпко лѣпится къ низу, къ землѣ. Еще дальше—завязываются ива чахлая, приземистая, безъ вѣтвей, называемая новымъ именемъ—еры, ерки. Еще дальше растетъ березка, но такая—несчастная, сиротливая, что съ трудомъ признаютъ ее за березку и называютъ *сланкой* за то, что нейдетъ она вверхъ, а стелется по землѣ. И можжевельникъ сперва, и ива—ерка потомъ, и береза—сланка лежатъ на землѣ и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, такъ сцѣпляются вмѣстѣ, что ноги не проставишь и не выдерешь. Глубоко проростаютъ всѣ три въ землю корнями и цѣпляются колѣнчатыми стволами другъ за друга, словно для того, чтобы втроемъ горевать горе, чтобы вмѣстѣ и за одно жить по низу и стоять противъ смертоноснаго дыханія немилосердныхъ враговъ, которые бушуютъ сверху не дальше аршина. И какъ бы для того, чтобы еще надежнѣе бороться съ морозомъ, деревья наши кутаются въ шубу, то-есть обростаютъ мохомъ, покрываются лишаями. Мхи и лишаи выносливѣе. Выше аршина не поднимаются отъ земли эти три сорта деревьевъ, опять-таки только *три* сорта. Больше и неспособна произращать и держать на себѣ эта земля, насквозь пропитанная водою, разсыпчатая, распластавшая на каменномъ подножіи; это—бураго цвѣта *тундра*. Тундра и лѣтомъ и на солнечной жарѣ поспѣваетъ оттаивать только на пол-аршина и въ нѣ-

которыхъ мѣстахъ кое-гдѣ и кое-когда покрывается кое-какими цвѣтами. И эта жалкая, ни къ чему непригодная земля, эта мертвая тундра съ кустарниками, но безъ лѣса, съ растеніями, но безъ зелени, устилаетъ весь сѣверъ Россіи, верстъ на 500 отъ океана и тысячъ на пятнадцать верстъ во всю длину отечества нашего. Тундра тянется и дальше, входитъ въ лѣса, и тамъ имѣетъ видъ зыбуновъ и трясинъ, и извѣстна долго подъ общимъ именемъ болотъ. Болота и топи далеко и обильно усыпали потомъ и крѣпко обездолили всю Русскую землю.

С. Максимовъ.

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ съ плеча!
Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль прощать, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой!

Алексѣй Толстой.

Тундра и ея люди.

Въ тундрѣ постоянно можетъ жить одинъ только олень и то потому, что онъ ничего больше не ѣстъ, кромѣ ягиля, и одаренъ такимъ чутьемъ, что слышитъ его зимою на аршинъ подъ снѣгомъ и добирается до него, разбивая копытомъ ледяной черепъ. Разрывши снѣгъ въ одномъ мѣстѣ и съѣдая тутъ весь мохъ, олень идетъ дальше, туда, гдѣ мохъ не початъ. Такимъ образомъ, онъ постоянно кочуетъ, а съ нимъ и за нимъ и человѣкъ, который пристроилъ жизнь свою къ оленьимъ стадамъ и устроилъ ее такъ, что безъ этихъ животныхъ человѣкъ и жить не можетъ. Тамъ, гдѣ по тундрѣ растилаются

сухія пространства, являются и оленьи стада, а съ ними и человѣкъ; а тамъ, гдѣ пространство сухое защищено скалой или пригоркомъ, человѣкъ ладитъ утлое жилище. Лопари строятъ вѣжи, самоѣды—чумы, остяки, тунгусы, чукчи и алеуты—юрты. И тѣ, и другія жилища народы эти разбираютъ также скоро, какъ и становятъ, и везутъ ихъ на иныя, новыя мѣста, какія укажутъ имъ тѣ же олени. Здѣсь не животное покоряется человѣку, а человѣкъ повинуется животному. Отъ оленя эти народы получаютъ все, что имъ нужно: и пищу и одежду; на оленяхъ-же кочуютъ они съ мѣста на мѣсто. Лѣтомъ, когда отойдетъ тундра и окружитъ ее неисчислимое множество комаровъ и оводовъ, нерѣдко доводящихъ человѣка до изнеможенія и смерти, олень бѣжитъ спасаться въ воду, чаще на берегъ моря. Тамъ стоитъ онъ въ водѣ по самую шею въ то время, когда хозяева его (люди) обложились кругомъ хворостомъ, зажгли его и сидятъ, окруженные густымъ чернымъ дымомъ. Въ пустыню такую человѣкъ могъ зайти случайно (что онъ и сдѣлалъ въ незапамятныя времена) и остался въ ней потому, что природа наградила его способностью привыкнуть и примѣниться даже и тамъ, гдѣ ни одно животное не выдерживаетъ, и потому еще, что по тундрѣ, и кромѣ оленя, существуютъ разныя приманки. Роетъ себѣ норы бѣлый песецъ—лакомый кусокъ дикарей, съ теплымъ густымъ мѣхомъ; играетъ на снѣгу маленькій серебристый горностай, рыщетъ голодный волкъ и хищная рысь; мышь—лемминга проходитъ громадными стаями лѣтъ черезъ 10 и 20, и влечетъ за собою всѣхъ тѣхъ звѣрей, отъ ловли которыхъ всѣ дикари получаютъ корысть. Звѣри эти не живутъ на тундрѣ постоянно. Лѣтомъ-же прилетаютъ сюда изъ дальнихъ странъ безчисленныя стаи перелетныхъ птицъ: первою—дикій бѣлый лебедь, потомъ—четырехъ родовъ гуси, гага, гагары, каменная куропатка, а долгохвостая савка даже зимуетъ здѣсь. На неизмѣримыхъ болотахъ, на морскомъ берегу и въ самомъ морѣ, на берегахъ рѣкъ и на лѣсныхъ опушкахъ они находятъ себѣ пищу. Въ то же время, въ совершенной тишинѣ и безопасности, они могутъ строить гнѣзда и перелинять. Въ концѣ лѣта и осенью они летятъ черезъ всю Русь на

югъ, на тихія и на теплыя воды дальнихъ морей. Лебеди и красные гуси зимою сидятъ уже на водахъ въ затишьѣ, за четыре тысячи верстъ, на Каспійскомъ морѣ. Къ зимѣ и лосось, и осетръ изъ рѣкъ уходятъ въ море, и олень бѣжитъ въ лѣсъ, и птица скрывается туда-же. Незачѣмъ тутъ оставаться и человѣку. Толстымъ слоемъ снѣга, въ полторы сажени, покрывается тундра и опять она на 8, на 9 мѣсяцевъ дѣлается мертвою.

Такимъ образомъ, при такихъ картинахъ и не смотря на мелкія приманки, тундра для поселеній и для постоянныхъ жилищъ не годится. Девять мѣсяцевъ она покрыта снѣгомъ, какъ саваномъ. И, дѣйствительно, на ней нѣтъ ниодного постояннаго жилища, нѣтъ селеній, кромѣ переносныхъ, юртъ и чумовъ кочевыхъ рыбаковъ, звѣролововъ и птицелововъ: но и эти ведутъ жизнь близкую къ скотской, къ звѣриной жизни. Народы эти разслабѣли умомъ до того, что стали мало похожи на настоящихъ людей; къ тому-же число ихъ очень незначительно, годъ отъ году уменьшается и, вѣроятно, недалеко то время, когда они исчезнутъ совсѣмъ. Самоѣдовъ нѣкогда было въ пять разъ больше противъ того числа, какое бродитъ по ту и по сю сторону Уральскихъ горъ. Костоломная, гнилая болѣзнь—цынга, гноитъ и губитъ тамъ не только кочующихъ туземцевъ, но и всѣхъ тѣхъ, которыхъ дѣла привлекаютъ въ тѣ стороны и удерживаютъ на значительное время. Исключительная рыбная пища, дурной воздухъ, грязь, недѣятельность, темнота, холодъ, скука, тоска по родинѣ (у заѣзжихъ)—все это разслабляетъ тѣло, портитъ кровь и порождаетъ болѣзнь цынгу. Человѣкъ чувствуетъ слабость, дыханіе становится тяжелымъ, хочется спать—и сонъ не подкрѣпляетъ; надо ходить, полезно дѣлать движенія—а ноги распухли, скорчились. Болитъ спина, горятъ внутренности, десны дѣлаются какъ губка и покрываются язвами, язвы сочатъ кровь и издаютъ такой отвратительный запахъ, что здоровый человѣкъ выносить не можетъ, по всему тѣлу выступаютъ багровыя пятна: наконецъ начинаетъ течь кровь горломъ изъ легкихъ и заднимъ проходомъ изъ кишекъ: боли крѣпнутъ и человѣкъ умираетъ отъ трехъ причинъ; отъ

чрезмѣрной потери крови, отъ удушья и упадка силъ. Особенно много гибнетъ людей на берегахъ и островахъ океана: на Новой Землѣ, на Калгуевѣ и на Грумантѣ, куда приходятъ дальніе русскіе люди для промысла барышнаго, сальнаго, морскаго звѣря и на сибирскихъ тундрахъ, гдѣ сибиряки ловятъ лѣсныхъ пушныхъ звѣрей.

Вотъ что не манитъ человѣка на тундру, вотъ чѣмъ тундра пугаетъ людей, привыкшихъ жить осѣдло, селеніями! Русскій человѣкъ, да и всякій другой, любящій постоянное жилище и печку, селится уже тамъ, гдѣ тундра становится суше: теряетъ свою губительную силу, гдѣ выростаетъ и укрѣпляется лѣсъ настоящій, густой хвойный лѣсъ.

С. Максимовъ.

Мнѣ лѣкарь говорилъ: нѣтъ ни одинъ больной
Не скажетъ обо мнѣ, что не доволенъ мной!
Конечно, думалъ я, никто того не скажетъ:
Смерть всякому языкъ привяжетъ.

И. Дмитріевъ.

Песчаная степь.

Песчаная, мертвая пустыня залегла на всемъ огромномъ пространствѣ между рѣками Ураломъ и Волгой, подошла къ Каспійскому морю. Вблизи послѣдняго лежатъ и тѣ рыпь-пески, которые почитаются ядромъ всѣхъ песковъ, обездолившихъ прибрежья моря съ сѣвера, съ запада почти до половины моря и съ востока во всю длину его. Сыпучее, непроходимое песчаное море неоглядной и совершенно безплодной пустыней ушло къ Аральскому (до половины русскому) морю и прекратилось тамъ, гдѣ начались границы Персидскаго государства. . . . . .

Въ песчаной степи нѣтъ никакой растительности, она не орошается ни однимъ источникомъ и носитъ видъ совершенной пустыни уже и потому, что лежитъ впустѣ. Чедовѣку и животнымъ нечѣмъ питаться и невозможно жить; лѣтомъ жары, а зимою морозы доходятъ до крайностей; тѣ и другіе одинаково сильны и ужасны. Стужа увеличивается еще тѣмъ, что сѣверные вѣтры дуютъ изъ Сибири свободно и выростаютъ на степи въ мятели или бураны, объ ужасѣ которыхъ небывавшіе тамъ и понятія имѣть не могутъ. Лѣтнія жары увеличиваются еще тѣмъ, что степи не могутъ привлекать облаковъ, на нихъ не попадаетъ не капли дождя во все время, какое запомнятъ люди. Только тамъ, гдѣ пустыня пропитана солью, какъ въ нашихъ киргизскихъ степяхъ, она покрывается на огромныхъ пространствахъ солончаковыми растеніями и колючками разныхъ родовъ и видовъ. Колючки эти любитъ некрасивый верблюдъ. На солончаковыхъ растеніяхъ охотно ведутся и плодятся бараны. Вблизи кое-какихъ источниковъ выростаетъ трава для лошадей. Вотъ и въ этой пустынѣ скоро найдется мѣсто для человѣка, особенно когда время отъ времени, начинаютъ появляться, какъ острова на морѣ, плодоносныя мѣста въ степи, называемыя оазисами. На оазисахъ растутъ и трава, и деревья, просачивается вода на поверхность земли источниками и селится человѣкъ—степнякъ. Это—суровый разбойникъ кровожадный и хищный, какъ и тѣ звѣри, съ которыми онъ живетъ по сосѣдству: тигръ, барсъ, волкъ, шакалъ, гіена. Степнякъ живетъ грабежомъ, угоняя стада лошадей у сосѣдей и препятствуя торговлѣ: гордится всѣмъ этимъ и искренно презираетъ всѣ тѣ народы, которые живутъ трудомъ. Торговля по степямъ идетъ караванами мимо; караваны составляются изъ верблюдовъ; на горбахъ животныхъ этихъ привязываютъ вьюки съ кладью. Только одинъ верблюдъ и можетъ служить въ степяхъ на всякое дѣло, и потому, что онъ выносливъ и силенъ и потому, что у него подлѣ горла выростаетъ мѣшокъ, въ которомъ онъ можетъ оставлять про запасъ воду; желудокъ-же его на столько терпѣливъ, что варитъ всякую колючую скверну. Безъ этого животнаго пустыни

были-бы недоступны для человѣка и верблюдъ справедливо называется всѣми народами „кораблемъ пустыни“. И въ конецъ забросили-бы пустыни люди, если-бы не было на нихъ и другихъ приманокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ песокъ обильно мѣшается съ солончаковой почвой, появляются цѣлыя озера мелкія, но обширныя, съ водой, но соленой. Прѣсныя частицы воды этой испаряетъ жгучее солнце: оставшаяся вода густѣетъ и осаждаетъ на дно соль. Соль эта солонѣе еще той, которую вываривaютъ изъ морской воды; соль эта, при сильнѣйшихъ жарахъ, поднимается въ озерахъ на поверхность и озеро кажется какъ-бы покрытымъ льдомъ и снѣгомъ. Остается только колоть эту соль, какъ тотъ-же ледъ, и возить въ продажу. Много такихъ озеръ расположилось въ песчаной степи вблизи Каспійскаго моря и между ними озеро Елтонъ—самое большое и извѣстное, и озеро Индеръ, вблизи рѣки Урала, солью котораго солится вся тамошняя знаменитая рыба. Много соляныхъ озеръ и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ травяныя новороссійскія степи сошлись съ пустынными песками морей Азовскаго и Чернаго. Чумаки, которые свозятъ туда хлѣбъ изъ Малороссіи, возвращаются домой изъ Крыма съ солью.

И вотъ, выйдя изъ безплодныхъ пустынь, обиженныхъ и въ конецъ разоренныхъ суровымъ сѣвернымъ климатомъ, Россія опять вошла въ пустыни, также безплодныя, но обездоленныя безпощаднымъ жгучимъ солнцемъ и лежащія въ неблагопріятныхъ южныхъ мѣстахъ. Та и другая пустыня, и холодная, и жаркая, мало населены: въ той и другой коренной народъ кочуетъ, не сидитъ долго на мѣстѣ, не строитъ постоянныхъ жилищъ; на сѣверѣ онъ дѣлаетъ ихъ изъ жердей, оленьихъ шкуръ и бересты; на югѣ—изъ жердей и войлока; тамъ чумы и юрты, здѣсь—кибитки. Тамъ безъ оленя человѣкъ жить не можетъ и съ нимъ влачитъ долгіе годы; здѣсь—онъ съ коня не слѣзаетъ и съ конемъ кочуетъ; здѣсь оленя замѣнилъ верблюдъ, безъ котораго, какъ тамъ безъ оленя, жизнь кочевыхъ народовъ представить себѣ невозможно. На сѣверѣ мертвая безполезная тундра и мохъ: на югѣ сыпучіе пески, пе-

реносимые по волѣ вѣтра съ мѣста на мѣсто и на нихъ кое-гдѣ колючки. Торговый человѣкъ тутъ и тамъ является временно: тамъ пушнаго звѣря, съ мягкою красивою шерстью, онъ беретъ охотно; здѣсь такой звѣрь ведется, но съ такими жесткими пухомъ и волосомъ, что купецъ его беретъ не охотно. Тамъ стада оленей, здѣсь стада барановъ; но тутъ и тамъ идетъ торговля на мѣну, а не на чистыя деньги, и сѣверный кочевникъ, и южный степнякъ настоящей цѣны деньгамъ не даютъ и не понимаютъ. Оба живутъ раскиданно, оба живутъ какъ животныя, и какъ люди могутъ жить только тогда, когда у одного не будетъ тундры, у другаго—степи, не будетъ у обоихъ подъ ногами пустыни, надъ головою одного—постоянно дождливаго неба, надъ головою другаго—постояннаго бездождья и сухости въ воздухѣ.

Обѣ пустыни эти помѣшали и всему отечеству нашему стать такимъ, какимъ-бы оно могло быть, когда-бы и съ той и другой стороны примыкало оно къ гостепріимнымъ морямъ или къ образованнымъ сосѣдямъ. Сѣверное море на короткое время доступно для сообщенія, но и тогда плаваніе затрудняютъ туманы. Каспійское море, открытое для плаванія въ сѣверной половинѣ на семь мѣсяцевъ, а въ южной части круглый годъ, на бѣду, обложилось пустырями и примкнуло южнымъ берегомъ къ такой странѣ, съ которою большихъ дѣлъ не затѣешь, для образованія ничего не вывезешь. Персія спитъ крѣпко и непробудно—знаютъ всѣ, а другіе говорятъ, что она уже совсѣмъ умираетъ. Умираетъ и тотъ народъ, сосѣдями съ которымъ дѣлаетъ Россію Черное море: это турки. Но Черное море въ то-же время соединяется рядомъ небольшихъ морей (Мраморнаго и Архипелага) съ Средиземнымъ и Атлантическимъ океаномъ. А на берегахъ этихъ морей лежатъ тѣ государства, которыя почитаются самыми главными и самыми образованными въ цѣломъ свѣтѣ.

С. Максимовъ.

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
„Воронъ, гдѣ-бъ намъ отобѣдать?
Какъ-бы намъ о томъ провѣдать?“
Воронъ ворону въ отвѣтъ:
— Знаю, будетъ намъ обѣдъ.
— Въ темномъ полѣ подъ ракитой,
Богатырь лежитъ убитый!
Кѣмъ убитъ и отчего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.
Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милаго,
Не убитаго—живаго!

Пушкинъ.

Верблюдъ.

Верблюдъ принадлежитъ къ роду животныхъ, жующихъ жвачку, куда относятся корова и овца. Онъ хотя и некрасивъ на видъ, но очень полезенъ, потому что весьма пригоденъ для перевозки тяжестей въ пустынѣ и степи. Стоитъ только взглянуть на его длинныя ноги, чтобъ убѣдиться въ томъ, что онѣ образованы для хожденія по песку. Легко и вѣрно идетъ онъ по зыбкой поверхности, но за то скользитъ на сырой глинистой почвѣ. Верблюдъ долѣе другихъ животныхъ терпитъ голодъ и жажду, и довольствуется самымъ скуднымъ кормомъ, что весьма важно для странствующихъ по пустынѣ. На верблюда можно навьючить до 10—15 пудовъ, но выше силъ положить тяжесть онъ не позволитъ ни за что: замѣчено, верблюдъ не встанетъ съ мѣста, пока съ него не снимутъ лишняго. На спинѣ у верблюда есть одинъ или два горба; одногорбый верблюдъ называется *дромадеромъ*, двугорбый-же верблюдъ *бактріаномъ*. Горбъ его наполненъ жиромъ и приноситъ ему неоцѣненную пользу, хотя видимо придаетъ уродливый видъ.

Если во время пути верблюду достается скудная пища, то онъ питается внутреннимъ всасываніемъ этого жира, что позволяетъ ему долѣе терпѣть различныя лишенія. Верблюдъ живетъ въ Африкѣ и Азіи, а двугорбый верблюдъ водится и въ нашихъ киргизскихъ степяхъ.

Б—нъ.

Пѣсня Бобыля.

Ни кола, ни двора,
Зипунъ—весь пожитокъ.
Эхъ, живи—не тужи,
Умрешь не убытокъ.
Богачу-дураку
И съ казной не спится;
Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ—веселится.
Онъ идетъ, да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ,
Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!
Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны...
Эхъ, присвистни, бобыль!
Слушай, лѣсъ зеленый!
Ужь ты плачь-ли, не плачь,
Слезъ никто не видитъ,
Оробѣй, загорюй,
Курица обидитъ.
Ужъ ты сытъ-ли, не сытъ,
Въ печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути—улыбайся!
Поживемъ, да умремъ—
Будетъ голь прикрыта....
Разумѣй, кто уменъ—
Пѣсенка допѣта.

Никитинъ.

Про то, какъ деревенскаго парня московскія вороны раздѣли чуть не до нага.

Такъ дѣло было.—Похвалился удалой парень Гаврило: „не по что-де мнѣ съ моимъ умомъ-разумомъ въ деревнѣ жить, по пашнямъ и покосамъ бродить, а пойду-ко я, какъ и другіе прочіе, въ городъ на заработки; кое-что я, по ремесленной части, и теперь смѣкаю, а тамъ поживу, еще больше узнаю: всему обучусь, разживусь,—съ большой казною въ деревню ворочусь“!

И похвалился онъ этакъ во всеуслышаніе, — не припомнилъ онъ, видно, правой пословицы, что похвальба молодцу пагуба, да и совѣтовъ на это не послушалъ, хоть старшіе и говорили ему: „Эй, Гаврилушка, не хвались,—прежде Богу помолись!“, но Гаврило былъ парень молодой, хоть и не глупый, да не покорливый;— „учить,—говорить,—меня нечего, я живу не со вчерашняго вечера“.

Какъ сказалъ, такъ и поступилъ; ну да и что-же? коли-бъ не похвальба только, оно-бы и гоже, а то вотъ и прилучилось, видно, за это самое и неудачу, и покоръ понести.

Почитай съ годъ аль и больше, нашъ Гаврило на фабрикѣ какой-то въ городѣ жилъ; да только научился онъ тамъ больше не рукодѣлью, а пустомелью; на дѣло—на работу съ переваломъ шелъ, а до щей, до каши рысью бѣжалъ; утромъ спалъ, не вставалъ, пока главный подмастерье ременнымъ жгутомъ не вытянетъ;—лѣнивъ значитъ былъ. Смышленность-бы, какъ сказано, и далась ему, да вотъ лѣнь-то окаянная, да охота къ гульбѣ не давали ему какъ слѣдуетъ смышленностью своей воспользоваться. Такъ если онъ что въ теченіе года и выручилъ за работу свою некошную, такъ и то съ такими-жъ гуляками-товарищами проторомыжилъ все.

А вотъ ужъ дѣло подходитъ къ Великому Празднику, наступаетъ скоро недѣля свѣтлая.

Собираются мужички, ребятки честные,—кто домой на лѣто остаться, пашней заняться, кто съ родными

повидаться. Получилъ каждый трудовое выручennое, привязалъ деньги на крестъ за пазуху, надѣлъ старый кафтанишко да шапченку кое-каковскую, а новую шляпу поярковую да сапоги московской работы повѣсилъ на палку да заложилъ за плечо;—а тамъ помолившись, на святой Кремль московскій, да засучивъ ноги по колѣни, на своихъ подошвахъ доморощенныхъ и отправился къ заставѣ съ попутчиками.

И нашъ Гаврило старый кафтанишко вдѣлъ, ноги засучилъ,—и онъ съ товарищами къ заставѣ отправился. Да налегкѣ пошелъ сердяга: не было у него чего повѣсить за плечи, а ужъ что изъ денежнаго,—такъ развѣ-развѣ мѣди съ рубль.

Всѣ ребята идутъ, весело раздабарываютъ, одинъ Гаврило понурый глядитъ: зашибаетъ его дума—съ чѣмъ-то онъ въ деревню явится?... Да, братцы, ребятушки,—сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ,—говоритъ пословица.

Долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли, какъ говорится—шагомъ или рысцой, сушью или грязцой,—дотянулись всѣ, каждый до деревни своей.—А деревенскіе родичи и знакомые давно уже радостно ждутъ къ празднику городскихъ гостей: кто ждетъ ради нужды „вотъ-де дѣло поправитъ, на трату принесетъ;“ кто изъ корысти—„вотъ-де подаритъ что нибудь, аль угоститъ чѣмъ, поподчиваетъ;“ а кто просто изъ пріязни ждетъ—„вотъ дескать опять повидаемся!“

Пришли городскіе непосѣды къ деревенскимъ домосѣдамъ; и такъ имъ рады тутъ, что если-бы не канунъ такого великаго праздника, то сейчасъ-бы глядишь и пиръ пошелъ. Пришелъ и Гаврило домой, и его встрѣтили, усадили, весело, ласково съ нимъ поговорили и спать уложили: „сосни, говорятъ, съ пути—дороги-то, да отправимся ужо къ заутрени, чтобы часамъ къ двѣнадцати въ самый разъ придти; а вѣдь до церкви дорога не близкая, верстъ почти съ десятокъ есть.“

Настала ночь Свѣтлаго Праздика; загомозился православный людъ. Надѣваетъ каждый городскую обнову

свою: кто шляпу новую съ павлиньимъ перомъ, кто сапоги новые, еще пожалуй козловые, натягиваетъ, кто хоть одинъ красный кушакъ—и то ладно, трудовое вѣдь; а были и такіе молодцы, что понадѣвали и синіе кафтаны да еще и рукавички зеленыя замшевыя.

Рано—рано поднялись всѣ въ путь къ церкви Божіей, чтобы поспѣть до перваго удара въ колоколъ, чтобы еще заслышать, какъ первый пѣтухъ прокричитъ—въ память того пѣтуха завѣтнаго, который троекратнымъ крикомъ напомнилъ св. Петру, что человѣкъ иной разъ въ исполненіи своихъ благихъ обѣщаній бываетъ немощенъ.

Весело, радостно, но безъ громкихъ рѣчей, тихо шушукая,—точно боясь разбудить кого, ранѣе чѣмъ надобно—тянется православный Божій народъ, гужомъ на цѣлую версту идетъ въ Господень храмъ встрѣчать Великій день Свѣтлое Христово Воскресеніе... Глубоко любы-дороги святые праздники сердцу русскому!...

Маленькая деревянная церковь, колокольня низенькая; темно; не горитъ плошекъ ни по окнамъ, ни по улицамъ, но горятъ сердца христіанскія святою вѣрою, святымъ ожиданіемъ Свѣтлаго Воскресенія.

Насталъ ожиданный часъ, прокричалъ и пѣтухъ. Вотъ ударилъ колоколъ, встрепенулись сердца христіанскія—и небогатый украшеніями храмъ Божій, ярко озарился свѣчами отъ трудовой лепты, принесенной усердно въ храмъ православными.

Отошла заутреня, похристосовались въ обычное время православные, поздравили другъ друга со Свѣтлымъ днемъ и подѣлились кто съ кѣмъ могъ краснымъ яйцомъ. Отслушали обѣдню потомъ, и отправились по домамъ разговѣться святою пасхою.

Пришелъ и Гаврило изъ церкви домой разговѣться съ своими родичами.

Ну, пока не попробовали пасхи, никто и не затѣвалъ разговора о семейныхъ дѣлахъ; а какъ разговѣлись да позавтракали,—старшіе выпили русскаго винца ради праздника, младшіе принялись кое за какія домашнія

лакомства,—тутъ и пошелъ разговоръ: и о томъ, кто въ церкви гдѣ стоялъ, и о томъ, въ какомъ нарядѣ кто былъ, и такъ дальше да дальше, дошла очередь и до нашего Гаврилы грѣшнаго... Поглядѣли на него пристально—что-же? Кафтанишко на немъ старый, порванный, кое-гдѣ позашитый свѣжими нитками, сапоги только верхи, и то дырявые, а подошвы вѣрно въ Москвѣ позабылъ; кушачишко-то видно, что и снова—то заплаченъ былъ три гривны, не болѣе....

— Гаврило!—сказалъ, смекнувъ дѣломъ, старшій изъ его родичей (у Гаврилы отца не было)—что это ты для праздника плохо принарядился такъ? али ты насъ морочишь, своего богатства показать не хочешь?...

Гаврило опять потупилъ глаза такъ-же, какъ и изъ Москвы вышедши.

— Да что-же, отвѣчай! теперь дни праздничные, надобно, чтобы душа на распашку была!

Гаврило не зналъ-бы, что и отвѣчать на это, да набравшись въ городѣ-то разнаго умничанья, а частію по собственной смышленности, вспомнилъ старинную сказку-прибаску да и вздумалъ ею деревенскимъ людямъ въ глаза пыли пустить, и отъ отвѣта повиннаго вывернуться, и началъ такъ:

— Да, что дѣлать, дядя Ѳомичъ, со мною бѣда сталась совсѣмъ неожиданная...

— Ой-ли? ай обокрали на дорогѣ—примолвилъ усмѣхаясь Ѳомичъ,—изъ-за пазухи видно кафтанъ или шляпу вытащили?

— Такъ—не такъ, а вотъ было какъ... да что разсказывать? вы чай такому диву и не повѣрите?

— Какъ не повѣрить? безъ божбы все за правду почтемъ, только не ложь говори.

— Да что мнѣ лгать? ото лжи немного прибыли.

— Да и не то что прибыль, а гляди чтобы накладу не было.... Ну-ко разсказывай, что тамъ съ тобою попритчилось? больно любопытно знать.

— Инъ, пожалуй, для ча не разсказать. Вы кто въ Москвѣ бывали-ли?

— И гдѣ намъ бывать! отозвались многіе голоса,—бывали тамъ еще дѣды наши, да и то давнымъ давно.

Разсказывали правду много диковиннаго.

— Ну, а московскихъ воронъ видали-ли?

— А что, развѣ крупнѣе нашихъ что-ль?

— Крупнѣй, не крупнѣй, только хитрѣй смышленѣй....

— Чѣмъ-же?

— Да ужъ больно продувны, насмѣшливы.

— Какъ-такъ?

— А вотъ какъ. — И началъ, и почалъ Гаврило честному люду въ глаза пыли пускать, краснымъ словомъ темное дѣло расцвѣчивать.... Вышелъ я, говоритъ, изъ Москвы, какъ слѣдуетъ: на мнѣ былъ синій кафтанъ, красный кушакъ, сапоги съ наборами и шляпа новая залихватская. Да, я вышелъ изъ города молодцомъ было, а вотъ тутъ и случился грѣхъ;—или то ужъ вправду бѣсъ попуталъ, или несмышленность моя была причиною! Только я вышелъ изъ-за заставы, да отправился по дорогѣ сюда,—вдругъ вижу, летитъ прямо надо мною и кричитъ ворона московская: „залихватская шляпа!“— мнѣ послышалось, что ворона кричитъ: „дурацкая шляпа!“ я снялъ да и бросилъ съ досадою; иду далѣе, другая ворона летитъ и кричитъ: „съ наборами сапоги! съ наборами сапоги!“ я подумалъ, кричитъ она: „сворованы сапоги!“ скинулъ да и кинулъ; дальше иду, третья ворона летитъ и кричитъ: „красный кушакъ! красный кушакъ!“ мнѣ показалось, кричитъ: „грязный кушакъ!“ разсердился я крѣпко, сорвалъ его, да распоясавшись такъ и иду; четвертая ворона летитъ и кричитъ: „синь кафтанъ!“ мнѣ послышалось: „скинь кафтанъ!“ какъ хватилъ его, и долой съ себя—да вотъ такъ и пришелъ сюда, въ чемъ видите.

— Гм! А казна-то гдѣ?

— Да осталась въ кафтанѣ, въ боковомъ карманѣ:— вѣдь въ Москвѣ на то и карманы шьютъ, чтобъ въ нихъ деньги носить.

Тутъ посмотрѣлъ на него прямо и строго дядя Ѳомичъ, да и вымолвилъ:

— Вотъ я тебѣ на твою эту сказку побаску скажу,—раскуси-ко ее, можетъ понравится... Былъ молодой котенокъ у насъ; шаловливъ онъ былъ больно—

бабы избаловали потачкою, мало стегали его,—по молодости все прощали бывало ему—если онъ и замяучитъ не къ мѣсту голосно, или оцарапнетъ кого, или сшалитъ—стащитъ съѣстное что нибудь,—ему, какъ котенку рѣзвому, молодому, все это спускалось;—а какъ этотъ котенокъ повыросъ, и сталъ котомъ, да своимъ настоящимъ дѣломъ-то не занимался—мышей то ловить не ловилъ, а только зналъ мяукалъ, воровалъ, да царапкался,—такъ ему изъ избы-то и сказано: „брысь!“

Понимаешь?...

Увидалъ Гаврило, что штука не удалась, что не преклонилъ на жалость, и не разсмѣшилъ побаскою онъ своего строгаго родича... Въ потъ сердягу ударило.

— Эхъ ты, голова простоволосая!—продолжалъ потише нѣсколько дядя Ѳомичъ,—такъ московскія-то вороны тебя и раздѣли совсѣмъ?... Видишь, какъ онѣ тебя грѣшнаго отдѣлали!... Правдива, видно, пословица: что и противъ вороны дураку нѣтъ обороны!

Было тутъ смѣху надъ Гаврилой не мало; даже малые ребятишки, смотря на большихъ, хохотали—и сами не зная чему, до устали. Гаврило-жъ и взглянуть не могъ прямо на своихъ родныхъ; тоска его взяла сильная: всѣ веселятся, а онъ что сычъ въ лѣсу, на котораго денною порою воробьи напали въ расплохъ,—ужъ и малые-то ребята надъ нимъ тѣшатся! Не вытерпѣлъ Гаврило, заревѣлъ голосно и, упавъ въ ноги старшему родичу, повинился во всемъ по истинѣ, не приплетая лжи, не силясь кудрявымъ словомъ изъ прямой правды выпутаться. Для такого святаго праздника даже и не пожурили Гаврилу, какъ-бы слѣдовало, а сжалившись простили его, промолвивъ только оговорку: „Смотри, братъ Гаврило, чтобы впередъ того не было.... вороны московскія—хитрый народъ!“

И будто, видите, точно Гаврило на другой-же годъ, отправившись безъ похвальбы въ городъ на заработки, такъ сталъ трудящъ, дѣленъ и честенъ, что уже къ свѣтлому празднику явился въ деревню дѣйствительно въ синемъ кафтанѣ съ прочими принадлежностями. Да

чего еще, — хитрую науку въ деревню принесъ: сталъ учить тамошнихъ ребятишекъ,—вмѣсто того, чтобы имъ пустяками заниматься да шлянды бить,—плесть изъ ивовыхъ прутьевъ какія-то корзины узорчатыя; а отъ своего хозяина принесъ своимъ родичамъ, кромѣ денегъ, какой-то за печатью листъ, въ которомъ значилось, что онъ, Гаврило, за свое умѣнье въ рабочемъ дѣлѣ, былъ, въ предпослѣдніе три мѣсяца, поставленъ въ Москвѣ набольшимъ надъ молодыми работниками.

Вотъ тогда-то Гаврило уже не печальпо, какъ въ прошлый годъ, а радостно встрѣтилъ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Иванъ Ваненко.

Вешнее солнце взошло надъ землей:
Пахарь—красавецъ идетъ за сохой.
Тихо идетъ онъ и громко поетъ:
„Кто-то весною, какъ пахарь живетъ?“
Рѣзвая пташка летитъ въ небеса;
Рано проснулась на крыльяхъ роса.
Съ пахаремъ пташка поутру поетъ,
Къ ночи подруга въ гнѣздѣ ее ждетъ.

Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Жили были два мужичка, у одного изъ нихъ была лошадка молодая, гнѣдая, бѣдовая, а у другаго телѣга просторная, сосновая, новая. Задумали тѣ мужички сдѣлаться на время товарищами: поѣхать вмѣстѣ въ городъ, чтобы себѣ тамъ какую прибыль найти; и хотя каждый ѣхалъ за разнымъ дѣломъ, да ѣхать случилось по одному пути.

Согласились и сложились: равно по мѣшечку взяли съ собой поклажи, равно выпили для куражу; равная дорогой условлена плата, по полтинѣ съ брата,— совсѣмъ какъ надобно товарищи!

Собрались, заложили гнѣдую лошадку въ новую телѣгу и отправились, весело завалившись на соломѣ, да попѣвая оба разными голосами пѣсню одинаковую.

Ѣхали долго-ль, коротко-ли, невѣдомо; только по сію пору все шло хорошо, ладно у нихъ,—и лошадка, какъ надобно, бѣжала рысцой, и телѣга, гдѣ слѣдуетъ поскрипывала,—анъ тутъ-то вдругъ и приключилось неладное...

Гоня лошадку да калякая между собой, да распѣвая пѣсни, лежа въ телѣгѣ носами вверхъ,—заѣхали наши путники въ трясину—грязь великую, стала лошадка, а съ ней и телѣга тожъ. „Ну! ну—что стала? Эй! ну не бойся!—хлестаютъ лошадку, уговариваютъ... рвется сердечная, а телѣги сволочи не въ мочь;—какъ тутъ горю помочь? Хозяинъ лошадки первый сжалился. Ну, говоритъ,—братъ Родивонъ, вылѣзай вонъ! а то не выкарабкаемся. Самъ прыгнулъ съ телѣги и ушелъ чуть не по брюхо въ земляное мѣсиво. Взглянулъ на него Родивонъ съ телѣги и вымолвилъ: „Ну погоняй живѣй!“—Чего погонять и ты вылѣзай; вишь земля ровно тѣсто, и порожней телѣги не скоро выволочишь?

— Да какъ-же здѣсь вылѣзешь?—говоритъ Родивонъ,—вѣдь грязно...

— Чтожъ, что грязно? я вылѣзъ-же; перейдемъ топь обчистимся.

— Нѣтъ, спасибо братъ, погоняй себѣ какъ хочешь, или самъ подвози; а я не полѣзу вонъ, не стану мараться да пачкаться.

— Да чтожъ ты, загубить что-ли живота-то хочешь? вишь гнѣдая индо надсадилась.

— А мнѣ что:—она гнѣдая, твоя, а телѣга моя; а я въ своей телѣгѣ могу лежать сколько мнѣ хочется.

Стало было такъ и сякъ хозяинъ лошадки уговаривать Родивона нашего съ телѣги сойти; но тотъ себѣ залегъ, и знать ничего не хочетъ, и вѣдать ни о чемъ не намѣревается, да еще прикинулся, будто сонъ его крѣпко одолѣлъ; пусть молъ товарищъ помается, какъ нибудь да вывезетъ.

Товарищъ, точно, сначала долго маялся-бился, а послѣ за умъ схватился: телѣга-то молъ его, а лошадь моя; телѣга завязла, а лошадь авось выволочится? Такъ не говоря болѣе ни слова съ Родивономъ товарищемъ, отпрягъ онъ лошадку, снялъ съ телѣги свой мѣшокъ, взвалилъ на нее и самъ вскарабкался; да какъ нукнулъ, лошадка и пошла себѣ, хоть съ трудомъ, а начала переступать по грязи,—и благополучно опять стала свой путь коротать и подвигаться куда слѣдовало.

Родивонъ хоть и зажмурился, однако слышитъ между тѣмъ, и думаетъ: что за диво,—лошадь какъ будто идетъ, а телѣга все не подвигается?—Переждалъ немного и выглянулъ,—а товарищъ отъ него уже саженъ на двадцать!

Увидалъ въ чемъ дѣло Родивонъ, и завопилъ не своимъ голосомъ:—Макаръ Макарычъ! (небось вспомнилъ, какъ зовутъ и по батюшкѣ)—что-же это ты дѣлаешь? какъ-же мнѣ тутъ оставаться? вѣдь безъ лошади на одной телѣгѣ не выѣдешь!

А тотъ ему въ отвѣтъ махнулъ рукой, да его-жъ почти словами и вымолвилъ: „Телѣга твоя, а гнѣдая моя; а я на своей гнѣдой могу ѣхать, куда мнѣ хочется. Прощай братъ Родивонъ! проспи до утра; выспишься, будешь уменъ“.

И правы, сказываютъ, были рѣчи Макара Макарыча: если прилучалось послѣ того Родивону съ кѣмъ одно дѣло вести, то уже онъ въ нуждѣ не оставлялъ безъ помощи своего товарища,—да видите и дѣтямъ своимъ наказъ оставилъ такой: „съ кѣмъ затѣялъ быть вмѣстѣ, съ тѣмъ и будь за одно, и товарища въ нуждѣ всегда береги; а не то онъ изъ друзей попадетъ во враги“.

Иванъ Ваненко.

Борода.

Борода-ль моя бородушка!
Борода-ль моя бобровая!
Посѣдѣла ты, бородушка,
До поры своей, до времени!

Поведешь, бывало, гаркнувши,
Усомъ чернымъ молодецкимъ:
Красна-дѣвица огнемъ горитъ,
Дочь боярска таетъ въ полыми;
Прикушу тебя, косматую,
Басурманинъ злой съ коня летитъ,
Дряблый нѣмецъ въ нору прячется.
Занесло тебя, родимую,
Да не снѣгомъ, да не инеемъ—
Сѣдиной лихой, кручиною;
Растрепалъ тебя, кудрявую,
Да не вѣтеръ, да не лютый врагъ—
Растрепалъ тебя нежданный гость.
Что нежданный гость—змѣя тоска.
Борода-ль моя бородушка!
Борода-ль моя бобровая.

Тимоѳеевъ.

Нѣтъ худа безъ добра.

Ѣдетъ мужичекъ путемъ дорогою, по пути ему пѣшеходъ идетъ. Ну, конный пѣшему не товарищъ, дѣло извѣстное; а нашему пѣшеходу хотѣлось-бы влѣзть къ конному въ товарищи,—причина вѣстимая: пѣшій умаялся, усталъ; а конному нѣтъ и нуждушки, — ѣдетъ себѣ, дремлетъ да покачивается.

Такъ конный ѣдетъ да дремлетъ, а пѣшеходъ идетъ да пыхтитъ, а путешествуютъ рядышкомъ.

Глядитъ пѣшеходъ, озирается, присѣсть ему на телѣгу очень-бы хотѣлось,—да неловко какъ будто сѣдока коннаго потревожить: во первыхъ тотъ самъ больно дюжъ-плотенъ,—да и дремлетъ, къ тому-жъ не словоохотенъ; а второе—и лошадка-то его больно тоща да худа, насилу передвигается.

И долго плетутся они такъ вмѣстѣ по одному пути: пѣшеходъ умаялся, лошадка еле тащится, а не отстаетъ отъ него.

Пѣшему и вздумалось: а что молъ, коли она одного везетъ не останавливаясь, то хоть и плоха, а какъ нибудь двоихъ дотащитъ авось; только вотъ бѣда: сѣдокъ лѣнтяй неразговорчивый, сидитъ да дремлетъ, точно лошадь не его, точно ему до нея и дѣла нѣтъ. Пѣшеходъ не простакъ, однакожъ: прежде кашлянулъ громко, задумавъ дѣло повести,—кашлянулъ такъ, чтобы сѣдокъ проглянулъ, очувствовался, а послѣ и рѣчь повелъ.

— А что, дядя, далеко-ли путь держишь?

— Чаво?

— Далеко-ли ѣдешь-молъ?

— До села Тугаева

— То-то твоя лошаденка и туга на ходу:

Я вотъ версты съ три все съ ней рядомъ иду.

— А что-жъ станешь дѣлать? дороги плохи!

— Такъ, такъ, истая правда,—что если плохо идется, то плохо и ѣдется.

— Вѣстимо...

Тутъ было оба замолчали: ѣздокъ зѣвнулъ и опять принялся дремать, но пѣшеходъ опять съ рѣчью къ нему:

— Да, часто, дядя, многое на свѣтѣ кажется плохо намъ, а глядишь—ино выходитъ съ хорошимъ пополамъ.

— А какъ-бы это такъ?

— А вотъ примѣрно какъ... Вотъ со мной самимъ разъ какой случай былъ—слышь?

— Слышу.

— Ну вотъ... разъ мнѣ понадобилось гороху на посѣвъ... слышь?

— Слышу

— Ну, я поѣхалъ за нимъ на базаръ, а дорогою-то и запоздалъ... слышь?

— Ну слышу.

— Да, и запоздалъ; а гороху непремѣнно надобно было купить, а его, думаю, нѣтъ на базарѣ: издали видно было, что торговцы почти всѣ поразъѣхались, а гороху крайне нужно купить... такъ какъ съ этимъ дѣломъ быть? а?

— Плохо.

— Ты говоришь плохо, а вышло хорошо.

— Чѣмъ-же хорошо?

— Да все тѣмъ-же; какъ выѣхалъ я на базаръ-то... слышь?

— Ну?

— Анъ и вижу, что тамъ одинъ мужичекъ съ возомъ застоялся, видно, изъ-за цѣны, продавать ломался; горохъ-то у него есть, а покупать некому,—слышь?

— Ну?

— Ну я и купилъ чуть не за полцѣны.

— Это ладно.

— А вышло неладно.

— Отчего-жъ?

— А вотъ я тебѣ разскажу отчего... Я сторговавши горохъ-то... Да что ты лошаденку-то гонишь? я насилу поспѣваю за ней.

— Чего гнать, она сама себѣ идетъ.

— Такъ видно я умаялся ужъ больно, теперь и не поровняюсь съ ней.

Сталъ пѣшеходъ какъ-бы по отставать, а самъ продолжаетъ свою исторію.

— Сторговавши горохъ-то дешево, я его много накупилъ, а опоздавши временемъ, сильно заспѣшилъ, взваливши горохъ на телѣгу, кое-какъ погналъ лошадку домой,—мѣшокъ-то въ пути развязался,—горохъ-то почитай весь на дорогу и высыпался.

— Это плохо.

— Анъ вышло не плохо, а хорошо.

— Какимъ-же манеромъ?

— Да вотъ какимъ... Эхъ! ноги-то умаялись, не подъ силу ковылять за тобой.

— Такъ—инъ присядь ко мнѣ, коли усталъ, авось какъ нибудь дотащимся.

Пѣшеходъ долго не мѣшкалъ, взялъ да и присѣлъ; и сѣдокъ какъ будто поободрился, пересталъ дремать; любопытство его стало разбирать. Пѣшеходъ, усѣвшись плотно, продолжалъ разсказывать.

— Видишь, какъ я началъ подбирать горохъ-то,— какъ разъ—то, что нашелъ въ пыли знатную подкову новую,—а другое, что и гороху-то вмѣсто неполнаго мѣшка набралъ верхомъ полнехонекъ.

— Гмъ! что-жъ, это, пожалуй, ладно.

— То-то, что нѣтъ.

— Какъ-же нѣтъ?

— Да вотъ какъ: горохъ-то какъ я посѣялъ, онъ у меня и вышелъ рѣдокъ; былинка отъ былинки далеко пошла.

— Нехорошо.

— Нѣтъ, это вышло очень хорошо.

— Чѣмъ-же хорошо?

— А тѣмъ, что вышелъ-то онъ хоть и рѣдокъ, да уродился стручистъ, да и стручья-то вышли и полны и тяжелы.

— Да, это ладно.

— А вотъ сдѣлалось дѣло хоть брось.

— Какъ-же?

— Просто бѣда!... какъ посѣялъ-то я его рѣдко, то посѣвомъ-то и захватилъ чужой земли... Ну, взбѣленился сосѣдъ, пошло у насъ съ нимъ судбище: поѣхали справщики, межевщики-землемѣрщики,—да и меня и сосѣда такъ было объегорили, что окромя траты, стало неизвѣстно, чья и земля-то, что посѣвомъ занята.

— Плохо.

— Что за плохо! вышло-то ладно для меня.

— Ну какъ-же это?—не придумаю.

— А вишь оно какъ:—сосѣдъ-то, знаешь, богаче меня былъ, такъ и сдѣлалъ всей подъяческой компаніи большой посулъ, сдѣлалъ да и надулъ, ничего имъ, ни ерша не далъ, вина ни чарки не выставилъ; а я тутъ какъ слѣдуетъ, поподчивалъ всѣхъ, чѣмъ Богъ послалъ, да съ небольшимъ приношеньицемъ подвернулся,—земля-то вся и стала моя.

— Вотъ хорошо; лучше кажись чего-же?

— Хорошо оно хорошо, а вышло негоже.

— Отчего-же?

— Да оттого, что я, сдѣлавшись богаче, зажилъ иначе: совсѣмъ измѣнился, на печь завалился; мнѣ-бы ино въ поле, а я оттолѣ; мнѣ-бы молотить, а я брагу пить; гдѣ-бъ побыть съ семьей, а я изъ дому!—А тутъ еще начали ходить ко мнѣ друзья-пріятели, чужа добра искатели, съ поздравленіемъ... меня-то споили да опили,—да и жену-то у меня отбили, отняли:—„не хочу“, сказала, „жить съ пьяницей!“ забрала съ собою и дѣтей и всю свою худобу-имущество и ушла къ своему отцу.

— Да, это штука скверная.

— Отчего-же она скверная?... безъ жены-то да безъ дѣтей я и зажилъ просто паномъ припѣваючи: рано-ль, поздно-ль всталъ, дѣломъ-ли занялся или на печи пролежалъ, пошелъ-ли со двора не во время, али хоть и совсѣмъ въ гостяхъ заночевалъ,—никто тебѣ ни слова не скажетъ на это,—не попрекнетъ, ни на досаду тебя не наведетъ, какъ хочешь, такъ и живи себѣ.

— Оно, пожалуй, этакъ-то бъ и ладно.

— Такъ, а на дѣлѣ вышло просто дрянь.

— Чѣмъ-же?

— Да вотъ хоть тѣмъ, напримѣръ... Придешь домой, станешь точно болванъ какой; не съ кѣмъ тебѣ слова перемолвить ни печальнаго, ни веселаго, некому пересказать ни горя, ни радости... ино хоть, отъ неча-дѣлать и побраниться-бы радъ,—такъ не съ кѣмъ поди!.. Такъ со всѣмъ было одичалъ, говорить было разучился; а къ тому-жъ обтерся, обносился,—прорѣха,—починить некому, все бывало прежде дѣло это женино;—а ужъ какая чернота пошла по избѣ, такъ и самому пойти совѣстно.

— Да, вправду нехорошо.

— Ну и это опять нельзя сказать: дѣло сладилось.

— Какъ-же такъ?

— А вотъ такъ, тянясь, да лѣнясь, дожилъ я до бѣды; а пристукнуло горе, сталъ парень хоть куды: себя исправилъ и питье оставилъ; а услышала про это жена, такъ опять пришла сама.

— Вотъ это хорошо.

— Чего хорошо? вѣдь она не одна пришла, а и ребятишекъ всѣхъ съ собой привела: такъ тутъ снова,

я тебѣ скажу, такой ералашъ пошелъ—только рукой махни!

Видитъ хозяинъ телѣги, что исторія и любопытна, да не скоро видно покончится, а лошадка, везучи двоихъ, очень сердяга устала;—жаль ему ее стало; дѣлать нечего; вылѣзъ онъ самъ изъ телѣги и пошелъ съ ней рядкомъ, розсказни товарища дослушивая.

— Что-жъ твои ребятишки надоѣдливы что-ль.

И товарищъ—сѣдокъ, продолжая свою исторію и приплетая то ладное, то неладное, поразсказалъ своему слушателю много еще кое-чего,—и какъ одинъ изъ его сыновей такой видишь неладный былъ, что насилу насилу, и то не въ очередь, въ рекруты угодилъ; и какъ онъ вишь послѣ ладнымъ сдѣлался, что чуть-ли не въ капралы попалъ; и какъ онъ послѣ того жениться задумалъ и отца съ матерью къ себѣ на свадьбу звалъ...

— Ну вотъ, такъ ты у сына и на свадьбѣ пировалъ?... вотъ чай это ладно было? а?

— Да, ужъ тутъ теперь пока ладно,—промолвилъ разскащикъ, слѣзая съ телѣги; спасибо, дядя, что подвезъ меня! а вотъ деревня наша и избушка моя. Пока теперь прощай! а коли хочешь знать, что у насъ было, опять заѣзжай, и если трафится по пути, такъ меня захвати. Вылѣзъ разскащикъ изъ телѣги вонъ, отвѣсилъ товарищу поклонъ и побрелъ къ хатѣ своей.

Посмотрѣлъ ему вслѣдъ конный товарищъ, его слушатель, да взглянувъ на свои грязные сапоги, вымолвилъ: „видишь краснобай какой! какъ онъ заговорилъ меня своими баснями: ради ихъ я верстъ гляди съ пять пѣша прошелъ, грязь протопталъ, а онъ въ моей телѣгѣ пролежалъ да прокатился какъ въ маслѣ сыръ... А впрочемъ и то ладно вѣдь: парень-то онъ щедушный, а дорога-то плоха, такъ лошади-то везти было еще съ пола-горя, а кабы она меня всю дорогу везла, глядишь еще не такъ-бы умаялась!“

Стало быть точно,—нѣтъ худа безъ добра.

Иванъ Ваненко.

Какъ мужичекъ Ермилъ своей смышленностью барина удивилъ.

Бываютъ на свѣтѣ задачи простыя, которыхъ порою не могутъ рѣшить люди мудрые, бываютъ задачи мудрыя, которыя простые люди рѣшаютъ такъ себѣ, запросто,—точно вотъ табаку нюхнулъ; а умные, ученые, глядя на нихъ, въ это время только удивляются.

Много премного есть разсказовъ про это, и хотя ихъ ученый иной и зналъ и слыхивалъ,—а задай ему вдругъ невзначай, какую нибудь задачу простую этакую,—глядишь пожалуй и не выведетъ.

Такъ вотъ разъ одинъ добрый человѣкъ таковую кому-то задачу сказалъ: „Трое“, говоритъ, „шли, пять рублей нашли; семеро пойдутъ, много-ли найдутъ?“

И далъ онъ такую задачу человѣку книжному-хитрому, счетчику-ариѳметчику; и что-жъ?... тотъ мерекалъ, мерекалъ,—безъ счетовъ, говоритъ, не сложить никакъ“.

Или другой, напримѣръ, задалъ такой вопросъ человѣку-дѣльцу, молодцу по своей части, слесарю-оружейнику смышленному,—что замокъ тебѣ какой хочешь изладитъ, и ломъ и заступъ скуетъ, и, пожалуй, цѣлое ружье со всѣмъ припасомъ смастеритъ,—задалъ ему такой вопросъ: „А что прежде всего на-перво первый кузнецъ выковалъ: молотъ али клещи?“... Думалъ-думалъ хитрецъ-молодецъ, такъ и не додумался!—Да и впрямь, кажись, возьми какого хочешь ученаго разученаго спроси,—ну что на это отвѣтитъ онъ?... скажетъ: „молотъ, молъ, прежде;“—такъ чѣмъ-же онъ раскаленное желѣзо держалъ, когда его ковалъ?... Скажетъ: „клещи прежде“, такъ какъ-же онъ безъ молота ихъ выковалъ?—Да, какъ хочешь, ни за что не порѣшишь.

Или вотъ еще, примѣрно, одинъ другаго спрашивалъ: „что отъ чего произошло,—яйцо отъ курицы, или курица отъ яйца?“—тоже она штука простая, а замысловатая: безъ курицы вѣстимо яйца не будетъ куринаго, а безъ яйца и курицы ни изъ чего другаго не

выведется.... Однако на это другой тоже вопросомъ такимъ отвѣчалъ: „Давай“ говоритъ, прежде стукнемся хорошенько лбами другъ съ дружкою, да и посудимъ потомъ: отъ чьего лба въ это время стукъ раздастся—отъ твоего или отъ моего?—вотъ можетъ быть тогда и первый вопросъ порѣшимъ.“ Но товарищъ почему-то не согласился, заупрямился—и вопросы стало быть тѣ не порѣшилъ.

Эти примѣры я такъ, къ примѣру прибралъ, какъ, то есть, иной порой умные люди бываютъ ненаходчивы; и случается на оборотъ: иной человѣкъ, простакъ съ виду, а замысловатое дѣло въ минуту поймета-разберетъ,—это ужъ, выходитъ, такая смышленность съ роду далась.

Вотъ, извольте, разскажу такой примѣръ нашъ русскій, доморощенный; то есть тѣмъ разскажу, кто не знаетъ его, а кто знаетъ—ну, прошу прощенія за повтореніе.

Похвалился разъ мужичекъ Ермилъ на сельскомъ пиру, подъ хмѣлькомъ видно былъ. (Впрочемъ говорятъ разное: кто говоритъ, что Ермилъ точно много пилъ, а кто говоритъ, что онъ совсѣмъ трезвый былъ; кто говоритъ, что онъ похвалился сдуру, а кто—что съ умыслу). И вотъ въ чемъ его похвальба была:—„если-бъ, сказалъ Ермилъ, бояринъ постановилъ меня старостой, то я всѣмъ-бы дѣламъ другой толкъ повелъ; я бы никогда никого-бы не обнесъ; не одѣлилъ, лишняго-бы ни съ кого не взялъ и ненужнаго-бы никому не далъ, умѣлъ-бы все правдиво и вѣрно дѣлать, давать правильно кому что слѣдуетъ—то есть, просто сказать, умѣлъ-бы надѣлять кому по почету, кому поровну.

Тотчасъ нашлись люди досужіе, донесли эти рѣчи боярину. Бояринъ не долго думалъ, говоритъ: „позвать мнѣ мужика этого.“

Пришелъ нашъ сермяжникъ на расправу, кланяется.—„Что прикажешь, бояринъ милостивый?“

— Ну-ка, молодецъ, хваленый дѣлецъ, ты. сказываютъ, въ дѣлежѣ всякому угодить горазъ. умѣешь дѣлить всякую вещь и по почету и поровну... Ну такъ вотъ тебѣ ради примѣра гусь жареный: раздѣли-ка его

по почету между семьей моей! Буде сможешь, быть тебѣ старостой, а не угораздишься,—будетъ тебѣ за похвальбу некошную поученьице тошное... Нутко, дѣли!...

Бояринъ въ это время за столомъ обѣденнымъ со своимъ семействомъ сидѣлъ и нарочно въ ту пору мужичка позвать велѣлъ, чтобы всѣ видѣли, какъ хвастливый простакъ мужичекъ изъ своей похвальбы вывернется.

Мужичекъ, ни слова сначала не говоря, перекрестясь, засучилъ рукава—и давай гуся дѣлить, обращаясь со словами къ тому, кому при дѣленіѣ что давалъ.

— Вотъ ты, батюшка-бояринъ, какъ-голова въ домѣ—вотъ тебѣ головка гусиная; ты матушка-боярыня ближе всѣхъ къ головѣ—вотъ тебѣ шейка: безъ нея вѣдь никакая голова не удержится; вы два хватика-сынка нашего боярина, подростете вы побольше, побѣжите вы въ стороны далекія разныхъ дивъ смотрѣть, ума-разуму набираться и службу свою обязанность исправлять, какъ и батюшка-кормилецъ вашъ,—то для того, чтобы скорѣй туда дойти, да вернуться послѣ трудовъ къ своимъ родителямъ—вотъ вамъ по ножкѣ-бегуньѣ, чтобы было ладно и стоять и ходить; вы матушки-боярышни—васъ то-же парочка,—да никого-то еще пока вамъ подъ пару нѣтъ... пообождите маленько, придетъ и вамъ время-пора, вспорхнете вы, что голубушки бѣлыя, полетите изъ дома родительскаго въ домѣ себѣ гнѣздышко совивать... такъ чтобы легокъ, нескученъ полетъ вашъ былъ—вотъ вамъ по крылышку! Раздѣлилъ я вамъ гуся, а мнѣ какъ-бы нѣтъ ничего... ну да я мужикъ-глупъ, себѣ хлупъ!

Взялъ, что осталось гуся, подъ-мышку мужичекъ, раскланялся да и вонъ пошелъ.

Бояринъ, боярыня и дѣти боярскіе такъ и покатываются со смѣху: смышленъ-де мужикъ, даромъ простакъ; кафтанъ-то у него сѣръ, а умъ-то видно не лукавый съѣлъ!

Постойте-жъ, говоритъ бояринъ, задамъ я ему еще задачу одну,—буде и эту порѣшитъ, то быть ему старостой, тогда ужъ будетъ видно, что онъ плутъ продувной и зародился на это.

Бояринъ велѣлъ опять мужичка позвать.

— Ловко, говоритъ, ты по почету дѣлилъ; сдѣлай-же теперь еще дѣлежъ: вотъ видишь—тутъ теперь пять гусей жареныхъ (бояринъ велѣлъ допрежде столько для шутки принести),—а насъ съ женой да съ дѣтьми шестеро; такъ раздѣли-ко ты этихъ гусей всѣмъ поровну,—только не одного гуся не рушь, а давай по цѣлому!...

— Благоволи-же, кормилецъ-бояринъ, мнѣ при этомъ и себя не обчесть,—молвилъ Ермилъ кланяясь,—это не для того, чтобы мнѣ мужику-дураку смѣть стать въ уровень съ вашей милостью, а только ради того, кормилецъ ты мой, чтобы по справедливости и мнѣ, дурню, сошлось что нибудь за хлопоты.

— Ладно, ладно!—молвилъ баринъ смѣясь, ну, пожалуй, будь ты седьмымъ,—дѣли-же всѣмъ семерымъ по ровну пятокъ гусей цѣликомъ!—

Мужичекъ, благословясь большимъ крестомъ двумя пальцами, опять принялся за дѣлежъ.....

— Ты бояринъ, одинъ, да твоя боярыня съ тобой, да вотъ гусь между васъ,—вотъ трое васъ; вы молодые бояричи двое сидите рядышкомъ, вотъ вамъ гуся—и васъ стало трое теперь; вамъ матушки боярышни гуська положу,—и васъ трое теперь надо считать, если съ гуся начать... Остался я одинъ было одинехонекъ, да вотъ у меня два гуся по-сторонамъ—вотъ и я втроемъ! Теперь сами разсудите,—если скажутъ по тройкѣ, значитъ поровну!

— Ахъ! пусто его,—инда вскрикнулъ бояринъ со смѣха надсѣдаючись,—ну ужъ хватъ-молодецъ!... Отдать ему этихъ двухъ гусей, да поставить его въ старосты!...

Конечно такое приказаніе тотчасъ и было выполнено: вошелъ мужичекъ къ боярину простачкомъ, обыкновеннымъ мужичкомъ, а вышелъ отъ барина какъ-бы другимъ человѣкомъ—вышелъ мужичкомъ-старостою!...

Такъ вотъ за что, молъ, получилъ такое титло почетное?... а за смышленность свою, порѣшилъ задачи и простыя да небывалыя... Да, поди-тко, другой порѣши!

А вѣдь по истинѣ, если хорошенько оглядѣться кругомъ,—то можно сказать, ни мало не хвалясь, что у

насъ на Руси найдется много такихъ мужичковъ-простачковъ, которые по своей толковитой догадливости могутъ многое кое-чего своимъ простымъ умомъ разсудить,—только имъ прямо дѣло въ руки дай, да по чужому—ученому вилотную-то дѣлать не заставляй.... Да если-бы еще такому мужичку русскому да далась хорошо родная грамота... куда-бы ладно вышло оно!

Иванъ Ваненко.

Ладно-ли въ ладу жить.

Повѣсть эта давняя, притча эта древняя,—басня она Езопова.

Жилъ нѣкогда старъ-человѣкъ, и приходило уже время ему преставиться,—то есть, оставляя другихъ на этомъ свѣтѣ, самому на тотъ свѣтъ отправиться.

Было у этого старъ-человѣка семеро сыновей старъ-стара больше,—самому крупному почитай тридцать лѣтъ и всѣ по-годки.

Вотъ, умираючи, призвалъ къ себѣ своихъ семерыхъ дѣтей тотъ старъ-человѣкъ, и повелъ къ нимъ такую рѣчь:

— „Дѣти мои милые, соколы ясные! приходитъ моя пора-время, долженъ мой животъ покончиться, оставляю я васъ безъ себя сиротами круглыми. Вы ребятишки точно не маленькіе: старшему, почитай, тридцать лѣтъ,—стало быть кое что на свѣтѣ знаете,—да вотъ бѣда сила въ чемъ: ребятки-то вы—не совсѣмъ порою разумные,—часто изъ-за пустаго дѣла ссоритесь,—а это мнѣ цѣлый вѣкъ глядя на васъ, нелюбо... Слушайте-же, коли вы да безъ меня будете несогласно жить, то погибнете всѣ, аки капустный червь осенью студеною,—отъ вашего несогласія придетъ вамъ нужда—туга великая! Тѣмъ-же братьямъ изъ васъ, что согласно живутъ,—будетъ и радость, и покой, и почетъ большой; и никто на нихъ силой не пойдетъ, никто имъ недобраго слова не вымолвитъ!... Да вотъ, ради примѣра, принесите мнѣ пукъ изъ семи прутьевъ ивовыхъ...

Дѣти выполнили, что отецъ велѣлъ: принесли пукъ въ семь прутьевъ ивовыхъ.

— „Ну, сказалъ старъ-человѣкъ, обращаясь къ сыну старшему,—ну, ломай этотъ пукъ пополамъ!“

Принялся ломать старшій братъ, держа себѣ на умѣ:—что, молъ, это старику пришла блажъ въ голову?— Возился, возился надъ пукомъ прутьевъ, но сломать его не смогъ.

Потомъ второй братъ принялся; тамъ третій и прочіе, до седьмаго по очереди, но пука сломать не сломали, только что немного помяли, а сами таки порядочно измучились.

— Вотъ, говоритъ опять старъ-человѣкъ, съ такой бездѣлкой да какъ возитесь! что же-бы было, если-бы въ пукъ-то семнадцать прутьевъ вложить?... Ну, теперь развяжите-же пукъ да возьмите по одному прутику.

Дѣти исполнили его приказаніе.

— Ну, ломайте теперь.

— Теперь какъ не сломать! молвили братья; да какъ хватилъ о колѣно каждый прутикъ свой,—то изъ каждаго прутика и стало два.

— Такъ вотъ понимаете-ли теперь тутъ сила въ чемъ?—примолвилъ старъ-человѣкъ: будете вы жить вмѣстѣ крѣпко и дружно, не разставаючись,—васъ, положимъ, и погнетъ, покорчитъ порою горе-бѣда, а сломать ей васъ не подъ силу придетъ; а буде вы порознь разойдетесь, то васъ и малая забота-нужда, какъ эту хворостинку, пополамъ перегнетъ.

И поняли, и приняли дѣти отцовъ совѣтъ: не разлучались они, и другъ друга крѣпко держалися. Пожалуй иной порой было и не безъ ссоры у нихъ;—„вмѣстѣ живучи горшекъ съ горшкомъ столкнется“—говоритъ пословица,—а все-же они другъ отъ друга не шли, и какой, между ними случалось, разладъ не бывалъ, они на мировую про-межъ себя чужаго посторонняго ума не спрашивали, да никто посторонній и не мѣшался въ споры ихъ, держася тоже пословицы: „свои собаки грызутся, а чужая не приставай“.

И напослѣдокъ, отъ ссоръ-смутъ все болѣе отставаючи, живя все дружелюбнѣе да согласнѣе, дожили

тѣ братья до преклонныхъ лѣтъ, и сами вполнѣ испытали, и увидѣли, и другимъ собою примѣръ показали, что ихъ отецъ покойникъ былъ правъ въ своемъ благомъ наставленіи: что согласіе въ семействѣ самое лучшее и отъ Господа Бога благословенное.

А у кого уши не для красы только, тотъ выслушаетъ и пойметь, для чего пересказана эта разумная притча Езопова.

Иванъ Ваненко.

Ой—кабы.

Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала,
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимою цвѣты разцвѣтали,
Кабы мы любили да не разлюбляли,
Кабы дно морское достать да измѣрить,
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрить!
Ой, кабы всѣ бабы были-бъ молодицы,
Кабы въ полугарѣ—поменьше водицы,
Кабы всегда чарка доходила до рту,
Да кабы приказныхъ по боку да къ чорту!
Да кабы звенѣли завсегда карманы!
Да кабы намъ, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ!
Да батюшка-бъ царь нашъ всю правду-бы вѣдалъ!

А. Толстой.

Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова.

Послѣ очищенія Москвы отъ ляховъ и спасенія московскаго государства, надо было выбрать царя. Бояре и воеводы послали гонцовъ во всѣ концы русской земли, велѣли звать въ Москву всѣ духовныя власти и выборныхъ отъ дворянъ и отъ всякихъ иныхъ людей. Бояре и воеводы просили, чтобы всѣ эти власти и выборные

лучшіе люди, договорились въ своихъ городахъ на крѣпко и взяли о государскомъ избраніи полные договоры. Когда многіе изъ нихъ съѣхались въ Москву, назначенъ былъ на три дня постъ, а потомъ начались соборы. Прежде всего порѣшили, чтобы изъ иноземныхъ королей и королевичей царя не выбирать, а выбирать природнаго русскаго. Какъ только на этомъ положили, такъ и пошли смуты: всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, а иные добивались до царства сами, подкупали и засылали. Но это тянулось недолго. На одномъ изъ соборовъ какой-то дворянинъ подалъ грамоту, что прежнимъ царямъ ближе всѣхъ приходится родней Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ,—его и надо выбрать. Въ это-же время подалъ грамоту донской атаманъ; въ грамотѣ его тоже было сказано, что природный царь есть Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Родъ Романовыхъ издавна былъ въ любви народной, начиная съ первой жены Ивана Грознаго, Анастасіи. И о ней, и о многихъ другихъ Романовыхъ, народъ хранилъ добрую память, а живымъ былъ отъ всѣхъ почетъ и любовь. А теперь, на земскомъ соборѣ, тягаться въ этомъ дѣлѣ съ Романовыми никому изъ бояръ не подъ силу. Какъ сказали дворянинъ и атаманъ, такъ и соборъ рѣшилъ: на царство посадить Михаила Романова. Послали въ города за именитыми боярами, которыхъ на ту пору не было въ Москвѣ; послали и за выборными, которые на соборъ запоздали; велѣли также вывѣдывать по городамъ и уѣздамъ, какъ думаетъ народъ. Когда бояре и выборные съѣхались всѣ, и прискакали гонцы съ вѣстію, что весь народъ хочетъ царемъ Михаила, назначили послѣдній соборъ. 21 февраля 1613 года, каждый выборный подалъ грамоту; пересмотрѣли всѣ грамоты,—вездѣ было написано одно имя: Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Послали четырехъ человѣкъ на Красную площадь, гдѣ толпился народъ; посланные стали на лобномъ мѣстѣ и спросили у народа: кого онъ хочетъ въ цари? „Михаила Ѳедоровича Романова!“ закричалъ народъ.

Отслужили молебенъ и на ектеніи помянули избраннаго царя Михаила Ѳедоровича Романова.

Къ новому царю соборъ отправилъ пословъ. Михаилъ проживалъ въ то время въ Костромѣ, въ Ипатіевскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ матерью своею, инокинею Марѳою. Ему было всего 16 лѣтъ. Послы пріѣхали и били Михаилу челомъ, чтобы пожаловалъ, по приговору всей земли, принялъ-бы царство. Но Михаилъ отказался на отрѣзъ; не соглашалась за него и мать его. Она говорила, что люди Московскаго государства по грѣхамъ совсѣмъ испортились; давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили; вся земля разорена въ конецъ, и идти теперь молодому Михаилу на царство, значитъ— идти на гибель. Послы со слезами упрашивали Михаила, чтобы соборнаго моленья и челобитья не презрилъ, чтобы воли Божіей не снималъ; говорили, что люди русскіе теперь наказались и пришли въ соединеніе. Долго умаливали Михаила послы, съ третьяго часа до девятаго, даже грозили ему, что Богъ взыщетъ на немъ конечное разореніе государства. Наконецъ Михаилъ согласился, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и обѣщалъ быть скоро въ Москву.

Съ той поры началъ благополучно царствовать Домъ Романовыхъ.

А. Петрушевскій.

Подвигъ Сусанина.

Поляки, продолжавшіе еще буйствовать въ русскихъ областяхъ, узнавъ о намѣреніи избрать на московскій престолъ юнаго Михаила, рѣшились, во что-бы то ни стало, схватить его и отправить въ Польшу или умертвить. Для этого одна изъ ихъ шаекъ, въ которыхъ были и литовцы, направилась въ Костромскія вотчины Романовыхъ, къ селу Домнину, гдѣ тогда находился избранный царь. Враги были уже недалеко отъ помѣстья Михаила, но, сбившись съ дороги, не знали, куда идти. Между тѣмъ, время было ненастное и начинало уже смеркаться. Въ 3-хъ верстахъ отъ Домнина, близъ деревни Деревнищъ, поляки встрѣтили крестьянина Ивана Осипова

Сусанина, вотчиннаго старосту Романовыхъ, и взяли его въ проводники. Сусанинъ, какъ староста, хотя и проживалъ въ селѣ Домнинѣ, при боярскомъ дворѣ, но былъ уроженцемъ Деревницъ, гдѣ имѣлъ свой домъ, въ которомъ жилъ въ это время зять его, Богданъ Собининъ. Догадливый Сусанинъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, успѣлъ тайкомъ наказать Собинину, что-бы тотъ, какъ можно скорѣе, спѣшилъ въ Домнино и предупредилъ Михаила объ угрожающей ему опасности, а самъ, помолясь Богу, повелъ злоумышленниковъ, какъ будто окольными дорогами, по окрестнымъ лѣсамъ и болотамъ, вмѣсто села Домнина, совсѣмъ въ противоположную сторону. Проплутавъ цѣлую ночь и разсчитывая, что Михаилъ имѣлъ уже достаточно времени, чтобы выѣхать изъ Домнина, Сусанинъ объявилъ, наконецъ, полякамъ, что сбился съ дороги.

— Ты обманулъ насъ!—воскликнули они.

Тогда, одушевленный своимъ великимъ подвигомъ, незабвенный Сусанинъ спокойно отвѣчалъ: „не я, вы сами себя обманули, полагая, что русскій можетъ выдать своего государя; Михаилъ Ѳедоровичъ спасенъ; вы далеко отъ его помѣстья; вотъ голова моя; дѣлайте со мною, что хотите; поручаю себя Богу“. Поляки, надѣясь еще поправить дѣло, начинаютъ уговаривать Сусанина вывести ихъ на дорогу, прельщаютъ его золотомъ, но онъ остается непреклоннымъ; тогда враги отъ льстивыхъ обѣщаній переходятъ къ угрозамъ, къ великимъ, неимовѣрнымъ пыткамъ, но и страшныя муки не измѣняютъ рѣшимость Сусанина. Послѣ этого, выведенные изъ терпѣнія, поляки бросаются, наконецъ, на свою жертву, и доблестный Сусанинъ погибаетъ подъ ихъ ударами. Между тѣмъ, Михаилъ, извѣщенный Собининымъ о намѣреніи злоумышленниковъ, уѣхалъ окольными дорогами въ Костромской Ипатьевскій монастырь, окруженный крѣпкими стѣнами, куда вскорѣ прибыли къ нему выборные отъ всей земли русской звать его на московскій престолъ.

И. Ремезовъ.

Жизнь за Царя.

Идутъ, а снѣгъ имъ по колѣни,
И къ вечеру ужъ близокъ день.
Устали Ляхи: слышны пени.
Не видно селъ, ни деревень.
Въ сердцахъ таится подозрѣнье,
Во взорахъ ихъ ожесточенье.
— Куда ведешь ты насъ, сѣдой?
Гляди, весь лѣсъ сплелся стѣной!
Нѣтъ ни тропинки, ни дороги,—
Въ какую глушь заведены!
Однѣ медвѣжьи тутъ берлоги
Чапыжникомъ завалены!
— Путь дологъ, кажется, родные
Тому, кто въ первый разъ идетъ;
Но волосы мои сѣдые
Вамъ знакъ, что я найду здѣсь слѣдъ.
Повелъ ихъ въ чащу, межь елями,
Гдѣ хлещетъ лѣсъ въ глаза вѣтвями,
И слышенъ межь нагихъ деревъ
Крикъ птицъ ночныхъ, звѣриный ревъ.
Мятель клубится въ ночи темной,
Холодный, зимній вѣтеръ вылъ;
Въ дубравѣ, снѣгомъ занесенной,
Волкъ за добычею слѣдилъ
И совы зоркія летали.
Но вотъ со всѣхъ сторонъ оврагъ.
— Куда? Сусанину вскричали:
Куда ты насъ завелъ, злой врагъ?..
Погибнешь ты!— „Когда хотите,
Вотъ голова моя—рубите!
Ищите сами вы пути,
А до Царя вамъ не дойти!
Что стали? говорю вамъ ясно,—
Далеко наше солнце красно!
Мнѣ смерть близка, я знаю самъ,
За злато-жъ душу не отдамъ!
У русскихъ не найдешь измѣны“.

И палъ Сусанинъ пораженный,
Онъ палъ за русскаго Царя.

Кр. Слѣпушкинъ.

Императоръ Петръ I.

Петръ первый былъ слышкомъ 2 арш. 11 вершковъ и столько отличался ростомъ отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Саардамѣ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалости, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лицо круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ польскимъ въ биржѣ въ 1710 году, онъ велѣлъ подать штуку сукна и бросивъ вверхъ, кортикомъ прорубилъ ее на воздухѣ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ-же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебрянныя тарелки вдругъ, и потомъ между ладонями сплющилъ большую серебряную чашу. Въ Амстердамѣ въ 1697 году, въ довольно сильный вѣтеръ, останавливалъ рукою мельничныя крылья, чтобы лучше разсмотрѣть механизмъ нѣкоторыхъ частей.

Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще скорѣе, когда онъ занятъ былъ какою нибудь мыслію или увлекался разговоромъ. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при россійскомъ дворѣ, а именно цесарскій посолъ графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласится лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробыть у царя два часа на переговорахъ, потому что долженъ былъ, при всей тучности тѣла, бѣгать за нимъ все это время.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ на праздникахъ, которые давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность; но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣтомъ черный бархатный картузъ или треугольная шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Сѣрикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣщанскими или стальными пряжками. Зимою тотъ же нарядъ кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго картуза носилъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана надѣвалъ другой изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы подбиты были соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, а вмѣсто кожаныхъ башмаковъ—родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ.

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до его собственности; и могъ-ли онъ жить расточительно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ въ Новгородской губерніи?

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ парою; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя деньщиками—однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ.

Та-же простота, какую наблюдалъ царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. Указомъ отъ 30 Декабря 1701 года обыкновеніе предковъ нашихъ повергаться на землю или падать на колѣни при встрѣчѣ съ царствующими особами, было замѣнено поклономъ. Бывало, если на улицѣ кто нибудь изъ проходящихъ, поклонившись, останавливался передъ государемъ, онъ подходилъ къ нему и, взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: „чего ты“, и если тотъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его особѣ: „эхъ братъ“, продолжалъ Петръ, ударивъ его по головѣ: „у тебя свои дѣла, а у меня мои; ступай своей дорогой“.

Въ Петербургѣ царь былъ тоже, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, причемъ родительницамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ голову, по рублю серебромъ; пировалъ съ другими; плясалъ на свадьбѣ у такого-то и ходилъ за гробомъ у инаго. Случалось-ли ему имѣть къ кому нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ дубинки, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ: приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ.

Но, обращаясь открыто со всѣми, онъ того-же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто вздумалъ-бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. „За признаніе прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія“, повторялъ онъ часто: „лучше грѣхъ явный, нежели тайный“. Онъ любилъ правду даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла-бы другому показаться оскорбительною. „Князь Яковъ въ Сенатѣ“, отзывался онъ о князѣ Долгорукомъ: „прямой помощникъ. Онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ; безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо“.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, царь жилъ лѣтомъ во дворцѣ лѣтняго сада, зимою въ зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Эрмитажъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время С.-Петербургскія вѣдомости, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ государемъ.

Въ шесть или въ семь часовъ Петръ отправлялся въ Сенатъ или въ которую нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати. Слушалъ дѣла и споры сенаторовъ,

излагалъ свои мнѣнія, подписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой-бы могъ сдѣлать въ четыре. Въ одиннадцать часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената, причемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня было назначено для просителей. Въ 12 часовъ ворота лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Любимою стихіею Петра было море. Одинъ голландскій шкиперъ сказалъ ему, когда государь объявилъ, что предпринимаетъ катанья по Невѣ, чтобы не забыть морскихъ эволюцій: „нѣтъ, царь, ты не забудешь: я чаю, ты и во снѣ командуешь флотомъ“. Всѣ его дворцы въ Петербургѣ и окрестностяхъ или построены на морскомъ берегу, или окружены каналами, надъ которыми онъ частію самъ трудился. Онъ утверждалъ, что морской воздухъ есть лучшее для него лекарство отъ болѣзней, и если случалось ему занемогать въ приморскомъ городѣ, то приказывалъ переносить себя на одно изъ судовъ, стоявшихъ въ гавани.

Движимый этою страстью къ морю, Петръ самъ учился постройкѣ кораблей и на верфяхъ, съ топоромъ въ рукахъ, работалъ, какъ простой плотникъ. „Трудиться надобно, братецъ“, говорилъ онъ: „я и царь вамъ, а у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобы показать вамъ примѣръ и хотя-бы подъ старость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечеству“.

Корниловичъ.

Петръ Великій.

Много дѣлъ, „зѣло“ успѣшныхъ
Тѣмъ царемъ совершено;
Имъ заложено въ Потѣшныхъ
Войска дивнаго зерно.
Взялъ топоръ и первый ботикъ
Онъ устроилъ, сколотилъ;

И родилъ тотъ ботикъ флотикъ,
Этотъ флотикъ флотъ родилъ.
Онъ—за истину прямую—
Дерзость дерзкому прощалъ,
А за ложь, неправду злую,
Живота «весьма» лишалъ.
Царь съ Данилычемъ велъ дружбу,
А по службѣ все въ строку,—
Спуску нѣтъ: самъ началъ службу,
Барабанщикомъ въ полку.
Подъ протекціею женской
Не проскочишь въ верхній санъ!
Царь и самъ—Преображенскій
Сталъ недаромъ капитанъ;
Нѣтъ! онъ бился подъ Азовомъ,
Рыскалъ въ полѣ казакомъ,
И съ тяжелымъ и суровымъ
Бытомъ воина знакомъ...
И лишь только отвоюетъ—
Свѣжимъ лавромъ осѣненъ,
Чинно князю рапортуетъ
Ромодановскому онъ;
И, вступая постепенно
Въ чинъ за чиномъ, говорилъ:
„Князь-де милостивъ отмѣнно,—
Право, я не заслужилъ“.

. . . . . .

— Какъ-бы въ мудрость иноземцевъ
Намъ проникнуть?—думалъ онъ:
— Дай поучимся у нѣмцевъ!...
Только первый шагъ мудренъ.
Сердце бойко застучало...
Всталъ онъ, время не губя:
„На Руси всему начало
Царь,—начну-же я съ себя!“
И съ ремесленной науки
Началъ онъ; и—въ дѣлѣ скоръ—
Крѣпко въ царственныя руки
Взялъ онъ плотничій топоръ.

Съ бодрымъ духомъ въ бодромъ тѣлѣ,
Славно плотничаетъ царь;
Тамъ—успѣлъ въ столярномъ дѣлѣ,
Тамъ—глядишь—ужъ и токарь.
Къ мужику прійдетъ: „Богъ помочь!“
Тотъ трудится, лобъ въ поту...
— „Что ты дѣлаешь, Пахомычъ?“
„Лапти, батюшка, плету;
Только дѣло плоховато,—
Ковыряю, какъ могу,
Черезъ пятое въ десято“...
— „Дай-ко, я те помогу!“
Сѣлъ, продернетъ, стянетъ дырку,—
Знаетъ, гдѣ и какъ продѣть,
И плететъ въ-частоковырку,
Такъ что любо поглядѣть!
Въ поле къ праздному владѣльцу
Выйдетъ онъ, найдетъ досугъ,
И исправитъ земледѣльцу
Борону его и плугъ...
А на трудъ свой съ недовѣрьемъ
Самъ все смотритъ... „Нѣтъ, пора
Перестать быть подмастерьемъ,—
Время выдти въ мастера!“
И, покинувъ царедворскій
Штатъ, и чинъ, и скипетръ свой,
Онъ поѣхалъ въ край заморскій:
„Человѣкъ-де я простой—
Петръ Михайловъ, плотникъ, слесарь,
Подмастерье,—говоритъ...
А на царствѣ тамъ князь-кесарь
Ромодановскій сидитъ—
Ѳедоръ Юрьичъ... Онъ вѣдь спроситъ
Отъ Петра и то, и се,—
И рапортомъ онъ доноситъ
Князю-кесарю про все.
„Вотъ“—онъ пишетъ—„дѣло наше
Подвигается; тружусь,—
И о здравьи Вашемъ, Ваше
Я Величество, молюсь“.

И припишетъ вдругъ: „однако
Все я знаю,—не дури!
Не грызи людей, собака:
Худо будетъ, князь,—смотри!“
Навострившись у Голландцевъ,
Заглянувъ и въ Альбіонъ,
У Цесарцевъ, Итальянцевъ,
Поучился также онъ.
Для уроковъ-же изустныхъ,
Что онъ Руси дать желалъ,
Онъ учителей искусныхъ
Ей изъ-за моря прислалъ...
— Полно втунѣ волочиться,
Дворянинъ! Сади сынка
Буквѣ, цифири учиться,
Землемѣрію слегка.—
Только все успѣхи плохи,
И ученье ни къ-чему
Русскій смотритъ; скоморохи
Въ нѣмцахъ видятся ему,—
И учителямъ не хочетъ
Вѣрить, что ни говори:
Нѣмецъ—думаетъ—морочитъ:
Все фигляры, штукари!...
И державный нашъ работникъ
Посмотрѣлъ, нахмурилъ взоръ,
Снова вспомнилъ, что онъ плотникъ,
Да и взялся за топоръ...
И давай рубить онъ съ корня:
Роскошь прочь! Кафтанъ съ плеча!
Прочь хоромы, пышность, дворня!
Прочь и бархатъ, и парча!
Раззолоченныя тряпки,
Блестки—прочь! Все въ печь вались!
Скидавай собольи шапки:
Просто—Нѣмцемъ нарядись!
Царь велѣлъ: слова коротки.
Простоты-жъ примѣръ въ глазахъ:
Самъ, подкинувъ онъ подметки,
Ходитъ въ старыхъ сапогахъ.

Изъ завѣтныхъ, тайныхъ горницъ,
Изъ невѣдомыхъ свѣтлицъ
Вывесть велѣно затворницъ—
И дѣвицъ, и молодицъ—
Въ ассамблею*)... Душегрѣйки
Съ плечъ долой! Таковъ приказъ...
Страхъ подумать,—бѣлы шейки,
Бѣлы плечи на-показъ?
Да чего? Полъ-груди видно:
Такъ и въ танецъ выходи.
Идутъ, жмурятся... такъ стыдно!
Ручки къ глазкамъ,—не гляди!...
А приказу все послушно.
Женки слезы трутъ платкомъ,
Царь-же подчуетъ радушно
Муженьковъ ихъ табакомъ.
Тянутъ, нюхаютъ... Ну зелье!
Просто, одурь отъ него...
Эко знатное веселье!
А привыкнешь ничего—
Самъ попросишь... Въ плясъ Голландскій
Хоть не хочется—иди!
— Эй, ты тамъ, сынокъ дворянскій,
Выходи-ко, выходи!
„Либеръ-Августинъ“**) по звуку
На Нѣмецкій ладъ кружи;
Откружилъ—ступай въ науку,
А научишься—служи!
Мало дома школьныхъ храминъ—
За границу поѣзжай,
А воротишься—экзаменъ
Царь задастъ: не оплошай!
Самъ допроситъ: выложь знанья,
Цифирь, линіи, круги,
А не сдержишь испытанья—
И жениться не моги...
Не позволитъ! Оглянулся:
Онъ ужъ тамъ,—и снова весь

*) Ассамблея—бѣседа.
**) Нѣмецкій танецъ.

Мысль и дѣло; покачнулся,
Задремалъ ты—онъ ужъ здѣсь.
Тамъ нашелъ онъ ключъ цѣлебный,
Тамъ—серебрянный рудникъ,
Тамъ устроилъ домъ учебный,
Тамъ богатствъ открылъ родникъ;
Тамъ взрываетъ камней груду,
Тамъ дворянъ зоветъ на смотръ...
А межъ тѣмъ наука всюду!
И въ наукѣ всюду—Петръ.
Разъ, замѣтивъ захолустье—
Лѣсъ, болотный уголокъ,
Глушь кругомъ—при Невскомъ устьѣ
Заложилъ онъ городокъ*)....
Шатокъ грунтъ,—да съ боку море:
Расхлеснемъ къ Европѣ путь!
Эта дверь не на затворѣ:
Дѣло сладимъ какъ-нибудь...
Нынче сказана граница,
Завтра срублены лѣса,—
Чрезъ десятокъ лѣтъ—столица,
Черезъ сотню—чудеса!
Смерть смежила царски очи:
Но безсмертныя дѣла,
Но слѣды широкой мочи
Русь въ наслѣдье приняла.....

В. Бенедиктовъ.

О Петрѣ Первомъ.

— Петръ Великій удалялся иногда въ свою токарню и занимался трудами рукъ своихъ, что было единственнымъ его отдохновеніемъ. Въ одно время, проходя въ свою токарню, государь приказалъ солдату, стоявшему у дверей на часахъ, не впускать къ себѣ никого во все время пребыванія своего въ ней. Черезъ четверть часа пришелъ князь Меншиковъ и, спросивъ часоваго: „Здѣсь-ли Государь?“ хотѣлъ войти къ нему, но солдатъ

*) Петербургъ.

отвѣчалъ: „Государь здѣсь, но не велѣлъ никого къ себѣ впускать“.—Меня ты можешь впустить! сказалъ князь.—„Не пущу!“ снова отвѣчалъ солдатъ. Но ты знаешь кто я?—„Знаю, но не пущу“.—Я имѣю до государя нетерпящую время нужду. „Что ты ни говори, а я знаю, что мнѣ приказано“. Знаешь-ли ты, дерзкій, что я, какъ подполковникъ твой, велю тебя тотчасъ смѣнить и жестоко наказать. „Послѣ часовъ ты воленъ поступить со мною, какъ хочешь; но прежде времени смѣнить меня не можешь, да и смѣняющему меня я долженъ отдать тотъ-же приказъ Государевъ“. Меншиковъ въ досадѣ хотѣлъ было оттолкнуть часоваго и войти, но тотъ уставилъ противъ груди его штыкъ и закричалъ грозно: „отойди, или я тебя заколю!“ Князь принужденъ былъ отступить на нѣсколько шаговъ отъ солдата. Государь, услышавъ произшедшій шумъ, отворилъ двери, увидѣлъ солдата, стоящаго въ такомъ положеніи, и спросилъ: „что это такое?“ Меншиковъ разжаловался на солдата, что едва было онъ его не закололъ. Монархъ спросилъ у часоваго о причинѣ такого поступка. „Вы приказали мнѣ“, отвѣчалъ солдатъ, „не впускать къ себѣ никого, а онъ хотѣлъ силою войти: мнѣ не оставалось ничего инаго, какъ заколоть его, ежели-бъ онъ еще сталъ усиливаться!“ причемъ разсказалъ и весь разговоръ съ княземъ, и угрозы его себѣ.

Великій Государь, выслушавъ это, сказалъ Меншикову: „Данилычъ! онъ больше знаетъ свою должность, нежели ты; мнѣ-бы жаль было, ежели-бы онъ закололъ тебя“. И потомъ запретилъ ему наказывать солдата, которому пожаловалъ пять рублей; потомъ приказалъ придворному живописцу своему, на дверяхъ той комнаты, изобразить часоваго въ такомъ точно положеніи, въ какомъ увидѣлъ его Государь, когда отворилъ двери.

А. Семеновъ.

Конекъ-Горбунокъ.

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,

Противъ неба на землѣ,
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ.
У старинушки три сына:
Старшій умный былъ дѣтина,
Средній сынъ—и такъ, и сякъ,
Младшій—вовсе былъ дуракъ.
Братья сѣяли пшеницу,
Да возили въ градъ-столицу—
Знать столица та была,
Недалече отъ села.
Тамъ пшеницу продавали,
Деньги счетомъ принимали
И съ набитою сумой
Возвращалися домой.
Въ долгомъ времени, аль вскорѣ
Приключилося имъ горе:
Кто-то въ поле сталъ ходить
И пшеницу шевелить.
Мужички такой печали
Отродяся не видали;
Стали думать, да гадать,
Какъ-бы вора соглядать.
Наконецъ себѣ смекнули,
Чтобъ стоять на караулѣ,
Хлѣбъ ночами поберечь,
Злаго вора подстеречь.

* *
*

Вотъ, какъ стало лишь смеркаться,
Началъ старшій братъ сбираться:
Вынулъ вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страховъ нашъ мужикъ
Завалился на сѣнникъ.
Ночь проходитъ, день приходитъ;
Съ сѣнника дозорный сходитъ;
И, обливъ себя водой,
Сталъ стучаться подъ избой:

„Эй, вы, сонныя тетери!
„Отпирайте брату двери.
„Подъ дождемъ я весь промокъ
„Съ головы до самыхъ ногъ“.
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его—
Не видалъ-ли онъ чего?
Карáульщикъ помолился,
Вправо, влѣво поклонился,
И, прокашлявшись, сказалъ:
„Всю я ноченьку не спалъ;
„На мое-жъ притомъ несчастье
„Было страшное ненастье:
„Ужъ куда какъ было скучно!...
„Впрочемъ, все благополучно“.
Похвалилъ его отецъ:
„Ну, Данило, молодецъ!
„Ты, вотъ такъ сказать примѣрно,
„Сослужилъ мнѣ службу вѣрно,
„То есть, будучи при всемъ,
„Не ударилъ въ грязь лицомъ“.

* *
*

Стало съизнова смеркаться.
Средній братъ пошолъ сбираться:
Взялъ и вилы и топоръ,
И отправился въ дозоръ.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малаго напала,—
Зубы начали стучать...
Онъ ударился бѣжать,
И всю ночь ходилъ дозоромъ
У сосѣдки подъ заборомъ.
Жутко было молодцу!
Но вотъ утро. Онъ къ крыльцу:
„Эй, вы, сони, что вы спите!
„Брату двери отоприте;
„Ночью страшный былъ морозъ;
„До костей я весь промерзъ“.

Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его—
Не видалъ-ли онъ чего?
Караульщикъ помолился,
Вправо, влѣво поклонился
И сквозь зубы отвѣчалъ:
„Всю я ноченьку не спалъ;
„Да къ моей судьбѣ несчастной,
„Ночью холодъ былъ ужасный:
„До костей меня пробралъ,—
„Всю я ночку продрожалъ.
„Слишкомъ было несподручно...
„Впрочемъ, все благополучно".
И ему сказалъ отецъ:
„Ты, Гаврило, молодецъ!"

* *
*

Стало въ третій разъ смеркаться,
Надо младшему собираться;
Онъ и усомъ не ведетъ,
На печи въ углу поетъ
Изо всей дурацкой мочи:
„Распрекрасныя вы очи!"
Братья ну ему пенять,
Стали въ поле погонять;
Но сколь долго не кричали,
Только голосъ потеряли:
Онъ ни съ мѣста. Наконецъ,
Подошелъ къ нему отецъ,
Говоритъ ему: „Послушай,
„Ты поди въ дозоръ, Ванюша;
„Я куплю тебѣ обновъ,
„Дамъ гороху и бобовъ".
Тутъ Иванъ съ печи слѣзаетъ,
Малахай свой надѣваетъ,
Хлѣбъ за пазуху кладетъ,
Караулъ держать идетъ.

* *
*

Ночь настала; мѣсяцъ всходитъ;
Поле все Иванъ обходитъ,
Озираючись кругомъ,
И садится подъ кустомъ;
Звѣзды на небѣ считаетъ,
Да краюшку уплетаетъ.
Вдругъ о-полночь конь заржалъ...
Караульщикъ нашъ привсталъ,
Посмотрѣлъ подъ рукавицу
И увидѣлъ кобылицу.
Кобылица та была
Вся, какъ зимній снѣгъ, бѣла;
Грива словно золотая,
Въ мелки кольцы завитая.
„Еге-ге! такъ вотъ какой
„Нашъ воришко!... Но, постой,
„Я шутить вѣдь не умѣю,
„Разомъ сяду те на шею,
„Вишь какая саранча!“
И, минуту улуча,
Къ кобылицѣ подбѣгаетъ,
За волнистый хвостъ хватаетъ,
И прыгнулъ къ ней на хребетъ...
Только задомъ на передъ!
Кобылица молодая,
Очьми бѣшено сверкая,
Змѣемъ голову свила,
И пустилась, какъ стрѣла.
Вьется кругомъ надъ полями,
Виснетъ пластью надо рвами—
Мчится скокомъ по горамъ,
Ходитъ дыбомъ по лѣсамъ,
Хочетъ силой, аль обманомъ,
Лишь-бы справиться съ Иваномъ;
Но Иванъ и самъ не простъ:
Крѣпко держится за хвостъ.

* * *

Наконецъ, она устала.
„Ну, Иванъ (ему сказала),

„Коль умѣлъ ты усидѣть,
„Такъ тебѣ мной и владѣть,
„Дай мнѣ мѣсто для покою,
„Да ухаживай за мною,
„Сколько смыслишь. Да смотри,
„По три утренни зари
„Выпущай меня на волю,
„Погулять по чисту полю;
„По исходѣ-же трехъ дней
„Двухъ рожу тебѣ коней,
„Да такихъ, какихъ понынѣ
„Не бывало и въ поминѣ;
„Да еще рожу конька,
„Ростомъ только въ три вершка,
„На спинѣ съ двумя горбами,
„Да съ аршинными ушами.
„Двухъ коней, коль хошь, продай,
„Но конька не отдавай
„Ни за поясъ, ни за шашку,
„Ни за черную, слышь, бабку.
„На землѣ и подъ землей
„Онъ товарищъ будетъ твой;
„Онъ зимой тебя согрѣетъ,
„Лѣтомъ холодомъ обвѣетъ,
„Въ голодъ хлѣбомъ угоститъ,
„Въ жажду медомъ напоитъ.
„Я же снова выйду въ поле
„Силы пробовать на волѣ“.

* *
*

„Ладно!“ думаетъ Иванъ.
И въ пастушій балаганъ
Кобылицу загоняетъ,
Дверь рогожей закрываетъ,
И лишь только разсвѣло,
Отправляется въ село,
Напѣвая громко пѣсню:
„Ходилъ молодецъ на Прѣсню“.
Вотъ онъ всходитъ на крыльцо,
Вотъ хватаетъ за кольцо,

Что есть силы въ дверь стучится,
Такъ что кровля шевелится,
И кричитъ на весь базаръ,
Словно сдѣлался пожаръ.
Братья съ лавокъ повскакали,
Заикаясь, вскричали:
„Кто стучится сильно такъ?“
— „Это я, Иванъ-дуракъ!“
Братья двери отворили,
Дурака въ избу пустили,
И давай его ругать,
Какъ онъ смѣлъ ихъ такъ пугать.
А Иванъ нашъ, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведетъ оттуда рѣчь
Про ночное похожденье,
Всѣмъ ушамъ на удивленье:
„Всю я ноченьку не спалъ,
„Звѣзды на небѣ считалъ;
„Мѣсяцъ ровно тоже свѣтилъ—
„Я порядкомъ не примѣтилъ.
„Вдругъ приходитъ дьяволъ самъ,
„Съ бородою и съ усамъ;
„Рожа словно какъ у кошки,
„А глаза-то, что-те плошки!
„Вотъ и сталъ тотъ чортъ скакать
„И зерно хвостомъ сбивать;
„Я шутить вѣдь не умѣю,
„И вскочи ему на шею.
„Ужъ таскалъ-же онъ таскалъ,
„Чуть башки мнѣ не сломалъ!
„Но и я, вѣдь, самъ не промахъ:
„Все держалъ его какъ въ жомахъ.
„Бился, бился мой хитрецъ,
„И взмолился наконецъ:
— „Не губи меня со свѣта!
„Цѣлый годъ тебѣ за это
„Обѣщаюсь смирно жить,
„Православныхъ не мутить“.

„Я, слышь, словъ-то не помѣрилъ,
„Да чертенку и повѣрилъ".
Здѣсь разскащикъ замолчалъ,
Позѣвнулъ и задремалъ.
Братья, сколько не сердчали,
Не могли,—захохотали,
Ухватившись подъ бока,
Надъ разсказомъ дурака;
Самъ старикъ не могъ сдержаться,
Чтобъ до слезъ не посмѣяться.
Хоть смѣяться такъ, оно
Старикамъ ужъ и грѣшно.

П. Ершовъ.

Московская чума и разбойникъ Козьма Рощинъ.

Слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, страшное бѣдствіе постигло Россію, преимущественно-же Москву и многіе города и села, окрестъ ее лежащія. Бѣдствіе это была чума. Народъ называлъ эту болѣзнь „черною смертію" или еще иначе „моромъ". Много разъ и прежде посѣщала эта ужастная гостья различные города, но самое страшное опустошеніе произвела она въ послѣдній разъ, въ Москвѣ. Одни предполагаютъ, что она была занесена къ намъ съ тюками шерсти изъ Турціи на суконную фабрику, а потомъ распространена рабочими по городу; другое предположеніе вѣрнѣе, а именно: главнокомандующій русскимъ войскомъ графъ Румянцевъ приказалъ генералу Штофелю, находившемуся въ Турціи, овладѣть крѣпостцою Журжею; крѣпость была взята приступомъ; въ Журжѣ въ то время случилась ярмарка; и народъ собрался туда со всѣхъ концовъ Турціи. Между прибывшими нахидились зараженные чумою, противъ которой турки и не думали предпринимать никакихъ мѣръ, и потому чума поражала ихъ безпрепятственно.

Наши догадались объ этомъ уже поздно, когда число русскихъ воиновъ, находившихся при завладѣніи крѣпостцою, значительно поубавилось; а чума между

пробралась уже дальше и дальше и распространялась все болѣе и болѣе.

Генералу Штофелю былъ отдать приказъ устроить карантинъ. Карантинъ—это мѣсто, въ которомъ пріѣзжающіе изъ странъ, подверженныхъ заразительнымъ болѣзнямъ, должны пробыть извѣстное время, чтобы не занести заразу далѣе, куда они прибудутъ. Черезъ назначенное число дней, если люди окажутся здоровыми, имъ позволяютъ продолжать путь.

Но время уже ушло; устройство карантина не помогло. Генералъ Штофель первый палъ жертвою чумы; изъ Турціи она перешла съ войскомъ-же въ Польшу, тамъ въ Малороссію, прежде всего въ Кіевъ, а тутъ ужъ рукой подать до Москвы. И вотъ, нежданно, негаданно, какъ снѣгъ на голову, свалилась эта страшная болѣзнь на жителей Москвы.

Когда чума появилась здѣсь, то даже ученые доктора не хотѣли признать ее за чуму, будучи увѣрены, что она есть принадлежность жаркихъ краевъ и не можетъ потому явиться въ холодномъ. Но по строгомъ обсужденіи рѣшили, что это ничто иное, какъ чума, болѣзнь переходящая отъ одного къ другому черезъ прикосновеніе.

А между тѣмъ, пока судили да рядили, болѣзнь усилилась. Тогда увидѣли, что нужно тотчасъ-же принять рѣшительныя средства.

Народъ считалъ эту болѣзнь—Божьимъ попущеніемъ—наказаніемъ за грѣхи, а потому и пальцемъ не пошевелилъ, чтобы избавиться отъ чумы.

Когда-же принялись за предохранительныя средства, устроили чумную больницу въ Угрешскомъ монастырѣ, тогда помочь бѣдѣ уже нельзя было.

Болѣзнь эта не только прилипчива, но даже безъ сообщенія людей другъ съ другомъ, поражала и опустошала, совершенно отдѣленные отъ зачумленныхъ, города и села; разносилась она чрезвычайно легко: такъ, одинъ мастеровой, родомъ изъ села Пушкина, жившій и работавшій въ Москвѣ, испугавшись болѣзни, отправился на родину. Не желая явиться съ пустыми руками къ женѣ, свезъ ей подарочекъ: купилъ кокошникъ

въ Москвѣ. Едва успѣлъ привести, да отдать, какъ и жена, и самъ онъ, и вся семья перемерли; не зналъ онъ того, что кокошникъ-то былъ отъ зачумленной. Начиная съ этой семьи, все Пушкино вымерло.

Въ Козелецъ, городъ Черниговской губерніи, чума была занесена однимъ изъ жителей, купившемъ себѣ кафтанъ въ Кіевѣ, гдѣ болѣзнь уже свирѣпствовала.

Въ Кіевѣ, зараза была перенесена изъ одного дома въ другой кошкой, хотя хозяева приняли всѣ мѣры предосторожности для своей безопасности; весь домъ вымеръ и одна только кошка осталась цѣла.

Въ Москвѣ распространилось страшное уныніе и отчаяніе. Генералъ-губернаторъ, московскій, бросилъ службу и уѣхалъ въ деревню. Всѣ лица, занимавшія болѣе или менѣе важныя мѣста служенія, бросили ихъ и разбѣжались изъ Москвы.

Только одинъ человѣкъ не потерялся. Это былъ генералъ Еропкинъ, котораго назначила на это время въ Москву, царствовавшая тогда Императрица Екатерина II.

Екатерина, выбравъ Еропкина, не ошиблась въ своемъ выборѣ и онъ много облегчилъ и ослабилъ несчастье того времени въ Москвѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ начальство разъѣхалось, полиціи было мало, въ городѣ начались неистовства; грабежи и разбои совершались не только ночью, но и днемъ.

Распоряженія, сдѣланныя Еропкинымъ, были слѣдующія: хоронить въ городѣ, при церквахъ, было строжайше воспрещено, а велѣно было отвозить покойниковъ за городъ на указанныя для этаго мѣста; такихъ мѣстъ было отведено до десяти. Хоронить должно было покойниковъ въ томъ-же платьѣ, въ которомъ умирали, а вещи ихъ сожигать; наконецъ, квартиру покойнаго, для того, что-бы не имѣлось съ нею никакого сообщенія, было приказано запечатать. Изъ городскихъ жителей избраны сторожа для наблюденія за порядкомъ и для погребенія умершихъ.

По всѣмъ дорогамъ учреждены были заставы отъ 12-ти до 20-ти человѣкъ каждая. Жителямъ изъ за-

чумленныхъ домовъ велѣно было выѣхать изъ Москвы: знатнымъ по деревнямъ, а бѣдные выводились за городъ.

Тѣ изъ служащихъ, которые отказывались отъ поданія помощи больнымъ и покойникамъ, сажались въ тюрьму и наказывались. Таковыхъ много было изъ лекарей.

Почти всѣ торговыя заведенія были закрыты, за исключеніемъ съѣстныхъ лавокъ. Въ особенности-же строго наблюдалось, чтобы не производилась торговля тряпьемъ, потому что не смотря на запрещеніе, продавали вещи послѣ умершихъ, и люди заражались отъ купленныхъ вещей.

Фабрики и заводы закрыты, а фабричнымъ и мастеровымъ приказано явиться въ карантины, въ противномъ случаѣ, не явившимся добровольно, обѣщано строгое наказаніе палками. Такая мѣра тѣмъ болѣе необходима, что въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ люди мерли во множествѣ.

Число покойниковъ стало доходить въ день до 500 слишкомъ... Самое ужасное время былъ сентябрь 1771 года.

Еропкинъ просилъ Государыню дозволить уничтожить карантины, такъ какъ народъ ихъ боялся, но Государыня этого не разрѣшила, уваживъ его просьбу только въ томъ, что дозволила запечатывать послѣ покойнаго не весь домъ, а только ту комнату, гдѣ человѣкъ умеръ.

Но народъ точно ребенокъ, не понимая того, что дѣлаетъ, не ждалъ дозволенія; разбилъ карантины и больницы и выпустилъ чумныхъ больныхъ на свободу. Не мудрено, что смертность усилилась до 500 человѣкъ въ день.

Нашъ славный городъ Москва, издревле славившійся многочисленностью жителей, сталъ походить на безлюдную пустыню. Если-бы заглянуть на нее со стороны, то ничего ужаснѣе себѣ и представить нельзя было. Немногіе изъ уѣзжавшихъ, возвращаясь потомъ, находили свои семейства живыми и здоровыми. Мало того, что умиралъ кто нибудь одинъ,—въ день два, вымирала вся семья.

Въѣзжаетъ пріѣзжій изъ другаго города въ Москву и среди бѣлаго дня его встрѣчаетъ вездѣ мертвая пу-

стыня. Дома закрыты ставнями, а иные и наглухо заколочены и на нихъ начерчены красные кресты, въ знакъ того, что они зачумленные. На улицахъ не видно ни души. Но вдругъ онъ съ радостію вглядывается: въ растворенномъ окнѣ крайняго дома, съ головою, повязанною платкомъ, смотритъ женщина. Заѣзжій крестится и говоритъ: „слава Богу, не всѣ еще вымерли, есть и живые люди!“ Но ямщикъ говоритъ ему на это: „эхъ, сударь, чему тутъ радоваться, эта женщина пятыя сутки изъ окна смотритъ“. Вглядывается сѣдокъ пристальнѣе и съ ужасомъ отворачивается. Страшная картина смерти, все лицо ея покрыто черными пятнами и искажено муками. Невольно содрогается путникъ, тѣмъ болѣе, что за себя-то поручиться не можетъ, что черезъ часъ и самъ будетъ наводить своей смертію такой-же ужасъ другимъ.

Долго болѣть не нужно было, чтобы умереть. Сидитъ человѣкъ совсѣмъ здоровъ, да вдругъ вздрогнетъ, поведетъ глазами, да и покатится, смотришь, а онъ ужъ и душу Богу отдалъ.

Если человѣкъ умиралъ, такъ и въ квартиру не входили, чтобъ взять его, а прямо крючьями вытаскивали изъ окна. Многіе скрывали у себя покойниковъ, и, не смотря на запрещеніе, отдавали имъ должное цѣлованіе, говоря, что не исполняя этихъ обрядовъ, они гнѣвятъ Бога, а потомъ тайкомъ хоронили ихъ въ садахъ, на дворахъ и въ подволахъ.

Сначала возили мертвыхъ на кладбища сторожа, да нарочно приставленные для этого свободные люди, да, вишь, больно мереть стали, и вотъ выпустили колодниковъ на волю. Картина сама по себѣ ужасна, когда вдругъ встрѣчается тебѣ цѣлый возъ покойниковъ, да не только въ гробахъ,—а просто десятками на возъ положенные: у того голова объ колесо бьется, этотъ рукою за дроги зацѣпился, а иной и совсѣмъ волочится по землѣ, скоро съ дрогъ свалится, а тутъ еще везутъ и охраняютъ преступники, съ кандалами на ногахъ. Встрѣтится имъ повозка съ проѣзжими и слышится ихъ хриповатый голосъ: „Эй, сторонись, господа ѣдутъ!“

И ямщикъ торопится свернуть съ дороги, а баринъ обѣщаетъ на водку, если ямщикъ съумѣетъ избѣжать этой встрѣчи. Колодники-то такъ еще и не пропустятъ, дань возьмутъ, и проѣзжій радъ все отдать, лишь-бы избавиться отъ этого зрѣлища.

Еропкинъ дѣлалъ все возможное, чтобы пресѣчь это несчастіе; но все, что онъ не дѣлалъ, оказывалось недѣйствительнымъ. А народъ, между тѣмъ, ни чѣмъ небылъ доволенъ. По правдѣ сказать, онъ самъ не зналъ, чего хотѣлъ и, только собираясь въ кучи, для того, чтобы потолковать, вредилъ себѣ, такъ какъ эти собранія отзывались на нихъ-же; тотчасъ-же половина, если не болѣе изъ собравшихся, тутъ-же заражалась чумой и умирала.

Народъ московскій поступалъ неразумно. Мы знаемъ, что большая часть его, считала болѣзнь эту—моръ, посланную имъ въ наказаніе за грѣхи; слѣдовательно надо принять эту кару безъ всякаго ропота, а, между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ выходило не то, и многіе изъ народа искали только предлога, на комъ нибудь вылить свое горе и раздраженіе.

И вотъ эти буйные, обезумѣвшіе люди, къ довершенію грабежей и неповиновенія властямъ, запятнали себя великимъ злодѣяніемъ, надъ неповиннымъ и любимымъ архипастыремъ московскимъ Амвросіемъ.

Въ это-же самое время произошелъ одинъ необыкновенный случай, показавшій, что человѣкъ преступный не можетъ избѣжать кары, какъ-бы ни скрытно было его преступленіе.

Лѣтъ за 25 до появленія чумы, въ окрестностяхъ Москвы, появился разбойникъ, по прозванію Козьма Рощинъ, заставлявшій всѣхъ пугаться не только своимъ видомъ, но даже именемъ. Кѣмъ онъ былъ прежде? кто были его родители? гдѣ была его родина? никто этого не зналъ; явился онъ вдругъ и имя его стало извѣстно. Нѣкоторые люди, которымъ этотъ человѣкъ еще никакого зла не сдѣлалъ, смѣялись надъ нимъ, и надъ тѣми, кого онъ уже успѣлъ напугать и которые его боялись. А Рощинъ продолжалъ себѣ разбойничать да пугать честныхъ людей.

Обо всѣхъ злодѣйскихъ подвигахъ Козьмы и не пересказать; скажемъ только объ одномъ, послѣднемъ его разбойничьемъ дѣлѣ:

Козьма Рощинъ познакомился съ домомъ помѣщика села Зыкова на рѣкѣ Окѣ; представился подъ чужимъ именемъ, выглядѣлъ все въ домѣ, узналъ гдѣ и сундучокъ съ деньгами, желѣзомъ окованный, стоитъ, а въ самую Свѣтло-Христову заутреню нехристъ эдакой, когда все село было у обѣдни, и подпустилъ краснаго пѣтуха; въ трехъ мѣстахъ сразу вспыхнулъ пожаръ. Несчастные поспѣшили изъ храма Божія по домамъ. Но кто изъ нихъ и совсѣмъ ничего не нашелъ, а другой и заставалъ еще свое имущество цѣлымъ, да сразу опомниться не могъ, и давалъ горѣть, не думая о спасеніи чего либо.

Пришелъ и помѣщикъ съ своимъ семействомъ домой. Онъ сильно обрадовался, увидѣвъ, что домъ стоитъ цѣлъ, но радость его не долго продолжалась, такъ какъ войдя въ домъ онъ увидѣлъ, что какіе-то люди копошатся надъ желѣзнымъ сундучкомъ, а все въ домѣ перерыто и перевернуто верхъ дномъ. Въ одномъ изъ работавшихъ онъ узналъ недавняго своего гостя купца Выдыбаева, радушно принятаго имъ и обласканнаго и такъ зло отплатившаго ему за его гостепріимство. Рощинъ, думая, что онъ здѣсь полный хозяинъ, объявилъ, кто онъ такой и велѣлъ всѣхъ перевязать. Но въ это время неожиданно явилась помощь въ лицѣ драгунъ. Рощинъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, чтобы самому не сдѣлаться плѣнникомъ. Онъ быстро добѣжалъ до рѣки Оки, вплавь достигъ худой лодченки, стоявшей не далеко отъ берега и мигомъ скрылся изъ глазъ. Это было послѣднее дѣло его въ этомъ краю. Онъ пропалъ безъ вѣсти и никто ничего объ немъ долго не слышалъ.

Рощинъ между тѣмъ одумался, что не по христіански поступаетъ, раскаялся, пересталъ разбойничать. Пять лѣтъ провелъ онъ скитаясь по чужой сторонѣ, прежде чѣмъ рѣшился явиться въ Москву, страшась, что его еще не забыли тамъ, какъ разбойника и злодѣя... Но напрасны были его опасенія; его имя совершенно изгладилось изъ памяти народа и когда онъ явился въ

Москву богатымъ купцомъ, то никто и не подумалъ, что подъ этими почтенными сѣдинами Алексѣя Абрамовича Сибирякова скрывается величайшій преступникъ Козьма Рощинъ.

Онъ женился въ Москвѣ, взялъ пріемыша, пока не было своихъ дѣтей, а тамъ наростилъ и своихъ красавицъ дочекъ. Богатъ онъ былъ отъ прежней своей жизни, завелъ торговыя дѣла, и отъ всѣхъ ему былъ почетъ и уваженіе, и никто объ немъ и сомнѣнія не имѣлъ. Кажись и хорошо зажилъ нашъ прежній знакомецъ и Богу молился и Церкви постоянно посѣщалъ и ни одного бѣднаго безъ помощи не оставлялъ, а совѣсть его не была покойна.

Вотъ однажды довелось ему уѣхать изъ Москвы по торговымъ дѣламъ. Возвращался онъ, когда чума уже свирѣпствовала. Не былъ онъ дома года два и какъ-то не дошло до него, что такое ужасное несчастіе постигло Москву. Вотъ онъ рано утромъ въѣзжаетъ въ городъ. Сильно перемѣнился онъ съ тѣхъ поръ, какъ мы его видѣли: постарѣлъ, посѣдѣлъ, сморщился, да и все лицо смотритъ какъ-то грустно, невесело.

На улицахъ тихо. Что вѣрно спятъ еще? спрашиваетъ онъ возницу. Да что ты, баринъ, видно не здѣшній; не знаешь того, что чуть не половина жителей матушки-бѣлокаменной перемерла. Тутъ Сибирякову приходитъ на умъ, что его семейство не живо, не хочется ему этому вѣрить, и онъ шепчетъ: Господи не вмѣни имъ мою вину въ грѣхъ, спаси ихъ. Вотъ ужъ близко, торопится, ногъ подъ собой не слышитъ.

У Варварскихъ воротъ такая толпа, что пробиться нѣтъ возможности. Онъ сходитъ съ телѣги и идетъ далѣе пѣшкомъ. Прежде всего кинулся ему въ глаза, человѣкъ небольшаго роста, очень похожій на убѣжавшаго изъ тюрьмы колодника. Онъ кричалъ охриплымъ голосомъ: „порадѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу“. Въ народѣ онъ услышалъ, что грозятъ владыкѣ московскому и обѣщаютъ его убить. Онъ пропустилъ эти слова, не обративъ на нихъ вниманія; такъ какъ на душѣ у него теперь было одно желаніе, увидѣть скорѣе

своихъ. Вотъ онъ уже у дома, не смѣетъ стукнуть, а про себя шепчетъ: „не мнѣ, Боже, великому преступнику проспть Тебя о милости, но, Боже, прошу Тебя, пошли на меня страданія, болѣзни, позволь живому лечь въ могилу, но ихъ помилуй!

Стучится разъ, не слышатъ; на дворѣ залаяла собака, значитъ есть въ домѣ кто нибудь; стучится другой, третій разъ. Отворилось окно въ сосѣднемъ домѣ, выглянула баба. Кого тебѣ, баринъ? Въ этомъ домѣ никого нѣтъ?—спрашиваетъ онъ.—Никого.—А хозяйка дома?—Третьяго дня свезли на кладбище.—А дочери? Вчера схоронили послѣднюю.

Какъ громомъ поразила эта вѣсть бѣднаго Сибирякова. Онъ прислонился къ стѣнѣ. И вспомнились ему: ангелъ-жена и милыя дѣти. Онъ не липился памяти; онъ понялъ, что къ жизни его ничто болѣе не привязываетъ и на одно мгновеніе у него явилась мысль умереть. Но онъ опомнился: „нѣтъ, я еще мало наказанъ, я еще долженъ принять гнѣвъ Божій на свою голову до конца“, говорилъ онъ. Онъ былъ взятъ въ числѣ прочихъ послѣ убійства московскаго владыки и сосланъ въ каторгу, гдѣ черезъ пять лѣтъ и умеръ.

Совершенное прекращеніе чумы послѣдовало въ 1772 году, въ мартѣ мѣсяцѣ. За все время дѣйствія этой болѣзни, именно за годъ, всѣхъ жертвъ истребила она въ Россіи—133.000 человѣкъ; въ одной Москвѣ истреблено было ею до 57.000. Такой страшной смертности отъ заразы не бывало на Руси ни прежде, ни послѣ.

Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ.

Жилъ-былъ купецъ Кузьма Остолопъ, по прозванью Осиновый Лобъ. Пошелъ Кузьма по базару посмотрѣть кой-какого товару. На встрѣчу ему Балда идетъ, самъ не зная куда. „Что, дядюшка, такъ рано поднялся? Чего ты взыскался?“ Кузьма ему въ отвѣтъ: „нуженъ мнѣ ра-

ботникъ, поваръ, конюхъ и плотникъ. А гдѣ мнѣ найти такого служителя, не слишкомъ дорогого?“ Балда говоритъ: „буду служить тебѣ славно, усердно и очень исправно, въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу: ѣсть-же давай мнѣ вареную полбу“. Призадумался нашъ Кузьма Остолопъ, сталъ почесывать лобъ. Щелчокъ щелчку вѣдь розь—да понадѣялся онъ на русскій авось. Кузьма говоритъ Балдѣ: „ладно! не будетъ намъ обоимъ накладно. Поживи-ка на моемъ подворьѣ, окажи свое усердье и проворье“.

Живетъ Балда въ купеческомъ домѣ, спитъ себѣ на соломѣ, ѣстъ за четверыхъ, работаетъ за семерыхъ; до-свѣта все у него пляшетъ: лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ, печь затопитъ, все заготовитъ, закупитъ, яичко испечетъ, да самъ и облупитъ. Хозяйка Балдой не нахвалится. Ихъ дочка Балдой лишь и печалится, сынокъ ихъ зоветъ его тятей; кашу заваритъ, нянчится съ дитятей; одинъ Кузьма лишь Балду не любитъ: никогда его не приголубитъ, о расплатѣ думаетъ частенько. Время идетъ и срокъ уже близенько; Кузьма не ѣстъ, не пьетъ, ночи не спитъ: лобъ у него заранѣ трещитъ. Вотъ онъ женѣ признается: такъ и такъ, что дѣлать остается? Умъ у бабы догадливъ, на всякія хитрости повадливъ. Хозяйка Кузьмѣ говоритъ: „знаю средство, какъ удалить отъ насъ такое бѣдство; закажи Балдѣ службу, что стало ему не въ мочь; а требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь-въ-точь; тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь и Балду-то безъ расплаты отправишь“.

Стало на сердцѣ у Кузьмы веселѣе; началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе. Вотъ онъ кричитъ: „поди-ка сюда, вѣрный мой работникъ Балда! слушай: платить обязался черти мнѣ оброкъ до самой моей смерти: лучшаго-бъ не надобно дохода, да есть на нихъ недоимки за три года. Какъ наѣшься ты своей полбы, собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный“.

Балда съ Кузьмой понапрасну не споря, пошелъ, да и сѣлъ у берега моря; тамъ онъ сталъ веревку крутить, да конецъ ея въ морѣ мочить. Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ. „Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?“—

„Да вотъ веревкой хочу море морщить, да васъ, проклятое племя, корчить".—Бѣса стараго взяла тутъ унылость: „скажи, за что такая немилость!"—„Какъ за что? Вы не платите оброка, на помните положеннаго срока; вотъ ужо будетъ намъ потѣха, вамъ, собакамъ, великая помѣха!"—

„Балдушка погоди ты морщить море, оброкъ сполна ты получишь вскорѣ. Погоди, вышлю къ тебѣ внука".—Балда мыслитъ: „этого провесть не штука!"

Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ, замяукалъ онъ, какъ голодный котенокъ. „Здравствуй, Балда мужичекъ; какой тебѣ надобно оброкъ? Объ оброкѣ вѣкъ мы не слыхали: не было чертямъ такой печали. Ну, такъ и быть—возьми, да съ уговору. Съ общаго нашего приговору—чтобы впередъ не было никому горя: кто скорѣе изъ насъ обѣжитъ около моря, тотъ и бери себѣ полный оброкъ; между тѣмъ приготовятъ тамъ и мѣшокъ". Засмѣялся Балда лукаво: „что ты это выдумалъ право! Гдѣ тебѣ тягаться со мною, со мною, съ самимъ Балдою? Экаго послали супостата! подожди-ка моего меньшаго брата", пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ, поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшовъ. Къ морю опять онъ приходитъ; у моря бѣсенка находитъ. Держитъ Балда за уши одного зайку: „Попляши-ка ты подъ нашу балалайку; ты, бѣсенокъ, еще молоденекъ, со мною тягаться слабенекъ—это было-бъ лишь времени трата, обгони-ка сперва моего брата. Разъ, два, три! Догоняй-ка". Пустились бѣсенокъ и зайка: бѣсенокъ по берегу морскому, а зайка въ лѣсокъ, до дому. Вотъ, море кругомъ обѣжавши, высунувъ языкъ, мордку поднявши, прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь, весь мокрешенекъ, лапкой утираясь, мысля: дѣло съ Балдою сладитъ, глядь,—а Балда братца гладитъ, приговаривая: „братецъ мой любимый, усталъ, бѣдняжка! отдохни, родимый".

Бѣсенокъ оторопѣлъ, хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ, на братца поглядываетъ бокомъ. „Погоди, говоритъ, схожу за оброкомъ". Пошелъ къ дѣду, говоритъ: „Бѣда! Обогналъ меня меньшой Балда!" Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу; а Балда надѣлалъ такого

шуму, что все море смутилось и волнами такъ и расходилось. Вылѣзъ бѣсенокъ. „Полно, мужичекъ, вышлемъ тебѣ весь оброкъ“..... „Нѣтъ“, говоритъ Балда, „теперь моя череда — условіе самъ назначу, задамъ тебѣ, враженокъ задачу. Посмотримъ, какова у тебя сила! Видишь тамъ сивая кобыла! Кобылу подыми-ка ты, да неси ее полверсты; снесешь кобылку—оброкъ ужъ твой; не снесешь кобылы—анъ будетъ мой“.

Бѣдненькій бѣсъ подъ кобылку подлѣзъ, понатужился, понапружился, приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ, на третьемъ упалъ: ножки протянулъ. А Балда ему: „Глупый ты бѣсъ, куда ты за нами полѣзъ? И руками-то снести не могъ, а я, смотри, снесу промежъ ногъ“. Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ. Испугался бѣсенокъ и къ дѣду пошелъ разсказывать про такую побѣду. Дѣлать нечего—черти собрали полный оброкъ. Да на Балду и взвалили мѣшокъ.

Идетъ Балда, покрякиваетъ; а Кузьма завидя Балду вскакиваетъ, за хозяйку прячется, со страху корячится. Балда его тутъ отыскалъ, отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ. Бѣдный купецъ Кузьма Остолопъ подставилъ лобъ. Съ перваго щелчка—прыгнулъ Кузьма до потолка; со втораго щелчка—лишился Кузьма языка; а съ третьяго щелчка—вышибло умъ у старика. А Балда приговаривалъ съ укоризной: „не гонялся-бы ты, Кузьма, за дешевизной!...“

А. Пушкинъ.

1812 годъ.

1812 годъ былъ для Россіи и страшнымъ, и славнымъ: страшнымъ потому, что ей пришлось выдержать жестокую войну съ двѣнадцатью народами, ополчившимися на нее; славнымъ потому, что народъ нашъ готовъ былъ принести и все свое имущество, и себя въ жертву отечеству и, наконецъ, не только отразилъ многочисленныхъ враговъ, но и показалъ всему свѣту, какіе подвиги онъ можетъ совершать.

Въ походъ на Россію Наполеонъ собирался не одинъ: всѣ народы Европы, союзные съ Франціею, а союзники у нея, хотя-бы изъ страха, были многочисленны, должны были сопровождать, дотолѣ непобѣдимую, французскую армію. Въ одномъ нѣмецкомъ городѣ Наполеонъ созвалъ конгрессъ, т. е. съѣздъ государей, ему преданныхъ, и здѣсь-то предложилъ начать войну съ русскими. Онъ убѣждалъ ихъ, что для нихъ-же полезно смирить гордую Россію и возстановить на ея счетъ Польшу въ тѣхъ размѣрахъ, какія она имѣла до раздѣла. „Вѣнценосные друзья Франціи“ (такъ называлъ Наполеонъ преданныхъ ему государей) не осмѣлились перечить волѣ человѣка, котораго они боялись ужасно и изъявили готовность соединиться съ нимъ. Армія Наполеона собиралась на лѣвомъ берегу рѣки Нѣмана, рѣки, отдѣлявшей Россію отъ герцогства Варшавскаго. Въ составъ ея, кромѣ французовъ, входили: поляки, нѣмцы, италіанцы, испанцы и даже жители отдаленнаго Египта—мамелюки, которые составляли стражу самаго Наполеона. Вся армія доходила до 600.000 человѣкъ и сопровождалась 1500 пушками. Но не нужно забывать, что солдаты, входившіе въ составъ многочисленной арміи Наполеона, были не новички, а люди привыкшіе къ военному дѣлу, люди, которые уже въ разныхъ странахъ привыкли побѣждать враговъ, а потому были увѣрены, что и теперь имъ легко удастся взять верхъ надъ русскими. Да притомъ во главѣ этого громаднаго ополченія находился полководецъ, уже столько разъ доказавшій свой военный талантъ, что торжество его надъ Россіею, кажется, не подлежало никакому сомнѣнію.

Ночью съ 11 на 12 Іюня была страшная буря: дождь лилъ безостановочно, молнія поминутно пробѣгала по небосклону, покрытому черными тучами, удары грома, какъ пушечные выстрѣлы, наводили страхъ на людей и животныхъ. Въ такую-то ночь явился Наполеонъ въ лагерѣ подъ Нѣманомъ и далъ приказаніе переходить своему войску на другую сторону, т. е. на берегъ, принадлежащій Россіи. Въ четырехъ мѣстахъ на рѣкѣ наведены были мосты, по которымъ хлынули въ Россію французскіе солдаты, ободренные рѣчью своего государя,

обѣщавшаго имъ въ Россіи богатую добычу и безсмертную славу. Императоръ Александръ находился тогда въ Литвѣ, при русскомъ войскѣ, которое готовилось къ встрѣчѣ съ Наполеономъ. Узнавъ о томъ, что французы перешли Нѣманъ, онъ призвалъ къ себѣ адъютанта и велѣлъ ему немедленно скакать въ Петербургъ съ извѣстіемъ обо всемъ случившемся. Тутъ-же онъ сказалъ: „Въ манифестѣ о войнѣ упомянуть непремѣнно, что я не помирюсь съ врагами до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставленъ въ нашей землѣ“. Очевидно было, что царь не думаетъ останавливаться ни передъ какими жертвами, лишь-бы только спасти достоинство Россіи и разъ на всегда показать гордому завоевателю, что онъ ошибся, если думалъ здѣсь встрѣтить ту-же трусость и тоже низкопоклонство, съ которымъ къ нему относились хоть-бы, напримѣръ, въ Германіи. Всего войска подъ ружьемъ у императора Александра было при началѣ войны не болѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ.

Когда французы вступили въ Литовскія губерніи, то находившаяся тамъ русская армія подъ предводительствомъ Барклая-де-Толли, была столь малочисленна, что не могла противиться Наполеону въ открытомъ полѣ и потому отступила, но въ порядкѣ. Первые дни въ Россіи для Наполеона прошли очень удачно: онъ все болѣе и болѣе укрѣплялъ въ себѣ надежду на то, что съ Россіею покончитъ весьма скоро. Дѣло въ томъ, что въ Литовскомъ краѣ жило много поляковъ, которые встрѣтили его, какъ избавителя. Въ городѣ Вильнѣ давались въ честь Наполеона блистательные праздники, студенты виленскаго университета встрѣтили его еще за городскою заставою и почти всѣ поступили къ нему на службу. Но народъ въ Литвѣ далеко не такъ дружелюбно смотрѣлъ на пришельцевъ, какъ дворянство польскаго происхожденія. Бѣдные литовскіе крестьяне особенно жаловались на вестфальцевъ и баварцевъ, полки которыхъ были вмѣстѣ съ Наполеономъ. Ихъ они, коверкая по своему чужія имена, называли обыкновенно безпальцами и поварцами. „Французъ“, говорили литовцы, „какъ сытъ да пьянъ, никого не трогаетъ, только болтаетъ безъ умолку; а эти

ко всѣмъ пристануть, да требуютъ хлѣба и денегъ". Наполеонъ распоряжался въ Литвѣ, какъ у себя дома: въ Вильнѣ онъ назначилъ новыхъ чиновниковъ, на мѣсто прежнихъ, изъ поляковъ и французовъ, и подумывалъ даже о постройкѣ крѣпости въ этомъ городѣ. Его генералы думали, что французская армія здѣсь останется на зимнихъ квартирахъ, да и самъ Наполеонъ какъ-то разъ сказалъ: „Для 1812 года довольно, остальное довершитъ 1813 г." Но скоро онъ измѣнилъ свое намѣреніе: вѣроятно, его нетерпѣливая натура не могла выносить медлительности, и потому велѣно было войску идти дальше.

Хотя уже болѣе мѣсяца французы и ихъ союзники гостили въ нашемъ государствѣ, но важныхъ стычекъ не было, потому что русская армія отступала передъ ними. Наконецъ, идя за отступающими русскими войсками, Наполеонъ вступилъ въ Смоленскую губернію. Тутъ уже положеніе его стало перемѣняться къ худшему. Если простой народъ и въ Литвѣ враждебно смотрѣлъ на его войско, то онъ по крайней мѣрѣ не возставалъ противъ него съ оружіемъ въ рукахъ; здѣсь-же французы въ каждомъ простомъ гражданинѣ, въ каждомъ мужикѣ, встрѣчали опаснаго непріятеля. Помѣщики вооружали дворню охотничьими ружьями и самодѣльными пиками, крестьяне принимались за топоры, косы и колья. Обыкновенно, завидѣвъ приближающійся непріятельскій отрядъ къ какой нибудь деревнѣ, жители деревни уничтожали или увозили съ собою все то, что могло доставить врагамъ пищу, и удалялись въ лѣса. Иногда они поджигали собственные дома, не желая, чтобы враги Россіи могли въ нихъ имѣть болѣе или менѣе удобный ночлегъ. Вооруженные чѣмъ попало, русскіе не дерзали, конечно, вступить въ открытую борьбу съ войскомъ Наполеона, но вели, такъ называемую, партизанскую войну, т. е. подстерегали и убивали солдатъ, отдѣлившихся отъ отрядовъ, ночью тревожили непріятелей быстрыми нападеніями и прятались опять въ лѣса, лишь замѣчали, что врагъ приготовился встрѣтить ихъ, нападали на транспорты хлѣба, идущіе во французскій лагерь. Такъ какъ французы на пути почти нигдѣ не встрѣчали ничего съѣдомаго, то Наполеонъ велѣлъ доставлять пищу изъ

Польши. Но присылка ея въ военное время шла неправильно, партизаны и казаки мѣшали ей, а потому случалось, что армія французскаго императора частенько сильно голодала.

Отъ своего войска Наполеонъ отдѣлилъ одну часть, впрочемъ не очень значительную, и послалъ ее по дорогѣ въ Петербургъ, самъ-же, съ главными силами, слѣдовалъ за Барклаемъ-де-Толли, и говорилъ, что миръ заключитъ тогда, когда побѣдителемъ вступитъ въ Москву. Русское войско между тѣмъ отступало все далѣе и далѣе и по ту сторону Смоленска хотѣло соединиться съ другою арміею, которою командовалъ генералъ Багратіонъ. Наполеонъ провѣдалъ про цѣли Барклая и велѣлъ своимъ идти скорѣе: онъ понималъ, что поодиночкѣ разбить русскія арміи легче, чѣмъ тогда, когда онѣ соединятся. Русскому главнокомандующему нужно было во что бы то ни стало задержать враговъ, чтобы дать такимъ образомъ возможность обѣимъ русскимъ арміямъ соединиться. Мѣстомъ, въ которомъ должна была произойти задержка французовъ, избранъ былъ Смоленскъ. Этотъ городъ съ древнихъ временъ былъ окруженъ каменною стѣною, но стѣна эта, впрочемъ, мало могла оказать пользы въ настоящее время. Она была построена еще тогда, когда большихъ, мѣткихъ, стрѣляющихъ на далекое разстояніе, пушекъ не было, а потому и города защитить, и сама продержаться долго не могла. Въ Смоленскѣ тѣмъ не менѣе засѣло нѣсколько русскихъ полковъ, которымъ было приказано сопротивляться врагамъ до послѣдней крайности и отступить лишь тогда, когда не будетъ никакой возможности держаться. Въ день имянинъ Наполеона, 4 Августа, французы явились у Смоленска и сразу бросились на приступъ, но были остановлены пулями и ядрами мѣтко стрѣляющихъ защитниковъ. Потерпѣвъ пораженіе при первомъ приступѣ, французы не пытались болѣе кидаться на стѣны храбраго города, но вокругъ него разставили 150 пушекъ и стали такимъ образомъ разрушать, какъ крѣпостную стѣну, такъ и дома въ городѣ.

Адскій огонь изъ 150 французскихъ пушекъ, обратилъ почти весь Смоленскъ въ кучу развалинъ: изъ 2,050

домовъ, бывшихъ въ городѣ, уцѣлѣло только 350; улицы завалены были трупами; французскія войска все въ большомъ количествѣ не переставали подступать. При такихъ условіяхъ долѣе держаться не было возможности, и начальники, бывшіе въ Смоленскѣ, рѣшились отступить и послѣдовать за главною арміею. Сдѣлать это теперь можно было тѣмъ удобнѣе, что получилось извѣстіе о соединеніи Барклая съ Багратіономъ, слѣдовательно нѣсколько дневная задержка враговъ подъ Смоленскомъ уже оказала свое хорошее дѣйствіе, а дальнѣйшее продолженіе напраснаго кровопролитія было не нужно. Русскія войска положили на возы всѣ вещи, могущія чѣмъ нибудь оказать пользу непріятелю, чтобы все это взять съ собою; чего взять не могли, то потопили въ рѣкѣ или нарочно испортили, и выступили изъ города. Чудотворная икона Богоматери Смоленской тоже была взята изъ соборной церкви и помѣщена на одинъ изъ лафетовъ. Русскіе удалились, а французы вступили въ городъ, или лучше сказать, въ развалины города. Армія Наполеона, ожидавшая найти въ Смоленскѣ много разныхъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ она сильно нуждалась, была очень недовольна, не нашедши почти ничего въ опустошенномъ городѣ.

Вступленіе непріятелей въ Смоленскъ произвело весьма грустное впечатлѣніе на всю Россію: хотя русскій главнокомандующій и не могъ ожидать, чтобы у этого города многочисленный непріятель потерпѣлъ пораженіе отъ горсти русскихъ, тѣмъ не менѣе народъ полагалъ, что городъ Смоленскъ, который въ древнія времена не разъ мужественно отражалъ непріятелей, съумѣетъ и теперь отстоять себя. Если и прежде русскіе съ неудовольствіемъ смотрѣли на отступленіе и повторяли извѣстную суворовскую пословицу, то теперь это неудовольствіе увеличилось значительно. Крестьянамъ было жаль своихъ опустошенныхъ усадьбъ, солдаты скучали въ бездѣйствіи и между тѣми и другими стали ходить толки о неблагонадежности Барклая. Слухи, невыгодные для Барклая, дошли до императора Александра, который сильно надъ ними призадумался, не потому, чтобы онъ вѣрилъ этимъ слухамъ и небылъ убѣжденъ въ честности

своего главнокомандующаго, а потому, что понималъ невозможность оставить во главѣ войска такого человѣка, который не пользовался довѣріемъ своихъ подчиненныхъ и всей Россіи. Сначала думалъ-было самъ императоръ стать во главѣ войска, но потомъ выборъ его палъ на генерала Михаила Илларіоновича Кутузова, котораго онъ и назначилъ на мѣсто Барклая. Барклай просилъ себѣ, какъ милости, позволенія остаться при русскомъ войскѣ и сражаться за Россію.

Русскіе солдаты очень рады были извѣстію о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ. Они думали, что немедленно начнется наступленіе и говорили: „Пріѣдетъ Кутузовъ бить французовъ“. Но новый главнокомандующій не велѣлъ остановиться, отступленіе продолжалось. Кажется, что Кутузовъ вполнѣ одобрялъ планъ Барклая-де-Толли и хотѣлъ его продолжать, но потомъ, выбравъ удобное положеніе при селѣ Бородинѣ, рѣшился попробовать счастья въ битвѣ. „Ни шагу назадъ“, сказалъ онъ, дойдя до Бородина,—и русская армія остановилась.

Раннимъ утромъ въ день 26 Августа Наполеона разбудилъ гонецъ, присланный отъ передоваго отряда, съ извѣстіемъ, что русская армія остановилась. Наполеонъ быстро схватился съ своей походной постели, велѣлъ подать себѣ лошадь и воскликнулъ: „Прекрасно! Пойдемте отворять московскія ворота“.

Силы обоихъ противниковъ были почти равныя; французы превосходили русскихъ численностью, но не значительно. Мы видѣли, что въ началѣ войны у французовъ войска было гораздо больше, но теперь число его поуменьшилось, какъ отъ болѣзней, распространившихся во французской арміи отъ голода и усталости, такъ и отъ того, что въ каждомъ завоеванномъ городѣ имъ пришлось оставлять свои полки, да кромѣ того отъ ихъ главной арміи отдѣлились нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ для движенія въ Петербургъ. У русскихъ-же напротивъ, съ каждымъ днемъ войска прибывали, такъ какъ являлись ополченцы, увеличивалось число партизановъ, да и русской арміи доставляли въ доста-

точномъ количествѣ всякое продовольствіе. Битва началась съ того, что нѣсколько французскихъ полковъ ударили въ штыки; немедленно послѣ этого заревѣли французскія пушки: русскія отвѣчали тѣмъ-же. Не много битвъ видѣлъ міръ такихъ, какъ бородинская!... Болѣе 100.000 человѣкъ легло на полѣ сраженія. Русскіе дрались храбро, французы тоже. Гулъ орудій не давалъ возможности разслышать команду. Русскіе потеряли въ этотъ достопамятный день своего храбраго Багратіона. Барклай бился какъ левъ. Онъ былъ вездѣ, гдѣ только опасность была значительнѣе, но непріятельскія пули, штыки и сабли не коснулись его. Наступленіе темной ночи раздѣлило сражающихся и прекратило безпощадный бой. Самъ Наполеонъ называлъ бородинское сраженіе упорнѣйшимъ изъ всѣхъ, которыя ему удалось видѣть въ жизни. Всѣ ожидали, что на слѣдующій день возобновится бой, но русскій главнокомандующій разсудилъ иначе: хотя потери французовъ и русскихъ были почти равныя, хотя русскіе ни на шагъ не отступали передъ натискомъ враговъ, но Кутузовъ полагалъ, что войска его слишкомъ ослаблены битвою, чтобы драться снова и такимъ образомъ рисковать потерпѣть пораженіе. На слѣдующій день онъ сталъ отступать къ Москвѣ, а непріятель, по прежеему, пошелъ за нимъ.

По мѣрѣ того какъ непріятель двигался на востокъ, въ Москвѣ народъ все болѣе и болѣе безпокоился за свой городъ.

И лишь только пришла въ Москву вѣсть о рѣшеніи Кутузова выдать Москву врагамъ, въ городѣ поднялась страшная суматоха. Никто не хотѣлъ оставаться въ немъ, боясь непріятелей, каждый спѣшилъ уѣхать или уйдти куда бы то ни было. Разные экипажи, телѣги, одноколки наполняли улицы, ведущія къ заставамъ, что съ восточной стороны Москвы. Пѣшеходы несли мѣшки и узлы со всякимъ добромъ. Чего нельзя было взять съ собою, то портилось или зарывалось въ землю, лишь бы только недоставалось въ руки врагу. Торговцы хлѣбомъ потопили свои барки съ рожью и пшеницею, не желая, чтобы ихъ товаромъ кормились французы. Толкотня и давка на улицахъ московскихъ были до того

ужасны, что большую часть войска Кутузовъ долженъ былъ посылать въ обходъ, кругомъ города, такъ какъ кратчайшимъ путемъ черезъ городъ, идти было невозможно. Между тѣмъ непріятель напиралъ, и всякое замедленіе со стороны отступающихъ было крайне опасно.

Лишь только русскій арріергардъ перешелъ за Москву, началось вступленіе французскихъ войскъ. Наполеонъ подъѣхалъ къ Дорогомиловской заставѣ и здѣсь слѣзъ съ лошади. Онъ ожидалъ, что къ нему пріѣдутъ начальники города, торжественно поднесутъ ему ключи, изъявятъ покорность и станутъ просить о пощадѣ. По крайней мѣрѣ такой обычай существовалъ вездѣ въ Европѣ: и Вѣна, и Берлинъ, и другія столицы сдавались французамъ съ такою церемоніею. Но ожиданія французскаго императора были тщетны: никто къ нему не являлся. „Видно, эти варвары не знаютъ, какъ сдавать города“, сказалъ разсерженно Наполеонъ и велѣлъ позвать къ себѣ знатнѣйшихъ жителей города. Но вся Москва была пуста, и посланные успѣли привести къ Наполеону только нѣсколькихъ человѣкъ, бѣдно одѣтыхъ, да и то преимущественно изъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ. „Гдѣ начальство Москвы?“ грозно спросилъ Наполеонъ. „Никого нѣтъ, всѣ уѣхали“, отвѣчали призванные. Такъ какъ было уже поздно, то онъ оставался ночевать въ одномъ изъ домовъ не далеко отъ Дорогомиловской заставы.

Между тѣмъ его войска начали располагаться въ нашей столицѣ. Они были рады, что достигли давно желанной цѣли, но какъ-то безпокоились при видѣ того безлюдія, которымъ отличалась Москва: изъ жителей остались только бѣднѣйшіе, да и тѣ попрятались, гдѣ кто могъ. Одинъ изъ отрядовъ двинулся къ Кремлю, ворота котораго были заперты. По дорогѣ ему встрѣтился какой-то русскій булочникъ; послѣдній принялъ пышно одѣтаго генерала изъ поляковъ за самаго Наполеона и убилъ его. Конечно онъ заплатилъ жизнью за свою дерзость. Изъ Кремля между тѣмъ послышались выстрѣлы; но защитниковъ было немного, и потому

французскій отрядъ безъ труда вошелъ въ Спасскія ворота, разрушивъ ихъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Въ царскомъ дворцѣ приготовлены были покои для Наполеона, который утромъ слѣдующаго дня (3-го сентября) совершилъ торжественный въѣздъ въ старый русскій Кремль. Въѣзжая въ Москву, Наполеонъ объявилъ своимъ генераламъ: „Теперь война кончена, мы въ Москвѣ, Россія покорена, я предпишу ей такой миръ, какой мнѣ надобенъ“. Но не такъ думалъ старикъ Кутузовъ: „Теперь только война начинается“, говаривалъ онъ; императоръ-же Александръ сказалъ курьеру, привезшему ему грустное извѣстіе о вступленіи враговъ въ Москву, слѣдующія достопамятныя слова: „Скажите всѣмъ, что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и поселянъ, и буду самъ ими предводительствовать. Когда будутъ истощены всѣ усилія, я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь скитаться въ пустыняхъ Сибири, нежели подписать постыдныя условія“.

Занявъ Москву Наполеонъ размѣстился въ Кремлѣ, генералы также пріискали себѣ удобныя квартиры, войско было расквартировано отчасти въ обыкновенныхъ домахъ, отчасти на площадяхъ, въ палаткахъ. Французы собирались въ Москвѣ зимовать, такъ какъ знали, что зимою въ Россіи холодно, а потому войну вести несподручно; но вотъ въ первыхъ-же числахъ сентября, гостей сталъ выгонять изъ жилищъ огонь. Загорится вдругъ ни съ того ни съ сего то одинъ домъ, то другой, какъ нарочно, откуда ни возьмись порывистый вѣтеръ, и пылающія головни перелетаютъ съ крыши на крышу, распространяя повсюду разрушеніе. Наполеонъ велѣлъ тушить пожары, но оказалось, что всѣ пожарныя машины были или испорчены, или вывезены изъ Москвы заблаговременно. Иногда нѣсколько пожаровъ одновременно начиналось въ двухъ-трехъ мѣстахъ; они росли все болѣе и болѣе и, наконецъ, соединялись въ одно море огня.

Расквартированные по домамъ французы принуждены были покидать свои жилища, переходить съ одного мѣста на другое, съ другого въ третье и т. д. Даже Кремлев-

скій дворецъ былъ въ опасности, и самъ Наполеонъ принужденъ былъ, въ виду этого, перекочевать въ Петровскій дворецъ, болѣе отдаленный. Иногда и французы поджигали дома главнымъ образомъ потому, чтобы скрыть слѣды грабежа, который съ ихъ стороны случался нерѣдко. Но пожары были дѣломъ второстепеннымъ для французовъ. Самое главное было то, что враги не нашли въ Москвѣ тѣхъ обильныхъ запасовъ, на которые разсчитывали и въ которыхъ сильно нуждались. Хлѣба въ запасныхъ магазинахъ не было, барки съ нимъ, стоявшія на рѣкѣ, были потоплены, скотины никакой. Въ домахъ французы находили разныя съѣдомыя вещи; но такъ какъ частные люди въ городахъ обыкновенно не дѣлаютъ большихъ запасовъ, то этакая пища могла хватить французамъ не на долго. Въ разныхъ лавкахъ они позахватывали много чаю, сахару, кофе, конфектъ, варенія, имѣли иногда самыя изысканныя лакомства, но въ необходимомъ постоянно нуждались; у нихъ не было въ достаточномъ количествѣ ни говядины, ни хлѣба, ни соли. Лошадямъ пришлось еще хуже: сѣно и овесъ были въ Москвѣ большою рѣдкостью, а потому лошади, которымъ предстояло возить пушки и носить на себѣ всадниковъ, скоро исхудали до крайности. Наполеонъ разсчитывалъ, что пройдетъ еще нѣсколько времени, пожары прекратятся, русскіе попривыкнутъ, перестанутъ дичиться французовъ, и мужички по прежнему повезутъ свои товары на московскіе рынки. Но не тутъ то было: окрестные крестьяне предпочитали лучше испортить и сжечь свой хлѣбъ, свое сѣно, но не везли его на продажу французамъ, хотя послѣдніе не прочь были платить за все это хорошія деньги. Французы голодали до того, что принуждены были очень часто питаться кониною, а иногда даже ѣли воронъ и галокъ, которыхъ называли городскою дичью.

Войска русскія между тѣмъ шныряли постоянно вокругъ Москвы, сосѣдніе лѣса были полны отрядами казаковъ и партизановъ, которые не пропускали ни одного случая вредить французамъ. Наполеонъ посылалъ въ сосѣднія деревни за сѣномъ, хлѣбомъ, овсомъ; русскіе-же всегда были на-готовѣ и старались взять въ плѣнъ

или перебить посланныхъ. За однимъ возомъ сѣна посылались цѣлые полки, да и тѣ иногда принуждены были возвращаться съ пустыми руками; что-же касается до транспортовъ изъ Литвы и Польши, то они обыкновенно перехватывались русскими на дорогѣ и не доставались Наполеону. Особенно много вреда французамъ причинялъ русскій партизанъ Фигнеръ, который, зная прекрасно ихъ языкъ, переодѣтый во французскій мундиръ, пріѣзжалъ въ Москву, заводилъ разговоры съ непріятельскими солдатами и офицерами, вывѣдывалъ отъ нихъ разныя тайны и сообщалъ все это своимъ, чтобы лучше знать, какъ дѣйствовать.

Оставаться въ Москвѣ долѣе не было никакой возможности, и Наполеонъ, пробывъ въ нашей столицѣ около 27 дней, рѣшился удалиться изъ нея, лишившись въ ея стѣнахъ, главнымъ образомъ отъ разныхъ болѣзней, болѣе 30.000 человѣкъ въ одинъ неполный мѣсяцъ. Онъ думалъ пробраться черезъ Калугу въ юго-западныя губерніи, болѣе богатыя хлѣбомъ и теплыя, провести тамъ зиму и весною опять возобновить наступленіе. Выступающіе изъ Москвы французы отличались слабостью, исхудалостью; лошади ихъ еле двигались. Холодъ заставлялъ ихъ не брезгать никакою теплою одеждою, и потому одни надѣли полушубки, другіе шали и большіе платки, третьи, за неимѣніемъ ничего болѣе подходящаго, дамскія салопы и священническія рясы. Около 40.000 фуръ тянулись за ними съ разными цѣнными вещами, награбленными въ церквахъ, лавкахъ и частныхъ домахъ нашей столицы. Наполеонъ, уходя, велѣлъ поджечь нѣсколько домовъ, а подъ иныя зданія положилъ порохъ и взорвалъ ихъ на воздухъ. 10-го октября послѣдніе французскіе отряды оставили Москву, и въ тотъ-же день въ почти разрушенный городъ вступили казаки, а за ними и другія русскія войска.

Оставляя Москву, Наполеонъ продолжалъ еще питать въ сердцѣ своемъ надежду на побѣду надъ русскимъ царемъ. Главное, въ чемъ онъ нуждался,—это были зимнія квартиры и съѣстные припасы для изнуреннаго войска. Москва, опустошенная и своими, и чу-

жими, не могла доставить французамъ необходимыхъ удобствъ, а потому они оставили ее и направились на югъ, въ страны еще не разоренныя, но Кутузовъ во время разставилъ сильные отряды и заставилъ непріятеля идти по прежней дорогѣ, по которой они шли къ Москвѣ. Кутузовъ былъ очень радъ такому обороту дѣла: онъ говорилъ, что возвращеніе непріятелей по прежней дорогѣ убійственно для нихъ, такъ какъ дорога эта уже подверглась самому страшному опустошенію, а потому изрядно и безъ того проголодавшійся врагъ не встрѣтитъ на ней ни крова, ни пищи. И дѣйствительно, предсказаніе стараго русскаго воина сбылось: французскіе солдаты мерли съ голоду; лошадиное мясо, даже падаль, были для нихъ рѣдкимъ лакомствомъ. Когда лошади почти всѣ были съѣдены, то и пушки, и возы съ награбленною добычею нужно было оставлять на дорогѣ. А тутъ какъ на бѣду въ октябрѣ пристукнули морозы, словно крещенскіе, снѣгъ выпалъ глубокій. Плохо одѣтые французы гибли и отъ холода, и отъ голода. Эта недавно блистательная армія представляла теперь горсть исхудалыхъ, больныхъ бѣглецовъ, еле державшихъ ружья въ окоченѣлыхъ рукахъ, оборванныхъ, или кое-какъ прикрытыхъ, кто рогожкою, кто женскимъ капотомъ, кто шубою. И этимъ несчастнымъ бѣглецамъ на каждомъ шагу угрожали то казаки, то партизаны, то просто крестьяне, выходившіе теперь на французовъ какъ на охоту. Но не только отряды казаковъ, крестьянъ и партизановъ напирали со всѣхъ сторонъ на отступающихъ въ безпорядкѣ французовъ: за ними шелъ Кутузовъ съ правильнымъ войскомъ, тепло одѣтымъ, сытымъ и хорошо вооруженнымъ, съ сѣвера кромѣ того шла другая русская армія, которая успѣшно отразила французовъ, хотѣвшихъ идти въ Петербургъ, съ юга подвигалась третья армія. Русскіе надѣялись, что не только всѣ войска Наполеона будутъ истреблены, но и самъ онъ не избѣгнетъ плѣна. Особенно разсчитывали на это тогда, когда французамъ прійдется проходить черезъ рѣку Березину, на которой мостовъ не было, а холодное время года и глубина мѣшала переходить въ бродъ. Но тутъ Наполеонъ еще разъ доказалъ свои военныя способности, переведя

войско на другую сторону. Русскіе спохватились только тогда, когда половина французовъ была уже на другомъ берегу, а другая половина продолжала проходить черезъ мосты, не смотря на русскія пули и ядра, которыя сѣяли смерть въ тѣсно столпившихся на узкомъ мосту французскихъ солдатъ. Наконецъ и одинъ мостъ провалился, а люди, лошади и пушки полетѣли въ воду; но самъ Наполеонъ съ тою частью войска, которая у него была разстроена меньше другихъ, находился уже на другомъ берегу.

Наконецъ 25 декабря 1812 года не осталось въ Россіи ни одного непріятеля, за исключеніемъ плѣнныхъ. Изъ громадной арміи, вошедшей въ предѣлы нашего отечества, оставалось лишь 20.000 человѣкъ, болѣе или менѣе счастливо выбравшихся изъ него. Цѣлыя сотни пушекъ, сложенныхъ въ настоящее время въ московскомъ Кремлѣ, цѣлыя сотни знаменъ, украшающихъ нынѣ Казанскій соборъ въ Петербургѣ, отняты были у отступающихъ французовъ. А сколько добычи разными цѣнными вещами, мелкимъ оружіемъ и т. д. досталось русскимъ,—этого и не перечесть.

Наполеонъ довелъ свои войска лишь до Вильны, а тамъ сѣлъ въ сани и съ чужимъ паспортомъ, чтобы не быть узнаннымъ на дорогѣ, уѣхалъ во Францію собирать новыя войска, но отъ своихъ подданныхъ былъ принятъ далеко не съ восторгомъ. Александръ-же порѣшилъ докончить дѣло побѣдъ надъ Наполеономъ и, освободивъ отъ него Россію, освободить и Европу.

Б. А. Павловичъ.

Волкъ на псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку.

Псари кричатъ: „ахти, ребята, воръ!“
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
— „Огня!“ кричатъ: „огня!“—Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть:
Глазами, кажется, хотѣлъ-бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,—
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ: „друзья, къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я“...—„Послушай-ка, сосѣдъ“,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой“.
И тутъ-же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

И. Крыловъ.

Кутузовъ и солдаты Измаиловскаго полка.

Преслѣдуя Наполеона, Кутузовъ подъѣхалъ однажды къ Измаиловскому полку и спросилъ: „есть-ли хлѣбъ?“ „Нѣтъ, ваша свѣтлость“—отвѣчали солдаты.—„А вино?“ „Нѣтъ ваша свѣтлость“—„А говядина?“ „Тоже нѣтъ“. Приняв грозный видъ, князь Кутузовъ сказалъ: „Я

велю примѣрно наказать провіантскихъ чиновниковъ. Завтра навезутъ вамъ хлѣба, вина, мяса, и вы будете отдыхать". — „Покорнѣйше благодаримъ!" — „Да вотъ что, братцы: пока вы станете отдыхать, злодѣй то, не дожидаясь васъ уйдетъ".

Тогда въ одинъ голосъ крикнули гвардейцы: — „Намъ ничего не надобно; безъ сухарей и вина пойдемъ его догонять". При этихъ словахъ поднявъ глаза къ небу и утирая слезы, фельдмаршалъ произнесъ: „Великій Боже! чѣмъ возблагодарить Тебя за милость, что имѣю счастіе командовать такими м... цами!" Неумолкаемое ура! было отвѣтомъ измайловцевъ.

Михайловскій-Данилевскій.

Бѣгство французовъ отъ Березины.

Разстройство непріятельской арміи въ послѣднюю недѣлю бѣгства отъ Березины до Молодечно достигло до невѣроятной степени отъ наступившей вдругъ жестокой стужи: съ 16-го ноября постоянно было больше 20-ти градусовъ мороза. 22-го ноября едва можно было говорить: отъ холода спиралось дыханіе. Стиснувъ зубы, враги шли и бѣжали въ безмолвномъ отчаяніи; ноги обертывали попонами, ранцами, старыми шляпами; окутывали голову, лицо и плеча мѣшками, рогожами; окладывались сѣномъ и соломою; добыть лошадиную шкуру почиталось за счастье. На дорогѣ находилось немного уцѣлѣвшихъ селеній: всѣ они, при шествіи непріятеля внутрь Россіи, а послѣ мародерами, были болѣе или менѣе ограблены, разорены, выжжены. Когда французамъ пришлось бѣжать назадъ по дорогѣ, ими же опустошенной, то, завидя какое нибудь селеніе, они спѣшили къ нему; но домы были пусты, и въ нихъ раздавался лишь свистъ порывистыхъ вѣтровъ. Не находя крова, непріятель жегъ на пути своемъ домы, клѣти, хлѣва, заборы для того только, чтобы согрѣться хоть на одномъ ночлегѣ. На пожарищахъ лежали кучи солдатъ; приблизившись къ огню, они не имѣли болѣе силы отойти отъ него. Намъ случалось заглядывать въ полусгорѣвшія корчмы: то-

серединѣ обыкновенно находился курившійся огонекъ, а вокругъ на полу замерзшіе непріятели. Ближайшіе къ огоньку еще шевелились, а прочіе, въ искривленномъ положеніи, съ судорожными лицами, лежали какъ окаменѣлые. У многихъ вмѣсто слезъ выступала кровь изъ глазъ, а потому безъ преувеличенія можно сказать, что враги проливали кровавыя слезы. Подобно тѣнямъ бродили они по пепелищамъ и среди пустынь, гдѣ не было ни движенія, ни жизни; опершись на деревья или сучья, шатались они на ногахъ; лишенные всякихъ пособій къ облегченію страданій, въ тщетной борьбѣ съ смертію, падали безъ чувствъ на безлюдныхъ, снѣжныхъ поляхъ. Сами не зная куда, тащились иные по дорогамъ съ примерзшею къ ногамъ соломою, съ почернѣвшими отъ грязи ступнями, покрытыми ледяною корою, зараженными антоновымъ огнемъ. Съ отмороженными по колѣна ногами, окутанными въ отвратительныя ветошки, съ закоптѣлыми отъ дыма лицами, небритыми бородами, иные не могли ходить и ползали на рукахъ. Многіе приходили въ безчувственность, лишались слуха, языка и ума; какъ шальные выпуча глаза, смотрѣли на наши войска и ничего не понимали. Въ безпамятствѣ ложились на горящіе угли и погибали въ огнѣ, грызя себѣ руки и пожирая стерво и человѣческое мясо. Вмѣсто послѣдняго прощальнаго вздоха съ жизнію, испускали изъ устъ клокотаніе замерзавшей пѣны. Биваки были также пагубны, какъ и сильные дневные марши. Приходя къ ночлегу, изнеможенные, полузамерзшіе, бросались вокругъ огней; крѣпкій сонъ одолѣвалъ ихъ, и жизнь угасала прежде, нежели потухали огни. Не всегда и на бивакахъ находили непріятели успокоеніе, потому что ихъ тревожили Донцы. При одномъ имени „казакъ“! сдавались французы, или бѣжали дальше до другаго ночлега, другаго уголка оледенѣвшей земли, гдѣ усыпленіе превращалось въ сонъ вѣчный. Плѣнными уже давно пренебрегали; часто они отставали толпами отъ непріятельскаго арріергарда, шли на встрѣчу нашимъ войскамъ, отъ которыхъ цѣлымъ тысячамъ плѣнныхъ давали иногда не болѣе двухъ-трехъ казаковъ, башкирцевъ или поселянъ. Нерѣдко бабы, одна впереди, другая назади, гнали

дубинами стада Европейцевъ съ ружьями; шатались французы между снѣжными сугробами въ сторонѣ отъ дороги, но никто ими не занимался. Они подходили къ нашимъ колоннамъ, окутанные и скорчившіеся, какъ безобразные чучелы, и слабымъ голосомъ вымаливали кусокъ хлѣба.

Толстаго.

Могила Кутузова.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ: однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ.
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ жив
Онъ русскій гласъ намъ издаётъ,
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народный вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой той сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ—и спасъ....

Пушкинъ.

Анчутка Безпятый. (Древняя сказка).

Въ незапамятные годы, въ далекой иностранной землѣ, жилъ-былъ мужичокъ—бобыль Фарафонъ, нравомъ смирный, а судьбой безталанный.

Безъ большой надобности, а съ великой скуки, взялъ онъ себѣ въ жонки бабу: изъ приселка на битой дорогѣ, въ кружалѣ цѣловальницу, вдову Красоулю, Облаеву дочку.

Про вдову Красоулю, Облаеву дочку, въ людяхъ ходила слава, что она кликуша, спорчена отчасти. Другіе болтали, что вся она цѣлая вѣдьма. Были и такіе, что подглядѣли у нея хвостикъ: гдѣ и какъ—не сказали, а только видали; стало быть—баба вѣдьма.

По недолгомъ сожительствѣ, оказалася оная баба Красоуля мужу Фарафону во всемъ супротивна и ни въ чемъ не послушна: мужъ зоветъ ее горохъ молотить, а она идетъ воду носить; онъ зоветъ сѣно грести, а ей надо избу мести. Онъ сядетъ за столъ, а она шмыгъ за двери! Онъ говоритъ; „лѣшій тебя на мою шею послалъ!“ а она говоритъ: „ты самъ меня взялъ!“ И ни въ чемъ у нихъ не было согласья, а все шло врозь да поперегъ.

Живутъ они годъ, живутъ другой. Фарафонъ терпитъ да крѣпится—и стало ему не въ моготу; ибо баба, что день, то пуще ершится.

И задумалъ Фарафонъ неладное дѣло; а самъ молчитъ, ничего не говоритъ: случая ждетъ—время-де придетъ.

— На самую Авдотью-мокрую, когда талая земля на сажень въ соку, а на трясинахъ дно насквозь размыто, чуть-свѣтокъ собирается Фарафонъ на работу въ болото и приказываетъ женѣ: „я иду на болото, а ты дома сиди, со двора не сходи!“

— А вотъ-же, пойду! говоритъ супротивная баба.

„Ну, хорошо, иди; только мѣшка не бери!“

— А вотъ-же, возьму!

„Ну, хорошо, возьми; только камней въ мѣшокъ не клади!“

— А вотъ-же, положу!

— „Ну, хорошо, клади; только съ мѣшкомъ по трясинѣ не скачи!

— А вотъ-же, буду скакать!

„Ну такъ что-жъ съ тобой и толковать!“

— А вотъ-же, толкуй!

Махнулъ Фарафонъ рукой, пошелъ; идетъ за нимъ и баба,—мѣшокъ съ камнями за плечами.

Пришли они на болото; перебрались по кочкамъ на самую трясину.

„Гляди-же, стой смирно, не скачи баба!“

— А вотъ-же скакну!

Скакнула баба, провалилась кочка, и только вода заурчала—такъ и ушла баба въ бездонное болото, съ мѣшкомъ своимъ.

Поглядѣлъ Фарафонъ привѣтно на то мѣсто, куда жена провалилась, а на томъ мѣстѣ только пузырьки похлопываютъ.

„Вотъ оно што! сказалъ Фарафонъ, и, прикинувшись скучнымъ, пошелъ домой.

И живетъ Фарафонъ самъ одинъ; живетъ день, другой,—недѣля прошла. Въ избѣ у него тихо, а въ правду стало скучно. Говорится-ли въ людяхъ: вмѣстѣ тѣсно, а врозь тошно. Запечалился Фарафонъ по бабѣ сухой печалью: зѣваетъ, вздыхаетъ и приговариваетъ: а что теперь станешь дѣлать?

И на Никиту-сухменника опять собирается Фарафонъ въ лѣсъ; заткнулъ за поясъ топоръ да веревку. Идетъ и размышляетъ, дай-зайду на болото; поглядѣть хоть то мѣсто, гдѣ баба моя провалилась.

Пришелъ, глядитъ и въ затылкѣ почесываетъ: вотъ гдѣ она провалилась! И вдругъ слышитъ Фарафонъ—подъ землей кто-то вопитъ. Прилегъ онъ къ кочкѣ ухомъ и прислушивается.

„Спасите, караулъ, вытащите! кричитъ тонкій голосъ подъ трясиною: мочушки моей нѣтъ, спасите добрые люди!“

И стало Фарафону и страшно и жалко, и очень любопытно. Стоитъ онъ на кочкѣ колѣнками, направо поглядѣлъ, налѣво поглядѣлъ, на верхъ глянулъ — ни откуда совѣту нѣтъ, а съ подъ трясины вопитъ голосъ: „спасите, сдѣлайте-же милость всякую!“—и пузырьки хлопаютъ по водѣ болотной.

Еще поглядѣлъ Фарафонъ, еще подумалъ, вздохнулъ и махнулъ рукою: „а что будетъ, то будетъ!“ сердце не каменное, душа не деревянная—и, привязавши къ концу веревки топоръ, опустилъ его въ трясину.

„Тяни!“ завизжалъ изъ болота голосъ. Потянулъ Фарафонъ, а самъ тянетъ да задумывается: ой, не пустить-ли?—и опять тянетъ: погладѣть на бабу хочется. И опять призадумывается: ой, не пустить-ли!—да топора

стало жаль и опять тянетъ. И только что хотѣлъ еще подумать маленько, а передъ нимъ—хлопъ! какъ пробка изъ бутылки, щелкнуло—и передъ самымъ носомъ его, съ рожками и съ хвостикомъ, плюгавенькій чертенокъ сидитъ на корточкахъ и дрожитъ какъ осина.

— Тьфу! наше мѣсто свято! что тебѣ надо? крикнулъ въ ужасѣ Фарафонъ.

— „Ахъ, спасибо тебѣ, отецъ-благодѣтель!“ запищалъ чертенокъ, „охъ, дяденька, спасибо великое! а я чуть живъ, чуть живъ: всѣ мои косточки переломаны!“ и чертенокъ заплакалъ.

Фарафонъ на силу опомнился и сталъ пристально разглядывать плачущаго бѣса; въ самомъ дѣлѣ, бѣдняга былъ жалости подобенъ: шерсть повыскубана клочьями, глазъ подбитъ, одинъ рожекъ переломанъ и когда онъ отворялъ ротъ, то видно было, что не доставало тамъ нѣсколькихъ зубовъ. Очень походилъ онъ на выброшенную за заборъ, растрепанную собаками и переѣханную колесомъ, кошку. Онъ плакалъ: изъ красныхъ глазъ его капали черныя чернила.

— Ахъ ты бѣдный, собачій сынъ! промолвилъ сожалительно Фарафонъ.

„Да вотъ еще и хвоста какой кусокъ урвали!“ жаловался чертенокъ, и шевельнулъ обрывышемъ хвоста. —„Это въ тысячу лѣтъ не отрастетъ, а безъ этого мнѣ и къ своимъ нельзя показаться!“... и чертенокъ въ три ручья заплакалъ; а ручьи были все тѣже чернила, или сапожная вакса.

— Кто-жъ это тебя, щенокъ ты бѣдный, оболванилъ такъ? за что, сдѣлай милость, скажи?

Чертенокъ и лапкой махнулъ, отъ рыданія не могъ собраться съ голосомъ.

— „Я ужъ тебѣ, дяденька, все разскажу; дай выплакаться!“

— Плачь, чертъ-те побери! такъ и быть, я подожду! ласково сказалъ Фарафонъ.

Чертенокъ сидѣлъ на зеленой кочкѣ и плакалъ въ воду: отъ каждой его слезинки вскипала вода, какъ отъ свинцу растопленнаго, пускала дымокъ сизый и окрашивалась совсѣмъ грязнымъ цвѣтомъ. Кругомъ воняло сѣрой

и давно сдохшей собакой. А въ водѣ начали нарождаться и копошиться головастики, черви и всякая дрянь.

Фарафонъ опять струсилъ. Не стукнуть-ли его обухомъ въ темя? подумалъ Фарафонъ, и становилось ему очень страшно.

А чортъ все плачетъ.

— Скоро-ли выплачешься? робко спросилъ Фарафонъ.

„А вотъ сейчасъ!“ пропищалъ бѣсъ и фыркнулъ какъ кошка: точно ведро помой плеснуло въ воду—и закишили тамъ голые черви, змѣенки, пауки и клопы водяные, а по кочкѣ расползались долгоногія караморы.

„Послѣднюю тоску сплаконулъ!“ сказалъ чертенокъ и повеселѣлъ замѣтно.

„Теперь слушай, добрый дяденька, я тебѣ все разскажу, какъ отцу родному!“

— Тьфу! Фарафонъ плюнулъ, но чортъ не обидѣлся и началъ разсказъ:

„Я—Анчутка-безпятый; погляди и чортъ показалъ свою безпятую козлиную ножку: дѣйствительно не было пятки.

„Въ чортовомъ родѣ я не изъ послѣднихъ: по вашему—фигура значительная! Это болото—мое родовое имѣнье, и я жилъ здѣсь 1300 лѣтъ, безъ всякой печали. Жабы, лягушки, конскія піявки ходили у меня по оброку; головастики, водяные клопы и пауки исправляли барщину; черепахи завѣдывали кухней, а водяныя ящерицы откармливали къ столу червяковъ и улитокъ. Музыкантъ пугачъ арендовалъ самую середку моей трясины, и 77 цаплей, на моемъ иждивеніи, присматривали за всѣмъ имѣньемъ. Мнѣ было очень хорошо. Бывало намаявшись за-день въ глубинѣ болота, вечеркомъ, подымешься кверху, заляжешь себѣ въ самой кислятинѣ перепрѣлаго моха и, пошлепывая хвостомъ, слушаешь музыкантовъ: лучше моихъ жабъ на 1000 верстъ кругомъ пѣсельниковъ нѣтъ. Вѣдь ты, дяденька, самъ слышалъ?“

— Какъ не слыхать! промолвилъ Фарафонъ. „И было все прекрасно. Я уже намѣревался жениться на рыжей вѣдьмѣ, проживающей въ сосѣднемъ яру, на бурьянѣ, подъ гнилой колодой буреломной осины.

Вѣдьма, первая красавица на Лысой горѣ изъ всѣхъ труболетокъ, играетъ на сковородѣ и тянетъ второй голосъ въ пѣснѣ абракадабрѣ въ осенній шабашъ, на воробьиную ночь. Все шло очень хорошо. Вдругъ—провалилась прямо въ мой дворецъ баба съ того свѣта, то есть съ этого, гдѣ мы теперь.

Я былъ очень радъ—милости просимъ! Баба изъ себя вотъ какая...

— Знаю! сказалъ Фарафонъ и махнулъ рукою; говори дальше!

„Вотъ хорошо-съ; баба сначала оробѣла, потомъ заплакала, потомъ осовѣла. Я сталъ ее утѣшать, а она фыркнула кошкой—и пошла потѣха! Дальше я распространяться не стану, а скажу коротко: въ одну недѣлю избила, изщипала, изцарапала меня такъ, что, какъ у васъ говорится,—всѣмъ чертямъ тошно; переломила рогъ, выбила шесть зубовъ, обломала копыто, а вчера откусила, страшно сказать—хвостъ!“

Чортъ опять заплакалъ.

— Вишь о чемъ нашелъ плакать! примолвилъ Фарафонъ.

„Да, вамъ хорошо, что у васъ нѣтъ хвостовъ,—продолжалъ бѣсъ слезно,—вы ничего и не знаете, а у насъ вся сила въ хвостѣ; безъ хвоста, я все равно, что не чортъ: лишенъ силы для большихъ пакостей и считаюсь не старше лѣшаго между чертей.

Рогъ у меня выростетъ во сто лѣтъ, зубы въ пятьдесятъ, копыто заживетъ на дняхъ, а хвостъ ростетъ по вершку въ 700 лѣтъ—ну, теперь и разсчитывай.

— Да—а! сказалъ Фарафонъ,—безъ ариѳметики и не разсчитаешь.

„Ну, то-то и есть! а кто-же ее знаетъ на свѣтѣ?“

Однако поблагодарилъ чортъ Фарафона за избавленіе отъ лихой бабы и сталъ прощаться съ нимъ: теперь я долженъ маяться по свѣту, пока отростетъ хвостъ. Прощай, добрый человѣкъ! за твою великую милость, я отслужу тебѣ три службы. Когда тебѣ понадобится сдѣлать большое дѣло, то ты только перекувырнись и скажи сіи три слова (Анчутка шепнулъ Фарафону три неизвѣстныя слова).

„Но четвертой службы отъ меня не требуй; а если потребуешь, то будетъ тебѣ, мой отецъ, худой конецъ. Прощай!“

Свистнулъ вѣтеръ; по болоту зарябило воду, заквакали жабы.—Фарафонъ оглянулся: никого нѣтъ, только улетала отъ него вдаль сѣрая долгоносая цапля. Въ воздухѣ похолодѣло. А Анчутки-безпятаго—какъ не бывало.

— Тьфу, ты бѣсъ? да не сонъ-ли это? подумалъ Фарафонъ и пошелъ домой.—Въ самомъ дѣлѣ, все это было похоже на худой сонъ.

Фарафонъ живетъ-поживаетъ, зѣваетъ да скучаетъ.—Въ избѣ у него паукъ съ тараканомъ разсуждаютъ: какъ-бы зима не пришла-бы. На огородѣ крапива съ дурманомъ шепчутся тайно, что не боятся хозяина; но бѣда, если могла-бы изъ болота вернуться баба. Подъ стрѣхой идетъ писк и воробьиные вопли, что по сю пору не всходятъ конопли. Хозяинъ встаетъ поздно, ложится рано и провожаетъ житіе безталанно. —Только сорока-бѣлобока сядетъ передъ хатой на частоколѣ рогатомъ, и все одно стрекочетъ: быть тебѣ богатымъ!

А люди ужъ поговариваютъ: куда дѣвалась Облаева дочка, вдова Красоуля, жена Фарафона? пропала, какъ сквозь земь провалилась. Фарафонъ должно быть что нибудь знаетъ, ибо молчитъ!

А Фарафонъ молчитъ, ибо все знаетъ.

Время идетъ и проходитъ.

Вдругъ пронеслась молва, что у перваго богатѣя на селѣ Кривомъ—Кулака-Обиралы, жена взбѣсилась. Бѣсъ вселился въ бабу, завѣряли люди: сидѣла, ѣла, икнула, чорта вспомянула,—а онъ тутъ и есть! И пошла поголоска, что Кулакъ-Обирала тому, кто вылечитъ его бабу, даетъ мѣрку серебра и разнаго добра—кой-что изъ ветоши.

Приходили знахари, наѣзжали волхвы—лечили бабу: распаривали, отпаривали, растирали, притирали, вѣки выворачивали, ноги за шею заворачивали, дули, плевали, шептали, на ножѣ крутили рѣшето—все выхо-

дитъ не то!—Ну и признаются, что дѣло таково, что нельзя сдѣлать ничего!

А баба лѣзетъ на стѣну, поетъ совой, бьется объ уголъ головой,—хозяинъ хоть волкомъ вой.

И вотъ послышалъ Кулакъ-Обирала, что живетъ невдалекѣ мужичокъ Фарафонъ, человѣкъ смирный и странный и притомъ совсѣмъ безталанный. Шлетъ Кулакъ къ Фарафону гонца. Привезъ гонецъ Фарафона. Кулакъ-Обирала бьетъ ему челомъ: слышалъ я, говоритъ, что ты человѣкъ смиренный и странный, и притомъ совсѣмъ безталанный.—а въ писаніи сказано одно мѣсто, что черти такихъ боятся. Сдѣлай милость, полечи мою бабу: выгонишь изъ нея бѣса—получишь мѣрку серебра и разнаго добра—кой что изъ ветоши.

Ничего не сказалъ Фарафонъ, а велѣлъ привести оную бабу и всѣхъ выслалъ вонъ; шепнулъ бабѣ въ ухо три неизвѣстныя слова, перекувырнулся и сказалъ: готово! Взвизгнуло-пискнуло въ избѣ, въ печи загудѣло, труба лопнула и разсыпалась. А съ надворья видѣли люди, какъ нетопырь вылетѣлъ изъ трубы и улетѣлъ за село въ осинникъ.

Баба уснула и, скоро проснувшись въ полномъ укѣ, объявила, что ей теперь очень хорошо,—только темно. А что голова побаливаетъ, такъ видно потому, что стѣны да углы покрѣпче черепа, а впрочемъ все благополучно.

Получилъ Фарафонъ мѣрку серебра и разнаго добра—кой что изъ ветоши. Отправился домой и зажилъ припѣваючи.

А сорока-бѣлобока, сидя на частоколѣ рогатомъ, стрекочетъ все свое: быть тебѣ очень богатымъ!

Фарафонъ живетъ, всѣмъ на зависть, отлично. Люди говорятъ: Фарафонъ чорта знаетъ. А Фарафонъ молчитъ, ибо его знаетъ.

Время идетъ и проходитъ.

Вдругъ пронеслась молва, что въ сосѣднемъ посадѣ, у гильдейскаго купца Лупы-Долгокарманнаго жена взбѣсилась. Лѣзетъ баба на стѣну, поетъ совой, бьется объ уголъ головой—хозяинъ хоть волкомъ вой. По совѣту людей, купецъ Лупа-Долгокарманный посылаетъ гонца прямо за Фарафономъ.

Пріѣзжаетъ Фарафонъ. Молится ему купецъ тѣмъ-же порядкомъ: ты-де человѣкъ смиренный и странный, и притомъ совсѣмъ безталанный, а такихъ черти боятся: вылечи мою бабу: за то тебѣ дамъ полъ-корабля дорогихъ товаровъ.

Фарафонъ ничего не сказалъ и, прежнимъ порядкомъ, потребовалъ бабу. Шепнулъ ей на ухо три неизвѣстныя слова, перекувырнулся и сказалъ: готово!

И таки—тѣмъ-же порядкомъ, бѣсъ улетѣлъ въ трубу, труба лопнула, баба заснула; а Фарафонъ получилъ полъ-корабля дорогихъ товаровъ. Товары все иностранные: ворсистые, съ одной стороны совсѣмъ чистые, клеймомъ припечатаны и всѣ дырки залатаны. А цѣна имъ—сто тысячъ фальшивыми ассигнаціями.

Фарафонъ зажилъ еще шире; всего у него вдоволь: кумачу—не хочу, китайки не надо! все шолкъ да плисъ и веницейской бархатъ. На столѣ пироги, осетрина, заморскія вины и кислы щи рвутъ пробки.

А сорока по частоколу скачетъ и стрекочетъ тѣмъ паче: быть тебѣ еще богаче.

Люди завидуютъ, а все таки ему съ поклономъ шапочки снимаютъ; Фарафонъ на поклонъ только головой киваетъ.

И вдругъ пронеслась молва, что у самаго воеводы жена ошалѣла. И все тѣмъ-же порядкомъ, послалъ гонца воевода по Фарафона. Молитъ его воевода: вылечи мою бабу—дамъ тебѣ за то цѣлую волость съ полями, съ озеромъ и лѣсомъ,—только развяжи меня съ бѣсомъ!

Заперся Фарафонъ съ воеводиной бабой: шепнулъ ей въ ухо три неизвѣстныя слова, перекувырнулся и сказалъ: готово! Чортъ улетѣлъ въ трубу, а баба здорова.

Развязавши воеводу съ бѣсомъ, получилъ Фарафонъ волость съ полями, озеромъ и лѣсомъ.

Зажилъ Фарафонъ такъ сыто и знаменито, что на тысячу верстъ налѣво и направо прошла его слава.

А сорока ему все одно стрекочетъ: богатъ ты Фарафонъ,—одначе—быть тебѣ еще богаче.

И народъ Фарафона прославляетъ, а онъ и вниманія не обращаетъ. И только удивляется, что сорока завирается; ибо это третья и послѣдняя Анчуткина служба.

Проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы; люди живутъ, бабы не бѣсятся. Фарафонъ очень доволенъ—отъ всѣхъ дѣлъ съ чортомъ уволенъ.

Вдругъ по всему королевству пронеслась удивительная вѣсть: яко-бы въ королевскую дочь, красавицу—чудо изъ чудесъ, влѣзъ нѣкій бѣсъ.

По всѣмъ городамъ звонятъ въ колокола, стучатъ въ барабаны; на площадяхъ указъ читаютъ: о королевнѣ прекрасной народъ повѣщаютъ; мудрецовъ, чародѣевъ, знахарей и ученыхъ людей призываютъ. И сказано въ одномъ указѣ: кто вылечитъ королевну посредствомъ слова, дѣла или хорошей мази, тотъ,—да знаютъ народы—будетъ пожалованъ въ воеводы; и къ тому-же—будетъ нареченъ ея мужемъ. А въ приданое королевнѣ назначены многія деревни, и при нихъ безъ числа угодій. Вылечи хоть мужикъ—будетъ воеводой!

Со всѣхъ концовъ королевства собираются въ столицу разныя ученыя и мудрыя лица. Спорятъ, разсуждаютъ и держатъ совѣтъ: кто говоритъ—да, кто говоритъ—нѣтъ. Пишутъ протоколы, мнѣнія сводятъ—однако ничего не выходитъ. Чернокнижки и мудрецы смотрятъ на звѣзды и въ морскія бездны; взираютъ на зодіаки, чертятъ тайные знаки, читаютъ книги древни. А бѣсъ сидитъ въ королевнѣ.

Проходитъ одинъ день,—выходитъ у мудрецовъ все таже дребедень. Прошла и еще ночь—иныхъ велѣно прогнать прочь. Многихъ, за разсужденіе руками и за распущеніе глотки, повелѣно засадить въ колодки. Словомъ—дѣло приняло такой оборотъ, что кто что ни скажетъ, то совретъ. Весь совѣтъ погруженъ во мракъ ужасный. А чортъ сидитъ въ королевнѣ прекрасной.

И вотъ, наконецъ, въ одной древней, заклятой книгѣ, изъѣденной крысами и молью, углядѣли мудрецы нѣкое тайное слово. На пергаментѣ арабскомъ, египетской тростью, халдейской рукою, начертано оное слово и, по древности лѣтъ, было почти все стерто. Одначе мудрецы углядѣли, что оно обозначаетъ чорта, и, предавшись радости великой, испустили крикъ дикой:

„Нашелъ, нашелъ!“ кричали всѣ единогласно.

Ну и прекрасно! Дальше ужъ легко посредствомъ зеркалъ волшебныхъ, подзорныхъ трубъ, линій и угломѣровъ отыскать весь смыслъ тайнаго слова. И прочитали мудрецы весь смыслъ тайнаго слова книги заклятой; означало оное слово: въ королевнѣ сидитъ Анчутка-безпятый!

И тогда только мудрецы столь догадливы были (между ними всего чаще есть простофили), что послали гонцовъ,—верхами и съ фургономъ, за извѣстнымъ всѣмъ Фарафономъ, знающимъ смыслъ тѣхъ словъ заклятыхъ, кои устрашаютъ всѣхъ бѣсовъ безпятыхъ.

Привезли Фарафона; предсталъ Фарафонъ передъ королевской тронъ. И вѣщаетъ печальный король, сидя на тронѣ: о, Фарафоне! Изцѣли мою дочь младую отъ бѣсова коварства—пожалую тебя за сіе полцарствомъ!

Но Фарафонъ палъ на колѣни и произнесъ: о, король! не казни твоего раба и слугу—я тутъ ничего сдѣлать не могу!

И воспылалъ гнѣвомъ король, зардѣлъ лицомъ грознымъ и возопилъ гласомъ зычнымъ: если ты, непокорный рабъ, не вылечишь мою дочь, то слетитъ твоя голова прочь!

Коротко и ясно; не избѣжать тебѣ, Фарафонъ, лютой смерти; или-же возьмутъ твою душу черти—выбирай любое. Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать! подумалъ Фарафонъ и махнулъ рукою: знать такова моя судьба, что самъ себѣ гибель строю и говоритъ: о, король! не взирай на меня гнѣвно—берусь лечить королевну!

Одначе подумалъ онъ: авось вывезетъ кривая, и приступилъ къ дѣлу хитро. Приказалъ Фарафонъ выискать, изо всей столицы трехъ бабъ, самыхъ голосистыхъ, поставилъ ихъ за дверьми покоя королевны и наказалъ имъ строго поступки такіе: какъ только услышите слово—„готово!“, то вопите согласно во всю бабью силу: „держи его!“ и больше ничего.

Вошелъ въ покой королевны Фарафонъ, всѣхъ выслалъ вонъ; взглянулъ и ошалѣлъ отъ великаго дива: передъ нимъ была красота—ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. И жаль ему стало королевны прекрасной,

и того жальче своей доли безсчастной. Хоть на минутку, смѣнилъ-бы я Анчутку, подумалъ Фарафонъ; да король-то больно страшонъ.

Нечего дѣлать—принялся за леченье. Шепнулъ королевнѣ три неизвѣстныя слова, перекувырнулся и не успѣлъ крикнуть—готово! а передъ нимъ стоялъ самъ Анчутка-безпятый: „подавай, Фарафонъ, свою душу!“ и выставилъ свои когти.

— Сторонись! кричитъ Фарафонъ, и подбираетъ полы своего кафтана; и еще громче крикнулъ: готово!“

Въ три голоса завопили за дверьми бабы: „держи его!“

— Это что? спросилъ Анчутка, а самъ струсилъ.

— Бѣда! кричитъ Фарафонъ,—догоняетъ насъ моя баба, Красоуля!—и ударился бѣжать.

Какъ стреконетъ Анчутка черезъ Фарафона—только вихрь пошелъ по всему королевству, такъ утекалъ безпятый чортъ отъ бабы.

А Фарафонъ, не будь дуракъ, остался; съ прекрасной королевной повѣнчался. Три дня и три ночи пиръ пировали; сладкіе меды распивали. Молодые шептали другъ другу рѣчи пріятныя, имъ двоимъ только внятныя. Кричали гости—ура! дескать кончить пора.

А конецъ во какой.

Летѣлъ со страстей Анчутка, какъ стрѣла колена перомъ оперена. Сорокъ дней и ночей летѣлъ онъ какъ птица, въ дальнія мѣста—чужія границы. И съ размаху попалъ лбомъ—въ шлагбаумъ, и разсыпался на семь тысячъ чортовыхъ дребезговъ; и всѣ они пошли въ дѣло.

А. Погоскаго.

Бобыль Наумъ-Сорокодумъ.

Жилъ-былъ бобыль Наумъ-Сорокодумъ, по прозвищу—сказать непригоже—Ольховая рожа. Человѣкъ онъ былъ не глупый, да къ тому-же не мало смыслилъ; хозяйство велъ большое самъ, да только не у себя, а по чужимъ дворамъ. Одначе худоба и разный скотъ—

водились и проходили мимо его воротъ: на дворы скотскіе, то есть, на господскіе. И былъ онъ Наумъ-Сорокодумъ очень богатъ на карманы: двое въ портках, четверо въ кафтанѣ—два сзади, да два боковые—всѣ пустые, и еще одинъ, сверхъ положенія, на спинѣ для украшенія.— А деньги были въ сундукахъ на 12-ти замкахъ, на храненье отъ злодѣйства заперты въ казначейство; суммы все мильонныя,—такъ опять все казенныя. Ну, Наумъ ихъ и не трогалъ, даже не подходилъ близко, а въ кабакѣ пилъ въ долгъ, все больше на записку.

И вотъ, какъ-то разъ съ вечера, баба Науму шибко перечила: сѣлъ Наумъ поужинать, поглядѣлъ во шти, видитъ—тараканъ. Взъѣлся Наумъ на бабу: зачѣмъ у тебя, баба, во штяхъ тараканъ?

А баба, на язычокъ слаба, говоритъ:—никакъ ты ужь пьянъ! Оботри-ко губы, да возьми глаза въ зубы, да помѣшай ложкой во штяхъ немножко; такъ и увидишь, что шти чисты и пусты: не токма таракана, а нѣтъ тамъ и капусты. А тараканъ-то на потолкѣ надъ лучиной грѣется, а потолокъ—отъ съ тараканомъ во штяхъ виднѣется.

— Нѣтъ, говоритъ Наумъ-Сорокодумъ—сказать непригоже—Ольховая рожа; я, говоритъ, тебѣ, баба, не вѣрю, а выйду на огородъ да дѣло самъ повѣрю.—Наумъ былъ и самъ проворъ, вышелъ съ миской на дворъ: вылилъ на землю шти, а шти въ землю ушли; и не оказалось ни прибытка, ни изъяна: не осталось на землѣ ни капусты, ни таракана;—а только на травѣ стало мокро, какъ на бородѣ у лихаго свекра, когда гулящая золовка спечетъ ему блинъ не ловко. Вернулся въ избу съ миской Наумъ и говоритъ бабѣ Сорокодумъ: ну, теперь вѣрю, баба,—шти сварены слабо. Одначе сказано, что баба вѣкъ проживетъ, а все обманомъ: вишь ты въ пустыя шти, для вкусу, свела потолокъ, да еще съ тараканомъ!

Ну такъ вотъ, господа,—хвостъ-то не ходитъ одинъ, а все съ прихвостнемъ, а сказка сказывается всегда съ присказкой. Покончивши о Наумовомъ кушаньѣ, просимъ честную компанію о послушаньѣ; а потомъ о вашемъ разсужденіи и сего мудренаго дѣла порѣшеніи.

Спитъ голодный Наумъ послѣ бабьяго обмана, и грезятся ему во снѣ все цыганы. Одначе, разбудила баба Наума ухватомъ поутру—и это было ему совсѣмъ не понутру, а пришлось по наруже—значитъ тѣмъ хуже: вставай, говоритъ, мужичокъ Наумъ-Сорокодумъ—сказать непригоже—Ольховая рожа! полно тебѣ на боку лежать, а ступай ѣжу промышлять!

Наумъ глаза продралъ, бабу обругалъ, самъ всталъ, шапку взялъ, попробовалъ засвистать: вѣтру-бы хватило въ брюхѣ, да губы очень сухи—онъ и пошелъ ѣжу промышлять.

Приходитъ Наумъ къ рѣкѣ—лежитъ челнокъ бокомъ на пескѣ; перевернулъ онъ челнокъ, подъ нимъ весло зарыто въ песокъ. Спустилъ челнокъ на воду, сѣлъ, оттолкнулся,—переплылъ рѣку и назадъ оглянулся: какъ-бы за такую затѣю не далъ кто въ шею, али хозяинъ челнока не помялъ-бы ему бока. Никого не видать, не слыхать—затянулъ Наумъ челнокъ въ камыши, а самъ пошелъ искать барыши. И вотъ по бабьему велѣнью, а своему соображенью, идетъ Наумъ ѣжу промышлять: не сѣявши жать и своимъ собственнымъ рыломъ чужой хрѣнъ копать.

Идетъ дорога темнымъ лѣсомъ, бредетъ дорогой Наумъ, озираючись мелкимъ бѣсомъ. Слышитъ, кто-то стучитъ: глядь—на деревѣ цыганъ сидитъ, и топоромъ стукъ-стукъ въ тотъ самый сукъ, на которомъ сидитъ—въ него и стучитъ, да его-же и рубитъ: никакъ съ-дуру самъ себя цыганъ губитъ? Остановился Наумъ и кричитъ: эй, цыганъ! никакъ ты дуракъ или до свѣту пьянъ? Вѣдь ты себѣ шею сломаешь!

— А ты почемъ знаешь?—вопрошаетъ цыганъ Наума. А Наума взяла такая дума: семъ-ка я дураку цыгану открывать истины не стану, сказать короче—я его проморочу. Вотъ и говоритъ онъ ему въ отвѣтъ: все-бы тебѣ разсказалъ, да времени нѣтъ,—самъ я нахожусь въ немалой печали. И пошелъ далѣ.

Идетъ Наумъ путемъ-дорогой; стучитъ цыганъ топоромъ по немногу; гулъ все слабѣй раздается, сукъ все больше подается. Еще Наумъ изъ-виду не скрылся,

а ужъ подъ цыганомъ сукъ обломился и цыганъ съ дерева свалился: летѣлъ очень хорошо и довольно быстро—попалъ лбомъ въ пень, а изъ глазъ посыпались искры. Но въ лѣсу ничего не загорѣлось, а только у цыгана шея разболѣлась. Лежитъ цыганъ носомъ кверху и глазами моргаетъ, а между тѣмъ такъ въ умѣ разсуждаетъ: мужичокъ—отъ сказалъ мнѣ слово вѣрно: что-то у меня около шеи скверно! Видно онъ пророкъ или знахарь, а не простой стало быть пахарь; надо-бы его догнать, да кой о чемъ пораспытать. Всталъ цыганъ, а самъ шатается,—то за лобъ, то за шею хватается; однако догналъ Наума-Сорокодума и середь самой дороги—бухъ ему въ ноги: „ой, батенько! ты мнѣ правду прорекъ, значитъ ты знахарь али пророкъ; ты, батенько, только глазомъ взглянешь и все что будетъ—ужъ знаешь! Ой, скажи мнѣ бѣдному человѣку, много-ли моего вѣку? А я за то твоей чести скажу три хорошія вѣсти!“

— Ладно, говоритъ Наумъ-Сорокодумъ, — скажу тебѣ вѣрно, въ томъ покоенъ будь, только гляди-слушай, да какъ нибудь не позабудь: будешь ты,—говоритъ цыгану Наумъ—все жить, жить да вдругъ и помрешь; а ужъ какъ вдругъ помрешь, такъ и трехъ дней не проживешь! Это я сказалъ очень вѣрно,—а если не будетъ такъ, то ты меня на весь лѣсъ обругай примѣрно. И пусть будетъ тотъ изъ насъ первый дуракъ, съ кѣмъ это дѣло сдѣлается какъ нибудь не такъ!

Испугался цыганъ: ой, что-же мнѣ теперь распочати! А кто-же будетъ красть коней и варганы ковати?

— Одначе, говоритъ Наумъ, какъ печально ни пой, а въ словѣ твердо стой: разсказывай моей чести три хорошія вѣсти:

„Первая хорошая вѣсть—за лѣсомъ деревня есть; а не доходя деревни стоятъ прясла древни, а за пряслами огородъ и въ немъ гряды не пусты: насажено тамъ немало капусты. Хотѣлъ было я набрать ее со двѣ охапки,—лиха бѣда, въ межѣ сидитъ хозяинъ безъ шапки: глаза большенные, уши полсаженныя,—кожухъ на выворотъ, съ хвостикомъ, въ перстъ; а бѣжитъ на четверинкахъ, въ часъ сорокъ девять верстъ. Я отъ него бѣжалъ, на-

силу ушелъ, ажъ заболѣло чрево, а со страстей я залѣзъ отъ него на еловое древо".

— Добро, думаетъ Наумъ,—цыганъ со страху завирается; это не хозяинъ, а заяцъ.

„Вторая хорошая вѣсть; за деревней корчемка есть; надъ окошечкомъ корчемки все связки луку сушатся; хотѣлъ было я въ окошко прислушаться, анъ въ окнѣ свѣтъ; въ корчмѣ никого нѣтъ, только жидъ надъ книгой сидитъ, да самъ качается—то поетъ, то воетъ, то весьма заикается. Я было протянулъ руку къ луку, а меня кто-то сзади рогами; погляжу—сатана хлопаетъ ушами: шерсть длинная, уши ослиныя, борода мала, самъ около кола съ снаровкой ходитъ на веревкѣ; грамотѣ знаетъ и въ слухъ читаетъ со двора черезъ окно книгу въ избѣ, и кричитъ слово—бѣ!"

— Добро, думаетъ Наумъ,—у страха велики глаза: это коза!

„Третья хорошая вѣсть: въ лѣсу поляна есть; на полянѣ колъ вбитъ, а на колу гусь сидитъ, все гогочетъ, а летѣть не хочетъ. Я было его захватилъ за крыло, да подо мной землю прорвало: ажъ заняло духъ, какъ я въ яму-то бухъ! а яма какъ горенка въ землѣ рыта; а въ углу сидитъ хозяинъ, глядитъ сердито: въ волосяномъ армякѣ, самъ стучитъ зубами—знать не доволенъ гостями. Какъ я ушелъ и какъ душа моя не погибла—ничего не помню, потому что со страху память отшибло".

— Добро, думаетъ Наумъ,—знаешь-же ты толкъ: это не хозяинъ, а волкъ.

— И вотъ, промолвилъ цыганъ, разсказалъ твоей чести всѣ три хорошія вѣсти; а теперь меня отпусти, надо домой дровишекъ отнести.

— Хорошо сказалъ Наумъ,—теперь ступай прочь; не мѣшай мнѣ гулять, хороша, вишь ты, ночь.

И пошелъ Наумъ, во первыхъ, къ деревнѣ, гдѣ пряслы древни; а чтобы не блыкаться попусту, набралъ тамъ вязанку капусты. Потомъ пошелъ къ корчмѣ, увидѣлъ свѣтъ въ окошко и набралъ въ карманъ луку немножко; подъ окномъ коза отозвалася—бѣ! онъ и ее взялъ себѣ и повелъ на веревкѣ, потому что за рога вести неловко. Потомъ пошелъ на поляну лѣсную, сдѣ-

лалъ изъ веревки петлю глухую, нагнулся въ яму, какъ стрѣлокъ въ траншею, и накинулъ волку петлю на шею; а дальше немного ужъ надо толка, чтобы выволочь изъ ямы волка.

И вотъ проходилъ Наумъ ночь не даромъ,—возвращается онъ къ челну съ товаромъ, а самъ думаетъ на счетъ своей бабы: что-же теперь она мнѣ сказать могла-бы? Я промыслилъ ѣжу—мнѣ честь и слава, и бабу мою поколотить всегда имѣю право!

Думаючи такую думу, Наумъ-Сорокодумъ приволокъ сперва капусту въ челнокъ: глядь—а въ челнокѣ ужъ и тѣсно, нѣтъ другому товару мѣста. Надо, стало быть дѣло разсудить и поштучно товаръ перевозить. Ну, сперва перевезу капусту, думаетъ онъ себѣ; отчалилъ, а слѣдомъ кричитъ коза—бѣ! Оглянулся Наумъ, волкъ козу деретъ; плохо! думаетъ Сорокодумъ, и назадъ гребетъ. Этакъ-молъ, не будетъ толку, коли козу оставить волку, извѣстному съ козами невѣждѣ: перевезу-ко я его по прежде. Заволокъ въ челнокъ волка Наумъ, поплылъ Сорокодумъ; слышитъ, за нимъ что-то хруститъ: оглянулся,—коза кочерыжки луцитъ. Плохо! думаетъ Наумъ, этакъ тоже нѣтъ толку, а оставлю я капусту волку. Взялъ и перевезъ Наумъ козу; вытащилъ ее на берегъ и поставилъ въ лозу, а самъ вернулся назадъ, дѣлу очень радъ, потому что оно пошло на ладъ. Теперь, думаетъ, перевезу капусту и вернусь за волкомъ, и все покончу съ превеликимъ толкомъ. Сказано—сдѣлано, ловко отрѣзано, да невѣрно отмѣрено; перевезъ Наумъ капусту и стащилъ въ лозу, вернулся назадъ, да забылъ про козу; только слышитъ, что-то хруститъ; глядитъ,—коза опять кочерыжки луцитъ. Не то я сдѣлалъ! размышляетъ Наумъ; вернулся, забралъ капусту: пусть съѣзжу, думаетъ, этотъ разъ по пусту, да за то дѣло направлю и весь товаръ сполна къ бабѣ доставлю.—Сбросилъ капусту, перевезъ волка и приволокъ его въ лозу; самъ въ лодку за капустой, а волкъ за козу; коза, смерть увидя себѣ, завопила-бѣ!

Ошалѣлъ совсѣмъ Наумъ и завопилъ на волка Сорокодумъ: ахъ ты, лѣсной невѣжда! не свезешь тебя ни

послѣ, ни прежде! Взялъ онъ волка за шиворотъ, положилъ въ челнокъ ногами на выворотъ, самъ сѣлъ, руки заломилъ и на всю рѣку громогласно завылъ. А волкъ на него глядючи, ногами кверху лежучи—предался великому вою; и вотъ они заревѣли обое; на одномъ берегу коза кричитъ—бѣ! на другомъ капуста лежитъ такъ себѣ, а посередь рѣки, само собою—идетъ двойной гулъ отъ двойнаго вою!

Вскорѣ на сей великій вой прибѣжалъ цыганъ самъ не свой. И завидѣвши его Наумъ, взмолился Сорокодумъ: за мое-де тебѣ пророчество, помоги мнѣ въ моемъ одиночествѣ; хоша ты видишь меня и въ богачествѣ да нахожуся я въ дурномъ качествѣ: дай совѣтъ, какъ мнѣ дѣло повести и черезъ рѣку имѣніе мое перевезти!

А цыганъ отвѣтствуетъ: другъ мой милый! сіе не по моимъ силамъ; ибо къ великому твоему несчастію, не занимаюсь я сею частію; отродясь не учился я сему искуству, какъ перевезти волка, козу и капусту. И потому, за твое пророчество, не могу пособить тебѣ въ одиночествѣ.

И такъ, пожелавъ Науму всякаго благополучія, повернулся цыганъ на лѣвомъ закаблучіи, то есть къ Науму значитъ спиной, и пошелъ себѣ домой. А Наумъ съ волкомъ продолжаетъ великій вой, коза продолжаетъ блеять—бѣ, капуста лежитъ такъ себѣ.

И можно заключить смѣло, что вышло-бы худое дѣло—и даже смерть приключиться могла-бы, безъ помощи Наумовой бабы. Но она, заслышавъ вой, разсудила, что воетъ никто другой, какъ дескать дуракъ отъ мой! И прибѣжавши на берегъ, дала наставленіе, какъ безъ изъяну перевезти все имѣніе.

И такъ оное дѣло порѣшилось. А если впередъ съ кѣмъ нибудь тоже самое случилось,—и если у кого въ башкѣ не столь густо, чтобы могъ перевезти волка, козу и капусту, то при такомъ разумѣ слабомъ,—пусть пождетъ лучше своей бабы. Ибо и онъ, хоть сказать непригоже, а тоже, не во гнѣвъ его милости—Ольховая рожа!

Писано сіе не кому-либо въ поношеніе, а единственно для свѣдѣнія и соображенія.

А. Погоскаго.

Собачья дружба.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе-бъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужъ понаѣлись—
И вѣжливые-жъ псы притомъ,
Ни на кого не лаютъ днемъ—
Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
„Что можетъ“, говоритъ Полканъ „пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Не спать безъ друга и не съѣсть,
Стоять горой за дружью шерсть,
И, наконецъ, въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливый часъ,
Нельзя-ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружьемъ счастьѣ все свое блаженство ставить!
Вотъ если-бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась:
Скажу я смѣло,
Мы-бъ и не видѣли, какъ время-бы летѣло“.
—„А что-же? это дѣло!“
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
„Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно, ни тѣсно намъ!
Притомъ-же, право, стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;

А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно".
—„Явимъ-же въ ней примѣръ мы въ наши времена",
Вскричалъ Полканъ: „дай лапу!"—„Вотъ она!"
И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться:
„Орестъ мой!" — „мой Пиладъ!" Прочь свары,
зависть, злость!"
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся.
Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ:
Насили, наконецъ, ихъ розлили водою.

Крыловъ.

Другъ человѣка—Собака.

„Собака—неизмѣнный помощникъ человѣка на охотѣ; собака—вѣрный товарищъ человѣка въ бѣдѣ; собака—другъ человѣка". Вотъ слова, которыя приходится весьма часто слышать каждому изъ насъ, и, разумѣется, никто не станетъ сомнѣваться въ ихъ справедливости. Нѣтъ ни одного животнаго, которое было-бы для человѣка такимъ близкимъ, какъ собака, съ которымъ человѣкъ находился-бы въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ, какъ съ собакой. Кошка хитра и фальшива, и нѣтъ ни одного примѣра, чтобы между нею и человѣкомъ установились продолжительныя дружескія отношенія. Изъ остальныхъ домашнихъ животныхъ послѣ собаки, лошадь болѣе всего привязана къ человѣку. Тоже самое и другія домашнія животныя; они могутъ любить своихъ хозяевъ, служить имъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не быть имъ друзьями.

Но совсѣмъ другое дѣло собака. Названіе „друга человѣка" принадлежитъ ей вполнѣ, потому что она вполнѣ заслужила его. Ея память, ея понятливость,

воображеніе, ея сила,—все обращено на службу человѣку, и нравственныя качества ея, каковы, напримѣръ, благодарность, бдительность, любовь къ хозяину, привязанность къ нему, ненависть къ врагамъ своего господина,—испытаны въ множествѣ примѣровъ.

Всѣ тѣ услуги или все то удовольствіе, которое собака доставляетъ человѣку, трудно даже перечислить. Собака стережетъ домъ, приноситъ охотнику убитую дичь, отыскиваетъ слѣдъ, возитъ телѣжки или сани; проситъ милостыню вмѣсто своего слѣпаго хозяина; танцуетъ, ходитъ по канату; собака стрѣляетъ изъ пистолета, вертитъ вертелъ, снимаетъ у человѣка шапку, приноситъ туфли, иногда предупреждаетъ объ опасности и пр. Но уже по одному тому, что собака такое полезное животное, каждому изъ насъ необходимо лучше познакомиться съ нею, узнать ея какъ хорошія, такъ и дурныя качества, отъ которыхъ она, разумѣется, не избавлена; познакомиться съ строеніемъ ея тѣла, съ особенностями различныхъ породъ собакъ, чтобы, по возможности, стараться искоренять въ собакѣ дурныя привычки и развивать хорошія и, научившись цѣнить ея привязанность, облегчать ей жизнь, иногда весьма неприглядную.

Собака принадлежитъ къ хищнымъ животнымъ, какъ и волкъ, на котораго она весьма похожа устройствомъ своего тѣла и устройствомъ зубовъ. Но, прилагая слово „хищное животное“ къ собакѣ, не слѣдуетъ думать, что она столь-же кровожадна, столь-же любитъ сырое мясо, какъ дикій волкъ. Сдѣлавшись домашнимъ животнымъ въ незапамятныя времена, въ такія времена, что о нихъ не сохранилось никакихъ преданій, собака давнымъ давно потеряла дикость нрава и свирѣпость, которыя отличаютъ волка. Еще за долго до Рождества Христова мы встрѣчаемъ собаку уже домашнимъ животнымъ.

И такъ, что касается до нравственныхъ качествъ, то не можетъ быть и рѣчи, чтобы собаку можно было назвать хищною. Если ее такъ и называютъ, то именно по устройству ея тѣла и, въ особенности, по устройству зубовъ. И дѣйствительно, стоитъ только разсмотрѣть зубы собаки и волка, чтобы увидѣть, какъ много общаго между

устройствомъ ихъ и у той и у другаго. Ея зубы таковы, что она ими можетъ разрѣзывать пищу, рвать ее,—крошить и растирать.

Тѣло всѣхъ собакъ вообще худощаво; туловище поддерживается ногами тонкими, сравнительно съ которыми лапы весьма не велики. На переднихъ ногахъ по пяти пальцевъ, на заднихъ по четыре; когти у собаки невтяжные. Голова ея, сравнительно съ величиною туловища, не велика; глаза выразительны и легко переносятъ яркій свѣтъ. Тѣло покрыто шерстью, которая бываетъ различна у разныхъ породъ собакъ: у однѣхъ длинная, мягкая и курчавая, у другихъ короткая и жесткая.

Таковы главныя черты устройства тѣла собаки, которыя можно наблюдать болѣе или менѣе у каждой изъ нихъ. Но какъ мы увидимъ дальше, существуетъ множество породъ собакъ, наружность которыхъ весьма разнится одна отъ другой.

Зная устройство зубовъ собаки, можно угадать, чѣмъ она питается. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что одни зубы собаки приспособлены для растиранія пищи, другіе для разрѣзыванія, третьи для разрываніе: значитъ, она можетъ растирать пищу травянистую и разрывать и рѣзать мясо. Словомъ, собака можетъ ѣсть то же, что человѣкъ.

Но у разныхъ собакъ и различный вкусъ. Однѣ породы предпочитаютъ мясо всякой другой пищѣ; другія особенно любятъ булки, хлѣбъ, овсянку и прочія мучнистыя вещества. Собаки, живущія на сѣверѣ, гдѣ трудно доставить другой пищи, кромѣ рыбной, съ удовольствіемъ ѣдятъ сушеную, копченую, а также и сырую рыбу; нѣкоторыя такъ привыкли къ этой пищѣ, что ничего другаго ѣсть не станутъ. Всѣ породы сходятся въ томъ, что любятъ сахаръ и разныя сласти. Однако, каждый человѣкъ, любящій собаку, долженъ обращать большое вниманіе на ея пищу, такъ какъ весьма часто собаки ѣдятъ то, что имъ вредно. Настоящая пища собаки состоитъ изъ мяснаго отвара, хлѣба, костей, молока и изъ овощей. Нужно остерегаться давать ей

слишкомъ много жира, или слишкомъ много соли, чтобы она не захворала чесоткой. Ее также можно кормить, безъ вреда для здоровья, однимъ хлѣбомъ, если только давать пищу всегда въ опредѣленное время. Собакѣ нельзя давать также ничего горячаго,—пища ея всегда должна быть чуть теплая. Впрочемъ есть нѣкоторыя собаки, которыя ѣдятъ пищу довольно горячую съ величайшимъ наслажденіемъ.

Взрослой собакѣ вполнѣ достаточно ѣсть одинъ разъ въ день, но за то досыта; однако лучше кормить ее два раза,—сытая собака лучше караулитъ домъ, чѣмъ голодная. Хотя собакъ вообще нельзя назвать прожорливыми, но нѣкоторыя изъ нихъ обладаютъ весьма значительнымъ аппетитомъ и готовы ѣсть, когда угодно и что угодно. Такая неумѣренность въ пищѣ весьма вредна.

Чтобы удалить изъ желудка непригодныя вещества, собаки ѣдятъ траву пырей, которую онѣ отлично знаютъ и, въ случаѣ необходимости, безъ труда отыскиваютъ между тысячами другихъ травъ растущихъ на полѣ. Кромѣ пырея, собаки знаютъ и другія лекарства, напр. воловью траву.

Собака животное весьма подвижное, что легко можно видѣть изъ устройства ея тѣла. Всѣ собаки отлично бѣгаютъ, всѣ, безъ исключенія, могутъ плавать, причемъ собаки нѣкоторыхъ породъ замѣчательные пловцы. Онѣ безъ особеннаго труда дѣлаютъ большіе скачки, но не могутъ дѣлать внезапныхъ оборотовъ. Нѣкоторыя породы превосходно лазаютъ, едва-едва цѣпляясь за скалы, нависшія надъ бездной и не чувствуя головокруженія. Разсказываютъ про нѣсколькихъ дворняшекъ, для которыхъ самое большое удовольствіе было лазать по крышамъ, гоняясь за кошками. Всѣ собаки любятъ рыть и дѣлаютъ это, повидимому, для развлеченія. Спятъ онѣ охотно и много, но весьма чутко.

Собаки размножаются весьма быстро. Обыкновенно родится отъ 4 до 6 щенятъ, но иногда бываетъ по 15 и по 20. При рожденіи и 10—12 дней послѣ рожденія щенята бываютъ слѣпыми; во все это время мать изо всѣхъ силъ заботится о нихъ,—кормитъ, стережетъ,

грѣетъ, защищаетъ и нерѣдко таскаетъ съ одного мѣста на другое, съ величайшею осторожностью держа кожу затылка между своими зубами. Любовь собаки къ своимъ щенкамъ замѣчательна; для нихъ она готова на всевозможныя лишенія, на величайшія опасности, и бывали примѣры, что собака погибала, спасая своихъ дѣтей. Разсказываютъ про дворняшку, которая бросилась въ пламя, чтобы спасти своихъ щенятъ; уже троихъ она успѣла пронести черезъ огонь, но при четвертой попыткѣ была задавлена рухнувшими балками.

Щенятъ оставляютъ при матери 6 недѣль. По прошествіи этого времени ихъ начинаютъ пріучать къ пищѣ немолочной. На шестомъ мѣсяцѣ щенята уже забываютъ мать. Учить, или дрессировать, ихъ начинаютъ обыкновенно ранѣе года, когда они бываютъ весьма переимчивы. Воспитаніе собакъ весьма трудно и требуетъ особеннаго умѣнья.

Жизнь собаки довольно продолжительна; бывали примѣры, что собаки доживали до 26 и даже до 30 лѣтъ. Но обыкновенно, на 12-мъ году собака уже сѣдѣетъ, зубы выпадаютъ или притупляются; расположеніе духа измѣняется. Собака дѣлается вялой, лѣнивой и равнодушной ко всему, что прежде возбуждало въ ней злобу или радость. Многія собаки на старости слѣпнутъ и теряютъ голосъ, многія становятся глухими. Рѣже всего притупляется обоняніе. Но рѣдко какая собака умираетъ въ глубокой старости, такъ какъ собаки вообще подвержены многимъ болѣзнямъ. Самая обыкновенная болѣзнь между ними,—такъ называемая собачья чума, отъ которой страдаютъ чаще всего молодыя собаки. Она бываетъ обыкновенно на 4-мъ или 9-мъ мѣсяцѣ, и если ее не захватить во время, ведетъ за собою смерть собаки; лучшее средство отъ нея—порошокъ сѣры, разведенной въ молокѣ.

Самая ужасная изъ всѣхъ болѣзней собакъ есть бѣшенство, которымъ собаки страдаютъ болѣе всѣхъ другихъ животныхъ. Эта болѣзнь называется еще водобоязнью, потому что больная собака не можетъ пить и боится воды. Водобоязнь такъ распространена и грозитъ

человѣку и многимъ домашнимъ животнымъ такою опасностью, что умѣть узнавать и остерегаться бѣшеной собаки весьма важно; потому мы нѣсколько распространимся о ней.

Эта болѣзнь появляется обыкновенно у пожилыхъ собакъ въ лѣтніе или зимніе мѣсяцы, когда погода стоитъ или слишкомъ жаркая, или слишкомъ холодная. Нравъ захворавшей собаки тотчасъ перемѣняется; она дѣлается коварно ласковой, ворчитъ на хозяина, ходитъ изъ угла въ уголъ, скучная и словно сонная; аппетитъ у нея почти пропадаетъ; горло сжимается, такъ что бѣдное животное не можетъ глотать даже воду; оно только лижетъ воду своимъ воспаленнымъ языкомъ. Взглядъ дѣлается мутнымъ, изо рта бѣжитъ въ большомъ количествѣ слюна; вмѣсто лая, собака издаетъ какой-то хриплый, зловѣщій вой, который выходитъ изъ глубины горла и замираетъ постепенно. Животное старается уйти изъ дому; оно словно опасается укусить хозяина при дальнѣйшемъ развитіи болѣзни. Бѣшенство съ каждымъ днемъ усиливается. По прошествіи 4-хъ дней отъ начала болѣзни, собака начинаетъ бросаться на стѣну, неистово лаетъ, словно на какихъ-то невидимыхъ враговъ, и старается укусить каждое животное, которое ей попадается; ее рветъ кровью; взглядъ дѣлается еще болѣе мутнымъ и косымъ, глаза краснѣютъ. Она перестаетъ узнавать хозяина, становится все безпокойнѣе и глупѣе, голова низко опускается; языкъ синѣетъ и высовывается изо рта. Собака не лаетъ, а только ворчитъ. Съ поджатымъ хвостомъ и опущенною головою бѣдное животное, качаясь, бѣжитъ по прямому направленію, не останавливаясь ни на минуту; она старается укусить все, что ей встрѣчается на пути, въ особенности-же другихъ собакъ. На человѣка-же, какъ говорятъ, она нападаетъ только тогда, когда онъ загораживаетъ ей дорогу и пытается остановить. Бѣшенство съ каждымъ днемъ возрастаетъ; собака начинаетъ кидаться на каждый предметъ, попадающійся ей на глаза; кидаясь на куръ или на гусей, она рветъ ихъ, но не ѣстъ; она то и дѣло оскаливаетъ зубы, дѣлаетъ страшныя гримасы, воетъ, облизываетъ свои губы воспаленнымъ языкомъ и иногда щелкаетъ зубами, при

чемъ изо рта появляется пѣна. По прошествіи 8 дней шерсть собаки поднимается дыбомъ, голова начинаетъ болтаться изъ стороны въ сторону, затѣмъ наступаетъ удушье и смерть.

Укушенное собакою животное выказываетъ подобные-же признаки бѣшенства, только свиньи не страдаютъ отъ него. Самое лучшее средство противъ укушенія— это прижиганіе раны ляписомъ и раскаленнымъ желѣзомъ. Но бывали случаи, что и прижиганія оставались недѣйствительными.

Собаки распространены вездѣ, гдѣ только есть люди, живутъ постоянно вмѣстѣ съ человѣкомъ, служатъ ему по мѣрѣ силъ и прилагаютъ всѣ свои старанія, всю понятливость, чтобы принести человѣку возможно больше пользы. Въ Сибири, лѣтомъ пускаютъ собакъ на волю, чтобы онѣ сами, какъ знаютъ, добывали себѣ пищу, и хотя зимою ихъ обременяютъ работою, обращаются съ ними дурно и едва-едва кормятъ, осенью онѣ все-таки возвращаются къ своему хозяину и принимаются за свою обычную службу. И польза, приносимая собакой человѣку, тѣмъ значительнѣе, что это животное обладаетъ понятливостью болѣе всѣхъ другихъ хищныхъ звѣрей. Кошка, левъ, не говоря уже о собакѣ, куницѣ и др., рѣшительно уступаютъ ей въ этомъ отношеніи. Пользуясь ея понятливостью, человѣкъ возлагаетъ на нее всевозможныя обязанности и всему собака научается безъ значительнаго труда; особенно если сравнить дрессировку или обученіе собаки съ дрессировкой другихъ животныхъ. Собака легко воспринимаетъ и усвоиваетъ то, что ее заставляютъ дѣлать. Потому-то ея характеръ весьма зависитъ отъ воспитанія. Подъ вліяніемъ воспитанія измѣняется не только ея умъ, но и нравственныя качества, которыхъ, какъ мы увидимъ дальше, собака далеко не лишена.

Только хорошій человѣкъ можетъ хорошо воспитывать собаку. Собака становится вѣрнымъ отраженіемъ своего хозяина: чѣмъ ласковѣе, добрѣе и внимательнѣе съ нею обходятся, чѣмъ лучше и чище ее содержатъ, чѣмъ болѣе и разумнѣе съ нею занимаются, тѣмъ умнѣе

и лучше становится она сама. Совершенно обратное бываетъ, конечно, при противоположномъ образѣ дѣйствій.

Можно привести множество примѣровъ, доказывающихъ, что у собаки есть умъ. Одинъ французскій писатель разсказываетъ, что когда онъ пилъ чай у камина, то обыкновенно подавалъ своей собакѣ кусочекъ сухаря со стороны, противоположной той, гдѣ она лежала. Собака проходила мимо него, отчего къ одеждѣ приставала ея шерсть. Разъ онъ слегка ударилъ собаку, и съ этого времени она всегда, отправляясь за кусочкомъ, обходила кресло сзади.

Одинъ ветеринаръ перевязалъ собакѣ больную лапу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ эта собака приходитъ къ нему снова, но на этотъ разъ не одна. Умное животное привело къ ветеринару другую собаку, у которой было переломлено бедро.

Одна овчарка повадилась загрызать овецъ. Цѣлые мѣсяцы охотились за нею какъ за волкомъ и не могли поймать. Собака всегда видѣла, откуда приближалась опасность и успѣвала избѣгать ея; она избрала себѣ позицію на высокомъ холмѣ, съ котораго были видны всѣ окрестныя дороги.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что собаками руководилъ умъ. Но еще яснѣе выступаетъ это въ слѣдующемъ разсказѣ. Одинъ пудель, потерявъ своего хозяина,—слѣпаго нищаго,—продолжалъ собирать подаяніе для самаго себя. Когда въ его корзину бросили монету, пудель побѣжалъ въ пекарню и возвратился оттуда съ кускомъ хлѣба.

Разсказываютъ про одного горнаго пастуха, у котораго въ холодную темную ночь вырвалось на волю 700 овецъ и разбѣжались по горамъ и долинамъ.—Сиррахъ (такъ звали собаку), другъ мой, онѣ убѣжали! сказалъ печально пастухъ, но вовсе не думая отдавать приказанія собакѣ. Затѣмъ онъ началъ бѣгать во всѣ стороны, отыскивая овецъ. Побѣжалъ за нимъ-же и Сиррахъ. Наступилъ разсвѣтъ. Выбившійся изъ силъ пастухъ не могъ найти ни одной овцы. Онъ уже со-

брался идти къ хозяину, какъ вдругъ, къ великому удивленію, увидѣлъ въ глубинѣ лощины своего вѣрнаго Сирраха, который сторожилъ не часть стада, какъ подумалъ сначала пастухъ, но всѣхъ овецъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что собака обладаетъ разносторонними умственными способностями. Во всѣхъ разсказахъ, приведенныхъ нами, ея понятливость, смѣтливость, нѣкоторое умѣнье разсуждать проглядываетъ весьма ясно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, собаки не лишены хитрости. Существуетъ множество разсказовъ о хитрыхъ собакахъ, такъ что изъ нихъ можно-бы составить цѣлую книгу. Такъ, одной овчаркѣ понравилось загрызать овецъ, но, зная, что за такія дѣла хозяинъ ее не похвалитъ, она пустилась на хитрости. Собака позволяла сажать себя на цѣпь, но едва наступала ночь, она осторожно снимала свой ошейникъ и отправлялась за овцами, а возвратившись, снова надѣвала его. Въ другомъ подобномъ случаѣ, собака омывала въ ручьѣ свою окровавленную морду.

Часто обыкновенная привязанность собаки къ своему господину переходитъ въ теплую любовь, которая не пропадаетъ даже послѣ смерти хозяина. Были примѣры, что собаки умирали на могилахъ своихъ господъ, отказываясь отъ пищи. Одна собака преступника съ поражающимъ душу воемъ провожала своего господина на мѣсто казни, выражая этимъ свою любовь къ нему.

Умѣя любить, собака умѣетъ и ненавидѣть. Ненависть собаки обращается въ особенности противъ враговъ ея господина. Разсказываютъ про собаку, которая въ одно время узнала и загрызла убійцу своего господина.

Въ заключеніе надо сказать, что польза, приносимая собакой, не кончается и послѣ смерти этой послѣдней; у нѣкоторыхъ народовъ собачье мясо служитъ пищею, даже лакомствомъ; особенно любятъ мясо собаки китайцы. Въ сѣверной Азіи изъ мѣха ея дѣлается одежда; въ Германіи онъ идетъ на шапки, муфты и т. д.;

изъ костей и сухожилій приготовляется клей, а изъ кожи ея шьются перчатки и башмаки; шерстью набиваются подушки; саломъ смазываются колеса и машины.

Недругъ человѣка—Волкъ.

За своими друзьями, за домашними животными человѣкъ ухаживаетъ, кормитъ и холитъ ихъ. А съ врагами—съ дикими звѣрями—человѣку нечего церемониться: онъ ихъ бьетъ и истребляетъ.

Между хищными животными первое мѣсто, по враждебности его къ человѣку, принадлежитъ волку.

Но кому болѣе всѣхъ приходится терпѣть отъ этого хищника? Разумѣется крестьянину. Онъ живетъ и работаетъ въ одной мѣстности съ этимъ лютымъ звѣремъ. У крестьянина въ полѣ или подлѣ лѣса лежитъ пашня, лугъ; тамъ-же пасется его стадо. Самая изба крестьянина со скотнымъ дворомъ или хлѣвомъ примыкаетъ нерѣдко къ полю или къ лѣсу. Все это и ставитъ крестьянина лицомъ къ лицу съ его врагомъ—голоднымъ звѣремъ.

Это—звѣрь-разбойникъ, который наводитъ на все и на всѣхъ страхъ и ужасъ.

Только въ послѣднее время открылся весь тотъ огромный ущербъ, какой наносится волками крестьянскому хозяйству; ущербъ этотъ выяснился, благодаря стараніямъ одного знатока охотничьяго дѣла, который собралъ почти со всѣхъ мѣстностей европейской Россіи, по возможности, вѣрныя свѣдѣнія о числѣ загубленныхъ волками домашнихъ животныхъ. А мы, въ свою очередь, сообщимъ всѣ свѣдѣнія о жизни волка, о его нравѣ, качествахъ и свойствахъ.

Волкъ по устройству его тѣла немножко сродни собакѣ, какъ будто оба они ведутъ свой родъ отъ одного и того-же предка. Волкъ даже и по наружному виду, разумѣется, на первый взглядъ, представляется ни больше, ни меньше, какъ крупной дворовой собакой.

Однако-же, какъ ни похожъ онъ на свою скромную родственницу, но все-таки волкъ далеко не то, что наша вѣрная, услужливая собака. Всмотритесь поближе въ бирюка: это и съ виду настоящій разбойникъ. Вотъ какой наружный видъ волка: широкій лобъ—много ума; стоячія, какъ трубы, направленныя впередъ, уши—чуткость, лисичья морда—тонкое чутье; толстая шея, мускулистыя плечи, сухія ноги—сила въ нападеніи и бѣгствѣ; крѣпкіе острые зубы—жадность и лютость; хвостъ прижатъ къ ногамъ, чтобы меньше быть замѣтнымъ; взглядъ изъ подлобья, чтобъ скрыть глаза отъ чужаго взора... Голосъ волка—вой, наводящій безотчетную тоску. Глаза у него съ перекосиной и въ темнотѣ блестятъ.

Волкъ водится у насъ повсемѣстно, и на сѣверныхъ тундрахъ, и въ южныхъ степяхъ, и на верхне-волжскихъ равнинахъ, но вездѣ онъ держится больше къ мѣстамъ населеннымъ, гдѣ есть дичь и стадо, птица и собака, и гдѣ человѣкъ постоянно копошится въ лѣсу или въ полѣ... Замѣчено также, что волкъ предпочитаетъ открытыя мѣста. Въ глуши-же дремучихъ непроходимыхъ лѣсовъ онъ встрѣчается рѣдко. Волкъ любитъ сосѣдство человѣка.

Во многихъ мѣстностяхъ встрѣчается двѣ породы волковъ—крупная и мелкая. На самцѣ крупной породы цвѣтъ шерсти свѣтлѣе, темная полоса на спинѣ—шире и рѣзче, борода гуще и длиннѣе. А на мелкомъ волкѣ шерсть цвѣтомъ желтоватая и борода едва замѣтная. Волкъ ростомъ больше волчицы почти въ полтора раза. Взрослый волкъ имѣетъ обыкновенно 5 футовъ въ длину; изъ нихъ $1^1/_2$ идетъ на хвостъ. Вышина у зашейка $2^1/_2$ фута. Самка отличается отъ самца нѣсколько болѣе слабымъ сложеніемъ; кромѣ того у нея морда острѣе, а хвостъ тоньше. Мѣхъ смотря по климату страны, гдѣ живетъ волкъ, отличается и цвѣтомъ, и длиной волосъ. Въ сѣверныхъ странахъ шерсть длинная, жесткая и густая, всего длиннѣе на животѣ и бедрахъ; хвостъ пушистый, а шея и бока покрыты густыми торчащими волосами; въ южныхъ странахъ—мѣхъ жестче и короче.

Цвѣтъ шерсти чало-желто-сѣрый съ примѣсью чернаго; на брюхѣ шерсть всегда свѣтлѣе и нерѣдко бываетъ бѣло-сѣрая. Лѣтомъ общій цвѣтъ животнаго ближе къ рыжему, зимой—къ желтому; въ сѣверныхъ странахъ преобладаетъ бѣлый оттѣнокъ, въ южныхъ—черный. Лобъ—бѣло-сѣрый, морда—желто-сѣрая съ примѣсью чернаго; губы бѣловатыя, щеки желтыя, иногда съ легкими черными полосами.

„Волка ноги кормятъ“ говоритъ пословица. Онъ неутомимъ на ходу. Волкъ можетъ бѣгать цѣлый день. Это даетъ ему возможность въ теченіи одного дня производить грабежи на 40-верстномъ разстояніи. Бывали случаи, когда волкъ бѣжалъ подъ гончими, во всю прыть, до 30 верстъ!....

Чуткость у волка поразительная. Малѣйшій шорохъ можетъ поднять его на ноги и унести на версты—въ безопасное мѣсто. Въ поискѣ за дичью, чутьемъ онъ не уступитъ собакѣ. Падаль слышитъ за нѣсколько верстъ повѣтру, а охотника чуетъ, въ лѣсной чащѣ, шаговъ за триста.

Вотъ каковы средства у „сѣраго тимофеича“ къ добыванію себѣ пищи, къ охраненію своей особы и къ грабежу.

Неизголодавшій волкъ ѣстъ одно мясо и ѣстъ много. У волка волчій аппетитъ. Онъ вѣчно на ногахъ, на поискахъ за добычей, вѣчно рыскаетъ, выхаживаетъ огромныя пространства, и эта неутомимая работа развиваетъ у него постоянный аппетитъ. Волкъ вѣчно голоденъ и за-разъ съѣдаетъ цѣлую овцу. Но не столько онъ голоденъ, сколько жаденъ. Одинъ охотникъ видѣлъ, какъ два волка съѣли за-разъ большую половину лошади, вѣсившей навѣрно около 20 пудовъ. Послѣ этого остается только предположить, что излишне съѣденное волкъ извергаетъ рвотой—и зарываетъ про черный день. Падаль любитъ онъ страстно и предпочитаетъ ее живности.

Изголодавшійся волкъ ѣстъ уже все: и лѣсную ягоду, и древесную кору, и мохъ, и шерсть, и старые опорки отъ сапоговъ и проч. У одного волка, загрыз-

шаго крестьянина, нашли въ желудкѣ: кожу съ черепа, какъ есть съ волосами, языкъ непомятый и мѣдный крестъ на шнуркѣ...

Самый лакомый кусокъ для волка—собака и лисица. И боится-же его несчастная „лиса патрикѣевна!“ Во время гона она предпочитаетъ броситься въ ноги охотника, лишь-бы избѣжать встрѣчи съ своимъ главнымъ непримиримымъ врагомъ—„сѣрымъ тимофеичемъ“. Но самое любимое кушанье волка—это его врагъ-человѣкъ. Волкъ, разъ вкусившій отъ него, становится, говорятъ, людоѣдомъ. Въ военное время волки постоянные спутники армій. Впрочемъ, многіе полагаютъ, что людоѣдами дѣлаются только старики-волки, которые потому только хватаютъ ребятъ, что не по зубамъ другое мясо. Эти беззубые перестарки постоянно тощи и обыкновенно держатся поближе къ жилью. Съ крупной скотиной имъ не совладать. Правда, въ лѣсу есть дичь и мелкій звѣрь, но и зайца, и тетерева все-таки не такъ легко добыть, какъ большаго домашняго гуся, мирно уснувшаго на берегу пруда, или шальную овцу, да зазѣвавшагося поросенка.

Волкъ не жуетъ ѣду, а глотаетъ ее кусками, точно пьетъ. Безъ пищи волкъ можетъ оставаться не болѣе 5 дней и то при возможности удовлетворить жажду.

„Сѣрый тимофеичъ“ нрава необщительнаго, угрюмаго. Бирюкъ—нелюдимъ. Его вѣчно хмурый, вѣчно тоскливый видъ доказываетъ, до чего онъ золъ и подозрителенъ. Только молодые волчата нѣсколько склонны къ веселости и игривости. Но съ наступленіемъ зрѣлыхъ лѣтъ эти качества въ нихъ пропадаютъ безслѣдно, и чѣмъ старше становится волкъ, тѣмъ онъ дѣлается злѣе и подозрительнѣе.

Но какъ волкъ ни золъ, какъ онъ ни жаденъ, ни свирѣпъ, онъ все-таки умѣетъ владѣть собою, умѣетъ удержать себя, или даже притвориться честнымъ, если того требуютъ обстоятельства. „Сѣрый тимофеичъ“ вообще большой разумникъ въ житейскихъ дѣлахъ. Онъ шагу не сдѣлаетъ безъ разсчета. Вотъ напр. какъ онъ ловитъ собакъ: Волкъ, что поздоровѣе, заляжетъ въ засаду, а другой, поплоше, идетъ къ подворотнѣ.

Если-бы бирюкъ притворился добрымъ, то собака, несомнѣнно, повѣрила-бы ему. Но добрымъ волкъ и притвориться не можетъ, поэтому, чтобы завлечь глупую собаченку, онъ долженъ обыкновенно напускать на себя робость; прикинется „тимофеичъ“ такимъ трусливымъ, несчастнымъ созданьемъ, что со стороны досадно становится. А собакѣ „то-то и духу придаетъ“. Дворняшка храбро заливается лаемъ, вылетаетъ изъ подворотни и начинаетъ преслѣдовать ковыляющаго волка, пока не выйдетъ за околицу, а тамъ уже счеты не долги...

Что волкъ бываетъ иногда нахаленъ, наглъ и смѣлъ до крайности — это не подлежитъ сомнѣнію. Только крайнее недовѣріе и осторожность побуждаютъ его отступать иногда даже передъ ничтожной моськой. Напримѣръ лѣтомъ волкъ почти всегда трусливъ, но трусливъ не по природѣ, а по разсчету. Волкъ не имѣетъ обыкновенія зализывать ранъ на бокахъ и на спинѣ, отчего лѣтомъ въ нихъ легко заводятся черви или гніеніе. Понятно, поэтому, что въ лѣтнее время бирюкъ оберегается получить рану, тѣмъ болѣе оберегается, что мѣхъ на немъ въ это время года линяетъ, рѣдѣетъ, отчего кожа его становится доступнѣе царапинамъ. Тутъ волкъ не свяжется, пожалуй, и съ вороной, а отъ человѣка всегда уходитъ въ сторону.

Въ январѣ мѣсяцѣ, въ пору сильнѣйшей стужи и наибольшей волчьей голодовки, они бѣгаютъ цѣлыми стаями, головъ въ 6—10. Съ маяка, на Ладожскомъ озерѣ, видѣли, говорятъ, сборище до 500 волковъ! это ужъ выходитъ пиръ горой!

Волчица приноситъ отъ 4 до 11 волчатъ, которые бываютъ слѣпы около 10 дней, а сосутъ 5 или 6 недѣль.

Мѣсто, гдѣ залегло семейство, называется выводкомъ. Это жилище вполнѣ подходитъ къ бродячему образу жизни волка: голая, слегка умятая, его-же боками, земля, подъ какимъ нибудь непроницаемымъ для глаза кустомъ,— больше тутъ никакой мебели.

Въ продолженіе лѣта молодые держатся выводка, а старики достаютъ имъ кормъ. При этомъ главу семейства, отца-волка, многіе упрекаютъ, въ недостаточной заботливости о своемъ семействѣ.

Съ наступленіемъ заморозковъ молодые волки начинаютъ предпринимать легкіе набѣги, подъ наблюденіемъ своихъ родителей. Тутъ старики обучаютъ молодыхъ разнымъ хищническимъ продѣлкамъ и ухваткамъ.

Весной и въ началѣ лѣта выводокъ еще кое-какъ пробавляется въ лѣсу прибылыми зайчиками и неоперившеюся дичью. Но уже со второй половины іюля начинаютъ раздаваться жалобы пастуховъ.

Къ августу и сентябрю жалобы эти переходятъ уже во всеобщіе вопли.

Тутъ волки начинаютъ собираться въ стаи, въ артели, и такъ ходятъ во всю зиму вплоть до уединенія на прежніе выводки.

Волченокъ приходитъ въ зрѣлый возрастъ на 22 мѣсяцѣ. А ростутъ они, говорятъ, до 3 лѣтъ.

Средняя продолжительность ихъ жизни 14—15 лѣтъ. Подъ старость волкъ теряетъ зубы, свѣтлѣетъ шерстью и ведетъ совершенно уединенный образъ жизни. Онъ называется одинцемъ.

Злые, умные, неутомимые бирюки еще болѣе страшны своего многочисленностью.....

Мало-ли, много-ли волковъ? Знать это очень важно. Извѣстно, что не сдѣлаетъ одинъ, то сдѣлаютъ двое. Чего не добьется сотня, того достигнетъ тысяча, и такъ далѣе.

Сколько-же ихъ? Разумѣется, сколько нибудь вѣрно учесть волковъ нечего и пытаться.

Однако-же приблизительный счетъ, какъ говорится, „на взглядъ“ можно сдѣлать и волкамъ; для насъ и такого счета будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы получить понятіе объ общей волчьей силѣ.

Общая эта сила опредѣляется въ 200.000 волковъ на одну европейскую Россію!

Но хорошо 200.000 бирюковъ! Вѣдь это выходитъ цѣлая армія, хотя и разсѣянная на огромномъ пространствѣ, но хорошо вооруженная милліонами здоровыхъ клыковъ и острыхъ, какъ ножъ, когтей, армія злыхъ, умныхъ и сильныхъ животныхъ, дышащихъ непримиримой враждой къ человѣку и его имуществу... Чего не можетъ сдѣлать эта громадная шайка отчаянныхъ, хитрыхъ и прожорливыхъ грабителей?

Мы посмотримъ теперь, что они на самомъ дѣлѣ сдѣлали.

Изъ имѣющихся, и далеко неполныхъ вѣдомостей, оказывается, чти волки губятъ ежегодно по всей европейской Россіи около 800.000 головъ крупнаго и мелкаго скота. Если перевести эту потерю на деньги—то окажутся потерянными около 8 милліоновъ руб. Все это волкъ пожираетъ изъ крестьянскаго хозяйства въ одинъ годъ! А на самомъ-то дѣлѣ пожираетъ онъ можетъ быть и вдвое больше того...

Если мы разложимъ 8 милліоновъ руб. на всѣ крестьянскія земли, то окажется, что каждый крестьянинъ платитъ ежегодно какъ-бы оброкъ волку почти по 2 коп. съ десятины. Конечно, на дѣлѣ въ одномъ мѣстѣ придется на десятину меньше, за то въ другомъ—больше. Напримѣръ, въ Пензенской губерніи крестьянинъ даетъ волку въ годъ почти 5 коп. съ десятины, а въ Калужской губерніи волкъ беретъ съ крестьянъ по 8½ коп. съ десятины!...

Еще больше крестьянинъ платитъ волку съ души, т. е. если мы разложимъ 8 м. р. не на землю крестьянскую, а на души крестьянскія. Въ этомъ случаѣ во многихъ мѣстахъ придется на душу волчьяго оброка по 20—по 30 коп., а въ Вологодской губерніи крестьяне ежегодно платятъ волку по полтиннику съ души....

Любопытнѣе всего оказывается то, что волкъ для скота въ три раза сильнѣе и опаснѣе чумы и всякой другой скотской повальной болѣзни. Извѣстно, напримѣръ, что отъ разныхъ повальныхъ болѣзней въ годъ гибнетъ скота въ Россіи около 216.000 головъ, а волкъ истребляетъ его въ три раза больше—около 800.000 головъ ежегодно...

Конечно, противъ такого звѣря—одно средство—истребленіе. Хотя волкъ самъ по себѣ не особенно цѣнный звѣрь, но какъ оказывается, гораздо выгоднѣе заняться истребленіемъ бирюковъ, чѣмъ какихъ-бы то ни было цѣнныхъ звѣрей. Одно предварительно нужно знать: можно-ли истребить этого хитраго, чрезвычайно осторожнаго, сильнаго и многочисленнаго звѣря? Отвѣтъ

готовъ, что можно. Заграницей, во многихъ государствахъ, гдѣ волкъ водился прежде въ огромномъ количествѣ, теперь или истребленъ совершенно, или-же осталось еще ничтожное количество. И у насъ есть одна губернія, гдѣ волки совсѣмъ истреблены, гдѣ нѣтъ ни одного бирюка! Это въ Польшѣ, въ Калишской губерніи. Тамъ-же въ другой губерніи, въ Радомской, осталось ихъ только ничтожное количество, такъ что скоро и тутъ жители избавятся отъ несноснѣйшаго сосѣда.

Если тамъ истреблены были волки, значитъ, они истребимы и, значитъ, вездѣ можно изводить ихъ. Остается только узнать, нѣтъ-ли уже у насъ истребителей ихъ.

Волкъ исконный врагъ человѣка, давно уже нажилъ у насъ сильнаго противника себѣ. Извѣстно, что русскіе издавна какъ-бы подѣлили между собою разныя занятія, и въ одномъ мѣстѣ отличаются, напримѣръ, въ рыболовномъ промыслѣ, въ другомъ—въ столярномъ дѣлѣ, въ третьемъ—въ иконописномъ мастерствѣ и т. д. Вотъ на одно изъ такихъ мѣстъ выпало на долю особенное занятіе—истребленіе волка, а отчасти и другихъ дикихъ звѣрей. Мѣсто это—село Островъ, Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда. Жители Острова записные охотники и слывутъ между другими охотниками подъ именемъ псковичей, а въ простонародьи—подъ именемъ лукашей. Лукашей знаютъ не только въ Россіи, но и въ Сибири. Волкъ рѣдкой страны не вѣдался съ псковичемъ: обыкновенно они составляютъ артели по три человѣка и всѣ служатъ по найму у богатыхъ охотниковъ.

Лукаши—опытные охотники, неутомимые ходаки и весьма искусные стрѣлки. Мѣткую пулю лукаша многіе волки испытали на своей шкурѣ. Лукаши придумали и давно уже практикуютъ свой, особенный способъ охоты на волковъ.... При этомъ способѣ они и проявляютъ свое искуство. Охота ихъ въ родѣ облавы. Сущность ея состоитъ въ томъ, что, обложивъ предварительно звѣря, трое лукашей—одинъ посединѣ, другіе по бокамъ, ведутъ его по его-же слѣду, къ выходу, гдѣ раставлены охотники. Но нужно видѣть, съ какимъ толкомъ, съ

какимъ знаніемъ дѣла преслѣдуютъ они звѣря, въ особенности волка. Говорятъ, лукашами истреблено множество волковъ.

Одинъ ученый говоритъ, что пастухи при лошадиныхъ табунахъ чрезвычайно искусны въ охотѣ за волками. Единственное оружіе ихъ состоитъ изъ палки съ желѣзнымъ набалдашникомъ. Такую палку они бросаютъ вѣрно, даже на всемъ скаку и ударъ бываетъ обыкновенно такъ силенъ, что волкъ падаетъ.

Очень оригиналенъ способъ охоты лапландцевъ. Никакое другое животное не приноситъ имъ столько вреда какъ волкъ: онъ наводитъ на нихъ ужасъ, онъ ихъ злѣйшій врагъ. Лишь только выпадаетъ первый снѣгъ, Лапландцы, пользуясь временемъ, пока онъ не окрѣпъ, собираются большими партіями на охоту за волками. Единственное оружіе ихъ состоитъ изъ длинной палки, къ концу которой придѣланъ острый ножъ, такъ что палка превращается въ копье. Къ ногамъ привязываютъ лыжи, для облегченія ходьбы по снѣгу. Вооруженные такимъ образомъ охотники отыскиваютъ волка и пускаются за нимъ бѣгомъ. Животное, конечно, спасается, но такъ какъ оно должно бѣжать по брюхо въ снѣгу, то утомляется очень быстро и его легко настигаютъ. Охотникъ приближается къ усталому звѣрю все ближе и ближе и когда ему удастся выгнать его на безлѣсную равнину— волкъ погибъ. Ножъ, сидящій на палкѣ, бываетъ покрытъ роговыми ножнами, но тѣ сидятъ такъ слабо, что достаточно одного удара по шкурѣ волка, чтобъ ихъ бросить и затѣмъ на хищнаго звѣря начинаютъ сыпаться удары остріемъ ножа, пока онъ не покончитъ съ своей вольной жизнью. Огромное большинство волчьихъ мѣховъ, привозимыхъ изъ Норвегіи, доставляются лапландцами и добываются ими именно этимъ способомъ.

Лучшіе мѣха получаются изъ Швеціи, Россіи и Польши. Волчій мѣхъ цѣнится тѣмъ дороже, чѣмъ онъ болѣе, и потому всегда предпочитаютъ сѣверные мѣха— южнымъ. Кромѣ шубъ, изъ волчьихъ шкуръ выдѣлываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перчатки.

Котъ въ сапогахъ. (Сказка).

Жилъ мельникъ. Жилъ онъ, жилъ и умеръ,
Оставивши своимъ тремъ сыновьямъ
Въ наслѣдство мельницу, осла, кота
И... только. Мельницу взялъ старшій сынъ,
Осла взялъ средній, а меньшему дали
Кота. И былъ онъ крѣпко недоволенъ
Своимъ участкомъ. Братья, разсуждалъ онъ,—
Сложившись, будутъ безъ нужды, а я,
Изжаривши кота и съѣвъ, и сдѣлавъ
Изъ шкурки муфту, чѣмъ потомъ начну
Хлѣбъ добывать насущный? Такъ онъ вслухъ,
Съ самимъ собою разсуждая, думалъ;
А котъ, тогда лежавшій на печуркѣ,
Разумное подслушавъ разсужденье,
Сказалъ ему: хозяинъ, не печалься;
Дай мнѣ мѣшокъ, да сапоги, чтобъ могъ я
Ходить за дичью по болоту—самъ
Тогда увидишь, что не такъ-то бѣденъ
Участокъ твой.—Хотя и не совсѣмъ
Былъ убѣжденъ котомъ своимъ хозяинъ,
Но ужъ не разъ случалось замѣчать
Ему, какъ этотъ котъ искусно велъ
Войну противъ мышей и крысъ, какія
Выдумывалъ онъ хитрости, и какъ,
То мертвымъ притворясь, висѣлъ на лапкахъ
Внизъ головой, то пудрился мукой,
То прятался въ трубу, то подъ кадушкой
Лежалъ, свернувшись въ комъ; а потому
И словъ кота не пропустилъ онъ мимо
Ушей. И подлинно, когда онъ далъ
Коту мѣшокъ и нарядилъ его
Въ большіе сапоги, на шею котъ
Мѣшокъ надѣлъ и вышелъ на охоту
Въ такое мѣсто, гдѣ онъ вѣдалъ, много
Водилось кроликовъ. Въ мѣшокъ насыпавъ
Трухи, его на землю положилъ онъ;
А самъ вблизи, какъ мертвый, растянулся,
И терпѣливо ждалъ, чтобы какой невинный,

Неопытный въ наукѣ жизни кроликъ
Пожаловалъ къ мѣшку покушать сладкой
Трухи, и онъ не долго ждалъ; какъ разъ
Передъ мѣшкомъ его явился глупый,
Вертлявый, долгоухій кроликъ: онъ
Мѣшокъ понюхалъ, поморгалъ ноздрями,
Потомъ и влѣзъ въ мѣшокъ; а котъ проворно
Мѣшокъ стянулъ снуркомъ и безъ дальнѣйшихъ
Привѣтствій гостя угостилъ по-свойски.
Побѣдою довольной, во дворецъ
Пошелъ онъ къ королю и приказалъ,
Чтобы о немъ не медля доложили.
Велѣлъ ввести кота въ свой кабинетъ
Король. Вошедъ, онъ поклонился въ поясъ,
Потомъ сказалъ, потупивъ морду въ землю:
Я кролика, великій государь,
Отъ моего принесъ вамъ господина,
Маркиза Карабаса (такъ онъ вздумалъ
Назвать хозяина); имѣетъ честь
Онъ вашему величеству свое
Глубокое почтеніе изъявить
И проситъ васъ принять его гостинецъ.—
Скажи маркизу, отвѣчалъ король,
Что я его благодарю, и что
Я очень имъ доволенъ.—Королю
Откланявшися, котъ пошелъ домой;
Когда-жъ онъ шелъ черезъ дворецъ, то всѣ
Вставали передъ нимъ и жали лапу
Ему съ улыбкой, потому что онъ
Былъ въ кабинетѣ принятъ королемъ
И съ нимъ на единѣ (и ужъ конечно
О государственныхъ дѣлахъ) такъ долго
Бесѣдовалъ; а котъ былъ такъ учтивъ,
Такъ обходителенъ, что всѣ дивились,
И думали, что жизнь свою провелъ
Онъ въ лучшемъ обществѣ. Спустя немного,
Отправился опять на волю котъ,
Въ густую рожь засѣлъ съ своимъ мѣшкомъ,
И тамъ поймалъ двухъ жирныхъ перепелокъ;
И ихъ немедленно онъ къ королю,

Какъ прежде кролика, отнесъ въ гостинецъ
Отъ своего маркиза Карабаса.
Охотникъ былъ король до перепелокъ;
Опять позвать велѣлъ онъ въ кабинетъ
Кота, и, перепелокъ самъ принявши,
Благодарить Маркиза Карабаса
Велѣлъ особенно. И такъ нашъ котъ
Недѣли три, четыре къ королю
Отъ имени маркиза Карабаса
Носилъ и кроликовъ и перепелокъ.
Вотъ онъ однажды свѣдалъ, что король
Сбирается прогуливаться въ полѣ
Съ своею дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свѣтѣ
Никто не видывалъ), и что они
Поѣдутъ берегомъ рѣки. И онъ,
Къ хозяину поспѣшно прибѣжавъ,
Ему сказалъ: когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разомъ
И счастливъ и богатъ; вся хитрость въ томъ,
Чтобъ ты сейчасъ пошелъ купаться въ рѣку;
Что будетъ послѣ, знаю я; а ты
Сиди себѣ въ водѣ, да полоскайся,
Да ни о чемъ ни хлопочи.—Такой
Совѣтъ принять Маркизу Карабасу
Не трудно было; день былъ жаркій; онъ
Съ охотою отправился къ рѣкѣ,
Влѣзъ въ воду и сидѣлъ въ водѣ по горло.
А въ это время былъ король ужъ близко.
Вдругъ началъ котъ кричать: разбой! разбой!
Сюда, народъ:—Что сдѣлалось? подъѣхавъ,
Спросилъ король. „Маркиза Карабаса
Ограбили и бросили въ рѣку;
Онъ тонетъ“.—Тутъ по слову короля
Съ нимъ бывшіе придворные чины
Всѣ кинулись ловить въ водѣ маркиза.
А королю котъ на ухо шепнулъ:
Я долженъ вашему величеству донесть,
Что бѣдный мой маркизъ совсѣмъ раздѣтъ;
Разбойники все платье унесли.

(А платье самъ мошенникъ спряталъ въ кустъ).
Король велѣлъ, чтобы одинъ изъ бывшихъ
Съ нимъ государственныхъ министровъ снялъ
Съ себя мундиръ и далъ его маркизу.
Министръ тотчасъ раздѣлся за кустомъ;
Маркиза-же въ его мундиръ одѣли;
И котъ его представилъ королю;
А королемъ былъ ласково онъ принятъ.
А такъ какъ онъ красавецъ былъ собою,
То и совсѣмъ не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился; богатый-же мундиръ
(Хотя на немъ и не совсѣмъ въ обтяжку
Сидѣлъ онъ, потому что брюхо было
У королевскаго министра) видъ
Ему отличный придавалъ—короче,
Маркизъ понравился; и сѣсть съ собой
Въ коляску пригласилъ его король;
А смѣтливый нашъ котъ во всѣ лопатки
Впередъ бѣжать пустился. Вотъ увидѣлъ
Онъ на лугу широкомъ косарей,
Сбиравшихъ сѣно; котъ имъ закричалъ:
Король проѣдетъ здѣсь; и если вы
Ему не скажете, что этотъ лугъ
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски.—Король, проѣхавъ,
Спросилъ: кому такой прекрасный лугъ
Принадлежитъ?—Маркизу Карабасу,
Всѣ закричали разомъ косари,
(Въ такой ихъ страхъ привелъ проворный котъ).
Богатые луга у васъ, маркизъ,
Король замѣтилъ. А маркизъ, смиренный
Принявши видъ, отвѣтствовалъ: луга
Изрядные. Тѣмъ временемъ поспѣшно
Впередъ ушедшій котъ увидѣлъ въ полѣ
Жнецовъ: они въ снопы вязали рожь.
Жнецы, сказалъ онъ, ѣдетъ близко нашъ
Король. Онъ спроситъ васъ: чья рожь? И если
Не скажите ему вы, что она

Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски.—Король проѣхалъ.
Кому принадлежитъ здѣсь поле? Онъ
Спросилъ жнецовъ.—Маркизу Карабасу,
Жнецы ему съ поклономъ отвѣчали.
Король опять сказалъ: маркизъ, у васъ
Богатыя поля. Маркизъ на то
По-прежнему отвѣтствовалъ смиренно:
Изрядныя. А котъ бѣжалъ впередъ,
И встрѣчныхъ всѣхъ училъ, какъ королю
Имъ отвѣчать. Король былъ пораженъ
Богатствами маркиза Карабаса.
Вотъ наконецъ въ великолѣпный замокъ,
Котъ прибѣжалъ. Въ томъ замкѣ людоѣдъ
Волшебникъ жилъ, и котъ о немъ ужъ зналъ
Всю подноготную; въ минуту онъ
Смекнулъ, что дѣлать: въ замокъ смѣло
Вошедъ, онъ попросилъ у людоѣда
Аудіенціи, и людоѣдъ,
Принявъ его, спросилъ: „какую нужду
Вы, котъ, во мнѣ имѣете?“ На это
Котъ отвѣчалъ: почтенный людоѣдъ,
Давно слухъ носится, что будто Вы
Умѣете во всякій превращаться,
Какой задумаете, видъ; хотѣлъ-бы
Узнать я, подлинно-ль такая мудрость
Дана вамъ? „Это правда; сами, котъ,
Увидите“. И мигомъ онъ явился
Ужаснымъ львомъ съ густой, косматой гривой
И острыми зубами. Котъ при этомъ
Такъ струсилъ, что (хоть былъ и въ сапогахъ)
Въ одинъ прыжокъ подъ кровлей очутился.
А людоѣдъ, захохотавши, принялъ
Свой прежній видъ и попросилъ кота
Къ нему сойти. Спустившись съ кровли, котъ
Сказалъ: хотѣлось-бы однако знать мнѣ,
Вы можете-ль и въ маленькаго звѣря,
Вотъ напримѣръ, въ мышенка превратиться?
„Могу, сказалъ съ усмѣшкой людоѣдъ,

Что-жъ тутъ мудренаго?“—И онъ явился
Вдругъ маленькимъ мышенкомъ. Котъ того
И ждалъ; онъ разомъ—цапъ! и съѣлъ мышенка.
Король тѣмъ временемъ, подъѣхавъ къ замку,
Остановился и хотѣлъ узнать
Чей былъ онъ. Котъ-же, разсчитавшись
Съ его владѣльцемъ, ждалъ ужъ у воротъ
И въ поясъ кланялся, и говорилъ:
Не будетъ-ли угодно, государь,
Пожаловать на перепутьи въ замокъ
Къ маркизу Карабасу?—Какъ, маркизъ,
Спросилъ король, и этотъ замокъ вамъ-же
Принадлежитъ? Признаться, удивляюсь;
И будетъ мнѣ пріятно побывать въ немъ.
И приказалъ король своей коляскѣ
Къ крыльцу подъѣхать; вышелъ изъ коляски;
Принцессѣ-жъ руку предложилъ маркизъ;
И всѣ пошли по лѣстницѣ высокой
Въ покои. Тамъ въ пространной галлереѣ
Былъ столъ накрытъ и полдникъ приготовленъ
(На этотъ полдникъ людоѣдъ позвалъ
Пріятелей; но тѣ, узнавъ, что въ замкѣ
Король былъ; не вошли и всѣ домой
Отправились). И сѣвъ за столъ роскошный,
Король велѣлъ маркизу сѣсть межъ нимъ
И дочерью; и стали пировать.
Когда-же въ головѣ у короля
Вино позашумѣло, онъ маркизу
Сказалъ: хотите-ли, маркизъ, чтобъ дочь
Мою за васъ я выдалъ?—Честь такую
Съ неимовѣрной радостію принялъ
Маркизъ. И свадбу вмигъ сыграли. Котъ
Остался при дворѣ и былъ въ чины
Произведенъ; и въ бархатныхъ являлся
Въ дни табельные сапогахъ. Онъ бросилъ
Ловить мышей, а если и ловилъ,
То только для того, чтобы немного
Себя развлечь, и сплинъ, который нажилъ
Подъ старость при дворѣ, воспоминаньемъ
О свѣтлыхъ дняхъ минувшаго разсѣять.

В. А. Жуковскаго.

Путешествіе на луну.

(Изъ корчмы по пути домой).

Врать противъ ночи, добрые люди, я не стану: такъ-ли все это было, какъ осталось оно у меня въ памяти—или все это примерещилось мнѣ—хоть убей не знаю! По настоящему, по крещеному, этого ничего не могло быть: ибо дѣло это совсѣмъ невозможное не только человѣку, но даже и птицѣ. Однако-же, руки у меня порѣзаны, бока отбиты и вчера мальчишки нашли и представили сотскому, а сотскій отнесъ становому, именно такую казенную мѣдную штуку, которая какъ разъ похожа на отбитый рожокъ луны, на кончикъ свѣтлаго мѣсяца. И нашли именно около моей хаты.

И теперь еще по всей деревнѣ ребятишки и старыя бабы болтаютъ, что нашли отбитый и застывшій кусокъ молодика—то есть новаго мѣсяца, и повезли его въ станъ. Дѣло это, какъ сами видите, совсѣмъ глупое, а только я человѣкъ простой, врать не люблю, покаюсь передъ вами и разскажу всю истину. Вотъ какъ это было:

Сидимъ мы это въ „Растерявомъ“ кабакѣ: Анисимъ съ „Бору“, Кузьма со „Мховъ“, Данило съ „Гнилокъ“ и Семенъ съ бабой „Перепертинскіе“. Ну, ничего, сидимъ, испиваемъ;—дешевка такъ изъ посуды въ животъ и просится: словно на нее такой зарокъ положенъ—пьемъ! Вотъ пьемъ, да пьемъ, а языки свое дѣло работаютъ.

Подъ конецъ всѣ болтали, мычали и икали такъ, что никому и ничего стало неизвѣстно—кто и что и про что мычитъ и болтаетъ.

Послѣднее разумное слово сказалъ цѣловальникъ: „такъ и такъ, говоритъ, вижу я, что вы люди очень разумные, пока молчите да пьете.—Есть у меня про васъ задача. А задача вотъ какая: былъ—жилъ богатырь семи пядей во лбу, съ бездоннымъ карманомъ. Побивалъ онъ множество народу, разнаго роду. И побивалъ не боемъ, а честнымъ опоемъ. Ну, нашлись люди и его побили и похоронили. И осталось по немъ завѣщанье, всѣмъ на прощанье—вотъ оно! И цѣловальникъ поста-

вилъ передъ нами на столъ полштофа какой-то зеленой водки, и примолвилъ: только за это заплатите подороже, потому что это и слезами оплакано, и акцизомъ оплачено, и крѣпости тутъ вдвое—тутъ и мертвое и живое.

Ну, мы переглянулись, перемигнулись,—да такъ натянулись, что никто ужъ и лыко не вязалъ. Вижу я—дѣло дрянь: уберусь, думаю, во свояси, пока не повалился замертво.—Въ тихомолку пробираюсь по стѣнкѣ задверь, выхожу на улицу, гляжу—а лошаденки-то моей и нѣтъ: видно соскучилась, отвязалась и домой убѣжала. И я пошелъ домой. Пошелъ не краешкомъ, а во всю ширину дороги, отъ канавы до канавы: извѣстно, думаю, вольный человѣкъ, значитъ ходи шире! Однако все помню, иду. Прихожу къ перекрестку—что за притча: былъ мостъ, гляжу—моста нѣтъ! Я на право—нѣтъ моста; я на лѣво—и тамъ нѣтъ; я прямо—а вода поднимается, не пускаетъ. Человѣкъ я не сердитый, а не ночевать-же тутъ,—я разсердился: хоть-бы чортъ перенесъ меня! крикнулъ я въ сердцахъ. Глядь—а за рѣчкой противъ меня стоитъ, не къ ночи будь сказано, самъ онъ, легокъ на поминѣ: киваетъ рожками, и вертитъ хвостикомъ,—„здраствуй, говоритъ, Кирила Курилычъ, хорошій человѣкъ, что тебѣ угодно?“ Я было струсилъ, но опять думаю, что-жъ будешь дѣлать, чѣмъ чортъ не шутитъ, а безъ него видно и домой не попасть, притомъ-же онъ меня и знаетъ—„здравствуй, говорю, землякъ; вотъ со мной бѣда случилась: мостъ куда-то ушелъ, а баба дома дожидается!“ Захохоталъ чортъ: ну, ужъ бѣда! да я тебя мигомъ перенесу!—Сдѣлай милость, говорю ему.—Изволь!—Разъ, два, три—хлопъ объ землю: чорта нѣтъ, а огромный орелъ, косая сажень въ крыльяхъ, летитъ чрезъ рѣчку и круто подплываетъ по воздуху ко мнѣ, словно барину коляска подкатываетъ—подставляетъ мнѣ свою спину.

Не долго думаючи—я къ нему на спину верхомъ и держусь за шею: пошелъ домой! крикнулъ. Онъ только разъ взмахнулъ крыльями и полетѣли подъ облака... Рогатый мѣсяцъ блеститъ въ темномъ небѣ; облака летятъ, какъ дымъ изъ овина; кругомъ темно, какъ въ печкѣ за заслонкой. Я глянулъ внизъ, а тамъ словно

серебромъ подернуло по землѣ свѣтомъ мѣсяца; сверкаетъ рѣка, вьются дороги, темными кустами лежатъ лѣса, и какъ снопы на пожнѣ, торчатъ соломенныя крыши хатъ деревенскихъ... Въ одной, какъ искорка мелькаетъ въ окнѣ огонекъ... Всматриваюсь—такъ и есть: наше село и огонекъ въ моей хатѣ,—видно баба ждетъ меня домой! Господинъ орелъ! ваше воздушное высочество! кричу—вотъ моя хата! куда это вы несете меня въ облака, я такой высоты не желаю!...

„Молчи, дурачина! проворчалъ орелъ—не видишь, что въ насъ цѣлится какой-то охотникъ—шатунъ ночной: сиди да держись крѣпче, а не то тряхну, такъ и полетишь кувыркомъ на свою хату въ трубу головой!“ Орелъ еще разъ взмахнулъ крыльями, ажъ свиснуло и похолодѣло кругомъ и мы понеслись за облака... у меня занимался духъ... Земли не стало видно; заволокло ее струистымъ туманомъ. Мы все летѣли выше. Туманъ сгустился въ облака надъ нами, ходилъ волнами и клубами. А мы все летѣли!... Вотъ ужъ не видно и облаковъ, а темная туча чернѣетъ подъ нами... И вдругъ, словно брызнуло огнемъ, ударило свѣтомъ, я поднялъ голову: подъ самымъ моимъ носомъ торчитъ золотой рогъ мѣсяца...

„Держись!“ крикнулъ голосъ, я въ ужасѣ растопырилъ руки, самъ пошатнулся, шапка съ головы слетѣла, самъ валюсь... Въ эту минуту мы летимъ подъ самый рогъ мѣсяца: со страху я ухватился за рогъ, орелъ шмыгнулъ изъ подъ меня и полетѣлъ далѣе... Только крылья шумѣли въ воздухѣ, какъ сатанинскій хохотъ... А я повисъ надъ темной бездной. Вишу на лунѣ.

Что будешь дѣлать въ этакомъ скверномъ положеніи, котораго человѣкъ и во вѣкъ не испыталъ? Висѣлъ я, висѣлъ, глядѣлъ я, глядѣлъ все внизъ, страхъ прошелъ, а ничего не могъ выдумать. Опустить руки—бѣда: не знаю, что будетъ, пока долетишь до облаковъ, а съ облаковъ до земли, каждый дуракъ знаетъ каково летѣть. То есть именно—хорошо летишь, да гдѣ сядешь? вотъ въ чемъ вся штука. Однако и такъ висѣть не приходится: надо искать этому дѣлу конца. Я поднялъ голову, глядь на луну—ба! Макаръ Макарычъ,

Богъ помочь! что здѣсь подѣлываешь?—Староста Макаръ, что чужихъ телятъ къ себѣ въ хлѣвъ гонялъ и позапрошлаго году померъ, гляжу—по мѣсяцу вилами навозъ раскидываетъ!

— Какъ живешь, землякъ? спрашиваю, каково-молъ здоровье, да не хочешь-ли табачку—у меня есть рожокъ за пазухой!

„Пошелъ прочь, мнѣ съ тобой калякать некогда, убирайся по добру-по здорову! проворчалъ мнѣ Макаръ.

Да куда мнѣ идти, голова! аль не видишь, что я вишу, чуть держусь и, Боже избави, мѣсяцъ переверну,—такъ оба мы полетимъ, я и самъ не знаю куда. Помоги, Макаръ Макарычъ!

А Макаръ Макарычъ—будто не ему говорятъ: свое дѣло дѣлаетъ, только потъ съ него льется. И припомнилъ я, что онъ еще на томъ свѣтѣ, то есть на этомъ—на нашемъ, будучи старостой, на толокѣ парня побилъ, а бабка парнишки именно тѣмъ и прокляла его: „погоди, живодеръ, будешь-молъ, самъ по мѣсяцу навозъ раскидывать“, такъ оно аккуратъ и вышло...

Однако у меня руки отекать стали: сдѣлай милость говорю, помоги Макаръ Макарычъ!—А онъ мнѣ опять свое: убирайся пока цѣлъ.—Чудакъ ты, куда убираться-то? вѣдь вишу, погляди—ноги болтаются!

„Пошелъ прочь, а то шею накостыляю!“ Ну, я на это разсердился: врешь, говорю,—твое время, міроѣдъ, прошло, а костылять каждому дураку я себя не дамъ, и самъ сдачи сдамъ—я вольный, то-есть временно-обязанный...

Не говоря ни слова, подошелъ ко мнѣ Макаръ, замахнулся вилами, да какъ хватитъ—по мнѣ не попалъ, а по концу мѣсяца такъ и звякнулъ... Конецъ хряснулъ какъ соль, отскочилъ, а я съ концомъ такъ и полетѣлъ внизъ стрѣлой...

Увидишь нашихъ—кланяйся своимъ! кричалъ мнѣ негодяй.

„Чтобъ тебѣ ни дна ни покрышки!“ Закричалъ было я, да совсѣмъ захлебнулся воздухомъ и пошелъ въ перевертъ, какъ снопъ, скинутый со скирды: то головой, то ногами къ верху...

Летѣлъ долго; даже скучно стало. А нечего дѣлать, лечу!... Что-то зашуршало, и на носу у себя я послышалъ каплю: это мы сквозь облака пролетѣли. Опять лечу и совсѣмъ бы скучно, да все ожидаю — вотъ трснусь о землю!

Отъ такой мысли, извѣстно, скука проходитъ. Лечу... Видѣть ничего не могу, потому верчусь, какъ швыркомъ кинутая палка, даже тошно становится...

Вдругъ слышу шумъ крыльевъ и гусиный гоготъ...

Что за оказія! гляжу, это летитъ стадо дикихъ гусей и поводырь, старый гусакъ, узналъ меня: онъ частенько со стадомъ въ прежнія лѣта пасся на моей нивкѣ. Ну, я охотой не занимаюся, да и не люблю пугать птицу вольную, онъ и узналъ меня. „Путемъ дорога, гуси лебеди!“ отвѣтилъ я. „Отколь Богъ несетъ?“ гогочетъ мнѣ гусакъ.

— Долго разсказывать! говорю, а самъ перевертываюсь: вотъ не хотѣлось-бы о землю шмякнуться, не ровенъ часъ — не потрафить-бы мягкимъ мѣстомъ на тынъ!“...

„А коли угодно—загоготалъ гусакъ—ухватись за мою ногу: преотличнѣйшимъ способомъ спустимся къ тебѣ-же на ниву!“

Сдѣлай милость, говорю, окажи дружбу.

Гусакъ со всѣмъ стадомъ подлетѣлъ ко мнѣ, я его за ногу—и полетѣли!... Голова такъ было завертѣлась, что я чихнулъ съ удовольствіемъ.

Внизу на краешкѣ земли показалась искорка, потомъ свѣтокъ—заря занималась.

Вотъ и деревня ваша! прогоготалъ гусакъ.

— Ужъ сдѣлай милость не тащи меня на ниву, а спусти у хаты! попросилъ я.

„Изволь! только ужъ мы садиться не станемъ, а опустимся до земли: у своей хаты отпусти мою ногу—всего аршина на два отъ земли полетишь, не ушибешься. Притомъ-же на улицѣ у васъ грязно, значитъ мягко“...

И то дѣло, спасибо!

И вотъ, шмарганувъ носомъ, слышу я запахъ блиновъ—ужъ не моя ли баба печетъ мнѣ на закуску!... Вижу крыши, изъ трубъ вьется голубой дымокъ; слышу пѣтухи поютъ, овцы блѣятъ, свиньи хрюкаютъ..... наша деревня. Мы опустились и вереницей полетѣли вдоль улицы... Со дворовъ загоготали гуси, залаяли собаки...

— Путемъ дорога! кричали пастухи, выгоняючи за деревню стадо...

„Вотъ и твоя хата!“ прогоготалъ гусакъ. Я сказалъ; „спасибо!“ выпустилъ изъ рукъ его лапу—и шлепнулся въ лужу.

И такъ я измучился съ этого путешествія и такъ усталъ, что какъ шлепнулся въ мягкое, такъ сей часъ-же и уснулъ тутъ. И только во снѣ слышу, что подошла ко мнѣ наша же свинья, потыкала мордой мнѣ—ужъ истинно свинья—въ самый носъ и, похрюкивая, улеглась возлѣ меня...

Не знаю, долго-ли мы съ ней прохлаждались. Только такая вышла пакость, что мои-же родные ребятишки выбѣжали на улицу и какъ шальные заорали всѣ вдругъ:

Тятенька, свинья! Свинья, тятенька! Ахъ свинья, свинья, ахъ тятенька, ахъ свинья! и побѣжали въ хату...

И слышу я, и не могу проснуться, и злость меня беретъ. А свинья рядомъ лежитъ и только хрюкаетъ. А ребятишки въ избѣ дерутъ горло: свинья, тятенька, свинья!—Этакіе поросята!...

Вышла моя баба и тоже самое вретъ: ахъ ты Кирилычъ, муженекъ и опять—свинья! И еще сосѣдки пришли, и всего хуже старикъ сосѣдъ, хорошій человѣкъ, подошелъ и все тоже: Ай да Кирилычъ, и при томъ свинья!...

— А гдѣ твоя шапка? спрашиваетъ жена.

— Вотъ оно и есть!... говорю, у насъ шапки нѣтъ.

— Знаю, что у свиньи шапки нѣтъ! И хозяйка повела меня всего въ грязи подъ руку домой, а свинья за нами пошла.

— Безстыжій! кричитъ мнѣ моя баба: сивка вчера вернулся одинъ, а гдѣ ты былъ?

Я говорю: на лунѣ! всѣ захохотали, а баба у меня— у-ухъ долгій языкъ: были вы, говоритъ, на одной лунѣ со свиньей. Вотъ те и все! Вишь бредишь со сна.

Да неужели-же это сонъ? Однако шапки моей нѣтъ, руки порѣзаны и вся деревня знаетъ, что кусокъ луны нашли на улицѣ и повезли въ станъ. Да и дикихъ гусей всѣ ребятишки сами видѣли. А что никто мнѣ вѣры нейметъ, такъ это ужъ такой скверный случай вышелъ: вольно-же свиньѣ придти да и лечь въ лужу, коли видитъ скотина, что ужъ тамъ лежитъ человѣкъ!

На другой день послѣ этой оказіи на берегу рѣчки, въ десяти шагахъ отъ моста, котораго не могъ найти Кирила, пастухи нашли его шапку. Въ то-же время въ становую квартиру пришелъ солдатъ, потерявшій наконечникъ тесака, онъ слышалъ, что эта казенная вещь отыскана. И въ то же время какой-то баринъ проѣзжалъ на своихъ черезъ деревню, и какъ разъ въ Кирилиной лужѣ опрокинулся съ своей бричкой.

А. Погоскій.

Пѣсня о Хмѣлѣ.

Какъ во городѣ было во Казани,
Среди было торгу да на базарѣ:
Хмѣлюшка по торгу гуляетъ,
Да и самъ себя хмѣль выхваляетъ,—
Что и нѣтъ-то меня, хмѣля, удалѣе,
Хмѣлевой моей головки веселѣе....
Еще царь-государь меня знаетъ,
Господа, бояре уважаютъ,
Священники-попы благословляютъ,
И крестинъ безъ меня-то не бываетъ,
Да и свадьбы—безъ хмѣля не играютъ,
Еще въ домѣ подерутся-побранятся,—
Да и тутъ безъ хмѣля не мирятся,
Только лихъ на меня мужикъ-крестьянинъ:
Онъ широкія бороздушки копаетъ,
Глубоко меня дѣтинку зарываетъ
Въ ретиво сердце тычинку вбиваетъ....

Ужъ какъ тутъ я, хмѣль, догадался:—
По тычинушкѣ—вверхъ увивался,
Распустилъ свои яровы шиши.
Красны дѣвушки хмѣлинушку сбирали,
Во рогожные кули все зашивали,
На овинѣ меня, хмѣлюшку, сушили
На базаръ меня, хмѣля вывозили,
Что богатыя хозяйки покупали
Во суслицѣ меня, хмѣлюшку, топили...
По дубовымъ бочкамъ разливали....
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:
По утрамъ я, хмѣль, расходился,
Въ молодецкія головы забирался,
Не въ одномъ мужикѣ я разъигрался....
Отсмѣю-же я крестьянину насмѣшку.
Ужъ и сдѣлаю его я сатаною...
И ударю его въ тынъ—да головою!

X.

Сказка о Царѣ Берендеѣ.

Жилъ-былъ царь Берендей, до колѣнъ борода. Ужъ три года
Былъ онъ женатъ, и жилъ въ согласьи съ женою; но все имъ
Богъ дѣтей не давалъ, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотрѣть свое государство;
Онъ простился съ царицей, и восемь мѣсяцевъ ровно
Пробылъ въ отлучкѣ. Девятый былъ мѣсяцъ въ исходѣ,
когда онъ,
Къ царской столицѣ своей подъѣзжая, на полѣ чистомъ
Въ знойный день отдохнуть разсудилъ; разбили палатку;
Душно стало царю подъ палаткой, и смерть захотѣлось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно...
Какъ быть, что дѣлать? А плохо приходитъ; вотъ онъ
рѣшился
Самъ объѣхать все поле: авось попадется на счастье
Гдѣ-нибудь ключъ. Поѣхалъ и видитъ колодезь. Поспѣшно
Спрянувъ съ коня, заглянулъ онъ въ него: онъ полонъ водою
Вплоть до самыхъ краевъ; золотой на поверхности ковшикъ

Плаваетъ. Царь Берендей поспѣшно за ковшикъ—не
тутъ-то
Было; ковшикъ прочь отъ руки. За янтарную ручку
Царь съ нетерпѣньемъ, то правой рукою, то лѣвой хватаетъ
Ковшикъ; но ручка, проворно виляя и вправо и влѣво,
Только-что дразнитъ царя, и никакъ не дается.
Что за причина? Вотъ онъ, выждавши время, чтобъ ковшикъ
Сталъ на мѣсто, хвать его разомъ справа и слѣва—
Какъ-бы не такъ! Изъ рукъ ускользнувши, какъ рыбка,
нырнулъ онъ
Прямо на дно колодца, и снова потомъ на поверхность
Выплылъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Постой-же
(подумалъ
Царь Берендей) я напьюсь безъ тебя, и, недолго сбираясь,
Жадно прильнулъ онъ губами къ водѣ, и струю ключевую
Началъ тянуть, не заботясь о томъ, что въ водѣ утонула
Вся его борода. Напившись вдоволь, поднять онъ
Голову хочетъ... анъ нѣтъ, погоди! не пускаютъ; и кто-то
Царскую бороду держитъ. Упершись въ ограду колодца,
Силится онъ оторваться, трясетъ, вертитъ головою—
Держатъ его да и только. „Кто тамъ? пустите!“ кричитъ онъ.
Нѣтъ отвѣта; лишь страшная смотритъ со дна образина:
Два огромные глаза горятъ, какъ два изумруда;
Ротъ, разинутый, чуднымъ смѣхомъ смѣется; два ряда
Крупныхъ жемчужинъ свѣтятся въ немъ, и языкъ,
межъ зубами
Выставясь, дразнитъ царя; а въ бороду впутались крѣпко
Вмѣсто пальцевъ клешни. И вотъ, наконецъ, сиповатый
Голосъ сказалъ изъ воды: „не трудись, царь, по напрасну;
Я тебя не пущу. Если-же хочешь на волю,
Дай мнѣ то, что есть у тебя, и чего ты не знаешь.“
Царь подумалъ: чего-жъ я не знаю? Я, кажется, знаю
Все! И онъ отвѣчалъ образинѣ: изволь, я согласенъ.
„Ладно!“ опять сиповатый послышался голосъ, „смотри-же,
Слово сдержи, чтобъ себѣ не нажить ни попрека, ни худа“.
Съ этимъ словомъ исчезли клешни; образина пропала.
Честную выручивъ бороду, царь отряхнулся, какъ гоголь,
Всѣхъ придворныхъ обрызгалъ, и всѣ царю поклонились.
Сѣвъ на коня, онъ поѣхалъ; и долго-ли, мало-ли ѣхалъ,
Только ужъ вотъ онъ близко столицы; на встрѣчу толпами

Сыплетъ народъ, и пушки палятъ, и на всѣхъ колокольняхъ
Звонъ. И царь подъѣзжаетъ къ своимъ златоверхимъ
палатамъ—
Тамъ царица стоитъ на крыльцѣ и ждетъ; и съ царицей
Рядомъ первый министръ: на рукахъ онъ своихъ парчевую
Держитъ подушку; на ней-же младенецъ прекрасный,
какъ свѣтлый
Мѣсяцъ, въ пеленкахъ копышется. Царь догадался и
ахнулъ.
„Вотъ оно то, чего я не зналъ! Уморилъ ты проклятый
Демонъ меня! Такъ онъ подумалъ и горько, горько
заплакалъ.
Всѣ удивились, но слова никто не промолвилъ. Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался имъ долго,
Самъ его взнесъ на крыльцо, положилъ въ колыбельку
и, горе
Скрывъ про себя, по прежнему царствовать началъ.
О тайнѣ
Царской никто не узналъ; но всѣ примѣчали, что крѣпко
Царь былъ печаленъ—онъ все дожидался: вотъ придутъ
за сыномъ;
Днемъ онъ покоя не зналъ, и сна не видалъ онъ ночью.
Время однако текло, а никто не являлся. Царевичъ
Росъ не по днямъ—по часамъ; и сдѣлался чудо—красавецъ.
Вотъ наконецъ и царь Берендей о томъ, что случилось,
Вовсе забылъ... но другіе не такъ забывчивы были.
Разъ царевичъ, охотой въ лѣсу забавляясь, въ густую
Чащу заѣхалъ одинъ. Онъ смотритъ: все дико; поляна;
Черныя сосны кругомъ; на полянѣ дуплистая липа.
Вдругъ зашумѣло въ дуплѣ; онъ глядитъ: вылѣзаетъ оттуда
Чудный какой-то старикъ съ бородою зеленой, съ глазами
Также зелеными. „Здраствуй, Иванъ царевичъ“, сказалъ
онъ:
„Долго тебя дожидался мы, пора-бы насъ вспомнить“.
Кто ты? царевичъ спросилъ.—„Объ этомъ послѣ; теперь-же
Вотъ что ты сдѣлай: отцу своему, отцу Берендею,
Мой поклонъ отнеси, да скажи отъ меня: не пора-ли,
Царь Берендей, должокъ заплатить? Ужъ давно миновалось
Время. Онъ самъ остальное пойметъ. До свиданья“. И
съ этимъ

Словомъ исчезъ бородатый старикъ. Иванъ-же царевичъ
Въ крѣпкой думѣ поѣхалъ обратно изъ темнаго лѣса.
Вотъ онъ къ отцу своему, царю Берендею, приходитъ.
„Батюшка царь-государь“, говоритъ онъ: „со мною случилось
Чудо“. И онъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ.
Царь Берендей поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. „Бѣда мой сердечный
Другъ, Иванъ царевичъ“, воскликнулъ онъ, горько заплакавъ.
„Видно, пришло намъ разстаться!...“ И страшную тайну о данной
Клятвѣ сыну открылъ онъ. Не плачь, не крушися, родитель,
Такъ отвѣчалъ Иванъ царевичъ; бѣда не велика.
Дай мнѣ коня; я поѣду; а ты меня дожидайся;
Тайну держи про себя, чтобъ о ней здѣсь никто не провѣдалъ,
Даже сама государыня-матушка. Если-жъ назадъ я
Къ вамъ по прошествіи цѣлаго года не буду, тогда ужъ
Знайте, что нѣтъ на свѣтѣ меня.—Снарядили, какъ должно
Въ путь Ивана царевича. Далъ ему царь золотыя
Латы, мечъ и коня воронаго; царица съ мощами
Крестъ на шею надѣла ему; отпѣли молебенъ;
Нѣжно потомъ обнялися, поплакали... Съ Богомъ! Поѣхалъ
Въ путь Иванъ Царевичъ. Что-то съ нимъ будетъ?.....

В. А. Жуковскаго.

Мужикъ и огурцы.

Пошелъ разъ мужикъ къ огороднику огурцы воровать. Подползъ онъ къ огурцамъ и думаетъ:—вотъ дай унесу мѣшокъ огурцовъ, продамъ; на эти деньги курочку куплю. Нанесетъ мнѣ курица яицъ, сядетъ насѣдочкой, выведетъ много цыплятъ. Выкормлю я цыплятъ, продамъ, куплю поросеночка—свинку; напоситъ мнѣ свинка поросятъ. Продамъ поросятъ, куплю кобылку; ожеребитъ мнѣ кобылка жеребятъ. Выкормлю жеребятъ продамъ; куплю домъ и заведу огородъ. Заведу огородъ, насажу огурцовъ; воровать не дамъ, караулъ буду крѣпкій держать.

Найму караульщиковъ, посажу на огурцы, а самъ такъ-то пойду сторонкой, да крикну:—„Эй, вы, караульте крѣпче!“ —Какъ закричитъ на всю глотку. Караульщики услыхали, выскочили, избили мужика.

Л. Н. Толстаго.

Чай и его польза.

Рѣдко какой напитокъ находится въ такомъ громадномъ и повсемѣстномъ употребленіи какъ чай. Болѣе 500 мильоновъ изъ числа людей, живущихъ на землѣ, гдѣ-бы то ни было, употребляютъ его какъ обыденный напитокъ. Пьютъ его во всякое время—и лѣтнее жаркое, и холодное зимнее время, и въ праздничный день отдохновенія отъ работы, и въ рабочую пору. Всякому человѣку у насъ въ Россіи знакомо употребленіе чая. Ни одинъ разъ сиживали мы за самоваромъ или просто за порціею чая, и пили чашку за чашкою этотъ вкусный, питательный напитокъ. И каждый изъ насъ навѣрно думаетъ о питьѣ чая не только какъ о питьѣ напитка, утоляющаго жажду, но какъ о лучшемъ, доставляемомъ какою либо пищею удовольствіи. Вздумавши объ обѣдѣ, мы главнымъ образомъ думаемъ объ утоленіи голода. Съ мыслью о чаѣ мы невольно имѣемъ главнымъ образомъ мысль и объ отдохновеніи отъ работы и о пріятномъ препровожденіи времени въ хорошемъ разговорѣ, спокойномъ или веселомъ и оживленномъ. Есть и другіе напитки, за которыми больше веселья, чѣмъ за питьемъ чая. Но то и веселье другое. То веселье потомъ на самомъ веселившемся, а часто и на его ближнихъ отдается непріятностью или даже горемъ. Веселье-же за чашкою, какъ всѣмъ извѣстно, ничего нехорошаго за собою не приноситъ. И на чаепитіе всѣ мы идемъ со спокойнымъ духомъ, зная что намъ и самимъ на этомъ себя останавливать незачѣмъ, и люди ничего дурнаго за это не скажутъ—ни свои, ни чужіе. А въ каждомъ удовольствіи спокойное расположеніе—первое дѣло.

За то и пьется у насъ чай не въ маломъ количествѣ. Не особенно много прошло времени съ тѣхъ поръ, когда въ первый разъ попробовали у насъ чаю напиться, а въ какомъ онъ теперь употребленіи! Ежегодно ввозится къ намъ болѣе $1^1/_2$ мильона пудовъ чая. Въ Москвѣ, которая прославилась чаепитіемъ, въ одномъ изъ трактировъ употребляютъ ежегодно до 365 ящиковъ чая, т. е. по цѣлому ящику каждыя сутки. По всей Россіи, особенно по торговымъ городамъ, ни одинъ человѣкъ не проживетъ, не напившись ежедневно два, а иногда три раза чаю; и по деревнямъ стали, кто побогаче, заводить самовары. Съ каждымъ днемъ пьютъ чаю все больше, и думать можно, что понемногу имъ замѣнятъ всякіе другіе, употребляемые теперь, вредные напитки. Почему-же чай нашелъ такое огромное употребленіе? Почему каждый изъ насъ пьетъ его охотно и какую пользу получаетъ онъ отъ этого? Заварить чаю въ чайникъ немудренное дѣло! пить чай и того легче. На вопросы-же, только что приведенные, навѣрно не каждый отвѣтитъ. Всякій знаетъ о чаѣ лишь то, что чай есть подсушенные, свернутые и поджаренные листья чайнаго дерева, да еще то развѣ, что его везутъ изъ Китая. Не безъинтересно однако знать болѣе о чаѣ—напиткѣ, который каждый изъ насъ пьетъ такъ охотно, имѣя отъ этого и пользу и удовольствіе. Теперь я скажу, гдѣ растетъ чай, когда ввелось у насъ употребленіе чая и какую пользу принесъ намъ чай, кромѣ той, которую онъ доставляетъ, какъ полезный напитокъ. Каждому извѣстно, что чайное дерево не растетъ въ Россіи. Извѣстно, что каждое растеніе можетъ существовать только при извѣстныхъ условіяхъ. Каждое растеніе требуетъ извѣстную землю: одни—песчаную, другія—глинистую, третьи—жирную, черную землю. Нѣкоторыя любятъ теплый воздухъ, другія, напротивъ того, холодный; для однихъ необходима сильная сырость, а другія не страдаютъ отъ самой продолжительной засухи. Картофель растетъ хорошо на песчаной землѣ и не требуетъ сырости, пшеница любитъ глинистую землю; въ Петербургской губ. березы разводи сколько угодно, между тѣмъ въ южныхъ нашихъ губерніяхъ и неви-

дать березоваго лѣса. Каждое растеніе живетъ только тамъ, гдѣ можетъ найти для себя хорошій подходящій воздухъ и подходящую хорошую землю. Отсюда понятно, почему не всѣ растенія растутъ повсемѣстно, почему въ странахъ, не схожихъ между собою землею и теплотою воздуха,—въ каждой существуютъ особенныя, ей одной свойственныя растенія. Отсюда понятно, почему чайное дерево не растетъ въ Россіи: оно не находитъ въ ней того, что ему нужно для успѣшнаго произрастанія. Впрочемъ замѣчу, что не по всей Россіи невозможно расти чайному дереву. Пробовали разсаживать его у насъ на Кавказѣ, и проба показала, что и земля тамошняя, и воздухъ—какъ нельзя болѣе хороши для этого дерева; можетъ, стало быть, придти время, когда мы сами будемъ разводить чайное дерево.—Въ настоящее-же время весь чай, употребляемый нами, получается изъ Китая. Все населеніе китайское съ незапамятнаго времени разводитъ чайное дерево и пьетъ затѣмъ настой его подсушенныхъ и поджаренныхъ листьевъ.—У насъ-же въ Россіи только 200 лѣтъ тому назадъ переняли отъ китайцевъ употребленіе чая.

Что-же за причина того, что въ теченіи долгаго времени мы не знали напитка, который въ настоящее время пришелся такъ хорошо по нашему вкусу? Причина простая. Чтобы ознакомиться съ употребленіемъ чайнаго напитка, надо было завести сношенія съ китайцами, а китайцы издавна жили нелюдимами, не хотѣли знакомиться съ другими народами и не допускали ихъ во внутрь своего государства.

Самая страна ихъ лежитъ такъ, что трудно въ нее проникнуть. Съ двухъ сторонъ она омывается морями, съ 3-й и 4-й стороны отдѣляется отъ сосѣднихъ государствъ горными хребтами и пустынями. Вдоль сѣверной, т. е. полунощной, стороны Китая тянется высокая каменная стѣна, которая называется Великою стѣною. Этою стѣною, построенною 2000 лѣтъ тому назадъ, моремъ и горами, китайцы заперли себя въ своемъ государствѣ и мало сообщались съ другими народами.

Въ половинѣ 17-го столѣтія, болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, русскіе посланники получили въ Китаѣ въ по-

дарокъ для государя 200 небольшихъ пачекъ чая. Чай былъ тогда еще невѣдомый напитокъ для русскихъ. Послы обидѣлись и не хотѣли принимать такого подарка; однако попробовали напитокъ, оцѣнили его достоинство, и съ этого времени онъ вошелъ въ Россіи въ употребленіе. Съ этой поры начали мы свои первыя торговыя сношенія съ Китаемъ. Не мало было труда наладить дѣло. Китаецъ—торговый человѣкъ, какихъ мало. И обману въ торговомъ дѣлѣ его не учить намъ, да къ тому-же онъ дѣйствуетъ дружно. А у насъ всякій думаетъ про себя; а тутъ еще приноровись, да исполни всякій китайскій обычай.

Китай—какъ я говорилъ—считается родиною чайнаго дерева. Какъ у насъ береза, ель и многіе другіе деревья или кустарники, напримѣръ лѣсная малина, растутъ безъ всякаго ухода со стороны человѣка, такъ и чайное дерево растетъ тамъ само по себѣ, тоже безъ ухода, т. е. какъ называютъ, въ дикомъ состояніи. Кромѣ лѣсной малины, у насъ разводятъ малину садовую, которая даетъ болѣе крупную ягоду; такъ и китайцы разводятъ чайное дерево небольшими садиками, и заботливо ходятъ за нимъ, чтобы вырастить деревцо съ болѣе нѣжными и пригодными листьями. Не мало хлопотъ выпадаетъ на долю хозяина чайнаго садика. Сѣмена посади въ огородѣ, въ мѣстѣ укрытомъ отъ солнца; когда деревцо подросло, пересаживай на солнышко; дерево надо окучивать, надо полить въ сухое лѣтнее время. За то какимъ листомъ разростется оно у заботливаго хозяина! Листъ будетъ нѣжный, ароматный, и чай получится изъ него дорогой, высокаго достоинства. Два года ухаживаетъ китаецъ за своими деревьями, не получая отъ нихъ никакой выгоды, только расходуетъ деньги и время. Но и два года тянутся-же не вѣчно, тоже проходятъ и за это время разростается цѣлый садикъ чайнаго дерева, покрытаго нѣжными листиками, уже совершенно готовыми для сбора. Деревца невысокія, какъ кустарники, вышиною до одной сажени (а безъ ухода оно будетъ 3-хъ саженей вышиною, за то листья и меньше, да и худшаго качества), стебель или стволъ дерева покрытъ коричневою, иногда полосатою корою или кожицею.

Развернувшіеся листья на краяхъ зазубрены, на исподней сторонѣ цвѣта зрѣлой вишни, а на внѣшней—красиваго зеленаго цвѣта, покрытаго нѣжнымъ серебристымъ пушкомъ. Въ это время уже стоитъ весна, апрѣль мѣсяцъ. Къ веснѣ около каждаго чайнаго садика можно увидѣть цѣлыя толпы народа, нанимающагося въ работники. Не подыскивать народъ приходится, а больше времени уйдетъ на отказы. Заработанная плата самая низкая. За 15 коп. китаецъ работаетъ весь день безъ устали... Рано утромъ въ день сбора подымается трудолюбивый китаецъ далеко еще до солнечнаго восхода и идетъ на свою плантацію. Садикъ, въ которомъ растетъ чайное деревцо, какъ вы видите, содержится въ удивительномъ порядкѣ,—каждое деревцо подровнено, подчищено. Во время сбора чая, каждый листокъ осторожно отщипываютъ ногтемъ и раскладываютъ на цыновкахъ, положенныхъ на бамбуковыхъ плетенкахъ. Плетенки эти устраиваются непремѣнно на открытомъ мѣстѣ, для того, чтобы листья, которые разложены на цыновкахъ, подверглись дѣйствію солнца и чтобы отъ солнечнаго припека вышла изъ нихъ излишняя сырость. Здѣсь, подъ солнышкомъ, листья подвянутъ и сдѣлаются мягче. Тогда начинаютъ ихъ, какъ говорятъ, сдавливать и свертывать. Сначала свертываютъ цыновку вмѣстѣ съ чаемъ и катаютъ ее; потомъ цыновку развертываютъ, а листья свертываютъ въ трубочкахъ на ладоняхъ. Сдавленные и свернутые листья снова опять разсыпаютъ на цыновки, чтобы они еще больше просохли и сжались подъ солнечными лучами. Пролежавъ на солнцѣ часовъ 12, они дѣлаются уже достаточно темными. Сборъ листьевъ ведутъ съ утра до солнечнаго восхода.

Просушенные на солнцѣ и достаточно потемнѣвшіе листья относятся подъ навѣсъ, гдѣ ихъ еще разъ сдавливаютъ и свертываютъ. Этимъ и заканчивается работа хозяина чайнаго садика. Онъ ссыпаетъ свой чай въ мѣшки и доставляетъ его на чайную фабрику, въ которой поджариваютъ до чернаго цвѣта, просѣиваютъ сквозь сито и провѣиваютъ. Въ чайномъ садикѣ работа по сбору листьевъ прекращается до слѣдующаго апрѣля мѣсяца.

Е. Рейнботъ.

Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ.

Давнымъ давно былъ въ нѣкоторомъ царствѣ
Могучій царь, по имени Демьянъ
Даниловичъ. Онъ царствовалъ премудро;
И было у него три сына: Климъ
Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ. И еще былъ у него
Прекрасный садъ, и чудная росла
Въ саду томъ яблоня: все золотыя
Родились яблоки на ней. Но вдругъ
Въ тѣхъ яблокахъ царевыхъ оказался
Великій недочетъ; и царь Демьянъ
Даниловичъ былъ такъ тѣмъ опечаленъ.
Что похудѣлъ, лишился аппетита
И впалъ въ безсонницу. Вотъ, наконецъ,
Призвавъ къ себѣ своихъ трехъ сыновей,
Онъ имъ сказалъ: сердечные друзья,
И сыновья мои родные, Климъ
Царевичъ, Петръ царевичъ и Иванъ
Царевичъ! должно вамъ теперь большую
Услугу оказать мнѣ; въ царскій садъ мой
Повадился таскаться ночью воръ.
И золотыхъ ужъ очень много яблокъ
Пропало; для меня-жъ пропажа эта
Тошнѣе смерти. Слушайте, друзья:
Тому изъ васъ, кому поймать удастся
Подъ яблоней ночнаго вора, я
Отдамъ при жизни половину царства;
Когда-жъ умру и все ему оставлю
Въ наслѣдство. Сыновья, услышавъ то.
Что имъ сказалъ отецъ, уговорились
Поочередно въ садъ ходить и ночь
Не спать и вора сторожить. И первый
Пошелъ, какъ скоро ночь настала, Климъ
Царевичъ въ садъ, и тамъ залегъ въ густую
Траву подъ яблоней, и съ полчаса
Въ ней пролежалъ, да и заснулъ такъ крѣпко,
Что полдень былъ, когда, глаза продравъ,
Онъ поднялся, во весь зѣвая ротъ.

И возвратясь, царю Демьяну онъ
Сказалъ, что воръ въ ту ночь не приходилъ.
Другая ночь настала; Петръ царевичъ
Сѣлъ сторожить подъ яблонею вора;
Онъ цѣлый часъ крѣпился, въ темноту
Во всѣ глаза глядѣлъ: но въ темнотѣ
Все было пусто, наконецъ, и онъ,
Не одолѣвъ дремоты, повалился
Въ траву и захрапѣлъ на цѣлый садъ.
Давно былъ день, когда проснулся онъ.
Пришедъ къ царю, ему донесъ онъ также,
Какъ Климъ царевичъ, что и въ эту ночь
Красть царскихъ яблокъ воръ не приходилъ.
На третью ночь отправился Иванъ
Царевичъ въ садъ, по очереди вора
Стеречь. Подъ яблоней онъ притаился,
Сидѣлъ не шевелясь, глядѣлъ прилежно,
И не дремалъ, и вотъ, когда настала
Глухая полночь, садъ весь облеснуло,
Какъ будто молніей; и что-же видитъ
Иванъ царевичъ? Отъ востока быстро
Летитъ жаръ-птица, огненной звѣздою
Блестя и въ день преобращая ночь.
Прижавшись къ яблонѣ, Иванъ царевичъ
Сидитъ, недвижется, не дышетъ, ждетъ—
Что будетъ? Сѣвъ на яблонѣ жаръ-птица,
За дѣло принялась и нарвала
Съ десятокъ яблокъ. Тутъ Иванъ царевичъ,
Тихонько поднявшись изъ травы,
Схватилъ за хвостъ воровку; уронивъ
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою, вырвала изъ рукъ
Царевича свой хвостъ, и улетѣла;
Однако у него въ рукахъ одно
Перо осталось, и такой былъ блескъ
Отъ этого пера, что цѣлый садъ
Казался огненнымъ. Къ царю Демьяну
Пришедъ, Иванъ царевичъ доложилъ
Ему, что воръ нашелся и что этотъ
Воръ былъ не человѣкъ, а птица; въ знакъ-же,

Что правду онъ сказалъ, Иванъ царевичъ
Почтительно царю Демьяну подалъ
Перо, которое онъ изъ хвоста
У вора вырвалъ. Съ радости отецъ
Его разцѣловалъ. Съ тѣхъ поръ не стали
Красть яблокъ золотыхъ, и царь Демьянъ
Развеселился, пополнѣлъ и началъ
По прежнему ѣсть, пить и спать.....

В. А. Жуковскій.

Разсказъ мыши о Котѣ Мурлыкѣ.

(Изъ „войны мышей и лягушекъ").

Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье.
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска!
Словомъ мы всѣ одурѣли, а самъ мой Онуфрій премудрый*)
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей
и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что-же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать; и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный
Климъ, по прозванью Бѣшенный Хвостъ; такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ
стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы,
и въ правду
Котъ Мурлыка въ ветчинѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы, какъ палка
Вытянутъ весь; и спина, и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ, не моргая.

*) Старая крыса.

Всѣ запищали мы хоромъ: „повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный. Довольно ты, котъ, погулялъ, погуляемъ
Нынче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ мурлыкины лапы распутать; но лапы
Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
Не было тамъ ни какой, и лишь только къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти и на полъ
Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались.
Въ страхѣ и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ.
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ: мертвецъ да и только.
Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
Начали: кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ, тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ, а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни съ мѣста какъ пень. „Берегитесь, тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и насилу
Какъ-то она отъ него уплела), „берегитесь: Мурлыка
Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это—
Знакъ не добрый; и шкура цѣла у него.“ То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. „Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,“
Мышь Степанида сказала опять, а я-не товарищъ
Вамъ.“ И поспѣшно созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,
Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванью Бѣшенный Хвостъ, на Мурлыкино пузо
Влѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово,
Мы-же при каждомъ стихѣ хохотать, и вотъ что прочелъ онъ:
„Жилъ Мурлыка; былъ Мурлыка—котъ сибирскій,
Ростъ богатырскій, сизая шкурка,—усы,—какъ у турка,

Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ.
Радуйся, наше подполье!...“ Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы—бѣжать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненыхъ—втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ—безъ уха, другой—съ отъѣденной мордой; иному
Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались, какъ тряпки; царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;
Царь Иринарій спасся съ рубцомъ на носу; но Премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

Жуковскій.

Дѣдушка Крыловъ.

Однимъ изъ лучшихъ русскихъ писателей былъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Ребенокъ, еще не умѣющій читать, уже по наслышкѣ знаетъ какую-нибудь басенку Крылова, отъ своихъ старшихъ братьевъ или сестрицъ. Въ школахъ басни Крылова заучиваются наизусть прежде всякихъ другихъ стиховъ. Въ жизни, въ разныхъ слояхъ общества, среди различныхъ обстоятельствъ, припоминаются примѣры изъ басенъ Крылова. Стихи изъ басенъ Крылова приводятся въ разговорахъ, какъ пословицы.

Крылову поставленъ памятникъ въ С.-Петербургѣ на такомъ видномъ и доступномъ для всѣхъ мѣстѣ, каковъ Лѣтній садъ. За что-же такая слава выпала на долю Крылова?

За басни... Дѣдушка Иванъ Андреевичъ Крыловъ прожилъ на свѣтѣ семьдесятъ шесть лѣтъ и умеръ въ полной памяти и свѣжемъ умѣ.

Имя „дѣдушки“ онъ пріобрѣлъ при жизни, его всѣ такъ звали, и матери, показывая, дѣтямъ на проходящаго по улицѣ знаменитаго старца, говорили: „вонъ дѣдушка Крыловъ!“ Имя дѣдушки за нимъ осталось по смерти, и на памятникѣ, что въ Лѣтнемъ саду, Крыловъ изображенъ почтеннымъ старцемъ, дѣдушкою, какимъ онъ и былъ. Имя „дѣдушки“, какъ-то особенно пристало Ивану Андреевичу Крылову; басни его показываютъ умъ многоопытнаго, мудраго старца, который насквозь видѣлъ человѣка на всѣхъ путяхъ жизни.

Крыловъ началъ писать басни, на тридцать восьмомъ году отъ рожденія. До басенъ, которыми онъ привлекъ къ себѣ вниманіе всей грамотной Россіи, Крыловъ сочинялъ многое другое; но все другое, что онъ сочинялъ забыто,—однѣ басни всѣми помнятся. Однѣ басни Крылова составили ему громкую славу у насъ и за-границей.

Баснею называется замысловатый разсказъ. Подъ именемъ одного человѣка, о которомъ говоритъ басня, напримѣръ Демьяна, надо разумѣть не одного только Демьяна, а тысячи людей, на него похожихъ; говоритъ намъ басня про Тришку, про Климыча, про Петра, а разумѣть тутъ надо сотни и тысячи людей, то-же дѣлающихъ, что дѣлали Тришка, Климычъ, Петръ. Кромѣ людей, въ басняхъ дѣйствующими лицами бываютъ четвероногія животныя (напримѣръ медвѣдь, волкъ, лисица и пр.), птицы, рыбы, насѣкомыя (напримѣръ ворона, пѣтухъ, щука, муха, пчела, червякъ), гады (напримѣръ змѣя), выводятся въ басняхъ неодушевленные предметы (напримѣръ камень, ручей, прудъ, роща),—даже предметы повседневнаго быта нашего являются въ басняхъ и дѣйствуютъ подобно людямъ (напримѣръ гребешокъ, горшокъ, бритвы, мѣшокъ, вѣникъ).

Иванъ Андреевичъ Крыловъ былъ сынъ офицера, служившаго въ арміи. Онъ родился въ Москвѣ въ 1768 году, но, по обстоятельствамъ службы отца, дѣтство провелъ въ Оренбургѣ. Въ дѣтствѣ своемъ, на четвертомъ году жизни, едва не сдѣлался Крыловъ жертвою Пугачева. Пугачевъ со своимъ войскомъ осадилъ одну изъ крѣпостей на рѣкѣ Яикѣ (Уралѣ), а въ крѣ-

пости защищался съ изумительною храбростью офицеръ Крыловъ, отецъ нашего будущаго баснописца. Пугачевъ скрежеталъ зубами, что не могъ взять крѣпости; Пугачевъ передъ своей свитой поклялся, что онъ, если возьметъ крѣпость, повѣситъ все семейство Крылова, находившееся тогда въ Оренбургѣ. И такъ повѣшеніе грозило малюткѣ Крылову!... Но Богъ не попустилъ совершиться бѣдѣ. Подошло войско и Пугачевъ былъ разбитъ.

По усмиреніи Пугачевскаго бунта, отецъ Крылова переѣхалъ въ Тверь. Здѣсь онъ поступилъ на службу по гражданской части въ магистратъ. Скоро батюшка Крылова скончался, оставивъ одиннадцатилѣтняго сына на попеченіе своей вдовы. Мать Крылова была добрая женщина, заботливая, истинно-любящая мать. Оставшись послѣ мужа въ крайней бѣдности, она билась изо-всѣхъ силъ, чтобы доставить своему семейству какое ни-на-есть образованіе и пропитаніе. Нашъ Крыловъ, благодаря заботамъ своей матери, ходилъ въ домъ предсѣдателя казенной палаты учиться французскому и нѣмецкому языкамъ; другимъ предметамъ онъ научился отъ отца. Потомъ мать опредѣлила его на тринадцатомъ, или четырнадцатомъ году жизни въ писцы, въ Калязинъ, уѣздный городъ Тверской губерніи. Вотъ гдѣ началось служебное поприще, нашего славнаго баснописца! Въ 1783 году Крыловъ переѣхалъ въ Петербургъ.

По прибытіи въ Петербургъ умерла его мать, своими трудовыми крохами давшая возможность сыну получить хоть какое-нибудь воспитаніе. Слѣды заботъ доброй матери на всю жизнь запечатлѣлись въ благодарномъ сердцѣ сына....

Оставшись на двадцатомъ году жизни совершенно одинокимъ, Крыловъ продолжалъ учиться. Онъ развивалъ, какъ умѣлъ, свои разнообразныя дарованія. Служба шла своимъ чередомъ. Крыловъ мѣнялъ ее неоднократно: послѣ казенной палаты, служилъ въ монетномъ дворѣ; служилъ еще въ провинціи, напр. въ Ригѣ, въ должности правителя губернаторской канцеляріи. Бывалъ и въ отставкѣ. Съ 1811 года, со дня открытія Император-

ской публичной библіотеки, Крыловъ не мѣнялъ болѣе службы, въ теченіи тридцати лѣтъ, мало того, что не мѣнялъ своей службы—званія библіотекаря публичной библіотеки,—онъ не мѣнялъ тридцать лѣтъ и квартиры своей. Сдѣлавшись библіотекаремъ, онъ жилъ во второмъ домѣ отъ Публичной Библіотеки, напротивъ Гостинаго двора, на казенной квартирѣ, и прожилъ тутъ ровно тридцать лѣтъ до своей отставки въ 1841 году.

Въ 1806 году Крыловъ былъ въ Москвѣ и представилъ три басни свои тогдашнему извѣстному баснописцу Дмитріеву. Дмитріевъ одобрилъ Крылова и посовѣтовалъ ему оставить всѣ другія сочиненія и посвятить себя исключительно составленію басенъ. Крыловъ послушался Дмитріева и тутъ-то впервые онъ постигъ истинное свое призваніе. Три басни, напечатанныя въ журналѣ, были радушно приняты публикою. Ученые печатно ихъ похвалили. Крыловъ взялся за перо баснописца и не выпускалъ уже его до самой смерти, въ теченіи тридцати пяти лѣтъ.

Крыловъ умеръ въ 1844 году, 9 Ноября, проживъ 76 лѣтъ, а по другимъ извѣстіямъ—ровно 80 лѣтъ.

Погребеніе Крылова было великолѣпно. Церковь едва могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ поклониться праху почившаго баснописца.

Крылову.

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ
И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Князь Вяземскій.

Пустынникъ и Медвѣдь.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокой
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой:
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: „а лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“
Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ:
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ:
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ-бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,

То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
„Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу".
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ;
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла;
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу.
Самъ думаетъ: „молчи-жь, ужь я тебя вострухy!"
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался!
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался!

Крыловъ.

Три мужика.

Три мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли;
Работали и погуляли,
И путь теперь домой на родину держали;
А такъ какъ мужичокъ не можетъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши.
Въ деревнѣ, что за разносолъ:
Поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ,
Да хлѣба подали; да, что осталось, каши,
Не то бы въ Питерѣ, да не о томъ ужъ рѣчь:
Все лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.

Вотъ мужички перекрестились,
И къ чашѣ пріютились.
Какъ тутъ одинъ посмѣтливѣй изъ нихъ,
Увидя, что всего не много для троихъ,
Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).
„Ребята, говоритъ: „вы знаете Ѳому?
Вѣдь въ нынѣшній наборъ забрѣютъ лобъ ему".
„Какой наборъ?" — „Да такъ! Есть слухъ — война съ Китаемъ:
Нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ Китайцевъ чаемъ".
Тутъ двое принялись судить и разсуждать
(Они-же грамотѣ, къ несчастью, знали:
Газеты и подчасъ реляціи читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры,
Пошли догадки, толки, споры,
А нашъ того лукавецъ и хотѣлъ:
Пока они судили да рядили,
Да войска разводили,
Онъ ни гугу—и щи, и кашу, все пріѣлъ.

—

Иному до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе всего:
Что будетъ съ Индіей, когда и отчего,
Такъ ясно для него;
А поглядишь у самого
Деревня между глазъ сгорѣла.

Крыловъ.

Иванъ Саввичъ Никитинъ.

Народный поэтъ.

Иванъ Саввичъ Никитинъ родился въ 1824 году, 21 сентября, въ городѣ Воронежѣ. Отецъ его былъ воронежскимъ мѣщаниномъ и имѣлъ въ городѣ свой заводъ восковыхъ свѣчей и лавку. Всего было у него вдоволь

и жилъ онъ съ своей женой Прасковьей Ивановной, какъ говорится, припѣваючи. Сынишка ихъ, бойкій, веселый мальчуганъ, тѣшилъ ихъ своими успѣхами въ грамотѣ. Начавъ свою науку у воронежскаго сапожника, Ваня на восьмомъ году поступилъ въ духовное училище и учился хорошо. Въ часы досуга онъ особенно любилъ читать и рисовать. Шумныя игры и забавы товарищей не были по душѣ ему. На 17-мъ году онъ поступилъ въ семинарію, гдѣ и написалъ первое стихотвореніе. Онъ показалъ его своему наставнику, который, прочитавъ, похвалилъ и совѣтовалъ продолжать. Прилежно учился Никитинъ въ семинаріи и уже сталъ подумывать о переходѣ въ университетъ.

Между тѣмъ торговыя дѣла отца разстроились: прикащики обкрадывали его, должники не платили долговъ. У старика не хватило мужества перенести неудачи; онъ съ горя запилъ; семейная жизнь разстроилась. Бѣдная, слабая мать не могла вынести всѣхъ безобразій мужа— и тоже начала пить. Тяжело было молодому Никитину смотрѣть, какъ губятъ себя его родители и онъ, или уходилъ на охоту, или бралъ гитару, забивался въ уголъ и наигрывалъ грустныя пѣсни. Торговыя дѣла съ каждымъ днемъ шли плоше; заводъ совсѣмъ разстроился и отецъ Никитина купилъ постоялый дворъ. Онъ отдавалъ его въ аренду, а самъ жилъ въ ветхомъ флигелѣ. Сынъ кончилъ ученье въ семинаріи и отецъ рѣшился было отправить его въ Москву въ университетъ, но мать на колѣняхъ умоляла не отсылать его изъ дому, дома-де нуженъ помощникъ, лучше ужъ посадить Ивана за выручку. Отецъ согласился. Полгода просидѣлъ Никитинъ за выручкой, но торговля была въ убытокъ. Скоро умерла съ горя мать Никитина, а отецъ послѣ этого еще сильнѣе запилъ. Бросивъ дѣла, онъ пропивалъ все, что попадало подъ руку: и платье, и товаръ, и вещи. Отъ лѣности и пьянства онъ приходилъ въ бѣшенство и часто ругалъ сына: „Иванъ Саввичъ, ты подлецъ! Кто далъ тебѣ образованіе? А, не чувствуешь! Не хочешь старика отца кормить... Вонъ изъ моего дома!“ Сынъ покорно переносилъ бѣшенство пьянаго отца, ухаживалъ за нимъ и старался его успокоить. Иванъ не зналъ, что ему дѣ-

лать—онъ готовъ былъ поступить хоть куда-нибудь на службу, но нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста... и ослабъ духомъ. Забившись въ уголъ, онъ сидѣлъ голодный, лежалъ на сѣновалѣ съ книгою въ рукѣ, или убѣгалъ изъ дома. Одѣтый почти въ рубище, блѣдный, изнуренный, бродилъ молодой Никитинъ по улицамъ, а чаще всего уходилъ за-городъ, убѣгалъ въ лѣсъ, въ поле, и тамъ, любуясь природой, на время забывалъ свою тоску. Въ мірѣ Божіемъ онъ находилъ себѣ отраду, облегчалъ свое сердце.

Не было у Никитина друга, которому онъ могъ-бы разсказать свое горе, съ кѣмъ-бы посовѣтываться. Никто не могъ помочь ему. Онъ понялъ, наконецъ, что нечего ждать, что надо взяться за то дѣло, которое было подъ рукой. И вотъ Никитинъ разсчиталъ арендатора и сталъ содержать постоялый дворъ самъ. Подстригъ волосы кругомъ, надѣлъ сапоги съ голенищами до колѣнъ, надѣлъ чуйку—и началась для него трудовая безпокойная жизнь. Встань рано, встрѣчай извощиковъ, да разсчитывайся съ постояльцами; весь день хлопочи, бѣгай, суетись, зазывай проѣзжихъ къ себѣ во дворъ;—трудовая-то копѣйка не легко достается рабочему человѣку!...

Прислуживая своимъ постояльцамъ, молодой Никитинъ любилъ заводить съ ними разговоръ про ихъ житье-бытье и самъ забавлялъ ихъ разсказами. Извощики полюбили Никитина, звали его не иначе, какъ „нашъ Савельичъ“, и довѣрчиво разсказывали ему о своей невеселой, трудовой жизни. Слушалъ Никитинъ ихъ безхитростные разсказы, запоминалъ ихъ и, найдя свободную минуту, уходилъ въ уединенное мѣсто и тамъ, вдали отъ всѣхъ, часто ночью, писалъ стихи. Не веселые были большею частью разсказы извощиковъ и хорошо понималъ ихъ Никитинъ, самъ натерпѣвшись не мало горя.

Въ одномъ стихотвореніи Никитинъ разсказываетъ про горемыку извощика, который умеръ въ дорогѣ, на грязномъ постояломъ дворѣ, вспоминая о своей старухѣ—матери, о своихъ малыхъ дѣткахъ. Приведемъ нѣсколько строкъ изъ этого стихотворенія, которое, по справедливости, считается однимъ изъ лучшихъ стихотвореній И. С. Никитина:

Парень извощикъ въ дорогѣ продрогъ,
Крѣпко продрогъ, тяжело занемогъ;
Въ душной избѣ онъ на печкѣ лежитъ,
Горло распухло, едва говоритъ.
Ноетъ душа отъ тяжелой тоски,
Наши родные—куда далеки!
Какъ на чужой сторонѣ умереть,
Хоть-бы на мать, на отца поглядѣть!
Въ горѣ товарищи держатъ совѣтъ:
— „Ну-ка умретъ,—попадемъ мы въ отвѣтъ!
„Изъ дому паспортовъ не взяли мы:
„Ну-ка умретъ,—не уйдемъ отъ тюрьмы!“
Дворникъ встревоженъ, священника ждетъ,
Медленнымъ шагомъ священникъ идетъ.
Встали извощики, всталъ и больной,
Свѣчка горитъ передъ иконой святой.
Бѣлая скатерть на столъ постлана:
Въ душной избѣ тишина, тишина...
Кончилъ молитву священникъ сѣдой,
Вышли извощики за дверь толпой.
Парень шатается, дышетъ съ трудомъ,
Старецъ стоитъ неподвиженъ съ крестомъ.
— „Страшенъ судъ Божій; покайся, мой сынъ:
„Богъ тебя слышитъ, да я лишь одинъ!“
— „Батюшка, грѣшенъ!“ больной простоналъ,
Палъ на колѣни и громко рыдалъ.
Грѣшника старецъ во всемъ разрѣшилъ,
Крови и плоти святой пріобщилъ....
Полночь; всѣ въ домѣ уснули давно;
Въ душной избѣ, какъ въ могилѣ, темно.
Скупо въ углу рукомойникъ течетъ,
Капля за каплею звукъ издаетъ.
Мѣрно кузнечикъ куетъ въ тишинѣ,
Кто-то невнятно бормочетъ во снѣ.
Вѣтеръ печально гудитъ подъ окномъ,
Воетъ, голоситъ—Господь вѣсть по комъ?
Скучно въ потьмахъ одному мужику,
Сны—вѣщуны навѣваютъ тоску;
Съ жесткой постели въ раздумьѣ онъ всталъ,
Ощупью печь и лучину сыскалъ,

Красное пламя изъ угля добылъ,
Ярко больному лицо освѣтилъ...
Тихъ онъ лежитъ, на лицѣ доброта,
Впалыя щеки бѣлѣе холста.
Свѣсились кудри, открыты глаза,
Въ мертвыхъ глазахъ не обсохла слеза.
Вздрогнулъ извощикъ; „ну, вотъ дождались!“
Дворника будитъ: „проснись, подымись!“
— „Что тамъ?“—„Товарищъ нашъ мертвый лежитъ“.
Дворникъ вскочилъ, какъ безумный глядитъ.
Вотъ ужъ покойникъ въ родимомъ селѣ;
Убранъ, лежитъ на дубовомъ столѣ.
Мать къ мертвецу припадаетъ на грудь:
— „Соколъ мой ясный, скажи что-нибудь!“
„Какъ безъ тебя мнѣ свой вѣкъ коротать:
Горькое горе встрѣчать, провожать!“...

Между тѣмъ дѣла Никитина стали поправляться, состояніе его улучшилось и онъ повеселѣлъ. Въ 1853 году началась Крымская война. Никитинъ написалъ два стихотворенія: „Русь“, и „Война за вѣру“ и послалъ ихъ въ Воронежскія Губернскія Вѣдомости. Съ восторгомъ приняли въ Воронежѣ первый его печатный трудъ и стали искать знакомства съ поэтомъ, содержателемъ постоялаго двора. Въ 1856 году графъ Д. Н. Толстой напечаталъ его стихотворенія, за которыя Никитинъ получилъ Высочайшую награду—золотые часы отъ Государыни Императрицы Александры Федоровны. Деньги, вырученныя съ изданія, пошли на улучшеніе постоялаго двора. Никитинъ нанялъ дворника и завелъ лошадку. У Никитина больше стало свободнаго времени, которое онъ и посвящалъ своему любиму занятію.

При посторонней помощи Никитинъ открылъ книжный магазинъ, продавъ свой постоялый дворъ. Иванъ Саввичъ пристрастился къ магазину, какъ къ своему родному дѣтищу. Но только три года существовалъ магазинъ. Больной отъ рожденія, Никитинъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ и, наконецъ, слегъ въ постель. Старикъ отецъ, почти обезумѣвшій отъ пьянства, босой, въ одной рубашкѣ, пьяный врывался въ комнату умирающаго сына. У смертнаго

одра старикъ кричалъ осиплымъ голосомъ: „Кому отказываешь магазинъ? Гдѣ ключи? Подай сюда духовную! Гдѣ деньги?“ Умирающій судорожно вздрагивалъ и умолялъ глазами отвести отца. Старикъ пришелъ въ себя только тогда, когда сына уже не было на свѣтѣ. Горе такъ поразило старика, что онъ весь осунулся, ослѣпъ и въ скоромъ времени умеръ. Иванъ Саввичъ Никитинъ скончался въ 1861 году 16 октября, 36 лѣтъ отъ роду. До конца жизни помнилъ Никитинъ нужду, которую самъ испыталъ, про которую много писалъ въ своихъ стихахъ и умирая приказалъ продать свой магазинъ и вырученныя деньги (7664 руб.) раздать бѣднымъ родственникамъ, осчастлививъ этимъ тринадцать семействъ.

Съ христіанскою покорностью волѣ Божіей ожидалъ Никитинъ часа своей смерти и послѣднее предсмертное его стихотвореніе проникнуто тихою грустью.

Вырыта заступомъ яма глубокая!
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая!
Горько она, моя бѣдная, шла,
И, какъ степной огонекъ, замерла.
Что-же? усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится;
Только однимъ человѣкомъ убавится....
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!...
Вотъ она слышится пѣснь беззаботная,
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!... о жизни покончень вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!...

Наслѣдство.

Не осталося
Мнѣ отъ батюшки
Палатъ каменныхъ,

Слугъ и золота,
Онъ оставилъ мнѣ
Кладъ наслѣдственный:
Волю твердую,
Удаль смѣлую.
Съ ними молодцу
Всюду весело!
Безъ казны богатъ,
Безъ почета гордъ.
Въ горѣ, въ черный день,
Соловьемъ поешь;
При нуждѣ, въ бѣдѣ,
Смотришь соколомъ;
На распашку грудь
Противъ недруга,
Подъ грозой, въ бою
Улыбаешься.
И мила душѣ
Доля всякая,
И весь бѣлый свѣтъ
Раемъ кажется!

Никитина.

Дѣдушка.

Лысый, съ бѣлой бородою
Дѣдушка сидитъ;
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.
Бѣлъ, какъ лунь; на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ...
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.
Все прошло: пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.
Съ нимъ въ избушкѣ закоптѣлой
Котъ одинъ живетъ.

Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печки не спрыгнетъ!
Старику немного надо:
Лапти сплесть, да сбыть—
Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ сходить.
Къ стѣнкѣ, около порога
Станетъ тамъ, кряхтя—
И за скорби славитъ Бога
Божіе дитя.
Радъ онъ жить, не прочь въ могилу—
Въ темный уголокъ.
Гдѣ-жъ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичекъ?

Никитина.

Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.
Мѣсяца лучами
Божій храмъ облитъ;
Крестъ подъ облаками
Какъ свѣча горитъ.
Пусто, одиноко
Сонное село,
Вьюгами глубоко
Избы занесло.
Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И не слышно лая
Псовъ сторожевыхъ.
Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.

Никитина.

Многолѣтіе.

Многи лѣта, многи лѣта,
Православный Русскій Царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами встарь.
Дружно громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ;
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя Царское гремитъ.
Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское „ура“
Отъ Кавказа до Алтая,
Отъ Амура до Днѣпра.
Съ ней во дни Петровы Шведу
Русскій путь загородилъ,
И за Нарвскую побѣду
Днемъ Полтавы отплатилъ.
Съ ней во дни Екатерины
Славенъ сталъ нашъ русскій штыкъ—
И Кагульскія дружины,
И Суворовскій Рымникъ.
Съ нею грозно запылала
Вѣнценосная Москва,
И небесной карой пала
На враговъ ея глава.
Въ наши дни перешагнула
Съ нею рать Балкановъ грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань.
Прогреми-жъ до граней свѣта,
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: многи лѣта
Православный Русскій Царь!

В. Жуковскій.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ II.

РАЗСКАЗЫ

о разныхъ наукахъ и искуствахъ.

Ничто такъ не трудно, какъ первый шагъ во всякомъ дѣлѣ. А потому и въ дѣлѣ науки ничего не было труднѣе, какъ придумать грамоту, письмо. Цѣлыя тысячи лѣтъ жили люди, не умѣя закрѣплять свои мысли и знанія на вѣки. У дикихъ народовъ никогда не было и до сихъ поръ нѣтъ никакой грамоты. Впервые люди начали пробовать ее только съ тѣхъ поръ, какъ появились на свѣтѣ государства. А первое государство Китай,—оно-же первое и сдѣлало эту пробу. Но сколько неудачъ, сколько хлопотъ и времени потрачено было на то, чтобъ дойти до того, что теперь легко дается и ребенку. Такъ китайцы, когда они задумали письмо, не умѣли придумать ничего лучшаго, какъ для каждаго слова въ своемъ языкѣ придумать особую фигурку, особый знакъ. Но судите-же, что изъ этого выходитъ. Сколько есть словъ въ языкѣ, столько, значитъ, должно быть и знаковъ. А словъ въ языкѣ, самомъ бѣдномъ, не меньше десяти тысячъ. И такъ, вмѣсто 30 буквъ, какъ теперь, нужно было заучить десять тысячъ фигурокъ или знаковъ и никогда ихъ не смѣшивать между собою. Если, напримѣръ, воду писать кружкомъ съ крестикомъ въ серединѣ ⊛, а землю квадратомъ съ кружкомъ въ серединѣ ⧇, а воздухъ тремя квадратиками одинъ въ другомъ ⧈, то такихъ фигуръ надо выучить столько, сколько есть всѣхъ словъ. Такъ и дѣлаютъ китайцы до сихъ поръ, потому что они и до сихъ поръ, ничего лучшаго не придумали. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что по китайскому способу можно всю жизнь учиться, и все таки никогда не выучиться писать всѣ слова своего языка; однѣ изъ нихъ съумѣешь написать, а другія нѣтъ; такъ что вполнѣ грамотнаго человѣка при такомъ письмѣ не можетъ быть ни одного. Я не говорю уже о томъ, что умѣя написать слово вода, съ китайскимъ письмомъ не напишешь еще ни воды, ни водѣ, ни воду, ни водою, ни о водѣ, потому что для этого нужно было-бы пять совсѣмъ новыхъ знаковъ, которыхъ и безъ того уже столько, что запомнить ихъ не возможно. Такъ вотъ какое бѣдное письмо, и какая бѣдная грамотность, придуманныя впервые. Затѣмъ, лѣтъ,

можетъ быть, черезъ тысячу послѣ китайцевъ, египтяне додумались до другой хитрости въ письмѣ. Они стали рисовать каждое слово, т. е. рисовали тотъ самый предметъ, который хотѣли написать. Такъ, напримѣръ, если надо было написать столъ, то они рисовали доску на четырехъ ножкахъ. Если надо было написать домъ, они рисовали стѣны, окна, двери, крышу. Это, пожалуй, легче запомнить, но за то сколько-же времени надо, для того чтобъ вырисовать каждое слово! Да и тутъ не вся еще бѣда. Есть такія слова, которыхъ нарисовать нельзя, напримѣръ: горе, душа, зависть, число. Слѣдовательно такихъ словъ по египетскому способу и совсѣмъ нельзя было написать, хотя-бы рисовать цѣлый день. Правда, они помогали этой бѣдѣ тѣмъ, что рисовали что нибудь, напоминающее то слово, которое хотѣли написать. Напримѣръ, чтобы написать слово сила, они рисовали льва, который напоминаетъ собою силу. Но, во первыхъ, и этимъ порядкомъ нельзя написать всѣхъ словъ; такъ, напримѣръ, что напоминаетъ зависть, и какъ ее по этому нарисовать? А во вторыхъ, хоть-бы и нарисовалъ, то каждый рисунокъ будетъ имѣть два смысла, и не будешь знать, который изъ этихъ двухъ смысловъ надо читать. Такъ, напримѣръ, если нарисованъ левъ, то не знаешь, читать-ли его за льва или за силу. По всему этому египтяне и сами не долго удовольствовались такой наукой письма, и стали придумывать другія. Другая, придуманная ими хитрость, состояла въ томъ, чтобъ подъ каждымъ рисункомъ разумѣть только ту букву, съ которой онъ начинается. Такъ напримѣръ, арабъ значитъ *а*, баранъ значитъ *б*, волкъ значитъ *в*, и такъ далѣе. Этимъ способомъ, чтобъ написать вода, надо было нарисовать волка, окно, доску и араба. Это, дѣйствительно, было уже лучше. По крайней мѣрѣ такимъ образомъ можно было уже написать всякое слово, какое захочешь, и не надо было такой большой памяти, какъ при китайскомъ способѣ. Но за то времени уходило пропасть, пока нарисуешь такое коротенькое слово какъ вода. Да къ тому-же не всякій человѣкъ — мастеръ рисовать: иной нарисуетъ такого араба, что онъ будетъ похожъ скорѣе на чорта; и читатель вмѣсто *а* будетъ читать *ч*. Научиться-же каждому хорошо рисовать значитъ научиться каждому быть живописцемъ прежде, чѣмъ быть грамотѣемъ. А потому и этотъ способъ письма не годился. Назывался-же онъ іероглифами. И только уже третій народъ, лѣтъ черезъ тысячу послѣ египтянъ, дошолъ наконецъ до хитрости изобрѣтенія азбуки. Это былъ маленькій и мало

извѣстный народъ Финикіяне. Вмѣсто того чтобъ звукъ а рисовать арабомъ, они придумали для него маленькій значокъ, который легко написать всякому, даже не живописцу. Для звука *б* придумали другой такой-же значокъ. Для *в*, *г*, *д*, и т. д. третій, четвертый, пятый и т. д. значокъ. И такимъ образомъ для всѣхъ своихъ двадцати или двадцати четырехъ звуковъ придумали двадцать или двадцать четыре значка или буквы. Такое небольшое число знаковъ легко было замѣтить и запомнить; такіе простые знаки легко было нарисовать; такими маленькими короткими знаками можно было писать скоро. А потому этотъ послѣдній способъ письма, финикійскій, тотчасъ усвоенъ былъ и египтянами, и всѣми другими народами, т. е. и греками, и римлянами, кромѣ впрочемъ китайцевъ. Китайцы ничего объ этомъ изобрѣтеніи не знали и не знаютъ до сихъ поръ; они и до сихъ поръ потѣютъ надъ своимъ мудрымъ письмомъ, тогда какъ имъ-бы стоило только перенять то, что другіе безъ нихъ придумали. Этотъ-же финикійскій или азбучный, алфавитный, способъ письма, переняли и всѣ нынѣшніе народы Европы: французы, нѣмцы, англичане, а въ томъ числѣ и мы, русскіе. Такъ вотъ сколько надо было биться, пока добились люди до азбуки. А вѣдь, кажется, такое простое, нехитрое дѣло!

Такая-же точно исторія была и съ самымъ матеріаломъ для письма. Писать легко и скоро уже научились; теперь надо было еще придумать, на чемъ-же лучше всего писать.

Древнѣйшій видъ бумаги—это египетскій папирусъ, изготовлявшійся изъ одного египетскаго растенія, которое водится, по преимуществу, въ стоячей водѣ, въ Египтѣ, по берегамъ Нила, а также въ Сициліи. Кожицу или волокно папирусоваго тростника отдѣляли тонкими рядами отъ стебля, растилали ихъ на столѣ, вспрыснутомъ водой изъ рѣки Нила, и поливали клейкимъ кипяткомъ изъ той-же воды; потомъ на первый слой клали второй, выжимали изъ нихъ влажность прессомъ, сушили ихъ на солнцѣ и лощили свинымъ зубомъ. Римляне долго употребляли папирусъ.

Израильтяне, во время Давида, вмѣсто книгъ имѣли свертки изъ кожъ разныхъ животныхъ; жители Малой Азіи тоже писали на невыдѣланныхъ бараньихъ и козьихъ кожахъ, съ которыхъ соскабливали только волосъ. Впослѣдствіи волосъ стали сводить известью, и кожи, очищенныя такимъ способомъ, назывались *пергаментомъ*, отъ города Пергама въ Малой Азіи, гдѣ искуство очи-

щать кожи для письма на нихъ, было усовершенствовано. Но ни египетскій папирусъ, ни пергаментъ не были удобны для употребленія; къ тому-же были очень дороги. Между тѣмъ индѣйцы, еще до Р. Х. изобрѣли искуство изъ необработанной хлопчатой бумаги, которую превращали они въ кисель, приготовлять массу, годную для письма. Отъ нихъ эта, такъ называемая, хлопчатобумажная бумага перешла въ Среднюю Азію, въ Бухарію; преимущественно-же изготовлялась она въ городѣ Самаркандѣ. Проникнувъ побѣдоносно въ Бухару, арабы познакомились съ изготовленіемъ и употребленіемъ этой бумаги, и завели въ городѣ Меккѣ бумажныя фабрики; въ одиннадцатомъ-же столѣтіи, бумага черезъ арабовъ сдѣлалась извѣстной въ Испаніи. Тамъ уже заведены были водяныя мельницы, за ними основали первыя въ Европѣ и писчебумажныя мельницы, которыя впослѣдствіи введены были въ Италіи, Франціи и Германіи. Но и хлопчато-бумажная бумага имѣла много недостатковъ: она была весьма не прочна и очень ломкая. Вскорѣ придумали вмѣсто хлопчатой бумаги употреблять старое хлопчато-бумажное тряпье, превращая его въ густую массу, а потомъ, нажимая подъ прессомъ, въ тонкіе листы. Опытъ удался и повелъ къ другому, именно—къ употребленію льнянаго тряпья, которое прежде выбрасывали безъ всякой пользы.

Бумага изъ льнянаго тряпья—самая крѣпкая, удобная и дешевая; безъ изобрѣтенія ея самое книгопечатаніе не сдѣлало-бы такихъ быстрыхъ успѣховъ.

Первое искуство есть домъ себѣ построить, искуство строительное. Называется оно архитектура, а строители называются архитекторы; по русски: зодчество и зодчій.

У дикихъ народовъ не было еще никакого искуства строить. Они жили въ шалашахъ, да въ земляпкахъ; а тутъ немного надо умѣнья. Впервые оно показывается тамъ-же, гдѣ и все, т. е. у народовъ, живущихъ государствами. Такъ и первыя каменныя постройки начались только у китайцевъ. Китайская постройка отличается своей крышей. Скаты ея по серединѣ вогнуты, какъ въ колокольчикѣ, а по краямъ загибаются вверхъ. Но гораздо большаго искуства достигли въ архитектурѣ индійцы и египтяне. И это потому что они были набожны, что имъ надо было строить не только дома, но и храмы, а храмъ вездѣ строится замысловатѣе, чѣмъ изба или домъ. И дѣйствительно, у индійцевъ строились такіе храмы, какихъ никогда уже послѣ, на землѣ, не

видано. Дѣло въ томъ, что это были, собственно, не постройки, а скорѣе выдалбливанія. Цѣлый храмъ выдалбливался въ каменной скалѣ. Сверху скала была горою и больше ничего, а между тѣмъ внутри этой горы высился огромный храмъ со сводами, съ колоннами, съ галлереями. Такіе храмы уцѣлѣли и до сихъ поръ, и называются они пагодами. У египтянъ были постройки, замѣчательныя въ другомъ родѣ. Египтяне, какъ извѣстно, очень дорожили трупами своими. Они ихъ бальзамировали для того, чтобы сохранить готовыми къ принятію души, когда та въ нихъ возвратится. А чтобы еще вѣрнѣе достигнуть этого, нужно было, чтобъ и самыя кладбища, или могилы, были прочны и неприступны. А потому богатые люди вырывали вмѣсто могилъ цѣлыя пещеры подземельныя и тамъ по обѣимъ сторонамъ узкой и длинной галлереи дѣлали мѣста для гробовъ. Такія кладбищенскія пещеры назывались у нихъ катакомбами. Еще больше хлопотъ прилагали къ мѣсту своего погребенія цари египетскіе. Они не хотѣли ложиться и въ катакомбахъ, а строили для себя особыя гробницы надъ самой землею. Гробницы эти строились изъ камня и имѣли видъ цѣлой горы. Онѣ были четырехугольныя, внизу широкія, а къ верху съужались и оканчивались на верху маленькою площадкой. Внутри этого огромнаго зданія оставлялась небольшая пустота: это и было мѣсто для царскаго гроба. Когда гробъ вносили туда, тогда ходъ въ зданіе закладывался камнемъ, и трупъ оставался тамъ ждать возвращенія души своей. Такія гробницы назывались пирамидами. Зданія эти такъ огромны, что на постройку нѣкоторыхъ изъ нихъ употреблялось по 100.000 человѣкъ рабочихъ, и строились нѣкоторыя изъ нихъ по 40 лѣтъ сряду. Оттого египетская работа и вошла въ поговорку. Каждый почти царь начиналъ строить себѣ пирамиду тотчасъ-же по вступленіи своемъ на престолъ. Въ Греціи и въ Римѣ архитектура была совсѣмъ другаго рода. Какъ индійскія, такъ и египетскія постройки были тяжелыя и мрачныя, въ Греціи-же и въ Римѣ архитектура становится легкою, веселою и свѣтлою. Есть кромѣ того и другая разница. Какъ въ Индіи, такъ и въ Египтѣ самыя значительныя постройки были религіозныя, ради вѣры, ради боговъ. Въ Греціи-же и Римѣ въ числѣ значительныхъ построекъ есть также и свѣтскія, ради общественной жизни, ради людей. Такъ, напримѣръ, кромѣ храмовъ здѣсь употреблялось много искуства и много заботы на постройку также гимназій, академій, цирковъ, театровъ. Греческое и Римское зданіе отличается низкою

и почти плоскою крышею. У новыхъ народовъ, у христіанскихъ и магометанскихъ, кромѣ церквей и храмовъ, много денегъ, искуства и труда уходитъ также и на зданія свѣтскія: дворцы, выставки, музеи, крѣпости, университеты.

Второе искуство есть искуство дѣлать идоловъ, т. е. рѣзать изъ камня или отливать изъ металла фигуры различныхъ предметовъ. Это искуство называется скульптура, а по-русски ваяніе; мастера-же этого дѣла называются скульпторами, ваятелями. Искуство ваянія не очень было трудно, пока народы вѣрили только въ различные бездушные предметы да въ животныхъ; и впервые стало и труднымъ, и славнымъ съ тѣхъ поръ, когда народы начали представлять своихъ боговъ въ человѣческомъ видѣ. А это случилось у грековъ и римлянъ, оттого у нихъ-же появилась и скульптура. Греки достигли въ этомъ искуствѣ такого мастерства, что никакой другой народъ ни прежде, ни послѣ нихъ, не можетъ сравняться съ ними. Они представляли своихъ боговъ въ человѣческомъ видѣ и при томъ нагими, а потому и кумиры ихъ или статуи суть изображенія нагихъ людей. Всякій пойметъ поэтому, сколько нужно труда, умѣнья, ловкости для того, чтобъ обрубокъ камня обратить въ фигуру нагаго человѣка. Надо изобразить на камнѣ каждую выпуклость, каждую впадину, каждую ямочку, каждую жилку такъ, какъ она есть и на тѣлѣ человѣческомъ. Нужно умѣть передать каждое положеніе тѣла, сидячее, лежачее, стоячее, и потомъ опять прямое и согнутое, спокойное и страдательное, и т. д. Объ одномъ только греки не заботились: о выраженіи лица. Они хлопотали изо всѣхъ силъ, чтобы фигура и лицо были красивы; но не заботились о томъ, выразительно лицо или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, новые народы, нынѣшніе, и того не достигли, что греки. Ни одна статуя не можетъ сравняться по красотѣ своей съ древнею греческою. Оттого эти древнія греческія статуи цѣнятся необыкновенно дорого. Если найдутъ гдѣ нибудь въ землѣ греческую статую, или даже одну отъ нея руку или ногу или голову, то каждое государство старается оттягать ее себѣ, и поэтому нагоняютъ иногда ужасныя цѣны. Много такихъ статуй, а также головъ, рукъ и ногъ, досталось и на нашу долю и всѣ онѣ поставлены въ Петербургѣ, въ эрмитажѣ. Наша собственная русская скульптура еще бѣднѣе и слабѣе, чѣмъ скульптура иностранцевъ. Ни у насъ, ни у нихъ она для религіи не нужна, а пототу ни у насъ, ни у нихъ и не занимались ею.

Если есть теперь ваяніе, то только свѣтское, а не церковное: фигуры лошадей и людей для памятниковъ.

Третье искуство есть живопись. Если не нужна была для христіанскихъ храмовъ скульптура, то очень нужна была живопись, потому что всегда нужно было писать иконы. Оттого не только древнѣйшіе народы, какъ китайцы, индѣйцы, египтяне, но даже и древніе, какъ греки и римляне, у которыхъ иконъ не употреблялось, въ свою очередь не могутъ сравниться съ теперишними по живописи. Изъ христіанскихъ-же народовъ больше всего прославились живописью итальянцы. У нихъ-же появился и самый всесвѣтный художникъ этого искуства,—Рафаэль. Рафаэлевы картины цѣнятся также, какъ древнія греческія статуи, и стоятъ иногда десятки и сотни тысячъ рублей. Есть нѣсколько его картинъ и у насъ въ Петербургѣ, въ томъ-же эрмитажѣ гдѣ и статуи.

Четвертое искуство музыка и пѣніе. И то и другое было давно на свѣтѣ, и у древнихъ, и даже у древнѣйшихъ народовъ. Но ни то, ни другое не было такъ необходимо у нихъ для богослуженія, какъ у христіанъ. У христіанъ-же безъ музыки или безъ пѣнія нѣтъ и обѣдни. Какъ у насъ необходимы для церкви пѣвчіе, хоръ, такъ у католиковъ и протестантовъ необходимы музыканты, органъ. Поэтому и музыка впервые могла обратить на себя вниманіе только у христіанскихъ народовъ.

Пятое и послѣднее искуство есть стихотворство или поэзія. Стихотворцы, поэты были у всѣхъ народовъ, кромѣ китайцевъ. Были у индѣйцевъ, были у египтянъ, у вавилонянъ, у персовъ. Но нигдѣ у древнихъ народовъ не было такихъ стихотворцевъ и такихъ пѣсенъ какъ у грековъ и римлянъ, особенно же у грековъ. И при томъ греки начали слагать пѣсни свои и стихи еще раньше, чѣмъ научились писать, такъ что долго пѣсни эти жили только въ устахъ народа. Но потомъ одинъ царь греческій велѣлъ ихъ собрать всѣ и записать. Кромѣ того греки также впервые выдумали и театръ. Но театръ ихъ былъ еще не похожъ на теперешній. Во-первыхъ, у нихъ не было актрисъ, а только актеры. Для женщины это ремесло считалось постыднымъ, а потому женскія роли игрались мужчинами. Во-вторыхъ, вмѣсто того чтобы подкрашиваться, какъ теперь, актеры надѣвали на себя маски, такъ что лицъ вовсе не было видно. Въ-третьихъ, для того чтобъ актеровъ видно было какъ можно дальше, они подвязывали себѣ подъ ноги подставки, отчего дѣлались гораздо

выше обыкновеннаго роста. Наконецъ, всякая комедія или трагедія игралась отъ начала до конца сразу, не опуская занавѣса. У римлянъ хотя и былъ театръ, но они не любили его, а любили другія зрѣлища, именно звѣриныя и гладіаторскія игры. Игры эти отправлялись въ циркахъ, а не въ театрахъ. Въ циркѣ, также какъ и у насъ, зрители сидѣли вокругъ, а въ серединѣ отгороженной отъ зрителей, шло представленіе. Если представленіе было звѣриное, то выпускали изъ клѣтокъ нѣсколько разныхъ звѣрей на середину цирка: львовъ, тигровъ, леопардовъ, буйволовъ. Звѣри, очутившись лицомъ къ лицу, сперва долго измѣряли другъ друга взглядами; потомъ поднимали ревъ и вой, у однихъ отъ злобы, у другихъ отъ страха, и наконецъ какой нибудь изъ нихъ бросался на другаго, и такимъ образомъ начиналась общая драка. Кровь брызгала во всѣ стороны, куски мяса летѣли оторванные отъ тѣла, и когда нѣкоторые изъ сражающихся изнемогали и падали, тогда уцѣлѣвшіе, побѣдители, начинали ѣсть ихъ, а публика расходилась по домамъ. Въ другое время выпускали въ циркъ человѣка и какого нибудь звѣря и любовались дракою между ними. Но любимѣе всего были у римлянъ собственно, такъ называемыя, гладіаторскія игры, т. е. драки на жизнь и смерть между людьми, которые назывались гладіаторами. Гладіаторы были тоже, почти, что нынче акробаты, вольтижеры, т. е. это были люди необыкновенной силы, и которые кромѣ того еще учились въ особыхъ школахъ искуству бороться и драться.

Все это я говорилъ объ искуствахъ, которыя называются изящными, т. е. больше для удовольствія чѣмъ для пользы. Но есть еще другія искуства техническія, больше для пользы, чѣмъ для удовольствія. О нихъ теперь и поведемъ рѣчь. Есть, напримѣръ, искуство измѣрять время, искуство хлѣбъ молоть, искуство стрѣлять, искуство мореплаванія, искуство строить дороги, мебельное искуство и т. п.

Такъ въ древности не умѣли молоть хлѣбъ иначе какъ руками. У китайцевъ, у индійцевъ, у египтянъ, вавилонянъ, персовъ и даже просвѣщенныхъ грековъ и римлянъ мельницами были рабы. Они руками вертѣли жернова и такимъ образомъ перемалывали зерно въ муку. Понятно какая это была египетская работа, и сколько нужно было на нее рукъ, чтобъ для всѣхъ людей хлѣба намолоть. Новые-же народы, христіанскіе, выдумали вѣтряную и водяную мельницу, гдѣ тоже самое дѣлаетъ вѣтеръ и вода, что прежде дѣлалось руками. Такимъ обра-

зомъ мертвая сила природы замѣнила живую силу человѣчью; и человѣку стало оттого легче. Мало того, недавно выдумали запрягать подъ мельницу еще и третью земную силу, паръ, которая можетъ работать и тамъ гдѣ нѣтъ рѣки, и тогда когда нѣтъ вѣтру. Такія мельницы называются паровыми. У древнихъ и древнѣйшихъ народовъ не умѣли также измѣрять время. Они измѣряли его пескомъ. Устраивался горшокъ съ маленькою дыркою на днѣ, въ горшокъ насыпали песку, и песокъ этотъ сыпался сквозь дыру внизъ. Сколько насыпалось песку, по тому судили и сколько часовъ прошло. Но, понятно, какое худое это средство. Одинъ песокъ мельче, другой крупнѣе, одинъ суше, другой влажнѣе, одна дырка шире, другая уже, а оттого и песокъ сыплется то скорѣе, то тише. Какъ-бы то ни было, но этотъ горшокъ назывался у нихъ часами, песочными часами. И только между новыми уже народами, а именно у нѣмцевъ, выдуманы были настоящіе часы, нынѣшніе, которые могутъ показывать не только часы, но и минуты и секунды. Ни у древнѣйшихъ, ни у древнихъ народовъ не было также ни какихъ шелковыхъ матерій, а только шерстяныя, бумажныя и полотняныя. Изъ новыхъ-же народовъ впервые завели эти матеріи византійцы. Въ древности не было также и стеколъ въ окнахъ, а окна были или вовсе ничѣмъ не закрыты или закрывались слюдою. Правда, что стекло выдумали уже сами древніе, а именно финикіяне, но оно считалось у нихъ такою рѣдкостью и было такъ дорого, что употреблять его всякому было невозможно. И только у новыхъ народовъ удешевили его на столько, что теперь окна застекляются не только въ дворцахъ, но и въ каждой крестьянской избѣ. Древніе люди, чтобъ посмотрѣться на себя, полировали желѣзо, и въ полированное желѣзо смотрѣлись; новые-же для этого стали подкладывать подъ стекло ртуть, и такимъ образомъ изобрѣли зеркало. Древніе народы плавали въ морѣ только по берегамъ, отходить отъ береговъ они не смѣли, иначе непремѣнно-бы заблудились въ морѣ. Новые стали плавать гдѣ угодно, и среди самаго океана умѣютъ не заблудиться, а все оттого что одинъ итальянецъ изобрѣлъ магнитную стрѣлку или компасъ. Древніе плавали сперва только на веслахъ, потомъ стали плавать и на парусахъ; но на парахъ научились плавать только новые народы. А научилъ ихъ этому англичанинъ. У древнихъ каждому, кто хотѣлъ послать вѣсточку, письмо, надо было нанимать гонца на всю дорогу, такъ что переписываться промежъ себя могли только

богатые люди. Французы-же придумали почту и черезъ то дали средство каждому бѣдняку послать письмо хоть на край свѣта, и за бездѣлицу. Мало того, недавно выдуманы еще телеграфы, гдѣ вмѣсто почтаря бѣгаетъ земная сила, называемая электричествомъ, и которая въ одну минуту пробѣгаетъ цѣлыя тысячи верстъ. Древніе умѣли только стрѣлять изъ лука, не дальше какъ на сто шаговъ, новые-же выдумали порохъ и стрѣлаютъ изъ ружей и изъ пушекъ на цѣлыя версты. Древніе не умѣли ѣздить ни на чемъ, кромѣ лошадей,ословъ, слоновъ и верблюдовъ; новые ѣздятъ и на парахъ. Древніе катались только по каменнымъ дорогамъ; нынче катаются по желѣзнымъ. Такимъ образомъ чуть не съ каждымъ годомъ какая нибудь сила беретъ на себя черную и тяжелую работу человѣка и скотины, а имъ остаются тѣ, что по-бѣлѣе и по-легче.

Александръ Ивановъ.

Святогоръ и Микула Селяниновичъ.

На борзомъ конѣ богатырь Святогоръ
Гуляетъ по чистому полю.
Гнететъ его силы могучій напоръ
И нудитъ его молодецкій задоръ,
Да не чѣмъ потѣшиться въ волю.

* *
*

Силенъ и могучъ богатырь удалой,
Сильнѣе его не бывало:
Сподобилъ Господь его силой такой,
Что справиться съ нею, не то что другой,
Подчасъ самого не хватало.

* *
*

И думаетъ витязь: эхъ, еслибъ теперь
Попала мнѣ рать басурмана,
Иль вышелъ какой-нибудь чудище звѣрь—
Такъ правое слово—хошь вѣрь, хошь не вѣрь—
А ихъ не уйти-бъ безъ изъяна.

* *
*

Что соколъ съ налета, разнесъ-бы я ихъ,
На зубъ-то голодный, отъ скуки.
Да нѣтъ, супостатовъ-бы мнѣ не такихъ!
Что звѣрь, басурманы? Не стоитъ о нихъ
Марать богатырскія руки!

* *
*

Вотъ если-бы тягу такую добыть
Сдалось молодцу Святогору,
Чтобъ было-бы землю за что ухватить
Да всю то какъ есть-бы стряхнуть, своротить,
Вотъ это-бы было намъ впору.

* *
*

Вдругъ, словно кто думу провѣдалъ его,
Онъ слышитъ отвѣтъ за собою,
Нежданный, незванный, Богъ вѣсть отъ кого:
„Могучъ ты, князь, силой, а пуще того
Могучъ ты никакъ похвальбою“.

* *
*

„Смотри, молодецъ, чтобъ порою на томъ,
Да намъ не пришлось осрамиться!“
Глядитъ богатырь съ удивленьемъ кругомъ,
Кто смѣлъ говорить такъ негоже о немъ
И въ силѣ его усомниться?

* *
*

Глядитъ онъ и видитъ: за нимъ въ двухъ шагахъ.
Сторонкой идетъ по полянѣ
Какой-то прохожій съ дубинкой въ рукахъ
Да съ лыковой торбой на дюжихъ плечахъ
Въ постолахъ и смуромъ кафтанѣ.

* *
*

Сдержалъ богатырь удалаго коня,
Прохожаго смѣрилъ очами
И молвилъ: „Ты что-ль упрекаешь меня?
Эй! парень, ожжешься—не трогай огня,
Не суйся съ пустыми рѣчами“.

* *
*

— „А ты, богатырь, за правдивый покоръ,
Не сѣтуй, отвѣтилъ прохожій,—
А если со мною поволишь на споръ,
Такъ я бы сказалъ: не кичись, Святогоръ!
Великъ въ тебѣ силы даръ Божій;

* *
*

Земля-жъ переможетъ и милость твою,
Она посильнѣй тебя будетъ.
А хочешь попробовать силу свою,
Такъ вотъ подыми-ка котомку мою—
И та тебя, витязь, изнудитъ".

* *
*

— „Шутникъ ты, я вижу: нашелъ чѣмъ пытать!"
Смѣясь богатырь отвѣчаетъ—
„А что, какъ я торбу то за горы въ падь
Заброшу, что три года будешь искать?...
И, спѣшась, къ сумѣ приступаетъ.

* *
*

Схватилъ ее витязь одною рукой—
Грузна! Ухватился другою—
Ни съ мѣста!.... Дивится онъ тяжи такой
И крѣпко уперся могучей пятой,
Но сладить не можетъ съ сумою.

* *
*

И всей-то онъ силой на торбу налегъ,
Беретъ его даже досада;
Но какъ ни трудился, а сдвинуть не могъ,
Лишь самъ, обезсилѣвъ, свалился онъ съ ногъ,
Измучась надъ ней до упада.

* *
*

И ждетъ Святогоръ, что съ такого стыда
Прохожій начнетъ издѣваться.
А тотъ благодушно ему:—„Не бѣда!
„Съ кѣмъ грѣхъ, богатырь, не живетъ иногда?
„И ты не изволь сокрушаться".

* *
*

Поднялся съ земли Святогоръ удалой,
Понуря чело и вздыхая,
И молвилъ:—„Не вѣдаю, кто ты такой,
„Но чую, что ты человѣкъ не простой
„И торба твоя не простая.

* * *

„Скажи-же мнѣ все, ничего не тая,
„И какъ тебя звать, человѣче?“
— „Зовуся Микулъ Селяниновичъ я,
„Коль вѣдать изволитъ то милость твоя,
„Вотъ тутъ изъ села недалече.

* * *

„Кормилицѣ нашей—землѣ я служу.
„Ее берегу, обряжаю;
„Съ молитвой за плугомъ весною хожу,
„А по лѣту съ пѣснею жну, не тужу,
„А въ зиму голодныхъ питаю.

* * *

„Затѣмъ и котомка моя не пуста
„И съ ногъ непривычнаго коситъ.
„Въ ней земская, видишь, лежитъ тягота,
„Подъ ней подломилась твоя могота,
„А мать то земля ее сноситъ....

* * *

„Такъ видишь, закончилъ Микула, землей
„Вертѣть-то выходитъ негоже.
„Она-же, чай, держитъ тебя, удалой,
„А станешь вертѣть, такъ вѣдь той-же порой
„Свернешь самого себя тоже“.

М. П. Розенгеймъ.

Какого вида земля и какъ она велика.

Велика наша родина! Широко раскинулась она во всѣ стороны на много тысячъ верстъ. Такъ отъ стороны заката солнечнаго, до стороны восхода его, тянется почти на 14.000 верстъ

(2000 миль), а отъ полночной стороны къ полудню, занимаетъ 4.000 верстъ слишкомъ (600 миль). Если-бы кому нибудь пришлось проѣхать всю Россію изъ конца въ конецъ, нигдѣ не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, то понадобилось-бы на это мѣсяца два и болѣе.

Нѣтъ въ мірѣ государства, которое-бы по величинѣ могло поравняться съ нашей родиной, матушкой-Россіей.

Но какъ ни велико отечество наше, а все-же и кромѣ него есть на свѣтѣ еще много земель, принадлежащихъ другимъ народамъ. Инымъ изъ нихъ досталось земли не мало; почти въ половину столько, сколько намъ, другимъ меньше, а нѣкоторымъ на все ихъ государство приходится меньше, чѣмъ у насъ на одну губернію.

Если-же всѣ государства сложить вмѣстѣ, такъ твердой земли хватило-бы на шесть такихъ большихъ государствъ, какъ наше.

Вотъ и выходитъ, что твердой земли много; а воды-то, разныхъ морей и большихъ океановъ, больше всей твердой земли почти въ два раза. Вотъ теперь, какъ подумаешь, такъ и увидишь, что подлинно свѣтъ Божій великъ, и что вѣрно сказано, что всего свѣта не изъѣздишь!

Жизни человѣческой на это не хватитъ! Да и изъѣздить-бы его пришлось разными путями, да разными способами; гдѣ на лошадяхъ, а гдѣ и на другихъ животныхъ, напримѣръ, на оленяхъ или на собакахъ въ тѣхъ частяхъ нашей земли, гдѣ вся она покрыта снѣгомъ и представляется чуть-ли не на сажень промерзшею въ глубь, гдѣ и животныя другія, кромѣ оленей, не живутъ. Въ другихъ мѣстахъ пришлось-бы путешествовать на верблюдахъ, какъ напримѣръ въ жаркихъ пустыняхъ, покрытыхъ глубочайшимъ, накалившимся отъ солнца пескомъ, гдѣ приходится по нѣсколько дней двигаться безъ свѣжей пищи и безъ воды, и гдѣ только одни верблюды способны служить для ѣзды, такъ какъ они очень долго могутъ переносить и голодъ, и жажду. А въ остальныхъ мѣстахъ пришлось-бы обходить земли пѣшкомъ, или двигаться по чугункѣ, а гдѣ и на кораблѣ, или на пароходѣ, да еще на кораблѣ или на пароходѣ чаще пришлось-бы путешествовать, такъ какъ на землѣ гораздо больше мѣста занято водою, чѣмъ твердой землей.

Съ какими только бѣдами иной разъ ни повстрѣчается путешественникъ, особенно какъ пустится въ долгій путь, да въ невѣдомую страну!

Но находились люди, которые, не боясь опасности, совершали большія путешествія, открывали разныя незнакомыя, неизвѣстныя земли и знакомили другихъ со свѣтомъ Божіимъ; и мы, если что знаемъ о тѣхъ краяхъ, куда насъ судьба самихъ не заносила, такъ все, благодаря уму-разуму, трудамъ и смѣлости путешественниковъ.

Но хотя и много было такихъ людей, которые не страшились пускаться въ невѣдомый путь, которые оставляли свой кровъ и семью съ тѣмъ, чтобы принести пользу всему народу, познакомивъ людей съ ихъ родиной, матушкой-землей, которые ничего не страшились, ничего не жалѣли, подвергали свою жизнь опасности ради общей пользы, а все-же можно сказать, что они всего свѣта не объѣздили. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не побывали люди уже потому, что и попасть туда человѣку невозможно. Такъ, напримѣръ, въ полярномъ морѣ, которое лежитъ къ сѣверу отъ Россіи, гдѣ мѣстами отъ смерзшихся ледяныхъ глыбъ совершенно нѣтъ прохода.

Не только на морѣ, но и на сушѣ иной разъ встрѣчаются такія мѣста, куда нельзя попасть. То на неоглядныя пространства тянутся топкія болота, то сыпучіе пески, или густые непроходимые лѣса.

А все-же, въ наше время, мы больше знаемъ про землю, чѣмъ въ прежнія, древнія времена.

Въ наше время, навѣрное, ужъ если мы не знаемъ какой-нибудь части земли, такъ значитъ туда попасть совсѣмъ нельзя, или очень трудно. Да и не знаемъ мы, надо полагать, немногаго: развѣ какихъ нибудь острововъ, или незначительныхъ частей земли.

Въ древнія времена такъ и вовсе про землю мало знали.

А отчего это? Да все оттого, что гораздо больше половины свѣта Божьяго занято водой. Чтобы куда-нибудь попасть, да новыя земли найти, надо пуститься въ открытое море, и плыть по морю не день, не два, а цѣлые мѣсяцы, цѣлые годы!...

Чего, чего только не извѣдаешь, какихъ бѣдъ не испытаешь. Не даромъ-же говорятъ: „кто въ морѣ не бывалъ, тотъ горя не видалъ!“

Въ прежнее время люди въ мореходномъ дѣлѣ гораздо меньше понимали, чѣмъ мы теперь, и кораблей такихъ строить не умѣли, а не извѣдавши дѣла морскаго, много опасности и страха отъ моря ждали; ко всему этому и путей не умѣли въ морѣ отыскивать, а потому, ужъ если кто посмѣлѣй, да пустится,

бывало, въ плаваніе, такъ очень далеко отъ берега и не идетъ: все держится около береговъ, чтобы не потерять ихъ изъ виду.

Но удалось выдумать инструментъ, который много помогъ мореходству; называется онъ компасомъ. Состоитъ онъ изъ стрѣлки, сдѣланной изъ стали. Стрѣлка эта насаживается совершенно свободно на острый шпинекъ, который находится по серединѣ круглой мѣдной коробки со стеклянною крышкою. На днѣ коробки находится изображеніе сторонъ свѣта.

Главное дѣло состоитъ въ томъ, что стрѣлка компаса не простая, а магнитная, то есть такая, что какъ ее ни толкни, она покачается, покачается и станетъ, и притомъ однимъ концомъ своимъ будетъ указывать полуденную сторону, а другимъ полуночную, а затѣмъ легко уже и самому узнать стороны солнечнаго восхода и заката.

Съ такимъ приборомъ корабль смѣло можетъ удаляться отъ береговъ; нужно только замѣтить, въ какую сторону поплылъ онъ отъ нихъ, положимъ въ ту, откуда солнце выходитъ; а если послѣ путешествія пожелаешь воротиться къ тому-же берегу, то направляй корабль въ обратную, а гдѣ сторона эта находится,— укажетъ компасъ.

Придумавши такой инструментъ, компасъ, люди стали смѣлѣе все дальше и дальше отплывать отъ береговъ въ открытое море. Въ это-же время и корабли стали лучше строить, пригоднѣе для далекихъ путешествій, и моряковъ стало больше являться; стали они переплывать цѣлые океаны, да открывать, невѣдомыя еще тогда, большія земли; однимъ словомъ, стали дѣлать тогда большія и важныя открытія.

Прежде люди только и знали, что три большія части земли, которыя называются частями свѣта: Азію, Африку и Европу. Азію знали потому, что тамъ жили первыя человѣческія племена, Европу и Африку потому, что въ нихъ можно было попасть изъ Азіи сухимъ путемъ. Да и то знали эти части свѣта не сполна, а о существованіи другихъ и не помышляли.

А теперь, какъ посравнишь то, что мы про землю знаемъ, съ тѣмъ, что про нее знали въ древности, такъ увидишь, что мы не въ примѣръ больше знаемъ про свѣтъ Божій, про землю нашу, чѣмъ знали про нее люди въ старыя времена.

Прежде, давнымъ давно, не только люди темные, но и сами ученые не знали какого вида земля, да и какъ знать то было, когда ее и въ половину не объѣздили. А между тѣмъ хотѣлось очень до-

гадаться, какой она имѣетъ видъ. Вотъ и стали различныя басни выдумывать. Говорили, что свѣтъ Божій на трехъ китахъ стоитъ; говорили, что вся земля какъ большой, пребольшой островъ лежитъ среди моря и невидать конца морю этому; про твердь небесную говорили, что она хрустальная и покрываетъ твердую землю, какъ крыша, упиралась на нее; говорили, что для поддержки свода небеснаго предназначены высочайшія горы на землѣ.

Во время кругосвѣтныхъ путешествій и въ другія морскія плаванія, моряками было замѣчено на морѣ такое явленіе: когда случается подплывать къ берегу, на которомъ находятся высокія постройки, напримѣръ церкви, башни или высокіе дома, то еще издали можно завидѣть верхушки этихъ высокихъ построекъ, затѣмъ, подъѣзжая все ближе и ближе къ берегу, можно различить уже и среднія ихъ части и наконецъ, приблизившись еще, передъ глазами показывается весь берегъ со всѣмъ, что на немъ находится. Людямъ-же, стоящимъ на берегу, приближающіеся корабли тоже не сразу бываютъ видны, а прежде всего показываются верхушки мачтъ, далѣе мачты виднѣются съ парусами все явственнѣе, и все большая и большая ихъ часть открывается глазамъ стоящихъ на берегу людей и наконецъ уже весь корабль становится видѣнъ съ берега.

На оборотъ, когда путешественники покидали берега родной земли и отплывали въ море, то, оглядываясь назадъ, они долго могли видѣть свой родной городъ, который по мѣрѣ ихъ удаленія, какъ будто, тонулъ въ морѣ, все исчезалъ изъ глазъ и притомъ исчезалъ постепенно, начиная съ основанія; пропадала значитъ, сначала земля, на которой стоитъ городъ, а дольше всего оставались видны высокія зданія, затѣмъ только ихъ верхушки, наконецъ и онѣ скрывались изъ виду и передъ глазами мореплавателей оставалось только море да небо. Также и оставшимся на берегу людямъ, которые, можетъ быть, проводили кого нибудь близкаго въ дальній путь и слѣдили теперь глазами за уходящимъ кораблемъ, пришлось прежде всего терять изъ виду основаніе корабля, затѣмъ среднюю его часть, а мачты и особенно верхушки ихъ долго, долго виднѣлись на синемъ морѣ; наконецъ и онѣ пропадали.

Отчего-же происходитъ такое явленіе?

Прежде чѣмъ отвѣтить на это, должно сказать, что подобное явленіе замѣчается не только на морѣ, но и на твердой землѣ, что уже навѣрное каждый могъ примѣтить. Подходишь, напри-

мѣръ, къ селу или къ городу и издали уже примѣчаешь кресты на церквахъ, крыши самыхъ высокихъ зданій и верхушки высокихъ деревьевъ. Значитъ, видишь только верхнія части предметовъ, а не видишь ничего заразъ, сверху до низу: ни колокольни, ни дома, ни дерева.

Чѣмъ ближе станешь подходить, тѣмъ большая и большая часть ихъ станетъ показываться и только на близкомъ разстояніи увидишь ихъ совсѣмъ, сверху до низу.

Вотъ это явленіе на твердой землѣ давнымъ давно люди примѣчали, да никакой цѣны не придавали ему; думали, что если нельзя сразу видѣть цѣлаго села или города, а только по немногу, постепенно, начиная съ верхнихъ частей его, значитъ, земля въ этомъ мѣстѣ неровная, что-нибудь глазу мѣшаетъ, пригорокъ или возвышеніе земли въ этомъ мѣстѣ закрываетъ отъ глазъ нижнія части домовъ.

Ну, а ужъ какъ на морѣ замѣтили, то-же явленіе, тутъ ужъ и раздумье взяло: отчего такъ бываетъ?

На морѣ вѣдь горъ нѣтъ, иной разъ, въ тихую погоду вода, какъ зеркало, ужъ ровнѣй ея ничего себѣ не представишь и оглядъ въ открытомъ морѣ, гдѣ ничего не видно кромѣ воды да неба, можетъ быть во всѣ стороны верстъ на сорокъ; а взберешься на мачту, увидишь еще дальше, оглядъ станетъ шире во всѣ стороны, да еще если въ ясный день, казалось-бы никакого нѣтъ препятствія, а все-же сразу никогда не увидишь цѣлаго предмета съ какой стороны не подходи.

Отчего это происходитъ?

А оттого, говорятъ ученые люди, что земля, если ее взять цѣликомъ, подобна шару и что она, какъ и всякое другое такого вида тѣло, напримѣръ, яблоко, апельсинъ или мячъ, имѣетъ со всѣхъ сторонъ круглоту или выпуклость и выпуклость эта на всякомъ мѣстѣ одинаковая. Выпуклость эта всегда и помѣщается между нами и тѣмъ, что мы издали видимъ, она и заслоняетъ намъ нижнія части города, къ которому мы приближаемся, или мѣшаетъ намъ видѣть нижнія части корабля или парохода, который къ намъ приближается.

Земля, значитъ, съ виду подобна шару, который во всякомъ мѣстѣ имѣетъ одинаковую круглоту или выпуклость, а не плоская, какъ прежде полагали.

На земномъ шарѣ большая часть занята водой, на которой замѣчаются большія части суши, называемыя частями свѣта.

Шаръ земной такъ великъ, что и представить себѣ въ умѣ такой громадной величины шаръ трудно. Такъ что если-бы человѣкъ пошелъ вокругъ свѣта пѣшкомъ, не обращая вниманія на попадающіяся по дорогѣ рѣки, озера и моря, и шелъ-бы не останавливаясь и день, и ночь, проходя въ каждый часъ по пяти верстъ, то онъ обошелъ-бы шаръ земной и вернулся на прежнее мѣсто черезъ 315 сутотъ. Короче говоря, если земной шаръ опоясать по самой серединѣ, то поясъ вышелъ-бы почти 40.000 верстъ (37.800 верстъ или 5.400 миль).

Если-бы земля была плоская, какъ она намъ кажется и какъ въ старые годы всѣ думали, и небо на самомъ дѣлѣ упиралось-бы на нее своими краями, подобно куполу церковному или сводчатому потолку, какъ это тоже представляется нашимъ глазамъ, то непремѣнно можно было-бы когда нибудь дойти до такого мѣста, гдѣ небо сходится съ землею, и дальше котораго идти невозможно. А между тѣмъ сколько людей исходили всю землю, въ какихъ только мѣстахъ ни перебывали, въ какихъ токько моряхъ ни переплавали и никогда не доходили до такого мѣста, гдѣ небо сходится съ землею, а все имъ казалось, что они идутъ или ѣдутъ среди круга, на который опирается сводъ небесный и конца этому кругу никто изъ людей не нашелъ.

Что-же изъ этого слѣдуетъ?

А слѣдуетъ вотъ что: небо находится вездѣ, и гдѣ бы люди ни жили, куда бы они ни попадали, вездѣ видятъ небо надъ своей головой; небо, значитъ, ни гдѣ не касается ни земли, ни воды, и земля, значитъ, не плоская, какъ намъ кажется, а круглая, подобно шару.

И если-бы небо краями своими касалось земли, то, идя, все прямо, къ его краю, наконецъ и идти дальше нельзя будетъ. Ну, а такъ-ли это бываетъ? Ясное дѣло, что не такъ: расхаживай сколько хочешь и куда хочешь, а этого не случится, какъ уже было сказано.

Да еще сколько-бы мы не подвигалися впередъ и въ какую угодно сторону, все надъ нашей головой будетъ самая высокая точка неба, и кажется, что мы все стоимъ въ самой серединѣ небеснаго круга, въ серединѣ всего огляда. Только черта, то есть край, гдѣ, какъ кажется, небо смыкается съ землей, подвинулся, и онъ постоянно будетъ подвигаться вмѣстѣ съ нами, куда-бы мы не пошли. Пойдемъ впередъ и онъ впередъ подвигается, а пройдя впередъ верстъ десять, положимъ, увидимъ то, чего

прежде не видѣли; оглянемся назадъ — не увидимъ того, что прежде видѣли.

И такъ, значитъ, нѣтъ надъ нами свода, который-бы кралми своими упирался о землю, а все это только намъ такъ кажется; и земля, значитъ, не плоская и ровная, а подобна шару, плоскою-же она только кажется.

Н. Медеръ.

Въ Кузницѣ.

Падаетъ молотъ тяжелый,
Брызжетъ желѣзо огнемъ,
Въ кузницѣ съ пѣсней веселой,
Плугъ мы на славу куемъ.
Выйдешь ты крѣпокъ изъ горна,
Землю ты взросишь могучъ,
Въ землю схоронятся зерна,
Прыснетъ ихъ ливень изъ тучъ.
Встанетъ зеленая нива —
Сладокъ ей потъ трудовой...
Лѣтомъ колосья лѣниво
Вѣтеръ погонитъ волной...
Золотомъ чистымъ по полю
Лягутъ подъ острымъ серпомъ.
Вырвется пѣсня на волю
Какъ изъ желѣза огнемъ...
Падаетъ молотъ проворно;
Крѣпче! — не будетъ грѣха!...
Мечется пламя изъ горна,
Дышатъ и свищутъ мѣха.

Немировичъ-Данченко.

Солдатское пиво.

Корнѣй Ивановъ справлялъ свадьбу своего сына. Корнѣй былъ мужичекъ съ деньгой. Сынъ у него одинъ, дѣтей больше не было. Гостей на свадьбу собралось много. Стоитъ пиръ горой: пива-меду вдоволь, виномъ хоть залейся.

Гости и не зѣвали: еще далеко было до вечера, а ужъ многіе совсѣмъ осовѣли и начинали болтать непзвѣстныя рѣчи. Иные пили и цѣловались, другіе говорили другъ другу оба вдругъ, третьи только сопѣли. Но были и такіе, что, какъ говорится, ни въ одномъ глазку,—находились въ своемъ видѣ.

Въ красномъ углу, по просьбѣ Корнѣя, помѣстился пожилой человѣкъ, попураго и строгаго вида, въ синемъ кафтанѣ, подпоясанъ чернымъ кушакомъ. Хозяинъ очень подчивалъ его, хозяйка подносила то пива, то меду, бабы все придвигались поближе къ столу. Понурый человѣкъ этотъ былъ прежде мельникомъ, а теперь, говорятъ люди, ничѣмъ такимъ трудовымъ не занимается, а живетъ въ деревенькѣ „Жабій смугъ“ хорошо и, слышно, большія деньги имѣетъ. Прозывается онъ Антропъ Антипычъ, знахарь и колдунъ такой, что на сто верстъ кругомъ, не то что бабы, а и всѣ ребятишки знаютъ его.

А ужъ гдѣ свадьба—тамъ безъ Антипыча и пиру быть не можетъ: не позови-ко его съ поклономъ на пиръ свадебный—ну, такъ и плачь потомъ. И кони-то подъ молодыми перебѣсятся, и тѣсто изъ квашни уйдетъ—пиръ безъ пирога будетъ; и подъ вѣнцомъ молодая заслабѣетъ, а молодой икать почнетъ, а послѣ вѣнца еще хуже что нибудь такое станется—и грѣхъ и смѣхъ выйдетъ. Словомъ, безъ Антипыча—пиръ не въ пиръ, свадьба не въ свадьбу.

Вотъ затѣмъ-то Корнѣй его и подчивалъ, и Корнѣиха утыкивала; а бабье все поближе къ нему жалося: не скажетъ-ли Антипычъ чего-нибудь диковиннаго. Такъ и вышло: Антипычъ сказалъ немного, да закорючисто. Одна чернявая бабенка, гостья изъ дальней деревни, спросила его:

— А скажи ты, родненькой, правда-ль люди баютъ, что на Подберезьѣ Данилка, что вотъ Аксюшу Ѳедькину взялъ, пропалъ безъ вѣсти?

— Пропалъ? сурово сказалъ Антипычъ, и помолчавши примолвилъ: да не совсѣмъ; пусть побѣгаетъ!

— Ахъ-ти Господи! такъ неужто-жъ это онъ? Знахарь ничего не отвѣтилъ на это и отвернулся. Бабы зашушукали промежъ собой и чернявая разсказала полушопотомъ, что около Подберезья показался волкъ, и что ночь, то противъ полосы Данилковой сидитъ и воетъ на мѣсяцъ. Всѣ бабы заахали, головами покачивали, руками всплескивали. Всѣ толковали объ оборотнѣ.

Нѣсколько мужиковъ, кто потрезвѣе, тоже присунулись къ столу. Антипычъ сталъ разсказывать имъ что-то очень любопытное и, должно быть, страшное: всѣ слушали робѣючи. Одинъ только человѣкъ, хоть и не безъ робости, но глядѣлъ на знахаря съ злобной усмѣшкой, и когда Антипычъ сказалъ громко про кого-то:

— Ну, ужъ будетъ онъ помнить меня!

— Врешь! раздалось изъ угла избы.

Всѣ оглянулись туда! Гусь сидѣлъ опустившись, злостно и не безъ трусости улыбаючись, глядѣлъ въ землю. Гусь былъ ужъ порядочно хмѣленъ, носъ у него какъ спѣлая вишня—покраснѣлъ до синевы, чуть не лопнетъ, кажется. Съ минутку всѣ попримолкли и дьячекъ опять началъ въ тихомолку бесѣду съ пасѣчникомъ. Антипычъ покосился на дьячка, крякнулъ и продолжалъ свою рѣчь. Всѣ слушали его очень внимательно.

Вдругъ подъ окномъ кто-то закричалъ:

— Господинъ десятскій!

— О-го! отозвался въ углу избы десятскій, приподнялся было съ лавки, да опять шлепнулся на нее.

— Что надо? спросилъ, отсунувъ окно, хозяинъ.

Прохожій солдатъ просился отдохнуть съ походу и затѣмъ искалъ десятскаго.

— Милости просимъ: будьте гостемъ! Корнѣй пригласилъ прохожаго къ себѣ. Вошелъ въ избу пожилой усачъ, перекрестился на образъ и пожелалъ всѣмъ здравія.

Хозяйка поднесла ему чарку и объявила, что вотъ у нихъ пиръ свадебный. Солдатъ поздравилъ кого слѣдуетъ, выпилъ и поблагодарилъ хозяевъ. Снялъ онъ ранецъ и скромно сталъ у печи. Дьячекъ Гусь подвинулся на коникѣ и пригласилъ кавалера присѣсть. Скоро они познакомились и Гусь уже разсказывалъ всѣ свои бѣды, обращаясь къ кавалеру.

Такъ они калякали между собой, солдатъ вынулъ изъ-за галенища тавлинку, понюхалъ, поподчивалъ дьячка. Дьячекъ понюхалъ, восхваляя забористый табачокъ солдатскій; солдатъ поподчивалъ пасѣчника, но старикъ отказался, говоря, кто ходитъ за пчелами, тотъ не долженъ нюхать табаку, ибо пчела этого зелья не любитъ.

— Эва что! промолвилъ Гусь,—въ первый разъ слышу! Значитъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись, а помрешь дуракомъ! О Господи, Господи!...

И Гусь вздохнулъ.

Между тѣмъ Антипычъ за столомъ, въ красномъ углу, разводилъ свои лясы внимательно слушающимъ его собесѣдникамъ. Всѣ глядѣли ему въ глаза, мужички кивали бородой на каждое крѣпкое слово его; бабы ахали, охали и раскачивали головушками. А знахарь распустилъ курапты свои всѣмъ на удивленіе. Онъ говорилъ о неблагодарности человѣческой.

— Примѣрно сказать, заѣхалъ ко мнѣ писарь волостной, или старшина, или становой, или хоть другое лицо начальственное. Вѣдь я долженъ его принять, чествовать и чѣмъ могу одарить; ибо оное лицо не простое, и можетъ въ каждомъ случаѣ жизни твою жизнь тебѣ прекратить, то-есть даже довести человѣка до тюрьмы и хуже того. А коли такое лицо имѣетъ съ тобой дружественное обхожденіе и говоритъ тебѣ: ты меня не бойся, я къ тебѣ заѣхалъ не къ худу,—то понятное дѣло, что человѣкъ долженъ чувствовать благодарность, и одарить то лицо по чувствію своему и по своимъ средствіямъ. Ну, тоже-самое и каждый, такъ сказать, мудрый человѣкъ, значитъ, взысканъ Богомъ. И если человѣкъ сей можетъ тебѣ причинить порчу, напустить болѣсть или совсѣмъ волкомъ пустить, а не дѣлаетъ этого единственно по своему благодушію, такъ развѣ ты не долженъ чувствовать къ нему благодарности? развѣ ты скотъ безсловесный? Собака тебя не укуситъ, и ту ты погладишь за то,—а мудрый человѣкъ тебѣ зла не хочетъ, а еще, къ слову сказать, въ компаніи съ тобой пристоитъ. Какъ-же ты можешь, какъ смѣешь не чувствовать за то благодарности? Глупые тѣ люди, которые могутъ думать, что ихнее пустое добро, ихнія яйца, крупы, трубки холста и даже самыя деньги превышаютъ силу или мудрость человѣческую!...

Дьячекъ Гусь и прохожій солдатъ молча стали прислушиваться къ рѣчамъ этимъ, а Антипычъ сурово обозрѣлся кругомъ и, замѣвивъ страхъ на лицахъ бабъ, прибавилъ громко:

— Ну, а если я тебя кликушей пущу! что тогда будетъ, а?

— Господи спаси! бормотали бабы, робѣючи еще больше.

— Врешь! крикнулъ Гусь—и самъ струсилъ. Онъ скорѣе протянулъ персты къ кавалеру и попросилъ табачку. Солдатъ, улыбаючись, подставилъ ему тавлинку. Всѣ оглянулись на Гуся, но никто не молвилъ ни слова. Антипычъ нахмурился и даже не поглядѣлъ на дерзкаго дьячка, и понемногу опять началъ свои турусы.

— Что это за комендантъ такой у васъ? спросилъ солдатъ потихоньку у дьячка.

Гусь шопотомъ разсказалъ кавалеру объ Антипычѣ всю правду-матку.

— Это шельма: такой бѣдовый проходимецъ, что съ нимъ и не вяжись! Вретъ, пакоститъ, обираетъ народъ, а ты ему не смѣй и дорогу порейти: сейчасъ причинитъ зло! А все, что говоритъ—до единаго слова брехня!

— Отчего-жъ вы молчите? Его можно осадить сразу.

— Пробовано—нельзя! Силы настоящей не имѣется, а словесно его не доѣдешь никакимъ правиломъ, ни закономъ.

— Это отчего?

— Оттого, что будь самъ Соломонъ—словеса не дѣйствуютъ. Ты ему скажешь Божескую истину, супротивъ которой отвѣту нѣтъ,—а онъ тебѣ крошку хлѣба положитъ: на, говоритъ, съѣшь! потомъ и поглядимъ, какъ ты пѣтухомъ запоешь или волкомъ завоешь? Ну, кто-же знать можетъ, что есть въ оной крошкѣ? и возьметъ тебя страхъ! Уйдешь отъ врага; ибо сказано: отойди отъ зла и сотвори благо!

— Такъ-то такъ, сказалъ солдатъ,—а только не изъ чего быть тутъ страху. Этого пройдоху можно въ бараній рогъ свернуть!

— Отецъ, благодѣтель! возопилъ придушеннымъ голосомъ дьячекъ: сверни его въ бараній рогъ—рубля не пожалѣю! Окажи Божескую милость, уничтожь гнуснаго врага! по крайности—посрами его всенародно: буду поминать тебя съ родителями моими!

— Можно-съ! примолвилъ солдатъ и, спрятавъ за рукавъ тавлинку, всталъ и подошелъ къ столу.

Съ минутку глядѣлъ онъ, не сморгнувъ, на знахаря; но знахарь воротилъ морду въ сторону, какъ собака отъ палки и никакъ не хотѣлъ взглянуть въ глаза солдату.

— Имѣю къ вамъ слово, господинъ Антипычъ! проговорилъ твердо солдатъ.

Знахарь поглядѣлъ на него пристально.

— Что требуется, господинъ служивый!

— Да вотъ слушалъ я, какъ вы тутъ толковали о мудрости разной и о неблагодарности человѣческой...

— Ну, такъ что-жъ?

— А вотъ то-жъ: по моему разуму сдается мнѣ, что вы, не въ обиду вашей чести, а въ резонъ вашей милости сказать—все врали!

Знахаря передернуло маленько, однако онъ не сконфузился, а улыбнулся ѣдко и промычалъ:

— Вотъ какъ!

— А ужъ такъ! продолжалъ солдатъ, врали, какъ сивый меринъ. И слѣдуетъ вамъ передъ добрыми людьми признаться, что-молъ такъ и такъ: за вашу-же хлѣбъ-соль я вамъ, дескать, и набрехалъ, какъ собака.

Знахарь смутился-было; но все таки выдержалъ и, скрывая сердце, спросилъ солдата:

— Вишь ты какой мудрецъ! а коли по твоему выходитъ, что вралъ, такъ ты самъ скажи праведнѣе. По твоему-то какъ выйдетъ?

— Что тутъ толковать; по моему выходитъ тоже, что и по людски: коли Богъ далъ кому мудрость, такъ далъ не для того, чтобы мудростью людей пугать, да обирать простаковъ. А мудрость дается отъ Бога для того, чтобы помогать бѣднымъ и темнымъ людямъ, и страшнаго въ ней ничего нѣтъ, вотъ что.

— Истинно такъ! воскликнулъ Гусь и, ставъ позади солдата, вытаращилъ глаза на Антипыча.

Бабы только вздыхали, какъ придавленныя. Гости смотрѣли во всѣ глаза на спорящихъ мудрецовъ.

— Эва какъ! сказалъ знахарь, и осклабился на солдата: такъ ты ничего, значитъ, не боишься? И онъ глядѣлъ на него, не сморгнувъ, и все усмѣхался сатанинской усмѣшкой.

— Какъ не бояться! отвѣтилъ солдатъ: боюсь, да не мудрости, а глупости человѣческой; а что касается мошенничества, такъ, братецъ ты мой, хоть ты и мудрецъ, одначе мы и сами съ усами, только носъ не оросъ!...

— Не-ча сказать—рѣчистъ, да разумомъ не чистъ! промолвилъ знахарь: что съ тобой толковать, а лучше вотъ что... Говоря это знахарь окинулъ глазами столъ и налилъ изъ ендовы порядочную кружку пива. Пошепталъ онъ надъ кружкой, сплюнулъ направо и налѣво—и поставилъ ее передъ солдатомъ:

— Ты, братъ служивый, хорошо поешь, да не знамо, гдѣ сядешь; а вотъ возьми-ко выпей это, коли ничего не боишься.

Господи Іисусе Христе! послышался бабій шопотъ. Вотъ страсти то: толковали люди въ полголоса. Кормилецъ Антропъ Антипычъ! взмолился хозяинъ—пожалѣй ты насъ, не губи казенную душу: со становымъ не раздѣлаешься!

— А что? сказалъ знахарь и избоченился очень важно. Али храбрость въ пятки ушла!

— Нѣтъ еще, на своемъ мѣстѣ! отвѣтилъ солдатъ, перекрестился, взялъ кружку и, расправивши усы, началъ пить...

— Помоги ему—Мать, Пресвятая Богородица! Николай чудотворецъ, выручи! пособите всѣ угодники! шептали гости. Солдатъ пилъ, не переводя духа, только кадыкъ игралъ у него на вытянутой глоткѣ и отзывался за каждымъ глоткомъ, какъ отзывается у здороваго коня на рыси исправная селезенка.

Перекувырнувъ подъ носомъ кружку, солдатъ крякнулъ и поставилъ ее на столъ.

— Аминь! произнесъ не безъ трепета Гусь и вздохнулъ глубоко.

Знахарь глядѣлъ свирѣпо, усмѣхаясь.

— А ну-ко, что теперь чувствуешь? спросилъ онъ таинственно солдата. Всѣ глядѣли въ глубокомъ молчаніи.

— А то чувствую, отвѣтилъ солдатъ: что при людяхъ, да еще за хлѣбомъ-солью и сказать не приходится.

— Ну, служивый, не взыщи, коли началъ походъ на двухъ ногахъ, а кончишь на четырехъ—самъ напросился. Теперь ступай дальше! сказалъ знахарь, отвернулся и рукой махнулъ.

— Нѣтъ, пожди, дражайшій? возразилъ солдатъ: сперва сдѣлай честь—расквитайся! И взявши ендову съ пивомъ, сталъ солдатъ наливать кружку. Наливаетъ онъ, а самъ приговариваетъ: глянь-ко, хозяйка, въ окошко, сѣло ли солнышко, не увидѣло-бы ясное большой пакости, что станется надъ мудрецомъ Антропомъ Антипычемъ!

Разумѣется всѣ невольно глянули въ окно, а солдатъ тѣмъ часомъ проворно высыпалъ въ кружку весь табакъ изъ своей тавлинки и сдѣлалъ это такъ ловко, что никто не замѣтилъ.

— Ну-ко, мудрецъ, въ темя не битый! выкушай во здравіе, и ужъ не взыщи, что началъ ты пузо отращивать, а теперь пришлось ему лопнуть! Шептать я на пиво не стану, и плеваться мнѣ не надобно, а вотъ только позволь дунуть—по пиву рябь пустить, да солдатскимъ духомъ заправить его! И онъ дунулъ на кружку. По пиву дѣйствительно рябь прошла и должно-быть заправилось оно солдатскимъ духомъ.

— Ну, теперь пей!

— А думаешь—нѣтъ? страшно небось! спросилъ, ухмыляючись, знахарь.

— Пей, не робѣй, пока не лопнешь: твоя черед!

Гусь разставилъ руки, разинулъ ротъ и не безъ ужаса поглядывалъ то на знахаря, то въ затылокъ солдату. Всѣ, кажись, и дышать перестали.

— Гмъ! мыкнулъ знахарь и принужденно зѣвнулъ, потягиваясь: нешто не охота пить-то!

— Ну, ужъ извини, мудрецъ! понатужиться можешь, а выпить надо; ибо хозяинъ нашъ радъ гостямъ, а и насъ не обидѣлъ Господь угостительными средствіями. Солдатъ при этомъ положилъ на столъ свой тяжелый кулакъ.

— Выпить надо!

Всѣ глядятъ. И знахарь глядитъ. Стоитъ на столѣ кружка пива полная, ужъ на пивѣ и рябь прошла. Лежитъ при кружкѣ здоровый кулакъ: темный, какъ прикладъ ружья казеннаго; а косточки въ немъ изъ желта бѣлѣются, точно желтой мѣдью оправленъ кулакъ, да еще и перевязанъ для крѣпости жилами, какъ веревками, а каждая жилка играетъ.

Знахарь живо сообразилъ, что лучше выпить пиво. Но онъ не показалъ ни малѣйшей робости: куда тебѣ, взялъ кружку, улыбнулся, да и говоритъ съ насмѣшечкой:

— Такъ, небось, лопну!

— А не хошь лопнуть, такъ разорветъ не-хотя! отвѣтилъ солдатъ и поигралъ кулакомъ по столу.

Знахарь покачалъ головой и сказавши:

— Эхъ ты, хвастливъ не по силѣ! началъ пить.

— А вотъ увидимъ! промолвилъ солдатъ.

Пьетъ знахарь. И у него каждый глотокъ слышенъ, хоть кадыка за бородой не видать, какъ онъ играетъ тамъ. Глядятъ люди, не переводя духу. У знахаря въ глоткѣ глотокъ пріостановился: видно отдыхаетъ... Опять заиграло, пьетъ. Вотъ икнулось ему: вдохнулъ, опять пьетъ. Опять икнулъ въ кружку, лобъ побѣлѣлъ у него...

Сопитъ и не пьетъ.

— А что? спросилъ солдатъ.

— Ничево! буркнулъ знахарь въ кружку и опять пьетъ. Однако на лбу показались двѣ крупныя капли поту, знахарь вынулъ носъ изъ кружки. Отдувается и пыхтитъ.

— Не могу больше! промолвилъ, тряхнувъ головой.

— Врешь, пей! крикнулъ солдатъ и пошевелилъ свой кулакъ на столѣ.

Зиркнулъ знахарь на столъ и сунулъ скорѣй носъ въ кружку. Кадыкъ заигралъ неровно, съ разстановкой: заиграло и пузо знахарево, пробурлило вдругъ, красные глаза прослезились... Остановился совсѣмъ.

— Пей! крикнулъ солдатъ.

Сдѣлалъ знахарь два глотка—и чихнулъ въ кружкѣ, пиво плеснуло ему въ бороду и усы.

— Хоть ты себѣ што хошь—не могу! возопилъ онъ, пересталъ пить и поднялъ оплесканную образину.

— Пей, мошенникъ! крикнулъ солдатъ и треснулъ по столу кулакомъ, такъ что знахарь чуть не влѣзъ весь въ кружку. Но проглотить ужъ ничего не могъ.

Попробовалъ онъ еще поспорить съ солдатомъ; да ты здѣсь что за камандеръ? и глянулъ на людей!—но всѣ въ страхѣ молчали. Гусь крякнулъ для храбрости.

— Пей! крикнулъ солдатъ—и взвылъ мудрецъ:—

— Ой, пощади! отецъ, не погуби! не казни—дай покаяться.

— Ну, ладно! такъ сей-же часъ кайся, старый воръ!

— Охъ, отецъ родной, покаюсь! только не неволь ты меня—вся душенька изъ меня вонъ просится.

— Ну, объявляй, во-первыхъ, что ты все вралъ; такъ и признавайся: я-молъ, добрые люди, все вралъ!

— Какъ-же это, самъ посуди, благодѣтель! началъ было знахарь, но солдатъ грозно крикнулъ ему:

— Ну, такъ пей!

Знахарь поторопился признаться:

— Вралъ, добрые люди, все до слова вралъ! то-есть хуже собаки брехалъ! только ты ужъ, родненькой, отъ пива-то избавь меня: охъ, животики мои надрываются!

Знахаря видимо мутило; гости глядѣли съ любопытствомъ и страхомъ; самъ Гусь оробѣлъ, глядя на солдата, а солдатъ продолжалъ допросъ:

— Объявляй, что ты не можешь ни свадьбы испортить, ни кликушей бабу сдѣлать, ни оборотнемъ человѣка пустить—что все это вздоръ.

— Вздоръ, вздоръ! не могу, ей Богу, не могу!

— Объяви, что всѣ твои пашептыванія, приплевыванія и наговоры—морокъ людской, больше ничего!

— Ничего, съ мѣста не сойдти, больше ничего! одинъ то есть морокъ!

— Говори—состоялъ ли въ стачкѣ и дружбѣ съ разными ворами и конокрадами? вѣдь потому только ты и отгадывалъ о покражахъ,—ну!

— Ужъ это, прости ты меня, кормилецъ ты мой, не могу же сказать...

— Ну, такъ пей, твердо сказалъ солдатъ, подвигая къ нему кружку, но знахарь подхватилъ скорѣй:

— То есть былъ грѣхъ, какъ не знать ихъ воровъ-подлецовъ,—ужъ что-жъ, ужъ грѣшенъ, признаюсь...

— Ну, и никакихъ травъ и лекарствъ пользительныхъ не знаешь, а лечишь обманомъ?

— То есть не то, чтобы... началъ было знахарь оправданіе, но, встрѣтивъ грозный взглядъ солдата, прямо ляпнулъ: то есть гдѣ намъ, дуракамъ, знать—ни синя пороху не знаю; одинъ обманъ и больше ничего!

— Ну значитъ, ты кругомъ мошенникъ!

— Охъ, золотой ты мой, мутитъ же меня! не могу, не могу...

Солдатъ взялся за кружку, а знахарь завопилъ:

— Мошенникъ, мошенникъ! весь какъ есть мошенникъ! и рванулся расталкивая народъ къ двери.

На дворѣ онъ, схватившись за верею, остановился.

Его совсѣмъ раскачало; табачище подѣйствовалъ, какъ слѣдуетъ: пустило тошноту по всему животу.

Народъ словно столбнякомъ сталъ, всѣ молчатъ съ дива и съ робости. Солдатъ поднялъ свой ранецъ, вскинулъ его на плечи, взялъ шапку и обратился къ хозяину съ такой рѣчью:

— Ну-съ, покорно благодарю за угощеніе! теперь вы и всѣ честные гости ваши видите—чай, что за птица вашъ колдунъ и знахарь: обманщикъ больше ничего, самъ онъ признался. А теперь моя череда: и я признаюсь, что и я его обманулъ для того, чтобы вывести мошенника на чистую воду.

Солдатъ подошелъ къ столу, взялъ бережно кружку, недопитую знахаремъ, слилъ въ миску пиво и вытряхнулъ изъ кружки осѣвшую табачную гущу.

— Вотъ извольте смотрѣть, сказалъ онъ: на два гроша убытку понесъ—всю тавлинку сюда высыпалъ. Не взыщите на малости!

Вотъ благодѣтель-то! воскликнулъ Гусь, всплеснувъ руками, и разразился смѣхомъ: капиталу не пожалѣлъ, а мошенника уличилъ! Вотъ спасибо! и онъ хохоталъ во все горло, придерживаясь за бока.

Но люди все еще недовѣрчиво глядѣли на солдата: бабы не хотѣли повѣрить, чтобы служивый самъ не былъ знахарь первой руки.

Однако сперва одинъ, потомъ другой и третій изъ гостей понюхали табачную гущу, а кто и на язычекъ отвѣдалъ и, отплевываясь, расхохотались вмѣстѣ съ дьячкомъ. А дьячекъ и себя не помнилъ на радостяхъ, что вотъ-де наконецъ-таки нашелся богатырь и доѣхалъ лютаго врага его.

— Вотъ-де и знахарь! толковали гости: пропалъ ни за понюшку табаку! А бабы все еще перешептывались: нешто тутъ не то, а нешто другое есть! ой, мать моя, не спроста все это!

Знахарь знахарю—рознь! сказалъ солдатъ: настоящій человѣкъ знающій волшебникомъ не прикидывается, а дѣйствуетъ открыто. А вашъ знахарь—мошенникъ; ну, такъ пусть помнитъ „солдатское пиво!“ Прощайте, господа, счастливо оставаться.

Всѣ распрощались съ солдатомъ, благодарили его за то, что проучилъ лиходѣя. Хозяева проводили его до воротъ, а Гусь захотѣлъ непремѣнно проводить еще дальше.

Проходя черезъ дворъ, они увидѣли Антипыча подъ изгородью; сунулся онъ головой въ крапиву и не то охалъ, не то просто хрюкалъ.

— Ужъ дайте ему молочка тепленькаго—пусть оправится!. попросилъ солдатъ хозяевъ и распрощался съ ними.

— Сдѣлайте мнѣ такую великолѣпную честь, господинъ кавалеръ, откушайте у меня съ медкомъ чашку безгрѣшнаго? просилъ Гусь кавалера.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! отвѣтилъ кавалеръ.

И Гусь снялъ шапку и обнялъ кавалера, говоря:

— Ибо чувствую внезапное почтеніе и робкую радость при видѣ человѣка разумнаго и храбраго!

И они повернули на право, то есть къ Гусю.

А. Погосскій.

Отчего бываетъ день и ночь.

Изъ всѣхъ тѣлъ небесныхъ, которыя размѣщены въ неизмѣримомъ пространствѣ, кромѣ земнаго шара, какъ жилища нашего,

для насъ самое дорогое, самое важное—солнце; оно даетъ намъ и свѣтъ, и теплоту, которые такъ необходимы и растеніямъ, и животнымъ и безъ которыхъ и самъ человѣкъ не могъ-бы существовать на землѣ. Оттого-то солнцу въ древнія времена нѣкоторые народы поклонялись, какъ Богу, и нѣтъ въ цѣломъ мірѣ человѣка, который-бы не зналъ солнца, который-бы не любилъ его и который-бы не понималъ, что отъ него зависитъ и свѣтъ, и теплота.

Каждому извѣстно также, что ночь не сразу замѣняется днемъ, а прежде появляется утренняя заря, также и день постепенно переходитъ въ ночь. Кто нѣсколько разъ видѣлъ восходъ и закатъ солнца въ какомъ нибудь мѣстѣ, тотъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что оно восходитъ всегда въ одной и той-же сторонѣ, а заходитъ всегда въ сторонѣ противоположной. Сторону, откуда восходитъ солнце, поэтому и называютъ стороной восхода солнечнаго или востокомъ, а ту, гдѣ солнце заходитъ или западаетъ, стороной солнечнаго заката или западомъ.

Съ самаго ранняго утра, какъ только солнце появится съ востока на небесномъ сводѣ, оно становится намъ видимо въ теченіе цѣлаго дня и во все это время солнце представляется намъ огненно-золотистымъ шаромъ, который какъ-бы катится или плыветъ по небесному своду, направляясь сначала все кверху и дойдя до извѣстнаго мѣста на небесномъ сводѣ, опускается книзу, къ западу, гдѣ оно какъ-бы закатывается, скрывается отъ нашихъ глазъ.

Если-бы солнце, двигаясь по небесному своду, оставляло слѣдъ, то видимый нами путь его обозначился-бы на востокѣ и на западѣ, а середина дуги пришлась-бы высоко на небѣ и нѣсколько склонившись въ полуденную сторону или къ югу.

Двигаясь постоянно одинаково скоро, солнце для того, чтобы подняться по небесному своду до самой высокой точки, должно употребить столько-же времени, сколько ему нужно для того, чтобы отъ этого мѣста спуститься до точки запада. Стало быть, когда солнце дойдетъ до самой высокой точки на небѣ, половина дня уже прошла, отчего и время дня, когда солнце бываетъ выше всего на небѣ, называется полднемъ и сторона, къ которой въ это время склоняется солнце, называется поэтому полуденною стороною или югомъ. Такъ, напримѣръ, если солнце въ какой нибудь день взойдетъ въ 5 часовъ, то половину своего пути оно совершитъ до полудня, до 12 часовъ, въ теченіи 7 часовъ, стало

быть въ этотъ день солнце зайдетъ въ 7 часовъ вечера (по полудни).

Въ продолженіи цѣлаго дня, съ утра до вечера, солнце перемѣняетъ свое мѣсто на небѣ и всякому хорошо извѣстно, что чѣмъ ниже стоитъ солнце, тѣмъ меньше оно даетъ свѣта и теплоты, а чѣмъ выше, тѣмъ оно сильнѣе грѣетъ и такъ ярко свѣтитъ, что на него и взглянуть больно, тогда какъ утромъ и вечеромъ глаза безъ боли переносятъ солнечный свѣтъ. Выходитъ, что чѣмъ прямѣе, отвѣснѣе падаютъ на землю лучи, тѣмъ они даютъ больше свѣта и теплоты, а наоборотъ, чѣмъ косвеннѣе будутъ идти лучи, тѣмъ меньше.

Въ такомъ движеніи солнца по небесному своду съ востока на западъ въ древнія времена были убѣждены всѣ люди. Никто не хотѣлъ и подумать тогда о томъ, гдѣ находится солнце въ то время, когда мы его не видимъ? Какимъ образомъ солнце, закатившись съ одной стороны (на западѣ), переходитъ на другую, противоположную (на востокъ) для того, чтобы на слѣдующее утро снова выйти съ востока?

Ученые того времени тоже больше довѣряли своему глазу, а потому и по ихъ ученію выходило, что земной шаръ стоитъ неподвижно, а всѣ прочія тѣла небесныя обращаются вокругъ него съ востока на западъ въ теченіи сутокъ или 24 часовъ. Вмѣстѣ съ другими тѣлами небесными, слѣдовательно, обращалось вокругъ земнаго шара и солнце, освѣщая то одну, то другую его сторону и оставляя неосвѣщенной противоположную, такъ что на земномъ шарѣ въ однихъ мѣстахъ былъ день, въ другихъ— ночь. Совершая свой путь постоянно, солнце освѣщаетъ ту сторону, которая была до того времени не освѣщена, тамъ становится день, а въ той, которая была освѣщена до того времени солнцемъ, наступаетъ ночь. Такъ и выходило, что день и ночь постоянно чередовались, смѣняя другъ друга.

Проходили десятки, сотни лѣтъ, люди всѣ были твердо увѣрены въ справедливости такого ученія, по которому солнце въ 24 часа должно было обходить земной шаръ, чтобы доставлять намъ попеременно дни и ночи.

Въ это-же время многіе ученые, которые занимались наукою о тѣлахъ небесныхъ, изучали все, что могли наблюдать на небѣ при помощи особенныхъ подзорныхъ трубъ, сильно увеличивающихъ и дающихъ возможность разсмотрѣть то, что простыми глазами и видѣть невозможно. Многіе эти ученые, благодаря

своему труду и умѣнью, постепенно узнавали то, о чемъ прежде и не догадывались. Съ теченіемъ времени нѣкоторымъ изъ нихъ показалось страннымъ и невѣроятнымъ, чтобы солнце обходило землю, потому что какъ было доказано въ то время, оно несравненно больше земнаго шара.

Дѣйствительно, солнце представляется громадной величины шаромъ, такъ-что если-бы кто захотѣлъ сложить такой непостижимо великій шаръ, какъ солнце, изъ другихъ шаровъ, равныхъ по величинѣ нашей землѣ, то ихъ потребовалось-бы 1.200.000!

Разстояніе же отъ одной стороны солнца до другой черезъ самую середину его болѣе одного милліона верстъ. Если-бы можно было протянуть солнце насквозь прутомъ черезъ его середину, то прутъ былъ-бы такъ великъ, что на него можно было-бы нанизать сто такихъ шаровъ, какъ земля. А чтобы объѣхать солнце по самой его серединѣ вокругъ, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью и дѣлая по 40 верстъ въ часъ, то понадобилось-бы на это путешествіе около 12 лѣтъ.

Изъ этого, что сейчасъ было сказано, ясно, какъ непостижимо для насъ громаденъ, свѣтящійся и теплодающій шаръ, который мы называемъ солнцемъ?

И вдругъ такому свѣтилу, да еще вмѣстѣ съ другими тѣлами небесными, приходилось двигаться и обходить вокругъ земной шаръ! Почему же, думали тогда, если солнце и всѣ прочія тѣла небесныя двигаются, почему же одна земля остается спокойной, неподвижной? Вѣдь она такое же тѣло, какъ и другія тѣла небесныя. Словно солнце при своей громадности только и предназначено для того, чтобы обходить вокругъ земной шаръ, который противъ него чрезвычайно какъ малъ. Такъ, мы уже видѣли какое большое количество такихъ шаровъ, какъ земной шаръ, нужно для того, чтобы сложить одинъ такой величины, какъ солнце? Было говорено, что солнце можно было-бы объѣхать вокругъ въ 12 лѣтъ, тогда какъ земной шаръ, по тому же направленію, можно проѣхать всего въ 39 дней.

Наконецъ, чтобы еще лучше представить себѣ и понять, какъ земной шаръ, при своей величинѣ, малъ противъ солнца, для этого вообразимъ солнце сдѣланнымъ изъ дерева или изъ чего нибудь другаго шаромъ, который бы отъ одной стороны до другой черезъ самую середину имѣлъ одинъ аршинъ, тогда земной шаръ надо было бы представить величиной съ горошину.

Узнавши, какъ велико солнце само по себѣ, какъ при всей своей величинѣ, ничтоженъ противъ него шаръ земной, полагаю, что и намъ должно показаться удивительно страннымъ и просто неправдоподобнымъ, чтобы солнце двигалось вокругъ земнаго шара, а земной шаръ оставался неподвиженъ! Чтобы необъятно великое солнце со всѣми другими тѣлами небесными, обходя вокругъ землю и доставляя намъ день и ночь, было предназначено только для земнаго шара, который занимаетъ такое крошечное мѣсто во вселенной! Не удивительно-ли бы намъ показалось, что всѣ тѣла двигаются, а земля находится въ покоѣ? Не правильнѣе ли было бы предположить, что солнце стоитъ неподвижно, какъ бы въ срединѣ нашего міра, а земной шаръ вмѣстѣ съ другими тѣлами небесными, которыя всѣ гораздо меньше солнца, обходитъ это свѣтило?

Такія мысли естественно должны были находится въ умахъ ученыхъ людей, и они не разъ высказывали сомнѣніе о неподвижности земли, но сначала не могли подтвердить своихъ мыслей достаточными тому доказательствами.

Время шло, люди все больше и больше узнавали про земной шаръ, про солнце, про всю вселенную.—Много разъ приходилось испытать, что не всегда можно довѣряться тому, что кажется нашимъ глазамъ, и, наконецъ, мысль о томъ, что дѣйствительно-ли все такъ устроено во вселенной, какъ намъ кажется, или какъ о томъ было сообщаемо древними учеными,—мысль эта все болѣе и болѣе занимала ученыхъ людей. Казалось совсѣмъ невозможнымъ допустить, что земной шаръ всегда находится въ покоѣ, тогда какъ всѣ тѣла небесныя имѣютъ движеніе; казалось невозможнымъ допустить, что солнце со всѣми тѣлами небесными обходитъ вокругъ земной шаръ?!

Благодаря разнымъ наукамъ, тогда ученые еще подробнѣе и вѣрнѣе узнали про величину солнца и другихъ тѣлъ, къ тому же было тогда уже извѣстно и разстояніе солнца отъ земли, и хотя оно находится къ намъ гораздо ближе, чѣмъ всѣ звѣзды, которыми усыпанъ сводъ небесный, но все же оно по-истинѣ громадно, а именно: около 140 милліоновъ верстъ. Для того, чтобы проѣхать такое громадное разстояніе по желѣзной дорогѣ, дѣлая по 40 верстъ въ часъ, надо-бы употребить около 400 лѣтъ.—Такъ что если-бы существовала желѣзная дорога отъ земли къ солнцу, то поѣздъ съ быстротой 40 верстъ въ часъ, отошедшій отъ земли въ нынѣшнемъ 1889 году прибылъ-бы на

солнце не раньше 2281 года.—Чтобы лучше представить такое громадное разстояніе, вспомнимъ, что, воображая солнце деревяннымъ шаромъ въ одинъ аршинъ въ поперечникѣ, мы должны были представить землю величиною съ горошину; теперь же, чтобы представить какъ далеко находится земля отъ солнца, надо помѣстить эту горошину отъ деревяннаго шара на разстояніе 72 саженъ.

Зная разстояніе солнца отъ земли, надо сообразить, какой-же громадной величины долженъ быть путь солнца вокругъ земнаго шара, если-бы оно дѣйствительно обходило вокругъ него!

И путь этотъ, какъ прежде полагали, солнце должно было пройти въ сутки. Съ какой-же быстротой непостижимой должно двигаться громаднѣйшей величины солнце, чтобъ обойти вокругъ крошечный противъ него шаръ въ теченіи 24 часовъ! Ясное дѣло, что этого и быть не можетъ!

Если мы представимъ зажженную свѣчу или лампу и положимъ, что будемъ передъ ними держать какой нибудь шаръ, то лампа или свѣча освѣтитъ только половину его, другая-же половина останется неосвѣщенной. Такъ то и солнце освѣщаетъ своими лучами только половину земнаго шара, а другая половина его будетъ не освѣщена.—На первой тогда будетъ день, а на второй—ночь.

Если предположить, что и солнце, и земля не подвижны, то на одной сторонѣ, которая обращена къ солнцу, былъ-бы постоянно день, а на другой—ночь, а между тѣмъ этого не бываетъ, а день всегда смѣняется ночью и это замѣчается на всѣхъ мѣстахъ земнаго шара. Значитъ, или солнце, или земля должны двигаться.

Мы уже видѣли, что скорѣй можно допусть, что солнце стоитъ неподвижно, стало быть, земной шаръ долженъ имѣть движеніе, и дѣйствительно, понятно, что если земной шаръ поворачивается, подставляя подъ солнечныя лучи постепенно то одну, то другую сторону, то день всегда будетъ перемѣняться ночью, за которою снова послѣдуетъ день; за днемъ опять наступитъ ночь, ее снова смѣнитъ день и такъ дальше.

Все равно, какъ если мы будемъ вертѣть кругомъ себя шаръ, который держимъ передъ свѣчкой, тогда постепенно будетъ освѣщаться то одна, то другая его сторона.

И такъ земной шаръ движется какъ будто колесо на оси, только разумѣется, не надо думать, что черезъ него продѣта на

самомъ дѣлѣ какая-нибудь ось, такъ что лучше вращеніе земли сравнить съ вертящимся волчкомъ, или если взять мѣдный пятакъ, да, поставивъ его ребромъ, завертѣть; всматриваясь въ такой вертящійся пятакъ, такъ и кажется, что черезъ середину его проходитъ темная полоска, кругомъ которой онъ вертится.— Эту полоску и слѣдуетъ называть осью.

Мѣста, въ которыхъ земная ось выходила-бы на земную поверхность, если-бы она дѣйствительно существовала, называются полюсами.

Двигаясь кругомъ оси, земной шаръ дѣлаетъ полный оборотъ въ сутки или въ 24 часа. Въ это время шаръ земной освѣщается постепенно въ тѣхъ частяхъ, которыя подставляются подъ солнечные лучи и, такъ какъ лучи неподвижно стоящаго солнца всегда показываются съ востока, значитъ, земля повертывается именно въ эту сторону, то есть движется къ востоку отъ запада.

Во всякое время сутокъ непремѣнно будутъ какія нибудь мѣста находиться прямо подъ освѣщеніемъ солнца, значитъ, въ нихъ будетъ полдень, другія въ то время какъ-бы только подвертываются—тамъ будетъ утро, а въ тѣхъ, которыя какъ-бы отворачиваются, скрываются отъ солнца—вечеръ, совсѣмъ на противоположной сторонѣ—полночь. Оттого, напримѣръ, когда у насъ въ Петербургѣ, полдень, въ Москвѣ уже половина перваго, въ нѣкоторыхъ городахъ Сибири около 6 часовъ вечера, а въ нѣкоторыхъ городахъ Америки около 6 часовъ утра.

Странно, разумѣется, слышать о томъ, что солнце стоитъ на мѣстѣ, а земля движется отъ запада къ востоку, когда мы каждый день видимъ, что солнце движется отъ востока къ западу, а земля неподвижна.

Ясное дѣло, что когда солнце кажется движущимся, то это только обманъ глазъ, которому не слѣдуетъ вѣрить. Всякому случалось быть на пароходѣ, когда онъ идетъ вдоль рѣки; если смотрѣть въ это время на берегъ, то онъ какъ-бы бѣжитъ въ противоположную сторону. Тоже самое кажется, когда ѣдешь по желѣзной дорогѣ, причемъ все, что только можно видѣть изъ окна вагона, движется также въ противоположную сторону.

Ужъ если порой не можемъ замѣтить движенія парохода или вагона, а глазамъ тогда нашимъ представляется движущимся или берегъ рѣки, или все, что лежитъ по сторонамъ желѣзной дороги, то какъ-же замѣтить намъ, что земля движется? Мы,

вѣдь, противъ громаднѣйшаго земнаго шара—словно незамѣтныя мошки на потолкѣ огромнаго зданія, да еще въ тысячу разъ меньше.

И такъ, движеніе солнца отъ востока къ западу вокругъ земли намъ только кажется, потому что на самомъ дѣлѣ движется земной шаръ отъ запада къ востоку.

Полный оборотъ земной шаръ совершаетъ въ сутки или въ 24 часа. Въ это время на всѣхъ мѣстахъ земнаго шара перемѣняются всѣ времена дня: утро, полдень, вечеръ и полночь, однимъ словомъ, пройдутъ цѣлые сутки. Оттого-то это движеніе земнаго шара, какъ-бы кругомъ оси, называется суточнымъ. И суточное движеніе земнаго шара и надо разсматривать, какъ причину перемѣны дня и ночи.

Н. Медеръ.

Крестьянинъ и овца.

Крестьянинъ позвалъ въ судъ овцу:
Онъ уголовное взвелъ на бѣдняжку дѣло;
Судья—лиса: оно въ минуту закипѣло.
Запросъ отвѣтчику, запросъ истцу,
Чтобъ разсказать по пунктамъ и безъ крика:
Какъ было дѣло, въ чемъ улика?
Крестьянинъ говорилъ: „такого-то числа
Поутру у меня двухъ куръ не досчитались,
Отъ нихъ лишь косточки да перышки остались;
А на дворѣ одна овца была.“
Овца же говоритъ: она всю ночь спала;
И всѣхъ сосѣдей въ томъ въ свидѣтели звала,
Что никогда за ней не знали никакого
Ни воровства,
Ни плутовства;
А сверхъ того она совсѣмъ не ѣстъ мяснаго.
И приговоръ лисы вотъ, отъ слова до слова:
„Не принимать никакъ резоновъ отъ овцы:
Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;
По справкѣ-жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь
Овца отъ куръ не отлучалась прочь;

А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То я сужу по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла,
И куръ она не съѣла;
И вслѣдствіе того казнить овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу."

Крыловъ.

Воздушные шары.

(Какъ люди летаютъ по воздуху).

Первыя попытки летанья по воздуху были сдѣланы съ помощью искуственныхъ крыльевъ, на подобіе птичьихъ; но люди съ придѣланными къ рукамъ и ногамъ крыльями, за попытку летать, платились жизнью своею, такъ какъ для летанья на подобіе птицъ недостаточно имѣть одни только крылья такого устройства какъ у птицъ; кромѣ этихъ крыльевъ необходимо, подобно тому какъ у птицъ-же, имѣть кожу, подъ которою находятся мѣшки, наполненные воздухомъ, необходимо имѣть также птичьи кости, наполняемыя воздухомъ. Отъ этого тѣло птицы становится, при летаніи, настолько легко, что взмахами крыльевъ она можетъ подыматься кверху, держаться на извѣстной высотѣ и парить въ воздухѣ.

Люди пытались подняться на воздухъ не только съ помощью крыльевъ, но и съ помощью искуственныхъ птицъ, крылья которыхъ приводились въ движенье рукоятками, придѣлывая къ этимъ птицамъ и паруса, чтобы подняться съ помощью попутнаго вѣтра. Какъ ни сумасбродны, ни неудачны были повидимому эти первыя попытки человѣка летать по воздуху, но онѣ были началомъ искуства его летать.

Желаніе подняться на воздухъ не только не уменьшалось вслѣдствіе неудачъ первыхъ воздухоплавателей, но все болѣе и болѣе увеличивалось въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій; при чемъ французы чаще другихъ дѣлали въ послѣднее время опыты надъ разными, болѣе или менѣе остроумными, способами летанья по воздуху. Но всѣ ихъ опыты были по прежнему неудачны и

доказывали тѣмъ, что подражаніе птичьему полету, не можетъ дать человѣку средствъ двигаться въ воздушномъ пространствѣ.

Въ то время, какъ нѣкоторые смѣлые и рѣшительные люди бросались въ воздушное пространство, надѣясь сравняться въ своемъ искуствѣ съ птицами, другіе старались изыскать способъ летанія человѣка по воздуху, на основаніи законовъ науки. Въ 17-мъ столѣтіи уже сдѣлано было указаніе на то, какимъ способомъ могъ-бы человѣкъ летать, не подражая нисколько птицамъ, такъ какъ подражаніе это, по самому устройству человѣческаго тѣла, не привело-бы къ желаемому разрѣшенію задачи. Нѣкто Уилькинсъ первый, кажется, указалъ на то, какимъ способомъ могъ-бы человѣкъ подняться на воздухъ, не устраивая для того крылья. Въ предположенномъ имъ, но, разумѣется, невозможномъ путешествіи на луну, онъ предложилъ устроить воздушные корабли, наполненные „воздухомъ, легкимъ подобно огню“ и способные плавать по воздуху, какъ корабли по морю.

Мысль эта—породившая дивное искуство воздухоплаванія,—была осуществлена въ первый разъ въ Лондонѣ, въ 1782 году, профессоромъ Кавалло; онъ наполнялъ водороднымъ газомъ первоначально мыльные пузыри и они летали по воздуху вслѣдствіе своей легкости.

Не зная ни открытія водороднаго газа, ни опытовъ профессора Кавалло, французъ Монгольфье, занятый также изысканьемъ способа для воздухоплаванья, началъ также въ 1782 году производить свои опыты, наполняя для того сдѣланный изъ бумаги и полотна шаръ нагрѣтымъ воздухомъ. Извѣстно, что нагрѣтый воздухъ гораздо легче обыкновеннаго воздуха, такъ что если нагрѣть его при температурѣ 100^0, то онъ становится на треть легче обыкновеннаго воздуха. Хотя шаръ, наполненный нагрѣтымъ, разрѣженнымъ воздухомъ, могъ подыматься только на незначительную высоту, но возможность плаванія въ воздухѣ была тѣмъ доказана, и первые воздушные шары названы были, по имени изобрѣтателя Монгольфье, *монгольфьерами*.

Такимъ образомъ возможность воздухоплаванія была разрѣшена и Жозефъ Монгольфье съ братомъ своимъ пустили 5 Іюня 1783 года первый свой воздушный шаръ въ маленькомъ городкѣ Аноне, куда собралась многочисленная публика. Всѣ современные ученые, и въ томъ числѣ знаменитый нашъ академикъ Эйлеръ, единодушно привѣтствовали это открытіе, ожидая отъ него важныхъ послѣдствій для науки. Простота, съ которою разрѣшена была, такъ долго не дававшаяся человѣку, задача подняться на

воздухъ, поразила всѣхъ: всѣ удивлялись, какъ это до сихъ поръ не могли придумать такого незамысловатаго прибора, какъ шаръ, наполненный легкимъ воздухомъ. Но то, что кажется необыкновенно простымъ и легкимъ сегодня, напримѣръ: устройство желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и прочее, въ началѣ также казалось не только труднымъ, но иногда и невозможнымъ. Такъ казалась первоначально сумасбродною и мысль о возможности для человѣка летать по воздуху.

Съ того времени, опыты воздухоплаванія дѣлаются непрерывно и преимущественно во Франціи, которой принадлежитъ и честь изобрѣтенія воздушныхъ шаровъ, и вотъ въ настоящее время, Франціи первой пришлось испытать громадную отъ нихъ пользу; посредствомъ ихъ-то въ послѣднюю войну Парижъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ блокадою германскихъ войскъ, сносился съ остальнымъ міромъ. На воздушныхъ шарахъ, употреблявшихся до настоящаго времени для забавы народа, для ученыхъ и военныхъ цѣлей, — парижане пересылали ежедневно свою почту, курьеровъ, министровъ, и еслибъ не было воздушныхъ шаровъ мы-бы, въ то время, не знали, что происходитъ въ Парижѣ, который четыре мѣсяца былъ окруженъ непріятелемъ и рѣшился скорѣе погибнуть, но не сдаться.

Почти сто лѣтъ тому назадъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1782 г. тотъ самый Парижъ, изъ котораго въ послѣдствіи столько вылетало разныхъ почтовыхъ шаровъ, былъ въ первый разъ свидѣтелемъ поднятія на воздухъ, перваго воздушнаго шара. Шаръ этотъ, называвшійся *Глобусомъ*, былъ устроенъ профессоромъ Шарлемъ по подпискѣ, и наполненъ водороднымъ газомъ. Въ отличіе отъ шаровъ Монгольфье, называвшихся, какъ мы сказали, монгольфьерами, шаръ профессора Шарля, наполненный газомъ, названъ *аэростатомъ*.

Со времени первыхъ воздухоплавателей — Монгольфье и Шарля—совершено было до четырехъ тысячъ воздушныхъ путешествій, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ. Изъ числа почти десяти тысячъ человѣкъ, совершавшихъ полетъ на воздушныхъ шарахъ, погибло только пятнадцать человѣкъ, преимущественно изъ тѣхъ воздухоплавателей, которые подымались на аэростатахъ съ увеселительною цѣлью. Въ прежнее время, въ началѣ изобрѣтенія воздухоплаванія, каждый почти народный праздникъ сопровождался непремѣнно пусканьемъ шара съ воздухоплавателемъ, или безъ него.

Открытіе способа летать по воздуху и воздушныя путешествія на шарахъ важны въ томъ отношеніи, что они дали возможность изучать разные законы природы и въ особенности все то, что относится до воздуха.

Воздушный шаръ устраивается обыкновенно изъ крѣпкой ткани, весьма плотной и кромѣ того покрытой лакомъ, или инымъ какимъ нибудь веществомъ, не пропускающимъ воздуха. Ткань эта сшивается мѣшкомъ, особенно широкимъ въ серединѣ и постепенно съуживающимся къ концамъ. Верхній конецъ мѣшка плотно зашитъ; въ нижнемъ—оставлено особое отверстіе, которое, по наполненіи шара (мѣшка), или плотно завязывается, (такъ обыкновенно дѣлаются небольшіе воздушные шары для забавы), или-же въ немъ устраивается особый клапанъ. Такой мѣшокъ составляетъ собственно оболочку шара. На эту оболочку надѣвается сѣтка; въ большихъ воздушныхъ шарахъ, сѣтка дѣлается изъ крѣпкихъ веревокъ, концы которыхъ, ниже основанія шара, всѣ сходятся къ одному желѣзному кольцу. Къ этому-же кольцу прикрѣпляется, надежными скрѣпленіями, и лодка для помѣщенія воздухоплавателей, а также и для балласта. Когда мѣшокъ сдѣланъ и, какъ сказано выше, снабженъ сѣткой, а снизу—лодкой, то воздушный шаръ готовъ; остается только наполнить его тѣмъ, что должно поднять воздушный шаръ въ воздухъ, на требуемую высоту.

Каждый наблюдательный человѣкъ знаетъ, что есть много предметовъ, которые легче обыкновеннаго воздуха, такъ напримѣръ: паръ и дымъ очевидно легче воздуха, потому-что они поднимаются вверхъ. Каждый наблюдательный человѣкъ знаетъ также, что и самый воздухъ бываетъ то легче, то тяжелѣе, такъ напримѣръ: въ банѣ, на полатяхъ, вверху, воздухъ теплѣе, а потому онъ и легче, нежели холодный воздухъ внизу.

Если-бы воздухъ весь былъ одинаково легокъ или одинаково тяжелъ, то и теплота его была-бы вездѣ одинакова; но какъ уже извѣстно, что теплый воздухъ всегда поднимается вверхъ,—всегда собирается вверху, то стало быть онъ и легче холоднаго воздуха.

Воздушный шаръ самъ по себѣ, когда онъ еще не наполненъ, то гораздо тяжелѣе воздуха; а когда его наполнить чѣмъ нибудь такимъ, что несравнено легче обыкновеннаго воздуха, то

шаръ самъ собою станетъ подниматься вверхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ для опыта склеить бумажный мѣшокъ и наполнить его парами отъ кипящей воды: мѣшокъ этотъ, самъ по себѣ будетъ тяжелѣе воздуха, но какъ только раздуется отъ накопившагося въ немъ пару, но непремѣнно поднимается вверхъ. Водородный газъ въ 14-ть разъ легче обыкновеннаго воздуха. Такъ какъ это одинъ изъ самыхъ легкихъ газовъ, то имъ въ послѣднее время, обыкновенно и наполняютъ аэростаты.

Добываніе водороднаго газа, для воздушнаго шара производится весьма просто. Для этого берется нѣсколько бочекъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ по два отверстія въ крышкѣ: одно отверстіе сообщается, посредствомъ желѣзной трубки, съ большою бочкой, въ которой сходятся всѣ трубки отъ маленькихъ бочекъ; другое-же отверстіе затыкается просто пробкою. Въ бочки вливается вода и всыпаются желѣзные опилки; послѣ чего въ отверстія, затыкаемыя пробками, вливается понемногу сѣрной кислоты, которая, дѣйствуя на желѣзные опилки, способствуетъ выдѣленію водороднаго газа. Водородный газъ, переходитъ по желѣзнымъ трубкамъ, въ большую бочку, а оттуда, посредствомъ одной колѣнчатой трубы, въ воздушный шаръ.

Монгольфье производилъ опыты надъ воздушными шарами изъ писчей бумаги, потомъ надъ шарами большаго размѣра изъ шелковой ткани, и когда опыты удались, то и самъ совершилъ первое воздушное путешествіе. При этомъ замѣчено имъ было, что такъ какъ воздушный шаръ поднимается вверхъ слишкомъ быстро, то для замедленія его полета, необходимо привѣшивать къ шару какую нибудь тяжесть, или насыпать въ находящуюся подъ шаромъ лодку, песку и тому подобнаго балласту. Употребленіе балласта принесло аэростату значительную пользу, потому что при помощи балласта и клапана, можно не только сдерживать полетъ шара, но и вообще держаться на желаемой высотѣ. Желаете, чтобы аэростатъ сталъ опускаться—отворите клапанъ воздушнаго шара, тогда часть водороднаго газа выйдетъ, и шаръ наполнится болѣе тяжелымъ воздухомъ, отчего потяжелѣетъ и станетъ опускаться; желаете, чтобы шаръ поднялся вверхъ, выбросьте часть балласта,—тяжесть шара уменьшится и онъ быстро полетитъ все выше и выше. Такимъ образомъ нашли возможность подыматься на воздухъ и управлять шарами.

Отчего происходитъ дождь и снѣгъ.

Кто изъ насъ не знаетъ, какъ кипятятъ воду? Не стоило-бы, кажется, и говорить объ этомъ, но я хочу это припомнить для того, чтобы лучше понять то, о чемъ буду говорить дальше. И такъ, чтобы вскипятить воду, обыкновенно, наливаютъ ее въ чугунъ, или въ котелъ и ставятъ на плиту, подкладываютъ огонь и вода начинаетъ, мало-по-малу, нагрѣваться, а затѣмъ и закипать. При этомъ мы замѣчаемъ, что съ поверхности воды поднимается постоянно паръ; если-же мы будемъ кипятить воду очень долго, то она вся выкипитъ и разлетится въ видѣ пара въ воздухѣ. Когда вода кипѣла, мы ясно видѣли этотъ паръ, какъ онъ выходилъ изъ котла и разлетался въ воздухѣ; когда-же снимимъ котелъ съ огня, то вода начнетъ простывать, перестанетъ выходить и паръ, и мы его не увидимъ въ комнатѣ. Самоваръ-ли кипитъ, тоже замѣчаемъ, что изъ подъ крышки его выходитъ паръ, который тоже разлетается въ комнатѣ; въ баняхъ, въ прачешныхъ, съ каменки, или изъ котловъ, когда поддаютъ, или когда варятъ бѣлье, постоянно выходитъ паръ. Словомъ, можно пріискать множество примѣровъ, когда при кипяченіи, или нагрѣваніи воды, она обращается въ паръ. Такой паръ, отъ кипяченія воды, мы можемъ называть видимымъ паромъ. Но случалось, конечно, замѣчать, что если оставить стаканъ или тарелку, наполненныя водою, стоять долго въ комнатѣ, или лѣтомъ на дворѣ, то, черезъ нѣсколько времени, воды въ нихъ становится уже меньше, и говоримъ тогда, что вода усохла. Вывѣсимъ-ли мокрую одежду или бѣлье на дворѣ, или въ комнатѣ, опять они скоро высыхаютъ. Раньше мы видѣли, что вода пропадаетъ изъ котловъ, когда мы ее нагрѣваемъ на огнѣ, а тутъ значитъ дѣйствуетъ теплота комнатная, или на дворѣ—солнечная. Разница только въ томъ, что при теплотѣ отъ огня, это дѣлается какъ-бы скорѣе, чѣмъ при комнатной теплотѣ. Стало быть, вода въ комнатѣ и на дворѣ пропадаетъ тоже въ видѣ пара, но только невидимкой, почему мы можемъ назвать его паромъ невидимымъ. Вотъ такое, видимое или невидимое, исчезаніе воды отъ теплоты, какая-бы она ни была, ученые люди называютъ испареніемъ воды.

Но, въ самомъ-ли дѣлѣ вода, которая обращается отъ теплоты въ паръ или испаряется, пропадаетъ такъ, что и слѣда ее не найдешь? Тутъ опять каждый изъ насъ можетъ пріискать множество примѣровъ, когда можно увѣриться, что вода, которая

испарилась, не совсѣмъ пропала. Отворимъ, напримѣръ, зимою дверь въ сѣни или на улицу, то замѣтимъ, что въ комнатѣ по полу стелется паръ клубами и вылетаетъ наружу. Когда мы не отворяли дверей въ сѣни, то въ комнатѣ вовсе не былъ видѣнъ паръ, но какъ только отворили дверь, то холодъ, который вошелъ въ комнату, сгустилъ его. Значитъ, холодъ заставилъ находившійся въ комнатѣ паръ сдѣлаться для насъ видимымъ. Если затворимъ дверь, паръ этотъ разлетится и опять будетъ невидимымъ. Въ комнатѣ или избѣ, гдѣ находятся люди, всегда есть паръ или отъ дыханія людей, или отъ разнаго кушанья, горячей воды и т. п. Въ этомъ можно увѣриться тѣмъ, что зимою, напримѣръ, если подышемъ на оконное стекло, мы замѣчаемъ, что оно запотѣваетъ; случается тоже, когда и не дышемъ на стекло, а это происходитъ оттого, что тотъ паръ, который выходитъ изо рта, или комнатный, будетъ прикасаться къ холодному стеклу, похолодѣетъ, сгустится и осядетъ на немъ. Вотъ мы и говоримъ, что стекло запотѣло. Точно также, если принесемъ какую нибудь холодную вещь съ улицы въ комнату, то она также запотѣетъ, опять-же оттого, что комнатный паръ сгустится, осядетъ на ней и она сдѣлается мокрою. Когда-же этотъ паръ начнетъ больше и больше сгущаться и осѣдать, или на оконныя стекла, или на принесенныя холодныя вещи, то потъ станетъ уже собираться въ капельки, которыя будутъ дѣлаться все больше и больше, и съ вещей или оконъ потечетъ вода. И такъ, испарившаяся вода, или паръ, прикасаясь къ холоднымъ вещамъ, будетъ обращаться опять въ воду. Изъ этого видно, что у теплоты, которая превращаетъ воду въ паръ, есть постоянный врагъ,— это холодъ, уничтожающій то, что она сдѣлаетъ.

Если подумаемъ теперь, сколько находится на свѣтѣ океановъ, морей, рѣкъ и другихъ разныхъ стоячихъ и текучихъ водъ, то какое-же огромное количество водянаго пара можетъ образоваться изъ этихъ водъ и разлетѣться въ воздухѣ! Что дѣйствительно, не только въ комнатѣ, но и въ воздухѣ на улицѣ, есть водяные пары, въ этомъ можно увѣриться точно также, какъ это мы узнавали въ комнатѣ, принося холодныя вещи, которыя при этомъ запотѣвали. Такимъ образомъ вся вода, подымающаяся въ видѣ пара съ морей, озеръ и разныхъ водъ, разносится по всѣмъ странамъ свѣта. Очень часто случается намъ говорить, что на дворѣ сырой воздухъ, а то сухой. Говоря это, всякій изъ насъ понимаетъ, что сырость или сухость воздуха происходитъ отъ

воды, которая въ немъ находится, но вода-то эта всегда является намъ въ видѣ пара, да еще невидимаго, такъ что воздухъ, насъ окружающій, всегда переполненъ, невидимымъ для глаза, паромъ, то больше, то меньше. Много-ли, мало-ли его,—зависитъ отъ теплоты: чѣмъ больше теплоты, тѣмъ больше и воды переходитъ въ паръ, и на оборотъ, чѣмъ меньше теплоты, тѣмъ меньше и пара. Вся теплота на землѣ, какъ мы знаемъ, происходитъ отъ солнца; въ народѣ даже есть поговорка, будто солнце пьетъ воду морей и рѣкъ. Однако не всегда; не только солнечная теплота, на какой-нибудь водяной поверхности, обращаетъ воду въ паръ; испареніе увеличивается и отъ вѣтра. На самомъ дѣлѣ такъ и совершается; если нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка, то воздухъ, лежащій надъ водою, скоро переполнится парами, и ужъ больше не будетъ принимать въ себя сырости; но когда этотъ воздухъ, переполненный парами, унесется вѣтромъ и мѣсто его займетъ новый, сухой воздухъ, то онъ въ свою очередь, заберетъ поднимающіеся пары и опять унесетъ ихъ и такъ далѣе, такъ что чѣмъ сильнѣе будетъ вѣтеръ, тѣмъ скорѣе будетъ испаряться и вода. Вѣдь, конечно, всякому приходилось примѣчать, какъ скоро высыхаютъ поля и дороги послѣ дождя, когда бываетъ вѣтряная погода, или что вывѣшенное мокрое бѣлье скорѣе высыхаетъ на дворѣ, чѣмъ въ комнатѣ, почему и развѣшиваютъ бѣлье на чердакахъ и устраиваютъ сквозной вѣтеръ, чтобы лучше продувало. Лѣтомъ, напримѣръ, отворяютъ окна и двери, чтобы сквознымъ вѣтромъ скорѣе высушило вымытый полъ. Мы также знаемъ очень хорошо, что бѣлье высыхаетъ также и зимою, во время морозовъ, особенно если на дворѣ вѣтряно. И такъ испареніе воды, высыханіе бѣлья, пола, происходятъ не только отъ теплоты, но и отъ вѣтра.

Посмотримъ теперь: неужели-же вся превратившаяся въ паръ, или испарившаяся вода на землѣ, при помощи солнечной теплоты и вѣтра, разлетается и пропадаетъ? Конечно нѣтъ. Тутъ опять является врагъ теплоты—холодъ или холодный вѣтеръ, который своимъ холоднымъ дыханіемъ сгущаетъ весь невидимый для глаза паръ и тогда этотъ паръ представляется намъ въ видѣ тумана, какъ мы его и называемъ. Чаще всего туманы бываютъ осенью во время сильныхъ дождей и зимою во время оттепелей и послѣ нихъ, предъ наступленіемъ морозовъ, потому что въ это время съ земли подымается много водяныхъ паровъ, которые и сгущаются холоднымъ вѣтромъ или морозомъ. Туманы больше бы-

ваютъ въ болотистыхъ, лѣсистыхъ или находящихся близъ воды мѣстахъ. Въ Петербургѣ, напримѣръ зимою, часто можно замѣтить, что послѣ долгихъ оттепелей наступаютъ морозы, а вмѣстѣ съ ними, и сильные туманы, да такіе густые, что застилаютъ собою свѣтъ фонарей на улицахъ; случается, что въ нѣсколькихъ шагахъ трудно бываетъ различать предметы. Такіе туманы бываютъ замѣтны во всемъ городѣ, но случалось и такъ, что внутри города небольшой туманъ, или почти его нѣтъ, а подъѣзжая къ рѣкѣ Невѣ и за нею очень сильный туманъ; это, конечно, оттого, что тутъ больше обращалось воды въ паръ, который потомъ сгущался морозомъ. Туманы обыкновенно стелятся по землѣ, когда въ воздухѣ тихо, нѣтъ большаго вѣтра; но если въ это время подуетъ очень сильный вѣтеръ, то сгуститъ этотъ туманъ еще больше подниметъ его вверхъ и, тогда изъ тумана образуются облака или цѣлыя тучи.

Путешественники и люди, которые живутъ въ горахъ, разсказываютъ, что имъ часто приходилось видѣть какъ верхушки высокихъ горъ закрываются облаками, или иногда облака, идя по небу, проходятъ мимо горъ по серединѣ, или окутываютъ бока горъ, а верхушка остается не закрытою ими. Это такъ и кажется, когда стоишь подъ горою, или смотришь на гору издали; когда-же поднимешься, да попадешь въ это облако, то намъ будетъ казаться, что мы стоимъ просто на просто въ туманѣ; поднимемся еще выше, на самую верхушку горы, пройдемъ этотъ туманъ, станетъ опять ясно, а внизу снова увидимъ подъ собою облака. Если-бы кто-нибудь посмотрѣлъ на насъ издали, когда мы взбирались на гору и попали въ туманъ, то ему-бы казалось, что мы вошли въ самое облако. Туманъ, какъ мы знаемъ, есть сгустившійся паръ; стало быть и облако—тоже самое; разница между ними только та, что туманомъ мы будемъ называть сгустившійся паръ, который носится надъ самою землею, а облакомъ, когда онъ будетъ высоко надъ землею.

Каждый, конечно, замѣчалъ, что облака бываютъ разныя и что они бываютъ то высоко, то низко надъ землею. Лѣтомъ, послѣ полудня, при ясной и тихой погодѣ, можно часто наблюдать, какъ облака то собираются, то разлетаются на небѣ. Сначала показываются небольшіе клочки въ видѣ барашковъ, которые по немногу выростаютъ, раздвигаются, пускаютъ изъ себя полосы, словно перышки, пропадаютъ, потомъ опять собираются; иногда маленькое облачко разростается въ большое, а изъ него

выходятъ цѣлые клубы или кучи, которые тихо плывутъ по небу, развертывая свои завитки. Потомъ опять все пропадаетъ и небо снова проясняется. Иногда-же напротивъ, первое появившееся облачко не остается одинокимъ; вокругъ него собираются новыя облака, которыя соединяются, скучиваются и вскорѣ небо, казавшееся совершенно чистымъ, покрывается густыми облаками или темными дождевыми тучами. И все это зависитъ отъ того, что на разной высотѣ отъ земли холоднѣе, чѣмъ на землѣ, и отъ разной теплоты и силы вѣтра, который то разноситъ ихъ, то собираетъ кучами, то разбиваетъ на многіе клочья.

Вотъ мы узнали, что такое облака или тучи, а теперь, можетъ быть, намъ не трудно будетъ доискаться, какъ происходитъ и дождь. Мы хорошо знаемъ, что дождь идетъ изъ облаковъ или тучъ, и въ особенности тогда, когда они сдѣлаются очень густыми и закроютъ собою небесный сводъ. Теперь, если припомнимъ, что облака суть ничто другое, какъ водяной паръ поднявшійся съ земли въ воздухъ и тамъ сгустившійся холоднымъ вѣтромъ въ большія тучи, то будетъ понятно, что если весь этотъ паръ будетъ все больше и больше холодѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и густѣть, то онъ начнетъ обращаться уже въ капельки воды, которыя будутъ мало по малу увеличиваться, пока, наконецъ, изъ нихъ образуются дождевыя капли, а такъ-какъ эти капли, по своей тяжести не могутъ уже держаться въ воздухѣ, то онѣ и падаютъ на землю въ видѣ дождя. Такимъ образомъ дождь есть ничто иное, какъ та же самая вода, которая, испарившись на землѣ и поднявшись въ воздухъ, возвращается снова на землю.

Посмотримъ теперь, отчего-же дождь идетъ иногда крупный, иногда мелкій? Намъ извѣстно, что въ воздухѣ, какъ-бы ни было тепло или холодно, всегда есть водяной паръ, который носится въ воздухѣ надъ землею, или поднимается вверхъ, стягивается тамъ холоднымъ вѣтромъ и образуетъ облака. Конечно, не весь-же, что былъ въ воздухѣ, паръ обращается въ облака; одна его часть обращается въ облака, а другая разносится вѣтромъ. А если и весь этотъ паръ, поднявшись, превратится въ тучу или облака, то на мѣсто его съ земли поднимается опять новый, такъ что въ воздухѣ обыкновенно всегда много паровъ воды—то больше, то меньше. Когда этотъ паръ, сгустившійся и собравшійся въ тучи, будетъ обращаться мало-по-малу въ капельки, то онѣ и начнутъ падать внизъ, и если въ воздухѣ мало паровъ, то онѣ такъ и падаютъ мелкими ка-

пельками, а если-же въ воздухѣ много паровъ, то, падая сверху, онѣ налету пристаютъ къ другимъ капелькамъ, а потому дѣлаются больше и падаютъ на землю уже крупными каплями.

Послѣ дождя, или даже во время самаго дождя, случалось замѣчать на небѣ красивую разноцвѣтную дугу, которую мы называемъ *радугой*. Что-же это такое? Отчего она происходитъ? Вотъ, напримѣръ, навѣрно случалось замѣчать, когда солнышко падаетъ черезъ окно прямо въ комнату, а на окнѣ, въ это время, стоитъ стаканъ съ водой, то солнышко, проходя сквозь эту воду, играетъ на столѣ, или на полу радугой. Совершенно также происходитъ радуга и на небѣ; когда солнечные лучи проходятъ сквозь множество дождевыхъ капелекъ, то отъ этого на небѣ появляется большая разноцвѣтная дуга, которую мы называемъ радугой. Радуга состоитъ всегда изъ семи цвѣтовъ: краснаго, оранжеваго, желтаго, зеленаго, голубаго, синяго и фіолетоваго. Обыкновенно на небѣ мы замѣчаемъ радугу въ то время, когда идетъ дождь и свѣтитъ солнце, и когда мы станемъ спиною къ солнцу, такъ что дождевыя капли будутъ падать передъ нами.

Разузнавши, что такое дождь, теперь намъ не будетъ трудно сообразить, какъ происходитъ и снѣгъ. Какъ мы уже видѣли, водяной паръ, поднявшись на высоту, сгущается въ облака, или тучи отъ холоднаго вѣтра все больше и больше густѣетъ и наконецъ обращается въ капельки воды, которыя и падаютъ на землю въ видѣ дождя. Точно также происходитъ и снѣгъ зимою, только капельки воды отъ мороза замерзаютъ и падаютъ на землю уже въ видѣ снѣжинокъ.

Стекла нашихъ оконъ часто покрываются, во время морозовъ, различными узорами. Это происходитъ оттого, что комнатный паръ, прикасаясь къ холоднымъ стекламъ, обращается сначала въ воду, которая потомъ замерзаетъ и образуетъ разные узоры на стеклѣ.

Снѣгъ намъ кажется вещью такою обыкновенною, что нечего-бы было и говорить про него. А между тѣмъ, это одна изъ лучшихъ, удивительныхъ и прекрасныхъ вещей въ мірѣ. Мы такъ привыкли къ нему, что почти и не обращаемъ на него никакого вниманія.

Если, напримѣръ, снѣгъ будетъ падать на какую нибудь вещь чернаго цвѣта, то мы замѣтимъ, что каждая снѣжинка

имѣетъ очень красивый и причудливый видъ: то въ видѣ крестиковъ, то иголочекъ или звѣздочекъ, о пяти или шести лучахъ, то въ видѣ тоненькихъ палочекъ, очень затѣйливо сложенныхъ. Обыкновенно, если снѣжинки выпадаютъ въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, то и видъ имѣютъ одинаковый; но если въ это-же время сдѣлается сырѣе въ воздухѣ, или подуетъ теплый или холодный вѣтеръ, то и видъ ихъ перемѣняется.

Рыхлый снѣгъ большими хлопьями падаетъ, большею частью, при небольшомъ холодѣ, а при большомъ морозѣ снѣжинки бываютъ мельче и плотнѣе.

Какъ и отчего происходятъ роса и иней?

Если возьмемъ, напримѣръ, два стакана, одинъ оклеимъ бѣлою бумагою или вымажемъ бѣлою краскою, а другой—черною, нальемъ въ нихъ холодной воды и поставимъ на солнце; тогда замѣтимъ, что въ черномъ стаканѣ вода гораздо скорѣе нагрѣется, чѣмъ въ бѣломъ. Если-же въ эти стаканы нальемъ горячей воды и дадимъ водѣ простыть, то замѣтимъ, что вода скорѣе простываетъ въ черномъ стаканѣ, чѣмъ въ бѣломъ. Нагрѣвая воду въ старомъ закопченомъ сажею котлѣ, вода въ немъ будетъ скорѣе нагрѣваться, чѣмъ въ новомъ, блестящемъ. Изъ этого мы видимъ, что все черное и шероховатое скорѣе нагрѣвается и скорѣе пропускаетъ сквозь себя тепло, чѣмъ бѣлое, блестящее или гладкое. Точно тоже можно замѣтить и на землѣ, именно: земля, будучи черною и шероховатою, днемъ скорѣе и больше нагрѣвается солнцемъ, чѣмъ вода, гладкая и блестящая; за то ночью земля скорѣе простываетъ, скорѣе отдаетъ свою теплоту, чѣмъ вода. Мы знаемъ, что солнце, нагрѣвая воду, заставляетъ ее по немногу обращаться въ паръ и что паръ этотъ разлетается и носится въ воздухѣ надъ землею; и такъ какъ лѣтомъ къ вечеру земля простываетъ скорѣе воздуха, то невидимый въ воздухѣ паръ, прикасаясь къ холоднымъ вещамъ, осѣдаетъ на травѣ, листьяхъ, деревьяхъ и другихъ предметахъ, въ видѣ *росы*.

Роса, обыкновенно, бываетъ очень сильная въ тихую, ясную и звѣздную ночь; въ облачную-же ночь роса бываетъ почти незамѣтная, или даже ея совсѣмъ не бываетъ. Въ ясную ночь земля скорѣе остываетъ, а потому и воздухъ, прикасающійся къ

землѣ, скорѣе холодѣетъ и сгущаетъ пары, которые осѣдаютъ. Въ облачную-же ночь теплѣе оттого, что тепло, которымъ земля нагрѣется отъ солнца днемъ, выходитъ изъ нея ночью и, дойдя облаковъ, отталкивается ими назадъ. Тогда надъ землею будетъ теплый воздухъ, а потому паръ не будетъ сгущаться и не образуется росы, значитъ облака будутъ служить землѣ какъ-бы покрышкой. Это можно провѣрить тѣмъ, что если, напримѣръ, въ ясный день поставить на землѣ шатеръ или навѣсъ, то вечеромъ подъ навѣсомъ мы не замѣтимъ росы, тогда какъ кругомъ на землѣ ляжетъ роса; когда бываетъ вѣтеръ, то и въ ясную ночь тоже бываетъ мало росы, потому что онъ разноситъ пары или приноситъ тепло, а потому не дастъ парамъ осѣдать на землю.

Зимою, также какъ и лѣтомъ, падаетъ роса, но только сейчасъ-же и замерзаетъ. Это и будетъ *иней*. Въ дорогѣ, зимою, шерсть на лошадяхъ, усы и борода у человѣка, покрываются инеемъ, потому что со вспотѣвшихъ лошадей идетъ паръ, который сейчасъ же замерзаетъ и осѣдаетъ инеемъ. Точно также и человѣкъ, когда онъ дышетъ, выдыхаетъ изъ себя паръ, который и замерзаетъ на усахъ и бородѣ.

Стало быть, роса и иней—одно и тоже; разница-же между ними та, что роса бываетъ лѣтомъ, а иней—зимою. Стало быть также, роса садится или падаетъ не съ облаковъ, а прямо изъ паровъ воды того воздуха, что около самой земли.

Осень.

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы
Луга и долы:
Подъ ледяной своей горой
Ручей нѣмѣетъ,
Все цѣпенѣетъ,

Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя воетъ,
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Баратынскій.

Пожаръ на морѣ.

Это было въ Маѣ 1838 года.

Я находился вмѣстѣ съ множествомъ другихъ пассажировъ на пароходѣ Николай I, дѣлавшимъ рейсы между Петербургомъ и Любекомъ. Такъ какъ въ то время желѣзныя дороги еще мало процвѣтали, то всѣ путешественники избирали морской путь. По этой же причинѣ многіе изъ нихъ брали съ собою собственные экипажи чтобы продолжать свое путешествіе по Германіи, Франціи и т. д.

У насъ на кораблѣ, помнится мнѣ, было двадцать восемь господскихъ экипажей. Насъ, пассажировъ, было около двухъсотъ восьмидесяти, считая въ этомъ числѣ человѣкъ двадцать дѣтей.

Я былъ тогда очень молодъ и, не страдая морскою болѣзнью, очень былъ занятъ всѣми этими новыми впечатлѣніями. На кораблѣ было нѣсколько дамъ, замѣчательно красивыхъ или хорошенькихъ—большая часть изъ нихъ умерла, увы!

Матушка въ первый разъ отпустила меня ѣхать одного, и я долженъ былъ обѣщать ей вести себя благоразумно, и главное, не дотрогиваться до картъ... И вотъ, именно, это-то послѣднее обѣщаніе и было нарушено первымъ.

Въ этотъ самый вечеръ было большое собраніе въ общей каютѣ,—между прочими, тутъ находилось нѣсколько игроковъ, хорошо извѣстныхъ въ Петербургѣ. Они каждый вечеръ играли въ банкъ, и золото, которое въ то время можно было видѣть чаще, нежели теперь, оглушительно звенѣло.

Не знаю, какъ это случилось, но черезъ десять минутъ я уже сидѣлъ за игорнымъ столомъ, съ руками полными картъ, имѣя обезпеченную долю въ игрѣ—и игралъ, игралъ отчаянно.

И нужно сознаться, что старая пословица не соврала. Деньги текли ко мнѣ ручьями; двѣ кучки золота возвышались на столѣ по обѣимъ сторонамъ моихъ, дрожащихъ и покрытыхъ каплями пота, рукъ. Сказать по правдѣ, я ужъ думалъ, что сразу разбогатѣю!...

Вдругъ дверь каюты распахивается во всю ширину, въ нее врывается дама внѣ себя и замирающимъ голосомъ восклицаетъ: „пожаръ!“ и падаетъ въ обморкѣ на диванъ. Это произвело сильнѣйшее волненіе; никто не остался на мѣстѣ; золото, серебро, банковые билеты покатились и разсыпались во всѣ стороны, и мы всѣ бросились вонъ. Какъ мы раньше не замѣтили дыма, который набирался уже и въ каюту? я это совершенно не понимаю! лѣстница была полна имъ. Темнокрасное зарево, какъ отъ горящаго каменнаго угля, вспыхивало тамъ и сямъ. Во мгновеніе ока всѣ были на полубѣ. Два широкихъ столба дыма по поламъ съ огнемъ поднимались по обѣимъ сторонамъ трубы и вдоль мачтъ; началась ужаснѣйшая суматоха, которая уже и не прекращалась. Безпорядокъ былъ невообразимый: чувствовалось, что отчаянное чувство самохраненія охватило всѣ эти человѣческія существа и въ томъ числѣ меня перваго. Одинъ баринъ, съ дождевымъ зонтикомъ въ рукахъ, вдругъ съ ожесточеніемъ принялся прокалывать находившійся тутъ же въ багажѣ дрянной портретишко, писанный мясляными красками и привязанный къ своему мольберту. Концемъ зонтика онъ проткнулъ пять дырокъ: на мѣстѣ глазъ, носа, рта и ушей. Разрушеніе это онъ сопровождалъ восклицаніемъ: „Къ чему все это теперь?“ И эта картина ему не принадлежала! Толстый господинъ, весь въ слезахъ, похожій на нѣмецкаго пивовара, не переставалъ вопить плаксивымъ голосомъ: „Капитанъ!—Капитанъ!“.... И когда капитанъ, вышедшій изъ терпѣнья, схватилъ его за шиворотъ и крикнулъ ему: „Ну? Я капитанъ, что-же вамъ нужно?“ Толстякъ посмотрѣлъ на него съ убитымъ видомъ и снова принялся стонать: „Капитанъ!“

И однако этотъ-же капитанъ всѣмъ намъ спасъ жизнь. Во-первыхъ тѣмъ, что въ послѣднюю минуту, когда еще можно было добраться до машины, измѣнилъ направленіе нашего судна, которое, идя прямо на Любекъ, вмѣсто того, чтобы круто повернуть къ берегу, непремѣнно сгорѣло бы раньше, чѣмъ вошло въ гавань; а во-вторыхъ тѣмъ еще, что приказалъ матросамъ обнажить кортики и безъ сожалѣнія колоть всякаго, кто попробуетъ

дотронуться до одной изъ двухъ оставшихся шлюпокъ,—всѣ остальныя опрокинулись, благодаря неопытности пассажировъ, хотѣвшихъ спустить ихъ въ море.

Но были однако и мужчины, которые выказали безстрашіе. Я особенно помню одного Г. Д-ва, нашего бывшаго русскаго посланника въ Копенгагенѣ: онъ скинулъ сапоги, галстукъ и сюртукъ, который завязалъ рукавами на груди, и сидя на толстомъ натянутомъ канатѣ, болталъ ногами, спокойно куря свою сигару и оглядывая каждаго изъ насъ поочереди съ видомъ насмѣшливаго сожалѣнія. Что касается меня, то я нашелъ убѣжище на наружной лѣстницѣ, гдѣ и усѣлся на одной изъ послѣднихъ ступенекъ. Я съ оцѣпенѣніемъ смотрѣлъ на красную пѣну, которая клокотала подо мною, и брызги которой долетали мнѣ въ лицо и говорилъ себѣ: „Такъ вотъ гдѣ придется погибнуть въ девятнадцать лѣтъ!“ потому что я твердо рѣшился лучше утонуть, чѣмъ испечься. Пламя сводомъ выгибалось надо мною и я очень хорошо отличалъ его вой отъ рева волнъ.

Недалеко отъ меня, на той-же лѣстницѣ, сидѣла маленькая старушка, должно быть кухарка котораго нибудь изъ семействъ, ѣхавшихъ въ Европу. Спрятавъ голову въ руки, она казалось, шептала молитвы—вдругъ голосъ, звенѣвшій точно мѣдь (это былъ голосъ нашего спасителя) раздался надъ нами: „Что вы тамъ дѣлаете, несчастные? Вы погибнете, идите за мною!“ И тотчасъ, не зная, ни кто насъ зоветъ, ни куда нужно идти, и старуха и я вскочили, будто подтолкнутые пружиной и бросились сквозь дымъ вслѣдъ за матросомъ въ синей курткѣ, который впереди насъ лѣзъ вверхъ по веревочной лѣстницѣ.

Не зная зачѣмъ, и я полѣзъ за нимъ по этой лѣстницѣ; я думаю, что если-бы онъ въ эту минуту бросился въ воду или сдѣлалъ-бы вообще чтобы то ни было совсѣмъ необыкновенное, я слѣпо послѣдовалъ-бы за нимъ. Взобравшись на двѣ или три ступеньки, матросъ тяжело спрыгнулъ на верхъ одного изъ экипажей, низъ котораго уже загорѣлся. Я прыгнулъ за нимъ и слышалъ, какъ старуха прыгнула за мной; потомъ съ этого перваго экипажа матросъ прыгнулъ на второй, потомъ на третій, я все время позади него—и мы такимъ образомъ очутились на носу парохода.

Почти всѣ пассажиры собрались здѣсь. Матросы подъ наблюденіемъ капитана спускали въ море одну изъ нашихъ двухъ шлюпокъ—къ счастію самую большую. Черезъ другой бортъ ко-

рабля я увидѣлъ, ярко освѣщенные пожаромъ, крутые береговые утесы, которые спускаются къ Любеку. Было добрыхъ двѣ версты до этихъ утесовъ. Я не умѣлъ плавать—мѣсто, на которомъ мы стали на мель (мы и не замѣтили, какъ это случилось), было по всей вѣроятности не глубоко, но волны были очень велики. И все таки, какъ только я увидѣлъ скалы, увѣренность, что я спасенъ, овладѣла мною—и къ изумленію окружающихъ меня лицъ я нѣсколько разъ подпрыгнулъ и крикнулъ: „ура!“ Я не захотѣлъ подойти ближе къ тому мѣсту, гдѣ толпа тѣснилась, чтобы добраться до лѣстницы, которая вела къ большой шлюпкѣ,—тамъ было много женщинъ, стариковъ и дѣтей; да я съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ скалы, уже и не торопился больше: я былъ увѣренъ, что спасенъ. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что почти никто изъ дѣтей не выказывалъ страха, что нѣкоторые изъ нихъ даже засыпали на рукахъ у матерей. Ни одинъ ребенокъ не погибъ.

Я увидѣлъ среди группы пассажировъ высокаго генерала; съ плэтья его текла вода; онъ стоялъ, неподвижно, опираясь на постановленную стоймя лавку, которую онъ только что оторвалъ. Старый солдатъ поклялся сойти съ корабля только послѣднимъ, послѣ капитана. Онъ былъ высокаго роста, блѣденъ, съ кровавой ссадиной на лбу, и глядѣлъ вокругъ взглядомъ сокрушеннымъ и покорнымъ, точно-бы просилъ прощенья.

Въ это время я приблизился къ лѣвому борту корабля и увидѣлъ нашу меньшую шлюпку, пляшущую на волнахъ, какъ игрушка; два находившіеся въ ней матроса знаками приглашали пассажировъ сдѣлать рискованный прыжокъ въ нее—но это было не легко: „Николай I“ былъ линейный корабль и нужно было упасть очень ловко, чтобы не опрокинуть шлюпки. Наконецъ я рѣшился: я началъ съ того, что сталъ на якорную цѣпь, которая была протянута снаружи вдоль корабля, и собирался сдѣлать скачокъ, когда толстая, тяжелая и мягкая масса обрушилась на меня. Женщина уцѣпилась мнѣ за шею и недвижно повисла на мнѣ. Признаюсь, первымъ моимъ побужденіемъ было насильно перебросить ея руки черезъ мою голову и такимъ образомъ отдѣлаться отъ этой массы; къ счастью я не послѣдовалъ этому побужденію. Толчокъ чуть не сбросилъ насъ обоихъ въ море, но къ счастью тутъ-же передъ моимъ носомъ, болтался, вися неизвѣстно откуда, конецъ веревки, за который я уцѣпился одною рукою, съ озлобленіемъ, ссаживая себѣ кожу до крови... потомъ, взглянувъ внизъ, я увидѣлъ, что я и моя ноша нахо-

димся какъ разъ надъ шлюпкою и... тогда съ Богомъ! Я скользнулъ внизъ... лодка затрещала во всѣхъ швахъ... Ура! крикнули матросы. Я уложилъ свою ношу, находившуюся въ обморкѣ, на дно лодки и тотчасъ обернулся лицомъ къ кораблю, гдѣ увидѣлъ множество головъ, особенно женскихъ, лихорадочно тѣснившихся вдоль борта.

„Прыгайте!“ крикнулъ я, протягивая руки. Въ эту минуту успѣхъ моей смѣлой попытки, увѣренность, что я въ безопасности отъ огня, придавали и мнѣ несказанную силу и отвагу, и я поймалъ единственныхъ трехъ женщинъ, рѣшившихся прыгнуть въ мою шлюпку, также легко, какъ ловятъ яблоки во время сбора. Нужно замѣтить, что каждая изъ этихъ дамъ непремѣнно рѣзко вскрикивала въ ту минуту, когда бросалась съ корабля и, очутившись внизу, падала въ обморокъ. Одинъ господинъ вѣроятно одурѣвшій съ перепугу, едва не убилъ одну изъ этихъ несчастныхъ, бросивъ тяжелую шкатулку, которая разбилась, падая въ нашу лодку, и оказалась дорогимъ нессесеромъ. Не спрашивая себя, имѣю-ли я право разпоряжаться ею, я тотчасъ подарилъ ее двумъ матросамъ, которые точно также безъ всякаго стѣсненія приняли подарокъ. Мы тотчасъ стали грести изо всѣхъ силъ къ берегу, сопровождаемые криками: „Возвращайтесь скорѣе! пришлите намъ назадъ шлюпку!“ Поэтому, когда оказалось не больше аршина глубины, пришлось вылѣзать. Мелкій, холодный дождикъ уже съ часъ какъ моросилъ, не оказывая никакого вліянія на пожаръ, но насъ онъ промочилъ окончательно.

Наконецъ мы добрались до этого желаннаго берега, который оказался ничѣмъ инымъ, какъ обширной лужей жидкой и липкой грязи, гдѣ ноги вязли по колѣно.

Но лодка быстро удалилась и, также какъ и большая шлюпка, принялась сновать между кораблемъ и берегомъ. Пассажировъ погибло мало, всего восемь: одинъ упалъ въ угольный трюмъ; другой утонулъ, потому что захватилъ съ собою всѣ свои деньги.

Что касается до багажа, то онъ почти весь погибъ, также какъ и экипажи.

И. С. Тургеневъ.

Каменный уголь.

Каменный уголь черенъ, блеститъ и твердъ, какъ камень. Давно, за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, когда на землѣ было такъ жарко, что люди и многія животныя не могли жить на ней, земля была покрыта лѣсами, вокругъ которыхъ простирались безконечныя моря. Лѣса состояли изъ высокихъ роскошныхъ деревъ, въ родѣ нашей пальмы. Въ лѣсу между деревьями росла трава въ нѣсколько саженъ вышиною. Но въ этой травѣ не копошились жучки и букашки, а въ лѣсу не было порхающихъ бабочекъ и весело поющихъ птичекъ: въ немъ было тихо и скучно. Такъ росли деревья многіе и многіе годы; старые стволы вымирали и сваливались въ сырое болото, которое и покрывало ихъ густымъ слоемъ тины. Надъ ними выростали новыя деревья; въ свою очередь и они слѣдовали за старыми. Но вотъ наступила буря: моря разливаются, вода подмываетъ корни, и великаны-деревья падаютъ, какъ срубленныя топоромъ, а тина покрываетъ все больше и больше эти громадные древесные стволы. Морскія волны наносятъ на нихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе песку, камней и проч. Эти массы становятся наконецъ такъ тяжелы, что сильно сдавливаютъ стволы и, по прошествіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, подъ слоемъ песку и земли, вмѣсто стройнаго дерева, вы видите черные каменистые куски— это и есть *каменный уголь*.

Наводненіе кончилось. На землѣ живутъ уже люди,—они строятъ города, имъ нужно тепло, и они топятъ печи дровами; но вотъ наступаетъ время, когда по морямъ и рѣкамъ плаваютъ пароходы, по землѣ во всѣ стороны движутся паровозы, на фабрикахъ вмѣсто людей работаютъ машины. Всѣмъ имъ надо топливо, и начинаютъ они подумывать! что имъ такъ, пожалуй, и лѣса не хватитъ. Тутъ-то люди стали искать, чѣмъ бы замѣнить дрова, и напали на каменный уголь.

Чтобы добраться до него, они вырыли огромныя ямы, похожія на колодцы, провели подъ землю много галлерей и стали ломать уголь.

Каждое утро спускаются подъ землю на веревкахъ черные, какъ трубочисты, рабочіе. У каждаго изъ нихъ по фонарю и желѣзному лому. Одни выбиваютъ имъ изъ стѣнъ галлерей куски угля, другіе собираютъ ихъ въ телѣжки и поручаютъ мальчикамъ везти эти телѣжки къ выходу; часто галлереи такъ низки,

что мальчикамъ приходится подталкивать свои телѣжки, лежа на землѣ. Трудно приходится мальчуганамъ за этой тяжелой работой. Они не выдерживаютъ ея и, выбившись изъ силъ, засыпаютъ за своимъ дѣломъ; при этомъ не рѣдко случается, что куски угля, отрываясь съ потолка, попадаютъ имъ въ голову и убиваютъ ихъ.

Изъ телѣжекъ уголь живо накладывается въ корзины, поднимается на верхъ, откуда его по желѣзной дорогѣ привозятъ на берегъ рѣки. Тамъ наваливаютъ грузъ на корабли, которые и развозятъ уголь по всѣмъ странамъ. Одно и тоже повторяется каждый день; паровозъ отдыхаетъ только по воскресеньямъ и въ случаѣ несчастія въ каменноугольныхъ копяхъ.

А несчастіе можетъ случиться легко. Часто вода прорывается въ галлереи, затопляетъ ихъ, и вмѣстѣ съ ними и рабочихъ, не успѣвшихъ во время выбраться.

Но еще большее несчастіе—когда вспыхнетъ газъ, накопившійся въ копяхъ; тогда разваливаются галлереи и засыпаютъ рабочихъ. Къ счастью, случается это рѣдко, и то отъ неосторожности самихъ рабочихъ, которые открываютъ свой фонарь: фонарь—или, лучше сказать, лампа такъ устроена, что если она заперта, то газъ вспыхнуть не можетъ.

Изъ копей корабли, пароходы и паровозы быстро развозятъ каменный уголь во всѣ стороны и часть его, даже очень большая, попадаетъ на газовые заводы.

К. К. Веберъ.

Что такое соль и гдѣ ее берутъ.

„Хлѣбъ да соль“—говоритъ русская пословица; и эта пословица, которая оцѣниваетъ соль наравнѣ съ хлѣбомъ, ясно указываетъ на значеніе соли между веществами, составляющими нашу пищу. Каждый знаетъ,—изъ чего хлѣбъ приготовляется, откуда берется зерно, необходимое для приготовленія хлѣба. Но далеко не каждому извѣстно, откуда берется соль, нами потребляемая, потому что потребителю не приходится самому для себя заготовлять соль на подобіе хлѣба. Дѣло потребителя только купить соль и употребить ее въ пищу. Каждый знаетъ, что хлѣбъ питателенъ. Да и какъ не знать, когда хлѣбъ зачастую у многихъ составляетъ единственную пищу. Соль-же немногими лишь счи-

тается за необходимую пищу; соль обыкновенно считаютъ только вкусною пищею, т. е. приправою для приданія пищѣ извѣстнаго вкуса. Почему-же это? Во-первыхъ потому, что соль употребляется въ безъ сравненія меньшемъ количествѣ, нежели хлѣбъ. Во-вторыхъ потому, что мы сами не замѣчаемъ, сколько съѣдается нами соли, такъ какъ соль, безъ нашего вѣдома, содержится въ другой употребляемой нами пищѣ. Какъ-же не считать хлѣбъ важною и необходимою пищею, напр. рабочему человѣку, послѣ того что онъ съѣлъ до 6 ф. въ однѣ сутки? Какъ-же считать соль необходимою пищею, когда со всѣми этими шестью фунтами хлѣба съѣдена только небольшая горсточка соли! Ежели соли не случилось, то хлѣбъ съѣдается и безъ соли; но не было еще примѣра, чтобы приголодавшійся рабочій человѣкъ съѣлъ-бы одной соли голой, безъ хлѣба, и почувствовалъ-бы себя сытымъ. А между тѣмъ соль необходима для насъ на столько-же, какъ и хлѣбъ; она есть такая-же пища, а совсѣмъ не только приправа для кушанья. Соль содержится во всѣхъ твердыхъ частяхъ нашего тѣла, за исключеніемъ только зубной эмали, покрывающей зубы. Соль необходима для образованія желчи и помогаетъ желудку переваривать пищу. Соль, принятая нами въ пищу, вмѣстѣ съ кровью, изъ пищи образующеюся, разносится по нашему тѣлу; избытокъ-же соли выдѣляется такъ-же, какъ выдѣляются ненужныя части всякой другой пищи: она также выходитъ изъ тѣла вмѣстѣ съ испариною. Поэтому, какъ вѣроятно замѣтили многіе, испарина или потъ бываетъ всегда соленаго вкуса. Недостатокъ соли приводитъ тѣло въ болѣзненное состояніе. Въ прошлое время одно изъ самыхъ мучительныхъ наказаній, которымъ подвергали преступниковъ, состояло въ томъ, что ихъ кормили пищею, не содержащею въ себѣ соли. Не смотря на достаточное количество такой пищи, несчастные умирали мучительною смертью. Однажды, во время неурожайнаго года, въ нѣмецкомъ государствѣ Саксоніи, народъ принужденъ былъ питаться однимъ картофелемъ. Черезъ нѣсколько времени появилась болѣзнь, схожая съ цынгою, отъ которой умирало множество народа; только рудокопы, которые работали въ соляныхъ рудникахъ и которые получали въ изобиліи соль, оставались здоровы. Когда обратили на это вниманіе, стали давать больнымъ соль, и болѣзнь тотчасъ прекратилась.

Соль употребляютъ въ пищу съ незапамятнаго времени. Книги, написанныя людьми, жившими до Рождества Христова, говорятъ о народахъ, которые приправляли кушанье соленымъ

углемъ, выжженнымъ изъ какого-то дерева, и придавали этому углю высокую цѣну. Нѣсколько болѣе 100 лѣтъ тому назадъ тунгузы и казаки въ Сибири солили рыбу золою, которую получали, пережигая морскія растенія, и цѣнили эту золу такъ высоко, что продавали 1 ф. отъ 1 р. до 1 р. 50 к., что составляетъ отъ 40 р. до 60 р. за пудъ. Слѣдовательно, дороже платили за фунтъ, чѣмъ мы за пудъ платимъ. Пища, которою питается человѣкъ, всегда содержитъ въ себѣ нѣкоторое количество соли.

Общее количество соли, которое человѣкъ съѣдаетъ ежедневно въ той пищѣ, которою питается, равняется одной шестой части золотника, а это весьма небольшое количество. Но отсюда понятно, что соль неизбѣжно служитъ составною частью нашей пищи, даже если-бы мы не примѣшали ея съ намѣреніемъ. Это незначительное количество соли недостаточно для питанія. Каждый знаетъ, сколько соли прибавляютъ еще при ежедневномъ приготовленіи пищи, и сколько соли заключается еще въ солонинѣ, соленыхъ огурцахъ, селедкѣ и проч. Соль въ соленьяхъ, кромѣ придачи извѣстнаго вкуса, оказываетъ двѣ услуги: во 1-хъ, прибавляетъ къ солимой пищѣ полезную питательную составную часть; во 2-хъ, предохраняетъ пищу отъ порчи и позволяетъ сохранять ее долгое время. При соленіи мяса соль вытягиваетъ изъ него воду, а мясо дѣлается плотнѣе. Каждому вѣроятно приходилось замѣтить, что солонина гораздо плотнѣе, гораздо труднѣе рѣжется ножемъ, чѣмъ говядина. Кромѣ того соль пробирается вездѣ, гдѣ возможно, внутри мяса, наполняетъ и замыкаетъ всѣ ходы, которые находитъ при этомъ, и, такимъ образомъ, какъ-бы закрываетъ его отъ дѣйствія воздуха; а это и важно при сохраненіи пищи на долгое время.

Соль полезна не только какъ пища. Она положила начало цѣлой фабричной промышленности. Существуетъ огромное множество заводовъ, которые перерабатываютъ соль на соду, глауберову соль, соляную кислоту и бѣлильную известь, вещества, которыя входятъ въ составъ лекарствъ, излечивающихъ насъ отъ болѣзней, или-же въ громадномъ количествѣ употребляются при различныхъ фабричныхъ производствахъ, напр. мыловареніи и стеклодѣліи.

Кромѣ того, соль въ нѣкоторыхъ случаяхъ составляетъ неоцѣнимое удобреніе, и, наконецъ, она составляетъ драгоцѣнный кормъ для скота. Соль имѣетъ по-истинѣ большое значеніе для человѣка. Къ сожалѣнію, только не всѣ понимаютъ это и пользуются ею.

Въ Россіи употребляютъ ежегодно соли не только въ пищу, а и на что-бы то ни было, около 50 милліоновъ пудовъ. Если это количество раздѣлить поровну всѣмъ людямъ, въ Россіи живущимъ, то на каждаго человѣка придется по $23^3/_4$ ф. ежегодно. Употребленіе соли за границею гораздо значительнѣе. Въ Англіи, напримѣръ, на одного человѣка считается 50 фунтовъ.

Откуда-же берется все потребляемое количество соли? А вотъ откуда.

Соль или залегаетъ въ землѣ громадными, тянущимися иногда на большое протяженіе, прозрачными пластами, какъ напримѣръ каменная соль, или содержится въ текущихъ подъ землею, для насъ невидимыхъ, соляныхъ источникахъ, также въ морской водѣ и въ нѣкоторыхъ озерахъ. У насъ въ Россіи, въ той сторонѣ, куда течетъ рѣка Волга, 68 верстъ за городомъ Оренбургомъ, около города Илецка, лежитъ Илецкое мѣсторожденіе каменной соли. Соль залегаетъ въ этомъ мѣсторожденіи сплошною массою на протяженіи 3-хъ квадратныхъ верстъ, а въ глубину идетъ, сколько пока извѣстно, почти на 67 саженъ. Считая отъ поверхности земли, она лежитъ въ разныхъ мѣстахъ на глубинѣ отъ 3 до 10 саженъ, а сверху покрыта смѣсью песка съ глиною.

Разработка соли производится такимъ образомъ: на извѣстномъ пространствѣ срываютъ землю до соляного слоя и вырубаютъ ее правильными кусками, которые называются *кабанами*. Кабаны вырубаютъ такъ, что въ разработываемомъ соляномъ слоѣ образуются правильные уступы. Кабаны разбиваются на болѣе мелкіе куски клиньями или киркою. Куски составляютъ, такъ называемую, комовую соль, а осколки и порошокъ, которые непремѣнно получаются при вырубкѣ кабановъ и ихъ разбиваніи, составляютъ соль мелкую. Какъ комовую, такъ и мелкую соль, выносятъ на носилкахъ или тачками и складываютъ въ бугры; мелкую-же соль помѣщаютъ въ амбары. Въ этомъ и состоитъ вся работа добыванія илецкой соли. Полученная соль совершенно чиста и употребляется прямо въ пищу.

Иногда соль выдается мѣстами до самой поверхности земли, и выходитъ даже выше ея обнаженными соляными холмами. Въ Сибири, въ Якутской области, находится обнаженный соляной утесъ въ 200 саж. длиною и отъ 30 до 60 шириною.

Способъ выработки илецкой каменной соли, какъ видно, вовсе не мудренъ и не сложенъ, а самая работа представляетъ мало интереснаго. Гораздо интереснѣе разработывается каменная соль

во многихъ мѣстахъ за границею. Въ Галиціи лежитъ городъ Величка, въ которомъ находится богатѣйшее мѣсторожденіе каменной соли.

Соль лежитъ въ мѣсторожденіи не отдѣльными глыбами, а одною цѣльною массою, а потому ни стѣнки, ни потолъ не требуютъ новыхъ подпоръ или поддержекъ; но за то не мало труда и силы должно идти на выломку каменной соли. Ни одинъ кусокъ каменной соли не поддается лопатѣ; все приходится медленно съ трудомъ выламывать киркою, или-же взрывать порохомъ. Рабочіе просверливаютъ буравомъ глубокое узкое отверстіе, насыпаютъ въ него щепотку пороха, вставляютъ фитиль и затѣмъ засыпаютъ мелкою солью; конецъ фитиля выходитъ изъ отверстія. Когда нѣсколько такихъ отверстій заправлено фитилями и порохомъ, фитили зажигаютъ, и рабочіе быстро бѣгутъ за ближайшій предохранительный столбъ. Порохъ взрываетъ. Громъ и гулъ идутъ по всѣмъ подземнымъ солянымъ ходамъ, и большія глыбы соли съ силою отбрасываются во всѣ стороны кусками иногда значительной величины или мелкими осколками; и бѣда, если рабочій во время не успѣетъ забѣжать довольно далеко. Крупные оторванные куски соли разрываются порохомъ, а мелкіе разбиваются киркою. Разбитую на небольшіе куски соль нагружаютъ на тележки и везутъ по рельсамъ, положеннымъ въ галлереяхъ до шахты. Здѣсь ставятъ тележки съ солью на платформу, которую по блоку, на цѣпяхъ или на веревкахъ, спускаютъ сверху, и машиною поднимаютъ на поверхность земли. Или-же разбитая соль нагружается прямо въ бочки.

Каждому извѣстно, что существуютъ во многихъ мѣстахъ подземные ключи. Эти ключи образуются такъ: вода дождевая или снѣговая, просачиваясь въ землю, доходитъ наконецъ до слоя земли, который не пропускаетъ ея далѣе, напримѣръ глинистый слой, и растекается по этому слою, отыскивая себѣ выхода. Отыскавъ, гдѣ глинистый слой идетъ наклонно или покато, вода начинаетъ пробираться по этой покатости и течетъ будто жилами, подъ землею, образуя подземный ключъ. Ежели вода, просачиваясь въ землю, или пробираясь подъ землею, на пути своемъ встрѣчаетъ слой каменной соли; то она распускаетъ въ себѣ эту соль, насыщается ею и образуетъ тогда соляной ключъ. Такой соляной ключъ течетъ подъ землею, пока земляной слой, по которому онъ протекаетъ, дойдя напримѣръ до какого нибудь низкаго мѣста, самъ выходитъ на поверхность земли; тогда

и соленая вода течетъ уже поверхъ земли ручейкомъ, проложивъ себѣ русло. Такъ образуется соляной источникъ. Если вода, просачиваясь съ поверхности земли и напавъ на каменную соль, размоетъ ее сильно о образуетъ въ ней понемногу углубленіе или водоемъ, то она собирается въ этомъ углубленіи, и чѣмъ больше идетъ времени, тѣмъ она болѣе насыщается солью, и тѣмъ больше становится самъ водоемъ, въ которомъ она собралась подъ землею. Ежели соляной ключъ, выходящій изъ подъ земли, попадаетъ въ котловину, то вода наполняетъ его и образуетъ соляное озеро.

Для того чтобы пользоватьея водою, которая течетъ подъ землею или собралась въ водоемѣ подземномъ,—роютъ колодцы. Вода, которая подъ землею не имѣетъ для себя свободнаго и просторнаго помѣщенія, устремляется въ колодезь и наполняетъ его. Чѣмъ менѣе водѣ было простора подъ землею, тѣмъ быстрѣе наполняется колодезь, тѣмъ съ большою силою, съ большимъ напоромъ выходитъ вода изъ земли; и иногда напоръ этотъ настолько силенъ, что вода разомъ высокою струею—фонтаномъ—вырывается изъ колодезя. Какъ простую воду выводятъ изъ подъ земли, такъ же выводятъ изъ подъ земли и соляную воду.

Кромѣ соляныхъ ключей и каменной соли, у насъ есть соляныя озера. Многія изъ этихъ озеръ значительно усыхаютъ въ жаркое лѣтнее время, и тогда соль въ водѣ, распущенная сама собою, осаждается по дну и стѣнкамъ озера. Такія озера и называются потому *самосадочными*. Тѣ же озера, которыя не усыхаютъ въ жаркое время, называются *лиманами*.

На правой сторонѣ рѣки Волги, въ Астраханской губерніи, лежитъ богатѣйшее самосадочное соленое озеро *Элтонское* (площадь озера составляетъ 20,000 десятинъ, длина 18 верстъ, ширина 14 верстъ). Дно его сплошь покрыто самосадочною солью, поверхъ которой и стоитъ соленая вода, называемая *рапою*. Озеро уже разработывается около 120 лѣтъ, и въ теченіи этого времени изъ него добыто болѣе 500 милліоновъ пудовъ соли. Озеро лежитъ въ степи, далеко отъ мѣстъ населенныхъ. Рабочій народъ приходитъ на это озеро въ маѣ мѣсяцѣ, обыкновенно изъ Пермской губерніи, и работаетъ до октября. Утромъ, съ зарею, рабочіе садятся на дощанникъ (плоская большая барка) и идутъ на озеро. Озеро не глубоко, и рабочіе, доѣхавъ до назначеннаго мѣста, слѣзаютъ въ озеро, и, ставши въ кружокъ, лопатами роютъ соль на днѣ, и, сполоснувъ въ рапѣ, наклады-

ваютъ въ дощанникъ. Когда дощанникъ нагрузили достаточно, то ѣдутъ обратно, и, подъѣхавъ къ пристани, сбрасываютъ соль, не выходя изъ дощанника, на ровную насыпь, на которой соль и лежитъ для стеканія рапы. А затѣмъ складываютъ соль въ бугоръ. Каждый готовый бугоръ заключаетъ до 100 т. пудовъ соли, и соль извлекается въ теченіи 34 дней. Работа идетъ отъ зари до полудня. Нестерпимая жара, которая доходитъ до 45 градусовъ, не дозволяетъ продолжать работу послѣ полудня. Готовый бугоръ заливается рапою, которая застываетъ на немъ корою и предохраняетъ его отъ дождя. Изъ бугровъ уже соль грузится—когда надо (обыкновенно въ слѣдующее лѣто) на фуры, и идетъ обозомъ по особому солевозному тракту, на протяженіи 150 верстъ до Волги. А затѣмъ по Волгѣ развозится далѣе.

Запасъ соли у насъ въ Россіи громаденъ. Мы могли бы не только самихъ себя легко прокормить нашею солью, но могли бы ее въ большихъ количествахъ отсылать за границу. Но на дѣлѣ оказывается не такъ. Мы не только не посылаемъ соли за границу, но даже изъ 50 милліоновъ пудовъ употребляемой нами соли, только нѣсколько болѣе 30 мил. пудовъ—соль наша русская; а остальное мы находимъ выгоднѣе получать изъ за границы. Соли много у насъ, но велики разстоянія, на которыя приходится везти соль отъ ея мѣсторожденія. А дороги у насъ плохія, желѣзныя-же дороги, которыя проводятъ за границею чуть не черезъ каждый маленькій городъ, у насъ только въ послѣдніе годы начали строиться. Потому и обходится дешевле получить иногда соль изъ за границы. Этимъ-же объясняется и дороговизна соли. Вслѣдствіе дороговизны, соль употребляется не въ такомъ количествѣ какъ-бы слѣдовало. Впрочемъ, это зависитъ не только отъ дороговизны, а и отъ непониманія той пользы, которую можно имѣть отъ соли.

Скажемъ нѣсколько словъ о соли, какъ о кормѣ для скота. „Фунтъ соли—фунтъ сѣна“, говорятъ англичане, заготовляя кормъ для скота, и эта поговорка справедлива какъ нельзя болѣе. Соль для скота на столько же необходима, какъ и для человѣка. Кому не извѣстно, съ какою жадностью скотъ съѣдаетъ даваемую ему соль, или выпиваетъ соленое пойло. Кто не видалъ, какъ скотина лижетъ каменья, слизывая съ нихъ соленыя частицы, вывѣтренныя или изъ самаго камня, или оставшіяся отъ высохшаго собственнаго ихъ испаренія. Въ странахъ, гдѣ водятся дикіе звѣри, ими протоптаны цѣлыя тропинки, ведущія

къ такому мѣсту, гдѣ соль залегаетъ на поверхности земли; и звѣри проходятъ иногда громадныя разстоянія отъ своего жилища для того, чтобы попитаться солью.—Какъ тѣло человѣка заключаетъ въ себѣ соль, такъ и тѣло животнаго. Тѣло при движеніи или работѣ животнаго истощается; составныя части его расходуются. Для того чтобы поддерживать тѣло постоянно въ здоровьи и силѣ, надо подновлять его израсходованныя части. Ясно отсюда, что надо вносить въ тѣло животныхъ и соль, которая служитъ его составною частію и количество которой безъ подновленія совсѣмъ расходуется. Отсутствіе соли въ тѣлѣ животнаго ведетъ за собою, какъ и у человѣка, болѣзненное состояніе. Часть соли уже готовая заключается въ кормѣ животнаго, другая часть необходимо должна быть прибавляема въ видѣ придачи соли. Съ цѣлію изслѣдовать соль какъ кормъ для травоядныхъ животныхъ, были сдѣланы слѣдующіе опыты. Взяты были двѣ партіи быковъ одинаковаго вѣса и возраста: обѣ партіи кормились одинаковою пищею, только одна изъ нихъ получала въ придачу соли по 8 золотниковъ на каждаго быка ежедневно, другая—соли въ придачу вовсе не получала. Такъ кормили быковъ въ продолженіи 13 мѣсяцевъ, и замѣтили слѣдующее: къ концу года одинъ быкъ изъ второй партіи (изъ той, которая вовсе не получала соли) заболѣлъ опасною болѣзнью кишечнаго канала, тогда какъ всѣ быки во второй партіи были постоянно здоровы. Быки первой партіи съѣдали кормъ скорѣе и аппетитъ ихъ былъ сильнѣе, чѣмъ у быковъ второй партіи. Да и въ продолженіи всѣхъ 13-ти мѣсяцевъ быки, получавшіе соль, выглядѣли гораздо веселѣе и здоровѣе, такъ что даже неопытный человѣкъ могъ изъ всей партіи отличить тѣхъ быковъ, которыхъ кормили съ придачею соли, по ихъ здоровому виду. Быки первой партіи были проданы съ выгодою послѣ 13-ти мѣсяцевъ; быковъ же второй партіи надо было еще кормить уже съ припридачею соли, чтобы продать съ тою же выгодою.

Такіе же опыты были слѣланы съ телятами и овцами, и показали тоже. Вѣсъ телятъ, которые получали соль, былъ замѣтно болѣе вѣса тѣхъ, которые соли не получали. Мясо животнаго, кормленнаго съ придачею соли, всегда охотно покупается мясникомъ тамъ, гдѣ введено употребленіе соли при откармливаніи животныхъ. Соль способствуетъ ожирѣнію животнаго. Соль помогаетъ пищеваренію, и съ ея помощію желудокъ извлекаетъ изъ пищи болѣе питательныхъ веществъ для тѣла, слѣдо-

вательно то-же количество пищи приноситъ при употребленіи соли болѣе пользы. Соль, питая тѣло, служитъ въ то же время будто лекарствомъ. Во 1-хъ, она имѣетъ слабительное дѣйствіе; во 2-хъ, животное, потребляющее соль, становится здоровѣе, и слѣдовательно лучше выноситъ болѣзнь, если она его постигнетъ, или даже вовсе не заболѣваетъ. Колики и болѣзни внутренностей бываютъ у нихъ много рѣже; глисты, также чахотка, отъ которой мретъ обыкновенно очень много овецъ, только рѣдко замѣчается между овцами, которыя получаютъ придачу соли. Тамъ, гдѣ вошла въ обыкновеніе придача соли домашнему скоту, повальныя болѣзни появляются гораздо рѣже, и когда появляются, то скотъ выдерживаетъ ихъ много выносливѣе.

„Неизвѣстно, откуда появилась въ нашемъ селѣ, пишетъ одинъ землевладѣлецъ, повальная болѣзнь. Пала телка, за нею корова, и падежъ распространился. Только я, одинъ крестьянинъ и одинъ дворовый человѣкъ давали скоту постоянно немного соли, и скотъ нашъ, числомъ болѣе 70 головъ, остался невредимъ, тогда какъ у другихъ, которые не давали соли скотинѣ, почти вся она погибла отъ повальной болѣзни.

Въ имѣніи одного русскаго землевладѣльца скотъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, не смотря на то, что недостатка въ кормѣ не было. Скотъ валился отъ заразительныхъ болѣзней; удой молока былъ дурной и очень велика смертность между телятами. Опытный скотоводъ, приглашенный землевладѣльцемъ изъза границы, гдѣ уже давно знаютъ пользу, которую соль приноситъ для скота, потребовалъ для скота соли по 2 пуда на корову и по одному пуду на холостую скотину. По дороговизнѣ соли, однако рѣшено было давать по одному пуду въ годъ на корову и по 12 ф. на холостую скотину. Съ этихъ поръ, не смотря на падежи, которые были у крестьянъ того же селенія, скотъ этого землевладѣльца былъ здоровъ постоянно; удой молока у коровъ увеличился, а смертность между телятами уменьшилась на 25 процентовъ.

Приведенныхъ мною примѣровъ достаточно, чтобы видѣть ту пользу, которую соль приноситъ нашей домашней скотинѣ. Во многихъ мѣстахъ заграницею уже давно это поняли. У насъ еще мало понимаютъ неоцѣнимую пользу соли, за то рѣдко гдѣ и бываетъ столько, сколько у насъ, повальныхъ болѣзней. Въ 10 лѣтъ погибло у насъ рогатаго скота болѣе 35 милліон. го-

ловъ, что составитъ, если каждую голову оцѣнить только въ 5 руб., почти 17 м. р. потери.

Соль даютъ домашней скотинѣ различнымъ образомъ: ее или всыпаютъ въ пойло, или смачиваютъ сухой кормъ соленою водою, или кладутъ кусокъ каменной соли въ стойлѣ (въ ясли), или въ томъ мѣстѣ, гдѣ пасется скотъ, и животное лижетъ соль по желанію. Также насыпаютъ солью мѣшки и, завязавъ, вѣшаютъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ-бы скотина могла достать.

Е. Рейнботъ.

Всенощная въ деревнѣ.

Приди ты, немощный,
Приди ты радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной,
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится!...
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая,
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая;
И службы Божія
Богато справлены,
Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ и младъ войдетъ:
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится...
И стройно клирное
Несется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,

О всѣхъ трудящихся.
И заходящими
Лучами сильными
И вкось блестящими·
Столбами пыльными
Отъ солнца Божій храмъ
Горитъ и свѣтится.

К. Аксаковъ.

Стекла и зеркала.

Разсказываютъ, что давнымъ давно нѣсколько финикійскихъ купцовъ захотѣли сварить себѣ похлебку; такъ какъ подъ рукой у нихъ ничего небыло, то котелъ поставили на большихъ кускахъ селитры и развели подъ нимъ огонь. Съѣвши похлебку, они замѣтили, что селитра сплавилась съ пескомъ и образовала прозрачный, хрупкій кусокъ стекла. Правда это или нѣтъ, мы не знаемъ. Извѣстно только, что первыя стекляныя фабрики построили дѣйствительно финикіяне (народъ, жившій въ Азіи, на берегу Средиземнаго моря). Этотъ народъ умѣлъ даже окрашивать стекла въ различные цвѣта, выдувать изъ стекла разныя вещи и дѣлать плоскія стекла; но послѣднія были такъ не велики, что кусокъ побольше вставлялся въ золотыя рамки и стоилъ очень дорого. Гораздо лучше стали дѣлать стекла въ другой странѣ—Египтѣ (въ Сѣв. Африкѣ), гдѣ изъ стекла выливались огромныя колонны для языческихъ храмовъ.

Затѣмъ стекла стали приготовлять и въ Европѣ, гдѣ своимъ искусствомъ особенно славилась одна страна—Венеція. Въ ней готовились стекла, въ серединѣ которыхъ блестѣли какъ-бы золотыя звѣздочки. Русскіе прежде получали стекла и зеркала изъ Венеціи, но 200 лѣтъ тому назадъ около Москвы былъ построенъ первый стекляный заводъ. Какъ дороги были стекла въ то время, видно изъ книжекъ тогдашняго времени. Въ нихъ описывали дворцы, храмы и непремѣнно упоминали о домахъ, гдѣ въ два-три окна были вставлены стекла. Затѣмъ стекла стали все дешевле и дешевле, и теперь они встрѣчаются какъ во дворцахъ, такъ и въ бѣдной крестьянской хижинѣ.

Кромѣ оконъ въ каждомъ домѣ бываетъ множество полезныхъ вещей, сдѣланныхъ изъ стекла. Что такое стекло—каждый

знаетъ; но многіе-ли знаютъ, откуда берется это твердое и хрупкое вещество, изъ котораго можно сдѣлать столько хорошихъ вещей? Кто не слыхалъ, изъ чего приготовляютъ стекло, тотъ пожалуй, не повѣритъ, что обыкновенное стекло дѣлается изъ песку, извести и поташа. Какъ-же попадаетъ въ стекло известь, которой бѣлятъ стѣны домовъ? Неужели въ стеклѣ есть всѣмъ знакомый песокъ и бѣлый порошокъ поташъ (получается изъ золы)? Чтобы узнать все это, стоитъ только сходить на стекляный заводъ; тамъ мы увидимъ много интереснаго.

Прежде всего посмотримъ, какъ приготовляется простое стекло. Для него рабочіе выбираютъ самый лучшій бѣлый песокъ и поташъ. Все это толкутъ хорошенько, смѣшиваютъ и сильно нагрѣваютъ въ печкѣ, чтобы выгнать всю воду. Это называется подготовкой. Затѣмъ смѣсь насыпаютъ въ глиняный горшокъ и ставятъ въ особо устроенную печь—*стекловарню*. Въ ней смѣсь нагрѣвается до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается красной. Мало по малу она размягчается; песокъ, известка и поташъ сплавляются и принимаютъ видъ тѣста; это и будетъ мягкое стекло.

Одинъ изъ рабочихъ беретъ длинную желѣзную трубку съ деревянной сквозной ручкой. Онъ опускаетъ ее въ горшокъ съ жидкимъ стекломъ; къ концу трубки пристаетъ небольшой комокъ стекла, что только и нужно рабочему. Онъ беретъ другой конецъ трубки въ ротъ и дуетъ въ нее. Въ то-же время онъ то вертитъ ее кругомъ, то поднимаетъ, то опускаетъ. Комокъ раздувается все больше и больше, дѣлается шаромъ, а потомъ—большой и широкой трубкой и широкимъ дномъ. По окончаніи выдуванія, работникъ беретъ изготовленную вещь, нагрѣваетъ конецъ ея, пока онъ не размягчится и потомъ сильно дуетъ. Отъ этого конецъ прорывается и образуется отверстіе. Чтобы обрѣзать съ концовъ вещь, работникъ беретъ каплю изъ расплавленнаго стекла, растягиваетъ ее въ нить и обвиваетъ обѣ окопечности вещи. Тогда концы отдѣляются ровно. Стеклянную трубку разрѣзываютъ вдоль, прикладывая къ ней каленую желѣзную палочку и вспрыскивая затѣмъ нагрѣтыя мѣста водою. Теперь рабочему остается только нагрѣть стеклянную вещь въ печкѣ, отчего она размягчается, и потомъ развернуть теплой желѣзной палочкой на деревянной доскѣ. Тогда оконное стекло готово.

Стаканы также выдуваютъ. Но такіе стаканы трудно дѣлать и оттого они очень дороги. Большею-же частью ихъ готовятъ болѣе легкимъ способомъ—выливаютъ. Вынувъ изъ горшка же-

лѣзную трубку, работникъ вставляетъ ея конецъ съ приставшимъ къ нему жидкимъ стекломъ въ нагрѣтую бронзовую форму, имѣющую видъ стакана. Такая форма состоитъ изъ двухъ половинокъ, которыя могутъ разниматься. Чтобы стекло всю форму наполнило, работникъ дуетъ въ трубку; при этомъ стекло раздувается, прижимается къ стѣнкамъ формы и по немногу принимаетъ видъ ея. Тогда работникъ особыми ножницами подрѣзываетъ края стекла, раскрываетъ форму и вынимаетъ изъ нея готовый стаканъ. Остается только сплавить края его.

Точно также работникъ дѣлаетъ графины и рюмки. Готовые стаканы, рюмки, графины ставятъ опять въ печь; въ ней стеклянныя вещи сперва нагрѣваются, а потомъ по немногу охлаждаются. Черезъ это онѣ не лопаются отъ горячей или очень холодной воды,—закаливаются. Когда онѣ совершенно остынутъ, на нихъ сглаживаются всѣ неровности на такомъ колесѣ, которое вы, вѣроятно, видѣли у точильщиковъ ножей и ножницъ и т. д.

Зеркальныя стекла научились дѣлать позже, чѣмъ оконныя. Приготовлять ихъ гораздо труднѣе, потому что они должны быть очень толсты и совсѣмъ прозрачны. Чтобы получить такія стекла, употребляютъ тѣ же вещества, что и для оконныхъ, но самыя чистыя, прибавляютъ къ нимъ свинцовой краски—сурокъ и плавятъ въ печкѣ. Когда стекло сдѣлается жидкимъ, съ него снимаютъ нѣсколько разъ грязную пѣну и выливаютъ на бронзовый, совершенно ровный столъ. Затѣмъ стекло равняютъ каткомъ такъ, чтобы всѣ стороны были одинаковой толщины, и закаливаютъ, т. е. ставятъ въ печь, гдѣ оно сперва нагрѣвается, а потомъ мало по малу охлаждается. Такія зеркальныя стекла можно видѣть въ окнахъ богатыхъ магазиновъ и домовъ.

Если-же хотятъ дѣлать зеркало, то на мраморномъ столѣ раскладываютъ очень тонкій листъ олова, и размазываютъ на немъ щеткой ртуть. Когда ртуть вмѣстѣ съ оловомъ превратятся въ полужидкую кашицу, сверху накладываютъ зеркальное стекло, какъ можно осторожнѣе. Затѣмъ на стекло кладутся гири, отчего лишняя ртуть стекаетъ. Чтобы совсѣмъ отдѣлить ее, зеркало ставится мѣсяца на два въ теплую сушильню. Но при этомъ ртуть переходитъ въ паръ и сильно вредитъ здоровью рабочихъ. Долго думали, какъ-бы дѣлать зеркала безъ ртути, и, наконецъ, придумали серебрить ихъ. Но самое дорогое и красивое стекло, это—хрусталь. Для него выбираютъ матеріалы еще осторожнѣе, чѣмъ для зеркальнаго стекла, да и свинцу кладутъ больше. Отъ при-

мѣси свинца хрусталь дѣлается тяжелымъ и играетъ разными цвѣтами, точно драгоцѣнный камень. Самое-же дешевое стекло то, изъ котораго выдуваютъ бутылки. Для нихъ въ горшки накладываются неочищенные—песокъ, известка и зола; кромѣ того, прибавляютъ туда-же осколки битой стеклянной посуды.

И такъ, если вы разобьете стаканъ, то куски его могутъ попасть въ ту самую бутылку, изъ которой вамъ придется пить квасъ или пиво.

К. Веберъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года. Отецъ его Сергѣй Львовичъ, принадлежа къ древнему знатному роду и пользуясь весьма достаточнымъ состояніемъ, хотѣлъ дать дѣтямъ своимъ высшее образованіе, какое видѣлъ въ лучшихъ домахъ русскихъ.

Съ девятаго года начала развиваться у Пушкина страсть къ чтенію и онъ перечиталъ почти всѣ французскія книги въ библіотекѣ отца. Послѣ этого онъ сталъ пытаться писать стихи; писалъ сначала по подражанію тѣмъ сочинителямъ, которыхъ читалъ: въ какомъ родѣ сочиненіе было имъ прочитано, въ томъ-же родѣ сочиненіе онъ старался и самъ написать. Такимъ образомъ у него завелись тетрадки собственныхъ сочиненій. Учителя смѣялись надъ стихами юнаго поэта и онъ съ раздраженіемъ бросалъ свои тетрадки въ печку, а потомъ снова писалъ стихи. При всемъ томъ, поэтическое дарованіе Пушкина вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ его знакомымъ.

По окончаніи домашняго воспитанія, Пушкинъ поступилъ въ Царскосельскій лицей *), не за долго передъ тѣмъ открытый по повелѣнію Императора Александра I-го. Лицей этотъ былъ учрежденъ съ цѣлію образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной. Воспитанники лицея, для своего развлеченія, занимались, между прочимъ, сочиненіями и выпускали рукописные журналы. Это весьма понравилось Пушкину и онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ лицейскихъ журналовъ. Тутъ онъ впервые началъ писать русскія стихотворенія. Переходя изъ рукъ въ руки,

*) Лицей—учебное заведеніе высшаго разряда.

эти стихотворенія скоро сдѣлались извѣстны по всему лицею и доставили ихъ сочинителю, громкое имя *поэта*. Прежняя охота писать стихи теперь обратилась у него въ страсть, такъ что и во снѣ видѣлъ онъ стихи: разъ ему приснилось двоестишіе, къ которому онъ придѣлалъ послѣ цѣлое стихотвореніе. Пушкинъ писалъ стихи даже въ классахъ, на играхъ во время прогулокъ, почти постоянно задумываясь и живя въ мірѣ своего воображенія;— такъ сильна въ немъ была страсть къ стихотворству!

Вскорѣ Пушкинъ рѣшился уже печатать свои стихотворенія и посылать ихъ одно за другимъ въ разные журналы и другія изданія. Первымъ напечатаннымъ его стихотвореніемъ было посланіе— „Къ другу-стихотворцу“, помѣщенное въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“. На Пушкина, какъ на поэта, сразу было обращено вниманіе общества и тогдашнихъ писателей: Державина, Жуковскаго и Карамзина. Въ Пушкинѣ принялъ особенное участіе поэтъ Державинъ.

Пушкинъ обращался со всѣми просто и отличался прямотой и откровенностью. Многіе просили у него письменно разныхъ совѣтовъ и онъ никогда не отказывалъ въ нихъ, на каждое письмо давалъ отвѣтъ. Большое участіе Пушинъ принималъ, между прочимъ, въ знаменитомъ писателѣ Гоголѣ, который въ то время былъ еще мало извѣстенъ.

Вмѣстѣ съ добротою у Пушкина была врожденная наклонность къ шуткѣ, было сильное расположеніе къ насмѣшкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей. Вслѣдствіе этого у него было не мало враговъ. Хотя Пушкинъ и старался воздерживаться отъ насмѣшекъ, но это ему не всегда удавалось, по причинѣ пылкости натуры.

Но шутка и смѣхъ не мѣшали Пушкину принимать иногда печальное настроеніе духа и онъ довольно рано сталъ помышлять о смерти. Пушкинъ былъ мнителенъ и потому суевѣренъ: вѣрилъ гаданьямъ и разнымъ примѣтамъ, изъ которыхъ одна, именно: дурной знакъ когда заяцъ перебѣжитъ дорогу, заставила его, во время поѣздки въ Оренбургъ, возвратиться съ третьей станціи въ Симбирскѣ, чтобы ѣхать по другому тракту.

Помышлять о смерти Пушкинъ началъ въ цвѣтѣ силъ, словно предчувствовалъ, что ему суждено рано умереть: онъ умеръ въ Январѣ 1837 года, на 38-мъ году жизни, и смерть его была оплакана всѣми русскими людьми, возлагавшими на него большія надежды.

Для увѣковѣченія памяти великаго поэта, рѣшено воздвигнуть въ честь его памятникъ. Этотъ памятникъ открытъ лѣтомъ 1880 года, на мѣстѣ родины Пушкина въ Москвѣ.

Зима.

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ и вотъ сама
Идетъ волшебница-зима.
Пришла, разсыпалась: клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.

Пушкина.

Домикъ въ Коломнѣ.

Жила была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.
Старушка носила чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови—темные какъ ночь,
Сама бѣла, нѣжна—какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.
Играть умѣла также на гитарѣ
И пѣла: „стонетъ сизый голубокъ“,
И „выду-ль я“... и то, что ужъ постарѣ,
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Иль скучной осенью при самоварѣ,

Или весною, обходя лѣсокъ,
Поетъ уныло русская дѣвица,
Какъ музы наши грустная пѣвица.
Параша (такъ звалась красотка наша)
Умѣла мыть и гладить, шить и плесть;
Всѣмъ домомъ правила одна Параша;
Поручено ей было счеты весть,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный трудъ ей помогала несть
Стряпуха Ѳекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).
Старушка-мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
То у окна, то на дворѣ мелькала
И, кто-бы ни проѣхалъ иль ни шелъ,
Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!)
Зимою ставни закрывались рано,
Но лѣтомъ до ночи растворено
Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно
(Безъ этого ни одного романа
Не обойдетея: такъ заведено!).
Бывало мать давнымъ-давно храпѣла,
А дочка на луну еще смотрѣла
И слушала мяуканье котовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромный,
Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ—
И только. Ночь надъ мирною Коломной
Тиха отмѣнно! Рѣдко изъ домовъ
Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.
По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею къ Покрову
И становилася передъ толпою
У крылоса налѣво. Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою

Люблю летать, заснувши на яву,
Въ Коломну, къ Покрову и въ воскресенье
Тамъ слушать русское богослуженье.
Туда, я помню, ѣздила всегда
Графиня... (звали какъ, не помню, право).
Она была богата, молода,
Входила въ церковь съ шумомъ величаво,
Молилась гордо (гдѣ была горда!).
Бывало грѣшенъ! все гляжу направо,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй.
Порой графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось нѣжно,
Графиня же была погружена
Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
Въ своей красѣ надменной и суровой.
Она казалась хладный идеалъ
Тщеславія. Его-бъ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгія печали,
Смиренье жалобъ... Въ нихъ то я вникалъ,
Невольный взоръ они-то привлекали...
Но это знать графиня не могла
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.
Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ея текла
Въ раскошной нѣгѣ, хоть была подвластна
Фортуна ей, хоть мода ей несла
Свой оніамъ—она была несчастна.
Блаженнѣе стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.
Коса змѣей на гребнѣ роговомъ,
Изъ-за ушей змѣею кудри русы,
Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ
На тонкой шеѣ восковыя бусы—
Нарядъ простой,—но передъ ея окномъ

Все-жъ ѣздили гвардейцы черноусы
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.
Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
Или ровно для всѣхъ она была
Душою холодна,—увидимъ ниже.
Покамѣстъ мирно жизнь она вела,
Не думая о балахъ, о Парижѣ,
Ни о дворѣ (хоть при дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга Гофъ-Фурьера).
Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
И уксусомъ, и мятною припаркой
Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
Онѣ простились. Въ тотъ-же день пришли
За ней, и гробъ на Охту отвезли.
Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
Котъ Васька. Послѣ вдовушка моя
Подумала, что два-три дня, не долѣ
Жить можно безъ кухарки, что нельзя
Предать свою трапезу Божьей волѣ.
Старушка кличетъ дочь: „Параша!“—Я!
„Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
Не знаетъ-ли. Дешевыя такъ рѣдки“.
„Узнаю, маменька“. И вышла вонъ,
Закутавшись (зима стояла грозно,
И снѣгъ скрипѣлъ, и синій небосклонъ,
Безоблаченъ, въ звѣздахъ сіялъ морозно).
Вдова ждала Парашу долго; сонъ
Ея клонилъ тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ: „вотъ я кухарку привела“.
За нею слѣдомъ, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла дѣвушка и, низко поклонясь,
Прижалась въ уголъ, фартукъ разбирая.

„А что возьмешь?“ спросила, обратясь,
Старуха.—„Все что будетъ вамъ угодно“,
Сказала та смиренно и свободно.
Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
„А какъ зовутъ?“—А Маврой. „Ну Мавруша,
Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
Гоняй мужчинъ. Покойница Ѳеклуша
Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моей;
Усердна будь; присчитывать не смѣй“.
Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
Довольно мало: то переваритъ,
То пережаритъ, то съ посудой полку
Уронитъ, вѣчно все пересолитъ.
Шить сядетъ—не умѣетъ взять иголку;
Ее бранятъ—она себѣ молчитъ;
Вездѣ во всемъ ужъ какъ нибудь подгадитъ.
Параша бьется, а никакъ не сладитъ.
Поутру, въ воскресенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите-ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь.
Пирожное испечь она сбиралась,—
Ее оставили, но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашелъ испугъ.
Она подумала: „Въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала-ль она насъ обокрасть,
Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!“
Такъ думая, старушка обмирала
И, наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:
„Стой тутъ, Параша. Я схожу домой;
Мнѣ что-то страшно“. Дочь не разумѣла,
Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой,

Пришла въ лачужку, въ кухнѣ посмотрѣла—
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла—и что-жъ? О Боже! страхъ какой!
Предъ зеркальцемъ Параши, чинно сидя,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
„Ахъ, ахъ!“ и шлепнулась. Ее увидя,
Та второпьяхъ, съ намыленной щекой
Черезъ старуху (вдовью честь обидя)
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.
Обѣдня кончилась; пришла Параша.
„Что маменька?“—Ахъ, Пашенька моя!
Маврушка... „Что, что съ ней?“—Кухарка наша—
Опомниться не въ силахъ я...
За зеркальцемъ... вся въ мылѣ... воля ваша,
Мнѣ, право, ничего понять нельзя;
Да гдѣ-жь Мавруша?“—Ахъ, она разбойникъ!
Она здѣсь брилась... точно мой покойникъ.
Параша закраснѣлась, или нѣтъ,
Сказать вамъ не умѣю, но Маврушки
Съ тѣхъ поръ какъ не было—простылъ и слѣдъ:
Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
У красной дѣвушки и у старушки
Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
Не вѣдаю, и кончить тороплюсь.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

А. Пушкинъ.

О Гоголѣ.

Николай Васильевичъ Гоголь родился 19 марта 1809 года въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, Полтавской губерніи. Когда ему минуло 12 лѣтъ, родители помѣстили его въ открывшуюся тогда въ г. Нѣжинѣ „гимназію высшихъ наукъ“ князя Безбородко (переименованную потомъ въ „лицей“). Тамъ Гоголь пристрастился

къ чтенію и читалъ очень много. Въ складчину съ товарищами устроилъ онъ ученическую библіотеку и былъ избранъ библіотекаремъ. Обязанность эту онъ исполнялъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ и на столько заботился о цѣлости и чистотѣ книгъ, что не позволялъ читать ихъ въ свое отсутствіе, и при томъ обязательно требовалъ, чтобы читающій обертывалъ бумажкою большой и указательный пальцы, чтобъ не запачкать книгу при поворотѣ листа. Задумалъ онъ тогда-же издавать ежемѣсячный рукописный журналъ „Звѣзда“, въ которомъ помѣщалъ много своихъ статей въ прозѣ и стихахъ. Устраивалъ Гоголь въ гимназіи и театральныя представленія. Сначала играли безъ всякихъ костюмовъ, а вмѣсто кулисъ ставили классныя доски; потомъ ученики сложились и устроили декораціи и костюмы. Представленія были на столько хороши, что городскіе жители съ удовольствіемъ посѣщали ихъ.

По окончаніи курса въ 1828 году, Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ и, прослуживъ короткое время въ Министерствѣ удѣловъ, былъ назначенъ учителемъ Русской словесности въ женскомъ Патріотическомъ институтѣ, а затѣмъ полтора года былъ профессоромъ исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ это время онъ познакомился съ нашими знаменитыми писателями: Пушкинымъ и Жуковскимъ, и подъ ихъ вліяніемъ занялся литературою, оставивъ вскорѣ совсѣмъ учебную службу. Большую часть остальной жизни Гоголь провелъ за-границей, въ Италіи; пріѣзжалъ въ Россію лишь изрѣдка и оставался въ ней недолго. Въ 1848 г. послѣ путешествія своего въ Іерусалимъ, онъ возвратился въ Россію и поселился въ Москвѣ, гдѣ и скончался 21-го февраля 1852 года, 43 лѣтъ отъ роду.

Николай Васильевичъ былъ глубоко религіозный и весьма добрый человѣкъ. Не имѣя самъ большихъ средствъ, онъ всегда былъ готовъ помочь ближнему. Живя въ Италіи, онъ охотно поддерживалъ тѣхъ изъ жившихъ тамъ русскихъ художниковъ, которые нуждались въ деньгахъ, и безъ всякой для себя надобности заказывалъ имъ картины и образа, которые потомъ разсылалъ по церквамъ. Одинъ разъ онъ всѣ деньги, вырученныя отъ продажи полнаго собранія его сочиненій, пожертвовалъ въ пользу бѣдныхъ учащихся.

Повѣсть „Тарасъ Бульба“, изъ прежняго быта казаковъ, считается по справедливости однимъ изъ лучшихъ сочиненій Гоголя. Этотъ бытъ хорошо былъ ему знакомъ вслѣдствіе того, что

его дѣдъ занималъ прежде почетную должность при Запорожскомъ казацкомъ войскѣ и любилъ разсказывать внуку про старину. „Дѣдъ мой (царство ему небесное!) — говоритъ самъ Гоголь— умѣлъ чудно разсказывать. Бывало поведетъ рѣчь—цѣлый день не подвинулся-бы съ мѣста и все бы слушалъ“. Кромѣ повѣсти „Тарасъ Бульба“, Гоголь написалъ: „Ночь передъ Рождествомъ“, „Сорочинская ярмарка“ и много другихъ.

Ночь передъ Рождествомъ.

Послѣдній день передъ Рождествомъ прошелъ. Зимняя, ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобы всѣмъ было весело колядовать и славить Христа. Морозило сильнѣе, чѣмъ съ утра; но за то такъ было тихо, что скрипъ мороза подъ сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа паробковъ (парней) не показывалась подъ окнами хатъ; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкою, какъ-бы вызывая принаряживавшихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрипучій снѣгъ. Тутъ черезъ трубу одной хаты клубами повалилъ дымъ и пошелъ тучею по небу, и, вмѣстѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма верхомъ на метлѣ.

Если-бы въ это время проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель на тройкѣ обывательскихъ лошадей, въ шапкѣ съ барашковымъ околышкомъ, сдѣланной по манеру уланскому, въ синемъ тулупѣ, подбитомъ черными смушками, съ дьявольски-сплетенною плетью, которою онъ имѣетъ обыкновеніе подгонять своего ямщика, то онъ, вѣрно-бы, примѣтилъ ее, потому что отъ сорочинскаго засѣдателя ни одна вѣдьма на свѣтѣ не ускользнетъ. Онъ знаетъ на перечетъ, сколько у каждой бабы свинья мечетъ поросятъ и сколько въ сундукѣ лежитъ полотна, и что именно изъ своего платья и хозяйства заложитъ добрый человѣкъ въ воскресный день въ шинкѣ. Но сорочинскій засѣдатель не проѣзжалъ, да и какое ему дѣло до чужихъ,—у него своя волость! А вѣдьма между тѣмъ поднялась такъ высоко, что однимъ только чернымъ пятнышкомъ мелькала вверху. Но гдѣ ни показывалось пятнышко, тамъ звѣзды, одна за другою, пропадали на небѣ. Скоро вѣдьма набрала ихъ полный рукавъ. Три или четыре еще блестѣли.

Вдругъ, съ противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться и уже было не пятнышко. Близо-

рукій, хотя-бы надѣлъ на носъ, вмѣсто очковъ, колеса съ комиссаровой брички и тогда-бы не распознялъ, что это такое. Спереди совершенно нѣмецъ, узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пятачкомъ; ноги были такъ тонки, что если-бы такія имѣлъ яресковскій голова, то онъ переломалъ-бы ихъ при первомъ казачкѣ. Но за то сзади онъ былъ настоящій губернскій стряпчій—въ мундирѣ, потому что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не болѣе трубочиста, можно было догадаться, что онъ не нѣмецъ и не губернскій стряпчій, а просто чортъ, которому послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивать грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра-же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, побѣжитъ онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу.

Между тѣмъ чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу и уже протянулъ было руку схватить его, но вдругъ отдернулъ ее назадъ, какъ-бы обжегшись, пососалъ пальцы, заболталъ ногою и забѣжалъ съ другой стороны, и снова отскочилъ и отдернулъ руку. Однакожъ, не смотря на всѣ неудачи, хитрый чортъ не оставилъ своихъ проказъ. Подбѣжавши, вдругъ схватилъ онъ обѣими руками мѣсяцъ, кривлялся и дуя, перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, какъ мужикъ, доставшій голыми руками огня для своей люльки (трубки); наконецъ поспѣшно спряталъ въ карманъ и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, побѣжалъ далѣе.

Въ Диканькѣ (такъ называется одно большое село въ Полтавской губерніи) никто не слышалъ, какъ чортъ укралъ мѣсяцъ. Правда, волостной писарь, выходя на четверенькахъ изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяцъ, ни съ того, ни съ сего, танцовалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою въ томъ все село, но міряне качали головами и даже подымали его на смѣхъ. Но какая-же была причина рѣшиться чорту на такое беззаконное дѣло? А вотъ какая: онъ зналъ, что богатый казакъ Чубъ приглашенъ дьякомъ на кутью, гдѣ будутъ: голова, пріѣхавшій изъ архіерейской пѣвческой родичъ дьяка, въ синемъ сюртукѣ, бравшій самаго низкаго баса, казакъ Свербигузъ и еще кое-кто; гдѣ кромѣ кутьи, будетъ *варенуха* (водка вареная съ медомъ), перегонная на шафранъ водка и много всякаго съѣстнаго.

А между тѣмъ его дочка красавица на всемъ селѣ, останется дома, а къ дочкѣ, навѣрное, придетъ кузнецъ, силачъ и дѣтина хоть куда, который чорту былъ противнѣе проповѣдей отца Кондрата. Въ досужее отъ дѣлъ время кузнецъ занимался малеваніемъ и слылъ лучшимъ живописцемъ во всемъ околодкѣ. Самъ еще тогда здравствовавшій сотникъ Лысенко вызвалъ его нарочно въ Полтаву выкрасить досчатый заборъ около своего дома. Всѣ миски, изъ которыхъ диканьскіе казаки хлебали борщъ, были размалеваны кузнецомъ. Кузнецъ былъ богобоязливый человѣкъ и писалъ часто образа святыхъ, и теперь еще можно найти въ церкви его евангелиста Луку. Но торжествомъ его искуства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной въ правомъ притворѣ, на которой изобразилъ онъ святаго Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злаго духа: испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣнами и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, подымалъ изъ горнила въ кузницѣ золу и обсыпалъ сю картину; но, не смотря на все, работа была кончена, доска внесена въ церковь и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ; но и въ эту ночь онъ выискивалъ чѣмъ нибудь выместить на кузнецѣ свою злобу. И для этого рѣшился украсть мѣсяцъ, въ той надеждѣ, что старый Чубъ лѣнивъ и не легокъ на подъемъ, къ дьяку же не такъ близко: дорога шла по заселамъ мимо мельницъ, мимо кладбища, огибала оврагъ. Еще при мѣсячной ночи варенуха и водка, настоенная на шафранѣ, могла бы заманить Чуба, но въ такую темноту врядъ ли бы удалось кому стащить его съ печки и вызвать изъ хаты. А кузнецъ, который былъ издавна не въ ладахъ съ нимъ, при немъ ни за что не отважится идти къ дочкѣ, не смотря на свою силу.

Такимъ-то образомъ, какъ только чортъ спряталъ въ карманъ свой мѣсяцъ, вдругъ по всему міру сдѣлалось такъ темно, что не всякій-бы нашелъ дорогу къ шинку, не только къ дьяку. Вѣдьма, увидѣвши себя вдругъ въ темнотѣ, вскрикнула. Тутъ чортъ, подъѣхавши мелкимъ бѣсомъ, подхватилъ ее подъ руку и

пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептываютъ всему женскому роду.

Чудно устроено на нашемъ свѣтѣ! Все, что ни живетъ въ немъ, все силится перенимать и передразнивать одинъ другаго. Прежде бывало въ Миргородѣ (уѣздный городъ Полтавской губерніи) одинъ судья, да городничій хаживали зимою въ крытыхъ сукномъ тулупахъ, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные: теперь-же засѣдатель и подкоморій (судья) о отсмолили себѣ новыя шубы изъ рѣшетиловскихъ смушекъ съ суконною покрышкою. Канцелярист и волостной писарь третьяго году взяли синей китайки по шести гривенъ аршинъ. Пономарь сдѣлалъ себѣ нанковые на лѣто шаравары и жилетъ изъ полосатаго каруса. Словомъ, все лѣзетъ въ люди! Можно побиться объ закладъ, что многимъ покажется удивительно видѣть чорта, пустившагося и себѣ туда-же. Досаднѣе всего то, что онъ вѣрно, воображаетъ себя красавцемъ, между тѣмъ какъ фигура—взглянуть совѣстно. Рожа, какъ говоритъ Ѳома Григорьевичъ, мерзость—мерзостью, однакожъ и онъ строитъ любовныя куры! Но на небѣ и подъ небомъ такъ сдѣлалось темно, что ничего нельзя уже было видѣть, что происходило далѣе между ними.

Н. В. Гоголь.

Тарасъ Бульба.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчи. Остапъ и Андрій мало занимались военною школою, не смотря на то, что отецъ ихъ особенно просилъ опытныхъ и искусныхъ казаковъ быть имъ руководителями. Сѣчь не любила затруднять себя военными упражненіями и терять время: юношество воспитывалось и образовывалось въ ней однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвъ, которыя отъ того были почти безпрерывны. Промежутки-же между ними казаки отдавали гульбѣ.

Остапу и Андрію казалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчь бездна народу, и хоть бы кто нибудь спросилъ: откуда эти люди, кто они и какъ ихъ зовутъ?

Пришедшій являлся только къ кошевому *), который обыкновенно говорилъ: „Здравствуй, во Христа вѣруешь?“—Вѣрую, — отвѣчалъ приходившій. — „И въ Тройцу Святую вѣ-

*) Атаманъ, начальникъ запорожской Сѣчи.

руешь?“ — Вѣрую. — „И въ церковь ходишь?“ — Хожу. — „А ну, перекрестись!“ — Пришедшій крестился. — „Ну, хорошо“, отвѣчалъ кошевой. Этимъ и заканчивалась вся церемонія, и пришедшій былъ принятъ. Остапъ и Андрій кинулись, со всею пылкостію юношей, въ это разгульное море. Они забыли вмигъ и отцовскій домъ, и академію, и все, что волновало прежде душу, и предались новой жизни.

Между тѣмъ Тарасъ Бульба начиналъ думать о томъ, какъ бы затѣять какое нибудь дѣло: онъ не могъ долго оставаться въ недѣятельности. Но дѣло и не замедлило явиться.

Въ одно утро большой паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ куча людей еще издали махала руками. Изъ среды ихъ отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый казакъ лѣтъ пятидесяти. Онъ кричалъ и махалъ сильнѣе всѣхъ.

„Богъ въ помощь вамъ, панове Запорожцы!“

— Здравствуйте! — отвѣчали ему.

„Позвольте, панове Запорожцы, рѣчь держать!“

— Говори!

И весь народъ стѣснился въ одну кучу.

„Слышали-ли вы, что дѣлается въ Гетманщинѣ?“ *).

— Ну, ну, разсказывай, что такое! — кричала въ одинъ голосъ толпа.

„А развѣ вы, панове, до сихъ поръ не слыхали про то, что жиды уже взяли церкви святыя, какъ шинки на аренды?“

Нѣтъ!

„Такъ вы не слыхали и про то, что христіанину и пасхи не можно ѣсть, пока разсобачій жидъ не положилъ на пей значка нечистою своею рукою?“

— Ничего не слыхали! кричала толпа, подвигаясь ближе.

„И что священники католическіе ѣздятъ изъ села въ село въ таратайкахъ, въ которыхъ запряжены православные христіане? Такъ вы, можетъ быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочетъ, чтобы мы кинули и вѣру нашу христіанскую? Вы, можетъ быть, не слыхали и объ томъ, что уже изъ поповскихъ ризъ жидовки шьютъ себѣ юбки?“

— Стой, стой! — прервалъ кошевой. — Стой, и я скажу слово. А что-же вы, врагъ-бы поколотилъ вашего батьку, что-жъ

*) Малороссія, которая находилась тогда подъ властью Поляковъ.

вы дѣлали сами? Развѣ у васъ сабель не было, что-ли? Какъ же вы попустили такому беззаконію?

„Э, какъ попустили такому беззаконію!“ отвѣчалъ приземистый казакъ. „А попробовали-бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ Ляховъ, да еще къ тому и часть нашихъ уже приняла ихъ вѣру!“

— А Гетманъ вашъ, а полковникъ что дѣлали?

„Э, Гетманъ и полковники! А знаете, гдѣ теперь гетманъ и полковники?“

— Гдѣ?

„Полковничьи головы и руки развозятъ по ярмаркамъ на показъ народу, а гетманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, лежитъ въ Варшавѣ“.

Всколебалась вся толпа.

Зашумѣли Запорожцы и почуяли свои силы. Это не было похоже на волненіе народа легкомысленнаго. Тутъ волновались все характеры тяжелые и крѣпкіе, которые не скоро раскалялись, но за то раскалялись, чтобы уже долго не остыть.

— Какъ! Чтобы жиды держали на арендѣ христіанскія церкви! Перевѣшать всю жидову!—произнесъ кто-то изъ толпы.

Эти слова пролетѣли молніей по всѣмъ головамъ, и толпа ринулась на предмѣстье, съ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ. Бѣдные сыны Израиля прятались въ пустыхъ горилочныхъ бочкахъ, въ печкахъ, и даже запалзывали подъ юбки своихъ жидовокъ; но казаки вездѣ ихъ находили.

„Ясновельможные паны!“ — кричалъ одинъ высокій и длинный какъ палка, жидъ, высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхомъ,— „Ясновельможные паны! Мы такое объявимъ вамъ, что вы еще никогда не слыхали; такое важное, что не можно сказать, какое важное!“

— Ну, пусть скажутъ!—сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

„Ясные паны!“ произнесъ жидъ. „Такихъ пановъ еще никогда невидывано,—ей Богу никогда! Такихъ добрыхъ хорошихъ и храбрыхъ не было еще на свѣтѣ...“ Голосъ его дрожалъ отъ страха. „Какъ можно, чтобы мы думали про Запорожцевъ что нибудь нехорошее. Тѣ совсѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украйнѣ, ей Богу, не наши. То совсѣмъ не жиды: то чортъ знаетъ что; то такое, что только поплевать на него да бросить... Мы никогда еще не снюхивались съ непріятелями...

А католиковъ мы и знать не хотимъ. Пусть имъ чортъ приснится! Мы съ Запорожцами, какъ братья родные"...

— Какъ! Чтобъ Запорожцы были съ вами братья?—произнесъ одинъ изъ толпы:—не дождетесь, проклятые жиды! Въ Днѣпръ ихъ, панове! всѣхъ потопить поганцевъ!

Бѣдный высокій жидъ, накликавшій самъ на свою шею бѣду, схватилъ за ноги Бульбу и жалкимъ голосомъ молилъ: „Великій господинъ, ясновельможный панъ! Я зналъ и брата вашего, покойнаго Дороша. Какой былъ славный воинъ! Я ему восемьсотъ цѣхиновъ далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у Турокъ".

— Ты зналъ моего брата? спросилъ Тарасъ.

„Ей-Богу, зналъ! Великодушный былъ панъ!"

— А какъ тебя зовутъ?

„Янкель".

— Хорошо, я тебя проведу.

Сказавши это, Тарасъ повелъ его къ своему обозу.

— Ну полѣзай подъ телѣгу, лежи тамъ и не шевелись.

Между тѣмъ вся Сѣчь, все, что было на Запорожьѣ, собралось на площадь. По короткомъ совѣщаніи, рѣшили на томъ, чтобы идти прямо на Польшу, отомстить все зло и посрамленье вѣры и казацкой славы.

И вся Сѣчь вдругъ преобразилась. Вездѣ были только слышны: топотъ коней, пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье саблей, скрипъ телѣгъ, все опоясывалось и вооружалось. Шинки были заперты; ни одного человѣка не было пьянаго. Необыкновенная дѣятельность смѣнила вдругъ необыкновенную безпечность. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ исполнитель желаній вольнаго народа,—это былъ неограниченный повелитель, умѣвшій только повелѣвать. Въ деревянной небольшой церкви служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою, и всѣ цѣловали крестъ.

Когда все Запорожское войско вышло изъ Сѣчи, головы всѣхъ обратились назадъ. „Прощай, наша мать!" сказали почти всѣ въ одно слово. „Пусть-же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастія!".

Проѣзжая предмѣстье, Тарасъ увидѣлъ, что жидокъ его, Янкель, уже раскинулъ свою лавочку и продавалъ кремни, завертки, порохъ, и даже калачи и хлѣбы." Дурень, что ты здѣсь сидишь?" сказалъ онъ ему; „развѣ хочешь, чтобъ тебя застрѣлили, какъ воробья?"

„Молчите“, отвѣтилъ жидъ, „я поѣду за войскомъ и буду доставлять по дорогѣ всякій провіантъ“.

Н. В. Гоголь.

Донъ.

Роскошно и шумно воинственный Донъ
Бѣжитъ у Аксайской станицы;
Какъ море въ разливѣ, раскинулся онъ—
Зеркальный въ сіяньи денницы!
На стени нахлынувъ широкой волной,
Онъ ясенъ и гордъ, какъ донецъ молодой.
Подъ парусомъ съ пѣснью несутся ладьи,
Какъ чайки, на быстрыхъ мелькая;
Два града съ нагорья глядятся въ струи, *)
Сребромъ и лазурью сверкая.
Но дивно градъ древній изъ пѣнистыхъ водъ,
Какъ старецъ маститый, церквами встаетъ.
И странникъ, любуясь, недвижимъ стоитъ—
Не вѣритъ, очами прикованъ:
Что въ стогнахъ подводныхъ торговля кипитъ,
Что городъ у рыбъ завоеванъ....
И я по тебѣ плылъ, воинственный Донъ,
И я былъ твоею красой изумленъ....
Твой говоръ чудесный, воинственный Донъ,
Въ кровавомъ минувшемъ терялся, какъ стонъ,
Предъ мной раскрывалась событій скрижаль,
Завѣтныя тайны кургановъ....
И, мнилось, я видѣлъ сквозь темную даль
Дни смѣлыхъ наѣздовъ и хановъ,
Когда и Ногаецъ, и Ляхи, и Крымъ
Рубились и бились булатомъ твоимъ.
Но вѣки промчались. Свободенъ и тихъ
Ты льешься, о Донъ, полонъ нѣги;
Довольство, обилье средь кущей твоихъ
Смѣнили войну и набѣги;
Ярмо чужеземцевъ ты свергнулъ давно,
Донъ, свѣтлый,—Россіи живое звено!

*) Это Новочеркаскъ и Аксайская станица.

Я помню то время, какъ двинулся онъ,
Народовъ полсвѣта водитель,—
Царь вскрикнулъ: „гдѣ-жъ Донъ мой?“
И вспрянулъ ты, Донъ,—
И каждый твой сынъ былъ воитель,—
Колосьями стали ты степи покрылъ,
Ты въ *Сенѣ* *) удалыхъ коней напоилъ!
Красуйся-жъ ты, пѣстунъ раскошныхъ степей,
Шуми у Аксайской станицы!
Торжественно-грозный и въ нѣгѣ своей,
Событій блестящихъ страницы
Для русскаго сердца ты свято сберегъ!
Ты—жемчугъ въ коронѣ! Твой кличъ:
„Съ нами Богъ!“

Ознобишинъ.

Сорочинская ярмарка.

Сюда, Аѳанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ плетень, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь съ кумомъ подъ возы, чтобъ москали на случай не подцѣпили чего.

Такъ грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лѣпившагося около забора поповича, который поднялся скоро на плетень и долго стоялъ на немъ въ недоумѣніи, будто длинное, страшное привидѣніе, измѣривая окомъ, куда-бы лучше спрыгнуть и, наконецъ, съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

— Вотъ бѣда! Не ушиблись-ли вы, не сломили-ли еще, Боже оборони, шеи? лепетала заботливая Хивря.

— Тсъ! ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья Никифоровна! болѣзненно и шопотно произнесъ поповичъ, подымаясь на ноги,—выключая только уязвленія со стороны крапивы, сего зміеподобнаго злака, по выраженію покойнаго отца—протопопа.

— Пойдемте-же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Аѳанасій Ивановичъ, что къ вамъ *болячка* или *сонячница* пристала: нѣтъ, да и нѣтъ. Каково-же вы поживаете? Я слышала, что пану отцу перепало теперь не мало всякой всячины.

— Сущая бездѣлица, Хавронья Никифоровна! батюшка всего получилъ за весь постъ мѣшковъ пятнадцать яроваго, про-

*) Парижъ на рѣкѣ Сенѣ.

са мѣшка четыре, книшей съ сотню; а куръ, если сосчитать, то не будетъ пятидесяти штукъ; яйца-же большею частью прогухлыя. Но воистину сладостныя приношенія, сказать примѣрно, единственно отъ васъ предстоитъ получить, Хавронья Никифоровна! продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе.

— Вотъ вамъ и приношеніе, Аѳанасій Ивановичъ! проговорила она, ставя на столъ миски и жеманно застегивая свою, будто не нарочно растегнувшуюся, кофту:—вареники, галушечки пшеничныя, пампушечки, товчешички.

— Бьюсь объ закладъ, если это сдѣлано не хитрѣйшими руками изъ всего Евина рода! сказалъ поповичъ, припимаясь за товчешички и подвигая другою рукою варенички.—Однако-жъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждетъ отъ васъ кушанья послаще всѣхъ пампушечекъ и галушечекъ.

— Вотъ я уже и не знаю, какого вамъ еще кушанья хочется, Аѳанасій Ивановичъ! отвѣчала дородная красавица, притворяясь непонимающею.

— Разумѣется любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна! шопотомъ произнесъ поповичъ, держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая широкій станъ ея.

— Богъ знаетъ, что вы выдумываете, Аѳанасій Ивановичъ! сказала Хивря, стыдливо потупивъ глаза свои.—Чего добраго, вы, пожалуй, затѣете еще цѣловаться!

— На счетъ этого я вамъ скажу хоть бы и про себя, продолжалъ поповичъ,—въ бытность мою, примѣрно, сказать, еще въ бурсѣ, вотъ, какъ теперь помню...

Тутъ послышался на дворѣ лай и стукъ въ ворота. Хивря поспѣшно выбѣжала и возвратилась вся поблѣдиѣвшая.

— Ну, Аѳанасій Ивановичъ, мы попались съ вами: народу стучится куча, и мнѣ почудился кумовъ голосъ...

Вареникъ остановился въ горлѣ поповича... Глаза его выпялились, какъ будто какой нибудь выходецъ съ того свѣта только что сдѣлалъ ему передъ симъ визитъ свой.

— Полѣзайте сюда! кричала испуганная Хивря, указывая на положенный подъ самымъ потолкомъ, на двухъ перекладинахъ, доски, на которыхъ была навалена разная домашняя рухлядь.

Опасность придала духу нашему герою. Опамятовавшись немного, вскочилъ онъ на лежанку и полѣзъ оттуда осторожно на доски; а Хивря побѣжала безъ памяти къ воротамъ, потому что стукъ повторялся въ нихъ съ большею силою и нетерпѣніемъ.

На ярмаркѣ случилось страшное происшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то, между товаромъ, показалась *красная свитка*. Старухѣ, продававшей бублики, почудился сатана, въ образинѣ свиньи, который безпрестанно наклонялся надъ возами, какъ будто искалъ чего. Это быстро разнеслось по всѣмъ угламъ уже утихнувшаго табора и всѣ считали преступленіемъ не вѣрить, не смотря на то, что продавица бубликовъ, которой подвижная лавка была рядомъ съ яткою шинкаря, расклапивалась весь день безъ надобности и писала погани совершенное подобіе лакомаго товара. Къ этому присоединились еще увеличенныя вѣсти о чудѣ, видѣномъ волостнимъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, такъ что къ ночи всѣ тѣснѣе жались другъ къ другу; спокойствіе разрушилось, и страхъ мѣшалъ всякому сомкнуть глаза свои: а тѣ, которые были не совсѣмъ храбраго десятка и запаслись почлегами въ избахъ, убрались домой. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Черевикъ съ кумомъ и дочкою, которые вмѣстѣ съ напросившимися къ нимъ въ хату гостями, произвели сильный стукъ, такъ перепугавшій нашу Хиврю. Кума уже немного поразобрало. Это можно было видѣть изъ того, что онъ два раза проѣхалъ съ своимъ возомъ по двору, покамѣсть пашелъ хату. Гости тоже были въ веселомъ расположеніи и, безъ церемоніи, вошли прежде самого хозяина. Супруга нашего Черевика сидѣла, какъ на иголкахъ, когда припялись шарить по всѣмъ угламъ хаты.

— Что, кума! вскричалъ вошедшій кумъ,—тебя все еще трясетъ лихорадка?

— Да, не здоровится, отвѣчала Хивря, безпокойно поглядывая на доски, накладенныя подъ потолкомъ.

— А ну, жена, достань-ка тамъ въ возу баклажку! говорилъ кумъ пріѣхавшей съ нимъ женѣ:—мы черпнемъ ее съ добрыми людьми, а то проклятыя бабы напугали насъ такъ, что и сказать стыдно. Вѣль мы, ей-Богу, братцы, по пустякамъ пріѣхали сюда! продолжалъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки.—Я тутъ же ставлю новую шапку, если бабамъ не

вздумалось посмѣяться надъ нами. Да хоть бы и въ самомъ дѣлѣ сатана,—что сатана? Плюйте ему на голову! Хоть бы сію же минуту вздумалось ему встать вотъ здѣсь, напримѣръ, передо мною: будь я собачій сынъ, если не поднесъ-бы ему дулю подъ самый носъ!

— Отчего-же ты вдругъ поблѣднѣлъ? закричалъ одинъ изъ гостей, превышавшій всѣхъ головой и старавшійся всегда выказывать себя храбрецомъ.

Я?... Господь съ вами! приснилось! Гости усмѣхнулись; довольная улыбка показалась на лицѣ рѣчистаго храбреца.

— Куда теперь ему блѣднѣть! подхватилъ другой:—щеки у него разцвѣли, какъ макъ; теперь онъ не цыбуля, а буракъ *) или лучше сама красная свитка, которая такъ напугала людей.

Баклажка прокатилась по столу и сдѣлала гостей еще веселѣе прежняго. Тутъ Черевикъ нашъ, котораго давно мучила красная свитка и не давала ни на минуту покоя его любопытному духу, приступилъ къ куму.

— Скажи, будь ласковъ, кумъ? Вотъ прошусь, да не допрошусь исторіи про эту проклятую свитку.

— Э, кумъ! оно бы не годилось разсказывать на ночь; да развѣ уже для того, чтобъ угодить тебѣ и добрымъ людямъ (при семъ обратился онъ къ гостямъ), которымъ, я примѣчаю, столько-же, какъ и тебѣ, хочется узнать про эту диковину. Ну быть такъ.

Слушайте-жъ!

Тутъ онъ почесалъ плеча, утерся полою, положилъ обѣ руки на столъ и началъ:

— Разъ, за какую вину, ей-Богу, уже и не знаю, только выгнали одного чорта изъ пекла.

— Какъ-же, кумъ! прервалъ Черевикъ,—какъ-же могло это статься, чтобы чорта выгнали изъ пекла?

— Что-жъ дѣлать, кумъ! выгнали да и выгнали, какъ собаку мужикъ выгоняетъ изъ хаты. Можетъ быть, на него нашла блажь сдѣлать какое нибудь доброе дѣло,—ну и указали двери. Вотъ чорту бѣдному такъ стало скучно, такъ скучно по пеклѣ, что хоть до петли. Что дѣлать? Давай съ горя пьянствовать. Угнѣздился въ томъ самомъ сараѣ, который, ты видѣлъ, развалился подъ горою и мимо котораго ни одинъ добрый человѣкъ не пройдетъ теперь, не оградивъ наперёдъ себя крестомъ святымъ,

*) Т. е. свекла.

и сталъ чортъ такой гуляка, какого не сыщешь между парубками: съ утра до вечера то и дѣло, что сидитъ въ шинкѣ!...

Тутъ опять строгій Черевикъ прервалъ нашего разсказчика:

— Богъ знаетъ, что говоришь ты, кумъ! Какъ можно, чтобы чорта впустилъ кто нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него-же есть, слава Богу, и когти на лапахъ, и рожки на головѣ.

— Вотъ то-то и штука, что на немъ была шапка и рукавицы. Кто его распознаетъ? Гулялъ, гулялъ—наконецъ пришлось до того, что пропилъ все, что имѣлъ съ собою. Шинкарь долго вѣрилъ, потомъ и пересталъ. Пришлось чорту заложить красную свитку свою, чуть-ли не въ треть цѣны, жиду, шинковавшему тогда на Сорочинской ярмаркѣ. Заложилъ и говоритъ ему: „Смотри, жидъ, я приду къ тебѣ за свиткой ровно черезъ годъ: береги ее!“—и пропалъ, какъ будто въ воду. Жидъ разсмотрѣлъ хорошенько свитку: сукно такое, что и въ Миргородѣ не достанешь, а красный цвѣтъ горитъ, какъ огонь, такъ что не наглядѣлся-бы. Вотъ жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесалъ себѣ пейсики, да и содралъ съ какого-то проѣзжаго папа мало не пять червонцевъ. Какъ вотъ разъ подъ вечерокъ приходитъ какой-то человѣкъ: „Ну, жидъ, отдавай мою свитку!“ Жидъ сначала было и не позналъ, а послѣ, какъ разглядѣлъ, такъ и прикинулся, будто въ глаза не видалъ. „Какую свитку? У меня нѣтъ никакой свитки; я знать не знаю твоей свитки!“ Тотъ, глядь, и ушелъ; только къ вечеру, когда жидъ, заперши свою конуру и пересчитавъ по сундукамъ деньги, накинулъ на себя простыню и началъ по-жидовски молиться Богу—слышитъ шорохъ... Глядь—во всѣхъ окнахъ повыставились свиныя рыла... Тутъ въ самомъ дѣлѣ послышался какой то неясный звукъ, весьма похожій на хрюканье свиньи; всѣ поблѣднѣли... Потъ выступилъ на лицѣ разсказчика.

— Что? произнесъ въ испугѣ Черевикъ.

— Ничего!... отвѣчалъ кумъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Ась? отозвался одинъ изъ гостей.

— Ты сказалъ?

— Нѣтъ!

— Кто-жъ это хрюкнулъ?

— Богъ знаетъ, чего мы переполошились!

Ничего нѣтъ!

Всѣ боязливо стали осматриваться и начали шарить по угламъ. Хивря была ни жива ни мертва.

— Эхъ вы, бабы, бабы! сказала она громко.

Вамъ-ли казаковать и быть мужиями! Вамъ-бы веретено въ руки, да и посадить за гребень! Одинъ кто нибудь, можетъ, прости Господи... подъ кѣмъ-нибудь скамейка заскрипѣла, а всѣ и мётнулись, какъ полоумные!

Это привело въ стыдъ нашихъ храбрецовъ и заставило ихъ оборотиться. Кумъ хлебнулъ изъ кружки и началъ разсказывать далѣе:

— Жидъ обмеръ; однакожъ свиньи на ногахъ длинныхъ, какъ ходули, повлѣзали въ окна и мигомъ оживили плетеными тройчатками, заставя плясать его повыше вотъ этого сволока *). Жидъ—въ поги, признался во всемъ... Только свитки нельзя уже было воротить скóро. Папа на дорогѣ обокралъ какой-то цыганъ и продалъ свитку перекупкѣ; та привезла ее снова на Сорочинскую ярмарку, но съ тѣхъ поръ уже никто ничего не сталъ покупать у нея. Перекупка дивилась, дивилась и, наконецъ, смекнула: вѣрно, винюю всему красная свитка: не даромъ надѣвая ее, чувствовала, что ее все давитъ что-то. Не думая, не гадая долго, бросила въ огонь—не горитъ бѣсовская одежда!... Э, да это чертовъ подарокъ! Перекупка умудрилась и подсунула въ возъ одному мужику, привезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочетъ. „Эхъ, недобрыя руки подкинули свитку!“ Схватилъ топоръ и изрубилъ ее въ куски. Глядь—лѣзетъ одинъ кусокъ къ другому, и опять цѣлая свитка! Перекрестившись, хватилъ топоромъ въ другой разъ, куски разбросалъ по всему мѣсту и уѣхалъ. Только съ тѣхъ поръ каждый годъ, и какъ разъ во время ярмарки, чортъ со свиною личиною ходитъ по всей площади, хрюкаетъ и подбираетъ куски своей свитки. Теперь, говорятъ, одного только лѣваго рукава недостаетъ ему. Люди съ тѣхъ поръ открещиваются отъ того мѣста, и вотъ уже будетъ лѣтъ съ десятокъ, какъ не было на немъ ярмарки. Да не легкая дернула теперь засѣдателя отъ....

Другая половина слова замерла на устахъ разсказчика... окно брякнуло съ шумомъ: стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая: „А что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?“

Ужасъ оковалъ всѣхъ находившихся въ хатѣ. Кумъ съ разинутымъ ртомъ, превратился въ камень; глаза его выпучились,

*) Т. е. перекладина подъ потолкомъ.

какъ будто хотѣли выстрѣлить; разверстые пальцы остались неподвижными въ воздухѣ. Высокій храбрецъ, въ ничѣмъ непобѣдимомъ страхѣ, подскочилъ подъ потолокъ и ударился головою о перекладину; доски посунулись, и поповичъ съ громомъ и трескомъ полетѣлъ на землю.

— Ай! ай! ай! отчаянно закричалъ одинъ, повалившись на лавку въ ужасѣ и болтая на ней руками и ногами.

— Спасайте! горланилъ другой въ отчаяніи, закрывшись тулупомъ.

Кумъ, выведенный изъ окаменѣнія вторичнымъ испугомъ, поползъ въ судорогахъ подъ подолъ своей супруги. Высокій храбрецъ полѣзъ въ печь, не смотря на узкое отверстіе, и самъ задвинулъ себя заслонкою. А Черевикъ, какъ будто облитый горячимъ кипяткомъ, схвативши на голову горшокъ, вмѣсто шапки, бросился къ дверямъ и, какъ полоумный, бѣжалъ по улицамъ, не видя подъ собою земли: одна усталость только заставила его уменьшить скорость бѣга. Сердце его колотилось, какъ мельничная ступа; потъ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи, готовъ уже былъ онъ упасть на землю, какъ вдругъ послышалось ему, что сзади кто-то гонится за нимъ... Духъ у него занялся...

— Чортъ! чортъ! кричалъ онъ безъ памяти, утроя силы и черезъ минуту безъ чувствъ повалился на землю.

— Чортъ! чортъ! кричало велѣцъ за нимъ, и онъ слышалъ только, какъ что-то съ шумомъ рипулось на него. Тутъ память отъ него улетѣла, и онъ, какъ страшный жилецъ тѣснаго гроба, остался нѣмъ и недвижимъ посреди дороги.

Слышишь, Власъ? говорилъ, приподнявшись ночью, одинъ изъ толпы народа, спавшаго на улицѣ:—возлѣ насъ помянулъ кто-то чорта! — Мнѣ какое дѣло? проворчалъ, потягиваясь, лежавшій подлѣ него цыганъ:—хоть-бы и всѣхъ своихъ родителей помянулъ!

— Но вѣдь, такъ закричалъ, какъ будто давятъ его!

— Мало-ли чего человѣкъ не совретъ спросонья!

— Воля твоя, хоть посмотрѣть нужно. А выруби-ка огня!

Другой цыганъ, ворча про-себя, поднялся на ноги, два раза освѣтилъ себя искрами, будто молніями, раздулъ губами трутъ и съ катанцемъ въ рукахъ (обыкновенною малороссійскою свѣтильнею, состоящею изъ разбитаго черепка, налитаго бараньимъ жиромъ), отправился, освѣщая дорогу.

— Стой! здѣсь лежитъ что-то. Свѣти сюда! Тутъ пристало къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

— Что лежитъ, Власъ?

— Такъ, какъ будто-бы два человѣка—одинъ наверху, другой внизу. Который изъ нихъ чортъ, уже и не распознаю!

— А кто наверху?

— Баба.

— Ну, вотъ, это-жъ-то и есть чортъ!

Всеобщій хохотъ разбудилъ почти всю улицу.

Баба взлѣзла на человѣка... Ну, вѣрно, баба эта знаетъ, какъ ѣздить! говорилъ одинъ изъ окружавшей толпы.

— Смотрите, братцы! говорилъ другой, поднимая черепокъ отъ горшка, котораго одна только уцѣлѣвшая половина держалась на головѣ Черевика,—какую шапку надѣлъ на себя этотъ добрый молодецъ!

Увеличившійся шумъ и хохотъ заставили очнуться нашихъ мертвецовъ, Солопія и его супругу, которые, полные прошедшаго испуга, долго глядѣли въ ужасѣ неподвижными глазами на смуглыя лица цыганъ. Озарялись свѣтомъ, невѣрно и трепетно горѣвшимъ, они казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ тяжелымъ подземнымъ паромъ, во мракѣ непробудной ночи.

Гоголь.

Ярмарка.

Флагъ поднятъ, *ярмарка открыта*
Народомъ площадь вся покрыта.
Изъ лавокъ (хитрая приманка)
Высматриваютъ кушаки
И разноцвѣтные платки
И разноцвѣтная сермяжка.
Тутъ груды чашекъ и горшковъ,
Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ;
Тамъ—лыки, ведра и ушаты,
Лотки, подойники, лопаты.
Здѣсь давка; спорятъ съ мужиками
За клячу пѣгую купцы,
И Лазаря поютъ слѣпцы,
Сбирая мѣдными грошами.

Веселый говоръ, крикъ торговли,
Писк дудокъ, пѣсни мужиковъ
И ранній звонъ колоколовъ—
Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли
Приподнялись поверхъ возовъ,
Какъ лѣсъ, безъ вѣтокъ и листовъ.

Никитинъ.

Начало Кавказской войны.

Болѣе полувѣка продолжалась Кавказская война, болѣе полувѣка лилась кровь и орошала неприступныя скалы и непроходимые лѣса Кавказа. Потому-то Кавказская война составляетъ одну изъ замѣчательныхъ войнъ нашей исторіи и одну изъ лучшихъ страницъ боевой лѣтописи нашей храброй арміи.

За долго еще до этой войны, когда Русь еще только собиралась вокругъ Москвы, до нея долетали стоны православной Грузіи, изнемогавшей подъ нашествіемъ мусульманъ и бившейся только за право исповѣдывать православную вѣру и вѣрить во Христа Спасителя. Не могли сломить мусульмане твердости христіанскаго племени и стали вырѣзать населеніе цѣлыхъ областей. Въ 1795 году персидскій шахъ Ага-Магометъ, извѣстный своей кровожадностью, овладѣлъ столицею Грузіи—Тифлисомъ и предалъ ее совершенному разоренію. Персіяне грабили Тифлисъ 6 дней сряду, рѣзали жителей, не щадя ни женъ, ни дѣтей, разоряли церкви и безчинствовали надъ святыней и священниками. На мосту на рѣкѣ Курѣ персіяне заставляли православныхъ плевать на чудотворный образъ Богородицы. Но не исполняли этого православные и тогда стали бросать ихъ въ рѣку и запрудили ее тѣлами православныхъ христіанъ; а въ Давыдгороджійской пустыни подводили подъ топоръ двѣ тысячи молельщиковъ во время заутрени на Свѣтлое Воскресеніе. Словомъ, не было тѣхъ мукъ, которыя не выдержало-бы православіе. Но грузины стояли твердо за Христа Спасителя и умирали подъ топоромъ палача, громко исповѣдывая свою вѣру. Стоны мучениковъ дошли до святой Руси, и съ 16-го вѣка русскіе цари начали поселять русскихъ въ сѣверной части Кавказа, а въ 1567 году заложили Терскій городокъ на рѣкѣ Терекѣ и образовали Терское войско. Петръ Великій въ 1722 году дѣлалъ походъ

на Кавказъ по берегу Каспійскаго моря, а при Екатеринѣ Великой образована была Кавказская линія и населены по линіи казаки.

Такъ мало-по-малу русскія поселенія дошли до подошвы Кавказа; но къ тому времени уже христіанство исчезло, а мусульмане заняли Кавказскій хребетъ, какъ неприступную крѣпость. Полвѣка Россія штурмовала эту крѣпость; борьба была на жизнь и смерть, но Россія сломила невѣрныхъ и на вершинахъ мусульманскихъ горъ водрузила крестъ Христа Спасителя.

Изнемогая отъ преслѣдованій мусульманъ, владѣтели Грузіи обратились къ русскому царю съ просьбою о защитѣ, и наконецъ грузинскій царь Георгій XII завѣщалъ Грузію Россіи. Въ 1801 году Грузія принята была въ число русскихъ областей, и съ этого времени можно считать начало кавказской войны. Тогда съ Кавказа выводили невольниковъ и невольницъ въ Турцію и Персію; право и законъ не существовали. На людей ходили какъ на охоту; ихъ подстерегали, хватали и продавали. Горцы, привыкшіе съ дѣтства къ охотѣ за людьми, возвращались на родину, ставили ловушку своему сосѣду, крали его дѣтей и даже продавали своихъ собственныхъ. Въ Персію и Турцію отправлялись съ Кавказа грузы людей, по большей части христіанъ. Принятіе Грузіи подъ русскую власть положило конецъ этому позору, но не разомъ. Чтобы очистить Закавказье отъ шаекъ лезгинъ, промышлявшихъ разбоемъ, надо было ихъ истребить, какъ истребляютъ хищныхъ звѣрей. Разбойничество было главнымъ ремесломъ горцевъ. Сами горцы такъ привыкли къ нему, что не считали это безчестнымъ дѣломъ. Когда въ первое время русскаго владычества на Кавказѣ, кавказское начальство потребовало отъ кюринскаго общества, чтобы оно уняло своихъ разбойниковъ, то старшины отвѣчали: „Мы честные люди: земли пахать не любимъ, живемъ и будемъ жить разбоемъ, какъ жили наши отцы и дѣды.“ Чѣмъ-же можно было обуздать такихъ людей? Только оружіемъ. А потому, чтобы владѣть Закавказьемъ, надо было покорить Кавказъ.

Кавказскія горы были заняты независимыми и враждебными намъ племенами горцевъ, а закавказскія наши области соединялись съ Россіей только двумя дорогами: одною черезъ середину Кавказскаго хребта, а другою по берегу Каспійскаго моря. Все это пространство занимали горскія племена: лезгины населяли Дагестанъ; на сѣверномъ склонѣ хребта были чеченцы; средину хребта—осетины; вся западная сторона Кавказа заселена ады-

гами, названными черкесами; и, наконецъ, абхазское племя жило въ углу между западнымъ хребтомъ, Чернымъ моремъ и Мингреліею. Всѣ эти племена отличались воинственностью и отвагою. Адыги и лезгины брали чуть не голыми руками крѣпости: они смѣло шли на картечь и штыкъ, заваливали ровъ и покрывали валъ своими тѣлами,—а все таки шли и брали укрѣпленія.

Не легко доставались намъ побѣды: много героевъ легло, защищая единовѣрныхъ братьевъ отъ нашествій мусульманъ, но, жертвуя собою, они завѣщали своимъ товарищамъ отмстить за свою кровь.

Въ Дагестанѣ побѣды генерала Ермолова въ 1818 и 1819 году надъ ханомъ Аварскимъ навели такой страхъ, что спокойствіе не нарушалось. Къ концу управленія генерала Ермолова, намъ принадлежали уже весь прибрежный Дагестанъ и нѣкоторыя общества внутри его, сосѣднія съ Аваріею. Въ западной половинѣ Закавказья не разъ вспыхивали возмущенія по интригамъ турокъ, владѣвшихъ въ то время Поти, Ахалцихомъ и Ахалкалаки; но волненія эти были скоро прекращены.

Отрывокъ изъ солдатской сказки.

Становитесь въ круговую
Слушать сказку удалую!
Разскажу вамъ не солгу,
Только-чуръ-ужъ ни гугу:
Будетъ быль, не небылица!
Въ ротѣ, въ комнатѣ одной,
Въ полночь самую, порой,
Треснетъ полъ, какъ ледъ зимой,
И запляшетъ половица;
Изъ подъ ней, въ сѣдыхъ усахъ,
Лѣзетъ котъ на трехъ ногахъ,
И мурлыча и мяуча,
Онъ колечкомъ хвостикъ вьетъ,
Сладко пѣсенки поетъ.
У него, вѣдь, сказокъ куча:
Распотѣшитъ хоть кого.
Котъ мнѣ кумъ—я весь въ него!
Что прислушалъ, по-солдатски

Подѣлюся тѣмъ по-братски;
А кто сказку перебьетъ,
Или взыщется за слогомъ,
Котъ хвостомъ того убьетъ,
Чортъ повѣситъ надъ порогомъ.

* *
*

Жили были два царя—
Царь россійскій, царь нѣмецкій.
Русскій царь—царь молодецкій—
Какъ румяная заря,
Свѣжъ лицомъ и станомъ строенъ,
Какъ копье богатыря.
Смѣлымъ взглядомъ—Божій воинъ,
Подъ ногой дрожитъ земля,
Между плечъ—сажень косая,
Очи—полночь, бровь густая,
И—что стѣны у Кремля—
Грудь широкая, крутая.
Ну, ни въ сказкахъ не сказать,
Ни перомъ не написать!

* *
*

Царь нѣмецкій—царь пшеничный
И не боекъ красотой:
Рыжій, низенькій, худой,
Взглядъ куриный, носъ брусничный,
А душа вся въ пятачекъ;
Руки фертомъ подъ бочекъ,
Грудь—что наша рукавица,
Умъ съ куриное яйцо,
Въ жилкахъ мутная водица
И какъ черствый хлѣбъ лицо.
Словомъ, чорту на потѣху!
Но, политику храня,
На нѣмецкаго царя
Русскій царь смотрѣлъ безъ смѣху,
И какъ слышно даже, встарь,
Какъ-то, гдѣ-то, на походѣ,
Какъ и съ нами на разводѣ,

Поздоровался съ нимъ царь.
Видя первенство большое
Русскихъ славнаго царя,
Молодца-богатыря,
Затаилъ мечтанье злое
Въ бусурманской злой крови
Царь нѣмецкія земли:
Диво выдумать такое
Славу русскихъ помрачить
И во что-бы то ни стало—
Чѣмъ-бы, какъ-бы ни попало—
Злое горе приключить,
Срамнымъ срамомъ осрамить.
Пролетаютъ дни за днями,
И нѣмецкій весь народъ
Думу думаетъ, и вотъ,
Русскимъ счетомъ черезъ годъ,
Къ нѣмцу съ добрыми вѣстями
Лѣзутъ прямо во дворецъ
И кричатъ, глядя спѣсиво:
„Царству русскому конецъ!
Осрамимъ его на диво!
Отыскался молодецъ
Хочетъ замокъ онъ построить,
Замкомъ милю заселить,
Крышей облака раздвоить!“

* *
*

—„Ну спасибо! Такъ и быть,
Денегъ я не пожалѣю:
Все отдамъ, что ни имѣю,
Только-бъ русскому царю,
Молодцу—богатырю,
Моему врагу, злодѣю,
Злое горе приключить
Срамнымъ срамомъ осрамить.“
Принялися за работы:
Роютъ, мажутъ и стучатъ.
Годъ проходитъ—и ворота
Замка дивнаго стоятъ;

Годъ другой летитъ, какъ птица,
Стала крыша ужъ видна;
Въ третій годъ на кончикъ шпица
Насадили Каплуна.
Раздоволенъ царь нѣмецкій:
Свищетъ, пляшетъ и поетъ;
То присядетъ, то вскокнетъ,
То какъ будто конь турецкій,
Гордо голову деретъ,
И, спѣсивясь не на шутку,
Наряжаетъ онъ посла,
И велитъ того-жъ числа,
Въ тотъ-же часъ и въ ту-жъ минуту,
Ѣхать къ русскому царю,
Молодцу-богатырю,
И отдать ему предъ трономъ
Харатейную съ поклономъ.
Пишетъ въ ней нѣмецкій царь:
„Русскій, славный Государь!
У меня въ землѣ—все худо;
Но одно есть—замокъ чудо!
Въ день кругомъ не обойдешь,
И не можетъ соколъ птица
Долетѣть до верху шпица;
Крышу только увидать,
Надо шапку прежде снять,
А спину согнуть дугою.
Дивной рѣдкостью такою
Подивить могу я васъ.
Осчастливьте много насъ:
Пріѣзжайте хоть на часъ!“
И поѣхалъ царь на зовъ
И безъ часу въ сто часовъ
Доѣзжаетъ до границы—
Видитъ,—пламенные шпицы
Свѣтятъ въ небо далеко.
Царь подъѣхалъ—высоко
Замокъ выстроенъ чудесный;
Но, досады кроя видъ,
Нѣмцу съ смѣхомъ говоритъ:

„Звалъ меня ты, другъ любезный,
Чудо-замокъ посмотрѣть:
Да у насъ въ Россіи клѣть
Курамъ строятъ вдвое выше.
Хвастай нѣмецъ, да потише!
Знай и совѣсть, знай и честь!
Самъ подумай, чѣмъ дивиться?
У меня солдатикъ есть:
Здѣсь ему ни стать, ни сѣсть,
А куда ужъ развалиться.
Шалашишко—замокъ твой!
Что смотрѣть!—пора домой.
Мой дворецъ такъ впрямь отличенъ,
Точно близокъ къ чудесамъ;
Но я хвастать не привыченъ:
Пріѣзжай—увидишь самъ.“
Получивши приглашенье,
Царь нѣмецкій поспѣшилъ:
Собралъ все свое имѣнье—
Взялъ въ фурманку уложилъ;
Взялъ все войско—сотню счетомъ
(Всѣ на пѣгихъ лошадяхъ,
Всѣ на сѣдлахъ и съ наметомъ,
Всѣ въ желѣзныхъ шишакахъ).
Самъ Гофмаршалъ фонъ-деръ-Херовъ
Съ цѣлой парою пажей,
Впереди шелъ офицеровъ,
Чтобъ кричать: „держи правѣй!“
И безъ дня недѣля съ годомъ,
Путь—дорога имъ была.
Сказку сказываютъ ходомъ,
Скокомъ дѣлаютъ дѣла.
Скоро-ль, долго-ль, но походомъ
Царь нѣмецкія земли
Весь измученный, въ пыли,
Усталой, худой и блѣдный
Подъѣзжаетъ, наконецъ—
Видитъ ужасъ—не дворецъ!
Землю жметъ фундаментъ мѣдный,
Небо жметъ златой вѣнецъ;

Шире моря-окіяна,
Крыша словно безъ конца;
Стѣны,—будто изъ тумана,
Всѣ сибирскаго свинца;
По угламъ рѣзныя башни;
Окна въ нихъ—сердолики,
А на шпицахъ наши шашки,
Сестрорѣцкіе штыки.
Въ башняхъ странствуютъ солдаты;
При бедрахъ у нихъ булаты,
А въ рукахъ ковши, лопаты,
Въ зимній холодъ для потѣхъ
Загребаютъ въ небѣ снѣгъ,
Снѣгъ бросаютъ на долины—
И россійскаго царя,
Молодца-богатыря,
Грудь и очи соколины
Превозносятъ въ небесахъ.
Солнце—мячикъ въ ихъ рукахъ:
Имъ солдатушки лихіе
Въ дни играютъ гулевые,
А съ молодушкой луной,
Какъ съ подругой дорогой,
Разговоръ ведутъ и дружбу,
День и ночь несутъ ей службу:
Моютъ свѣжею водой,
Берегутъ лица румянецъ,
Трутъ кирпичикомъ, золой
И зубкамъ наводятъ глянецъ;
Словно маленькой сестрой,
Новой тѣшатся луной.
Старой плохо—тесаками
Рѣжутъ, крошатъ, чтобъ звѣздами,
Какъ потѣшными огнями,
Разукрасить неба сводъ,
Словно Питеръ въ новый годъ;
Пестры курочки рядами
И повзводно пѣтушки,
Золотые гребешки,
Разноцвѣтными хохлами,

Разноперыми хвостами
Пыль на башенкахъ метутъ.

* * *

Въ нѣмцѣ жизни не замѣтно,
Стыдъ коверкаетъ лицо,
Царь ведетъ его привѣтно,
На широкое крыльцо
Чрезъ гранитныя ступени
Въ малахитовыя сѣни.
Двери вскрылися собой—
Такъ и блещутъ бирюзой.
За дверями часовой
Въ ярко вышитомъ мундирѣ;
Всѣ кресты, какіе въ мірѣ
Можно выдумать и счесть,
На груди его всѣ есть;
На рукахъ пятьсотъ шевроновъ:
Цѣлыхъ двѣсти золотыхъ,
Остальные—изъ басоновъ,
Не простыхъ, а вышивныхъ;
Въ каждомъ два десятка клѣтокъ,
Въ каждой клѣткѣ—сто замѣтокъ,
Счетъ забранныхъ городовъ;
Въ часъ не вымѣрять усовъ,
А рукою богатырской—
И подумать—задрожишь:
Лондонъ городъ и Парижъ
Зашвырнетъ за край сибирской.
Изъ сѣней покоевъ рядъ
Поражаетъ нѣмца взглядъ
Блескомъ радугой чудесной:
Всѣ блестятъ, какъ сводъ небесный;
Черезъ нихъ рѣзнымъ порогомъ
Шитымъ бисеромъ ковромъ
Въ залъ проходятъ танцовальный,
Весь граненый, весь хрустальный—
Стѣны, полъ и потолокъ;
Искры—каждый уголокъ:
Все горитъ огнемъ хитрецкимъ,

Смысломъ русскимъ, молодецкимъ.
Какъ поспѣлъ хрустальный залъ
Стало солнышко проситься—
Посмотрѣть и подивиться.
Зодчій промаха не далъ
(Какъ фельдфебель былъ удалъ),
Солнце ввелъ и заперъ залъ—
И горитъ оно въ затворѣ.
Русски дѣвушки въ уборѣ
Въ дымкахъ, словно въ облачкахъ,
Всѣ въ торжковскихъ кушачкахъ,
Всѣ въ глазетныхъ башмачкахъ,
Пляшутъ, вьются до упада.
Шелку—кудри ихъ досада,
Зубки—жемчугу не надо,
Щечки—розаны изъ сада,
Вздохи—вешняя прохлада,
Станъ и плечи—все подъ рядъ,
А изъ отблесковъ алмаза
Каждой вставлены два глаза,
Да за то ужъ и горятъ!
Видя странности такія,
Царь нѣмецкій: „Ахъ!—да-ахъ!“
Да вдругъ въ ноги чубурахъ
И кричитъ: „ура, Россія!“
А Россійскаго царя,
Молодца-богатыря,
Проситъ—бѣдный—со слезами
Въ живѣ къ дому отпустить,
И клянется небесами
Впредь на вѣкъ покорнымъ быть,
Дурь нѣмецкую забыть.
Любятъ русскіе смиренье!
Въ молодецку царску грудь
Западаетъ сожалѣнье:
Царь не сердится ни чуть,
Не бранитъ его нисколько—
Щелкнулъ по носу—и только,
Говоря: „умнѣе будь!“

Ѳ. Чернышова.

Взрывъ турецкаго броненосца.

Когда войска наши перешли границу, рѣку Прутъ, то вступили въ Румынскую землю, княжество, тогда подвластное Турціи, вмѣстѣ съ нами сражавшееся за свою свободу. Румынія отдѣляется отъ Турціи рѣкою Дунаемъ. Слѣдовательно, для того, чтобы намъ попасть въ самую Турцію, надо перейти черезъ него. Дунай—широкая, многоводная рѣка, съ быстрымъ теченіемъ, и значительною глубиной, впадающая въ Черное море нѣсколькими рукавами. Такую рѣку въ бродъ не перейдешь,—надо или на лодкахъ переплыть, или мостъ построить; но Турки безнаказанно ни того, ни другаго сдѣлать не дадутъ: станутъ стрѣлять въ насъ. Румынскій берегъ ниже, а турецкій выше, поэтому съ турецкаго берега стрѣлять лучше, а тамъ повсюду, гдѣ есть удобныя мѣста къ переправѣ, построены сильныя крѣпости, и стоятъ отряды многочисленной турецкой арміи, готовые встрѣтить врага и не допустить его къ переправѣ. Поэтому намъ прежде всего пришлось, подъ огнемъ непріятельскихъ выстрѣловъ, строить свои баттареи (такъ называются земляныя насыпи съ валомъ, на которомъ ставятъ пушки). Наши баттареи, стрѣляя въ турецкія, должны были заставить послѣднія замолчать, т. е. разрушить ихъ, подбить орудія или перебить прислугу при нихъ. Но у турокъ былъ на Дунаѣ еще большой флотъ, состоявшій изъ 22-хъ военныхъ судовъ, изъ которыхъ много было броненосцевъ, или мониторовъ, называемыхъ также панцырными судами. Они обиты толстыми желѣзными (стальными) плитами въ нѣсколько вершковъ толщины, для того, чтобы непріятельскіе выстрѣлы не могли пробить боковъ и бортовъ судна. На броненосцахъ ставятъ самыя большія пушки, которыя помѣщаютъ въ круглыхъ башняхъ, сложенныхъ изъ стальныхъ-же плитъ. Такимъ образомъ самыя пушки тоже закрыты. Башни, съ помощію машины, поворачиваются и потому стрѣлять изъ нихъ можно по разнымъ направленіямъ. Бомбы которыя выбрасываютъ эти громадныя пушки, вѣсятъ 14 пудовъ и болѣе, на зарядъ-же идетъ 2½ пуда пороха. Противъ такого гостинца и баттарея не устоитъ. Турецкія суда, свободно разгуливая по всему Дунаю, обстрѣливали наши баттареи и причиняли намъ огромный вредъ. Пока существовалъ турецкій флотъ на Дунаѣ, переправиться черезъ него было едва-ли козможно. Поэтому первая и главная забота нашего военнаго начальства была о томъ: какъ-бы уничтожить этотъ флотъ, поставить его въ не-

возможность вредить намъ. И вотъ, рѣшили: сперва устраивать минныя заграждения на рѣкѣ. Дѣлали это такъ: желѣзный, или, вообще металлическій ящикъ или боченокъ наполняли порохомъ или другимъ составомъ, который дѣйствуетъ еще сильнѣе пороха и опускали его не глубоко въ воду, въ которой онъ поддерживался съ помощію поплавковъ, а чтобы боченокъ этотъ или мина, какъ его называютъ, не сошла съ мѣста, то прикрѣпляютъ ее ко дну камнями или якорями. Такія мины располагаются въ нѣсколько рядовъ (не меньше трехъ) въ томъ-же порядкѣ, какъ клѣтки на шашечной доскѣ. Когда судно на ходу задѣваетъ за мину, то отъ толчка она взрывается и судно разбивается на куски. Мы стали закладывать мины въ разныхъ мѣстахъ Дуная, чтобы лишить турецкій флотъ свободнаго движенія по рѣкѣ.

Первыя русскія мины были заложены у Рени, потомъ у Галаца. 5-го мая, подъ сильнымъ огнемъ турецкихъ броненосцевъ, заложены были они и у г. Браилова (лейтенантомъ Дубасовымъ), а къ 8-му мая входъ въ Дунай по всѣмъ рукавамъ былъ загражденъ русскими минами, такъ что турецкія суда не могли ни войти въ Дунай, ни выйдти изъ него въ море. Однако, и оставаясь въ Дунаѣ, непріятельскій флотъ не переставалъ служить намъ большою помѣхою. Турки старались выловить наши мины, прорваться сквозь ихъ ряды и стрѣляли въ насъ съ своихъ судовъ. Къ счастію, наши артиллеристы не дремали. Когда 29 апрѣля большой турецкій броненосецъ „Лютфи-Джелиль“ подошелъ къ городу Браилову и сталъ стрѣлять по нашимъ баттареямъ, тѣ вступили съ нимъ въ бой и отвѣчали ему навѣсными выстрѣлами, т. е. такими, при которыхъ бомба летитъ не прямо, а сперва поднимается кверху и оттуда уже падаетъ. А какъ палуба мониторовъ бронею не покрывается, то это единственные выстрѣлы, которые опасны для такихъ судовъ, но за то и попасть навѣснымъ выстрѣломъ въ судно чрезвычайно трудно; однако-же поручикъ Самойло на Браиловской баттареѣ навелъ орудіе такъ удачно, что одинъ изъ навѣсныхъ выстрѣловъ ударилъ въ палубу „Лютфи-Джелиля“, пробилъ ее и попалъ, вѣроятно, въ то помѣщеніе, гдѣ хранился порохъ — въ Крюйтъ камеру. Мониторъ взорвало и онъ погибъ вмѣстѣ со всею своею командою (за исключеніемъ одного матроса, спасеннаго нами). И только торчащая изъ воды мачта указываетъ теперь мѣсто, гдѣ стоялъ грозный противникъ.

Вотъ какіе способы употребляли мы для того, чтобы уничтожить турецкій флотъ. Наши моряки хотѣли попробовать еще

одинъ способъ. Если первые два—загражденіе минами и навѣсная стрѣльба были чрезвычайно трудны, то третій—не только, что былъ труденъ, но требовалъ еще отъ задумавшихъ его отчаянной смѣлости и отваги, рѣшимости идти на вѣрную гибель.

Лейтенанты—Ѳедоръ Васильевичъ Дубасовъ и Александръ Павловичъ Шестаковъ, назначенные на Дунай изъ балтійскаго флота, задумали на своихъ катерахъ, которыми командовали, напасть на турецкіе броненосцы, стоявшіе въ одномъ изъ рукавовъ Дуная—Мачинскомъ, близъ турецкаго города Мачина. Лейтенанты порѣшили нанести броненосцамъ ударъ миною и такимъ образомъ взорвать ихъ. Дубасовъ испросилъ на это разрѣшеніе у своего начальника капитана 1-го ранга Рогули и у главноначальствовавшаго надъ всѣмъ нашимъ отрядомъ въ Браиловѣ, Салова.

Всего лучше для аттаки броненосца миноноской, такъ называютъ катера, вооруженные минами, выбирать темную ночь. При дневномъ свѣтѣ съ броненосца замѣтятъ миноноску во время и потопятъ ее выстрѣлами изъ громадныхъ и дальнобойныхъ орудій. Иное дѣло ночью, когда можно незамѣтно подкрасться къ броненосцу, особенно если принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы шумомъ машины на миноносномъ катерѣ, огнемъ или разговорами не привлечь на себя вниманія противника. Но далеко еще не всѣ опасности устранены отъ командующаго, когда онъ даже и подберется ко врагу и взорветъ его судно. Дѣло въ томъ, что какъ только мина взорвана, то, въ тотъ-же моментъ, нужно дать катеру задній ходъ, иначе онъ можетъ самъ разбиться съ разбѣга или потонуть, или можетъ быть залитъ водою, которую поднимаетъ мина, взорвавшись всего въ нѣсколькихъ аршинахъ разстоянія отъ катера. Мало того, если даже удалось дать задній ходъ во время, то катеръ отходитъ медленно и вотъ опять ему грозитъ гибель отъ обломковъ разбитаго судна, падающихъ въ воду съ высоты. Мы уже не говоримъ, что экипажъ броненосца, хотя и взорваннаго, имѣетъ время, всегда достаточное, потопить миноноску или перебить ея команду своими выстрѣлами. И безъ того, понятно, сколько опасностей нужно преодолѣть катеру, идущему взорвать и не дать себя уничтожить противнику.

Что-же касается до Дубасова и Шестакова, то слѣдуетъ прибавить, что имъ предстояло дѣло труднѣе и опаснѣе описаннаго. Въ Мачинскомъ рукавѣ стоялъ не одинъ броненосецъ, а цѣлыхъ три. Трудно защищаться отъ одного, а отъ трехъ и того

труднѣе. Далѣе броненосцы стояли у берега рѣки, а по берегу были расположены непріятельскія войска: не удастся броненосцамъ потопить миноноски, можетъ то удастся непріятельскимъ стрѣлкамъ.

Все это хорошо знали и Дубасовъ и Шестаковъ, но ихъ не устрашили опасности, когда дѣло шло о службѣ Царю и Отечеству, да о славѣ русской морской силы. Они шли на врага, не думая о себѣ. Въ Мачинскомъ рукавѣ, стояло три турецкихъ судна: одинъ большой броненосецъ по срединѣ, другой влѣво отъ него, ближе къ берегу, а третій—большой двухтрубный пароходъ—вправо; немного позади островъ, покрытый растеніями, закрывалъ ихъ отъ браиловскихъ баттарей.

Въ ночь на 13 число Дубасовъ и Шестаковъ вышли на катерахъ въ Дунай и подошли къ броненосцамъ на разстояніе около 300 саж. Въ это время стало свѣтать и время аттаки оказывалось уже неудобнымъ. Пришлось вернуться назадъ и съ нетерпѣніемъ ждать слѣдующей ночи для новой попытки.

— Удастся-ли сегодня? спрашивалъ Дубасовъ Шестакова, сидя въ тотъ вечеръ въ общей ихъ сборной комнатѣ. Ну, господа, къ катерамъ, сказалъ Дубасовъ.

Всѣ набожно перекрестились и пошли, спускаясь къ пристани по густой липкой грязи, едва пробирались по знакомымъ тропинкамъ. Всѣ чувствовали что-то особенное, какое-то не веселое чувство, но такое, которое отнимаетъ всякій страхъ и ужасъ, и заставляетъ неудержимо стремиться къ тому, что задумано.

Вѣтеръ довольно сильно колыхалъ рѣку. Мелкій дождь сѣкъ до боли лицо. Небольшіе паровые катера качались на взбаломученномъ волнами Дунаѣ, выпуская бѣленькіе струйки дыма изъ своихъ маленькихъ трубъ.

Всѣ молча размѣстились по мѣстамъ. Было 4 мин. перваго часа ночи. Дубасовъ скомандовалъ: „отваливай!“ и тихо поплыли катера вверхъ по теченію. Всѣ сидѣли молча—ни слова, ни звука, только всплески волнъ, ударяясь о борта катеровъ, нарушали гробовое молчаніе, да сѣверный вѣтеръ еще иногда просвиститъ.

Передъ браиловскими баттареями на нашемъ берегу находится довольно большой островъ, поросшій ивою, лозою и кое какими большими деревьями, закрывающими воды Мачинскаго рукава, омывающаго островъ, съ противоположной стороны. Въ этомъ то рукавѣ, скрываемые растительностью острова, и стояли турецкіе броненосцы.

Русло Дуная съ Мачинскимъ рукавомъ соединялось протокомъ, который какъ-бы прорѣзывалъ островъ.

Этимъ-то протокомъ и воспользовались отважные моряки. Скрываемые островомъ, они вошли незамѣченные въ протокъ, а выйдя изъ него въ Мачинскій рукавъ, дѣлали нападеніе на броненосцевъ съ противоположной стороны.

Войдя въ Мачинскій рукавъ, катера пошли двумя рядами. Въ одномъ, первымъ шелъ „Цесаревичъ“, а въ другомъ, катеръ „Ксенія“.

Вотъ уже ясно видны очертанія броненосцевъ. Они, вѣроятно, замѣтили прогулку моряковъ въ прошлую ночь и нынѣче стояли ближе другъ къ другу, команда спала на палубѣ у своихъ орудій, какъ разсмотрѣли послѣ. Шедшій проливной дождь утихъ; луна, прорѣзываемая облаками, изрѣдка освѣщала мѣстность; довольно сильный вѣтеръ относилъ шумъ прямо къ мониторамъ. И луна и вѣтеръ очень безпокоили Дубасова. Было уже два часа. Дубасовъ порѣшилъ напасть на средній броненосецъ, самый большой и самый близкій къ нимъ. Катера понеслись. На всѣхъ лицахъ полная сосредоточенность, напряженное вниманіе, сердце каждаго, то замретъ, то сильно, сильно забьется... рѣшительная минута наступаетъ.

Катера подплыли уже совсѣмъ близко. Дубасовъ приказалъ держать на готовѣ мину.... еще 30 сажень и она будетъ у цѣли. Въ это время раздался окликъ часоваго на броненосцѣ: „кимъ дыръ іо!“ (кто это есть) Дубасовъ отвѣтилъ ему: „сыцымъ адамъ!“ (т. е. свой человѣкъ). Но, во первыхъ, онъ произнесъ неправильно „сепи адамъ“ вмѣсто „сыцымъ адамъ“; во вторыхъ, въ турецкомъ войскѣ на окликъ принято отвѣчать другими словами „я панджи декль“ (я не чужеземецъ), поэтому часовой не повѣрилъ и окликнулъ еще 2 раза. На третій окликъ Дубасовъ отвѣчалъ, даже разсердясь и тотчасъ-же приказалъ летѣть на всѣхъ парахъ къ кормѣ броненосца. Онъ видѣлъ, что кормовыя орудія всего опаснѣе могутъ быть для катеровъ и потому рѣшилъ разомъ покончить съ ними и въ то-же время испортить руль.

На катерахъ всѣ замерли въ страшномъ ожиданіи предстоящаго. Часовой послѣ третьяго оклика выстрѣлилъ. Съ другихъ судовъ тотчасъ-же послышались выстрѣлы. На броненосцѣ поднялась тревога, зажглись огни, забѣгали люди. Но было уже поздно. Турки прозѣвали, дали катерамъ слишкомъ близко подойти къ броненосцу. Вотъ около кормоваго орудія у турокъ

блеснулъ огонекъ,—сейчасъ выстрѣлъ, но... послѣдовала осѣчка. Въ это время уже мина ударилась объ лѣвую подводную часть кормы, сверкнулъ огонь, дымъ, трескъ; взрывомъ подняло къ верху огромный столбъ воды, и въ ту же минуту раздался оглушительный ревъ бомбоваго орудія съ монитора. „Задній ходъ“ громко командовалъ Дубасовъ, но всплескомъ волны катеръ почти залило водой. На броненосцѣ поднялись отчаянные вопли, почти не человѣческіе крики; корма его сильно опустилась въ воду, но не тонула: переборки на броненосцѣ не допустили разлиться водѣ по всему судну и турки открыли съ него сильный ружейный огонь вмѣстѣ съ пальбою залпами изъ всѣхъ орудій. Съ другихъ судовъ тоже открылась страшная пальба. „Что тутъ было—разсказать трудно, говоритъ одинъ очевидецъ, точно цѣлый адъ поднялся“.

Катеръ „Цесаревичъ“ былъ залитъ водою; якорь его какъ-то зацѣпился за броненосца. Дубасовъ отдаетъ приказаніе Шестакову нанести второй ударъ. Шестаковъ подъ убійственнымъ огнемъ подлетаетъ къ монитору—прямо противъ башни—снова огонь, снова взрывъ, гулъ и трескъ и въ ту же минуту страшный залпъ изъ всѣхъ башенныхъ и боковыхъ орудій, но это было уже послѣднее прощаніе броненосца; вслѣдъ за нимъ онъ началъ погружаться въ воду. Люди съ него массою стали бросаться въ воду, ища спасенія вплавь; громкое единодушное „ура“ разомъ вырвалось изъ груди нашихъ моряковъ. Броненосецъ больше не стрѣлялъ изъ орудій, но команда его не смотря на то, что судно тонуло, продолжала стрѣлять изъ ружей. Этимъ вторымъ взрывомъ котеръ „Ксенію“ прибило волною къ самому борту гибнувшаго судна, забросало обломками; вылетѣвшею съ монитора тяжелой дверью ушибло самого Шестакова и одного изъ матросовъ; дали задній ходъ, но винтъ не дѣйствуетъ: онъ запутался въ обломкахъ и веревкахъ; на катерѣ даютъ сигнальные свистки, требуя помощи, а помочь некому: у каждаго свое дѣло, свое бѣдствіе. Катеръ „Цесаревичъ“ залитъ водой. Дубасовъ уже приказываетъ командѣ оставить машину, но опытный морякъ Кисловъ удостовѣряетъ, что она еще дѣйствуетъ и катеръ можетъ держаться. Катеръ „Царевна“ приготовился спасать людей съ катера „Цесаревичъ“. Корму катера „Джигитъ“ пробило бомбой, а всплескомъ волны отъ другой бомбы захлеснуло носъ. Командиръ его мичманъ Персинъ, не долго думая рѣшилъ пристать къ турецкому берегу, чтобы чинить катеръ. А на бергу тоже распространилась тревога,

собралась турецкая пѣхота и сыплетъ пулями, какъ горохомъ. Бомбы, ядра и пули такъ и падаютъ по всѣмъ направленіямъ; но, не смотря на это, не смотря на смерть, грозящую со всѣхъ сторонъ, моряки продолжаютъ каждый свое дѣло: кто выкачиваетъ воду, кто чинится. Катеръ „Ксенію“ прибило волной къ самому борту погибающаго броненосца, и лейтенантъ Шестаковъ съ 4 матросами отстрѣливается отъ ружейнаго огня погружающагося судна, въ то время какъ другіе матросы съ лейтенантомъ Петровымъ дѣятельно занимаются очисткой винта. Наконецъ, кое какъ катеру „Ксеніи“ удается освободиться отъ запутавшихъ его винтъ веревокъ и обломковъ, но пули такъ и сыплятся около него.

На катерѣ „Джигитъ“ заткнули пробоину пенькою съ саломъ, но за то винтъ его запутался въ кустахъ, во множествѣ покрывающихъ берегъ. Съ трудомъ, однако, все-таки катеръ сдвинули.—Дубасову тоже удалось выкачать у себя воду. Между тѣмъ востокъ занялся зарею, можно было ясно различать всѣ предметы,—Дубасовъ далъ сигналъ къ отступленію и катера, пробывъ подъ убійственнымъ огнемъ болѣе двухъ часовъ, теперь всѣ вмѣстѣ, провожаемые выстрѣлами непріятеля, отправились къ Браилову.

Славное дѣло было совершено. Турецкій мониторъ затопленъ. Другіе два судна не погнались за своимъ удалявшимся врагомъ; они занялись спасеніемъ команды съ своего погибшаго товарища, которая, благодаря близости берега и оказанной помощи, почти вся успѣла спастись. Принимая шлюпки съ спасаемыми, броненосцы изрѣдка выпускали по бомбѣ, но стрѣляли какъ-бы нехотя грустно, заунывно, не мѣтко.

Тогда Дубасовъ, Персинъ и Баль подплыли на трехъ катерахъ къ затонувшему броненосцу и сняли съ него флагъ.

Въ Браиловѣ никакъ не ожидали возвращенія моряковъ.

Когда заслышали тамъ гулъ отъ взрыва и грозные раскаты пушечной пальбы, всѣ считали ихъ погибшими. Каково-же было удивленіе, какова радость, когда увидѣли ихъ благополучно пристающими къ берегу. Громкое, оглушительное „ура“ раздалось на катерахъ и берегу и долго стояло въ воздухѣ.

В. Прокофьевъ.

Горе ты, горе, змѣя подколодная,
Ворогъ старинный ты мой!
Ты, неотступное,—ты безысходное—
Рано сошлись мы съ тобой.
Рано сошлись мы—сошлись и схватилися:
Чья то, посмотримъ, возьметъ?
Сильны, знать, оба съ тобой мы родилися—
Схватка идетъ да идетъ.
Грустно проносится жизнь безотрадная
Въ этой борьбѣ роковой...
Можетъ быть, сломишь меня, безпощадная—
Только не дамся живой.

Розенгеймъ.

Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай у Галаца и Браилова въ 1877 году.

Въ ночь съ 9-го на 10-е Іюня 1877 года совершилась переправа нашихъ войскъ черезъ рѣку Дунай у Галаца, а 11-го Іюня у Браилова.

Приготовленія къ этой переправѣ въ виду непріятеля, который могъ оказать сильное сопротивленіе нашимъ войскамъ,—продолжались со дня объявленія войны, т. е. съ 12-го апрѣля и до 9-го Іюня—дня переправы т. е. почти два мѣсяца.

И дѣйствительно, дѣло это было трудное! Вода стояла высоко. Турецкій берегъ былъ залитъ на нѣсколько верстъ. Приходилось ожидать спада воды—это во-первыхъ, а во вторыхъ, вѣдь Дунай впадаетъ въ Черное море, въ которомъ Турки имѣли превосходные военные корабли, значительная часть которыхъ вошла въ Дунай.

Но Турецкій флотъ на Дунаѣ, запуганный нашими артиллеристами и моряками и потерявшій уже два лучшихъ броненосца, ушелъ почти весь вверхъ по Дунаю, выше Гирсова и только два броненосца и нѣсколько маленькихъ судовъ остались въ Мачинскомъ рукавѣ. Но, когда мы заложили мины въ Дунаѣ противъ Браилова и перегородили минами Мачинскій рукавъ у Гечета, то и остальныя суда поспѣшили уйти изъ Мачинскаго рукава тоже къ Гирсову. Послѣ-же устройства миннаго загражденія въ 10 верстахъ ниже Гирсова и въ томъ мѣстѣ Мачинскаго рукава, гдѣ

онъ отдѣляется отъ Дуная, въ своемъ верхнемъ теченіи, оказалось, что мы, не имѣя военнаго флота, одержали верхъ надъ непріятельскимъ флотомъ и отняли у Турокъ Дунай на протяженіи 100 верстъ, т. е. между Гирсовымъ и Рени не было ни одного непріятельскаго корабля. Такимъ образомъ, теперь, при переправѣ нашихъ войскъ у Галаца и Браилова могъ оказать сопротивленіе непріятель только на сушѣ, на водѣ-же онъ былъ обезсиленъ. На сушѣ также онъ не могъ быть силенъ, потому что турки должны были защищать Дунай, которымъ они владѣли на протяженіи болѣе 600 верстъ, въ другихъ мѣстахъ, гдѣ грозила имъ опасность отъ нашихъ главныхъ силъ, мѣсто переправы которыхъ было назначено въ среднемъ теченіи Дуная, верстахъ въ 300 отъ Браилова.

Въ то время, какъ принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать турецкій флотъ безвреднымъ на Дунаѣ, на рѣкѣ Серетѣ, въ городахъ Галацѣ и Браиловѣ собиралось и устраивалось все необходимое для переправы, какъ то: барки, плоты, пароходы и лодки.

Для наводки моста и переправы войскъ были употреблены также буксирные пароходы. Буксирными пароходами называются обыкновенно такіе, которые берутъ баржи съ грузомъ „на буксиръ“ т. е. привязываютъ одинъ конецъ каната къ баркѣ въ то время, какъ другой прикрѣпленъ къ пароходу и, слѣдовательно, когда движется пароходъ, то за собою тянетъ и баржу. На нѣкоторыхъ буксирныхъ пароходахъ были сдѣланы приспособленія для защиты отъ выстрѣловъ посаженныхъ на нихъ людей, т. е. были устроены желѣзныя крыши сверху, а съ боковъ желѣзныя стѣнки. Кромѣ буксирныхъ и другихъ пароходовъ еще служили при переправѣ наши пароходы, уступленные румынами и отчасти привезенные нами изъ Россіи по желѣзнымъ дорогамъ и вооруженные не большими пушками.

Съ 4-го Іюня, т. е. тогда, когда весь турецкій берегъ до Гарбинскихъ высотъ былъ залитъ водою, наши войска овладѣли турецкимъ берегомъ у деревни Гечета, которую турки сожгли и очистили. Нападенія на Гечетъ небыло произведено нашими войсками; только прежде небольшіе казачьи отряды, состоящіе изъ нѣсколькихъ человѣкъ, переправлялись на турецкій берегъ, для развѣдки о непріятелѣ.

Небольшой турецкій отрядъ, расположенный въ Гечетѣ, боясь, что нами будетъ сдѣлана высадка съ большими силами, убрался въ болѣе покойное мѣсто—въ Мачинъ.

Утвердившись на турецкомъ берегу, въ деревнѣ Гечетѣ, наши войска приступили къ устройству моста противъ Браилова. Самая рѣка въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходила наводка моста, хотя и не очень широка—всего съ полверсты—но на обоихъ берегахъ ея, вслѣдствіе разлива, также пришлось устраивать мостъ и потому онъ вышелъ до трехъ четвертей версты.

Такъ-какъ наши войска владѣли обоими берегами, то они принялись за постройку моста одновременно съ обѣихъ сторонъ т. е. со стороны Гечета и Браилова. Со стороны Браилова постройка моста была облегчена тѣмъ, что на берегу находилась построенная нѣкогда желѣзнодорожная насыпь, на которой, хотя она и находилась подъ водой (вслѣдствіе разлива Дуная), можно было вбивать козлы безъ особеннаго труда.

На глубокомъ мѣстѣ Дуная, мостъ устраивался на плотахъ. Каждый плотъ подводится буксирнымъ пароходомъ отдѣльно къ своему мѣсту, на разстояніи около 15 сажень выше моста по теченію. Бросаютъ якорь и теченіе быстро относитъ плотъ вдоль предыдущаго плота, установленнаго раньше. Въ то время, какъ подводимый плотъ выравнивается въ линію съ предыдущимъ, бросаютъ другой якорь, которымъ слѣдующій плотъ укрѣпляется на мѣстѣ. Такимъ образомъ подводились одинъ плотъ до другаго и связывались между собою.

Отъ постороннихъ предметовъ, несомыхъ теченіемъ Дуная, особенно въ ночное время, напоръ которыхъ могъ разорвать плоты, съ верхней стороны теченія мостъ былъ защищенъ ловучими бревнами, связанными цѣпями. Встрѣчныя работы съ обоихъ сторонъ шли весьма быстро, такъ что послѣ четырехдневной работы мостъ былъ почти готовъ и только въ серединѣ рѣки оставалось небольшое разстояніе, незаполненное плотами.

Для движенія войскъ отъ Гечета до Мачина, по пространству, залитому водою, чинилась и исправлялась залитая и размытая дорога на Мачинъ. Тутъ клали фашины, сверху насыпали землю. Въ томъ мѣстѣ дороги, въ которомъ еще не приступали къ исправленію, стоялъ казачій пикетъ, присматриваясь въ даль, къ Мачину, слѣдя за тѣмъ, что дѣлалъ непріятель въ той сторонѣ, не предпринималъ-ли онъ чего противъ насъ, чтобы помѣшать нашей работѣ. Непріятель въ свою очередь поставилъ возлѣ Мачина, на высокой горѣ караулъ, который зорко слѣдилъ за всѣмъ, что у насъ происходило.

Въ то время въ Галацѣ также съ утра до вечера работали сотни солдатъ и матросовъ съ купеческихъ кораблей въ мастерской нѣкоего Приватка, гдѣ изготовлялись различныя приспособленія къ переправѣ, которыя и были готовы къ 9 Іюня.

Въ этотъ-же день, рано утромъ, одинъ нашъ офицеръ, въ сопровожденіи 8 казаковъ переплылъ Дунай на лодкѣ съ той стороны Галаца, которая лежитъ ниже по теченію и, достигнувъ турецкаго берега, направился по затопленымъ низменностямъ къ высотамъ, которыя занимали турки. Приближившись на ружейный выстрѣлъ къ турецкому блокгаузу, деревянному строенію, приспособленному къ жизни и защитѣ отъ непріятеля, нашъ офицеръ началъ производить развѣдку, при чемъ турки открыли ружейный огонь по лодкѣ; но офицеръ не обратилъ на это вниманія и обогнулъ холмы съ цѣлью отыскать удобное мѣсто для переправы. Достигнувъ своей цѣли, развѣдочная партія вернулась назадъ въ Галацъ. Двое казаковъ оказались тяжело ранеными, но дѣло было сдѣлано; мѣсто переправы и высадки войскъ на турецкій берегъ было найдено.

Къ вечеру того-же дня къ низовой части Галаца, стянулась 1-ая бригада 18-й пѣхотной дивизіи т. е. два полка: Рязанскій и Ряжскій, подъ общею командою Генералъ-Маіора Жукова.

Съ наступленіемъ вечера засуетились по Дунаю заранѣе приготовленныя лодки и собралось у Галацкой пристани до 150 гребныхъ судовъ разной величины: отъ баркасовъ, вмѣщавшихъ 45 человѣкъ, до маленькихъ рыбачьихъ лодокъ для 3-хъ, 4-хъ и 5-ти человѣкъ.

Въ присутствіи Генерала Циммермана, командира 14-го армейскаго корпуса, въ составъ котораго входитъ Рязанскій и Ряжскій полки, было посажено по пяти ротъ отъ каждаго изъ названныхъ полковъ. Рязанцы и Ряжцы направились черезъ Дунай на противоположный берегъ, залитый водою и поросшій камышемъ. Въ камышахъ лодки должны были простоять до 2-хъ часовъ ночи, пока успѣли на пристани окончить посадку остальныхъ частей войскъ предназначенныхъ къ переправѣ. Кромѣ того надо было успѣть переправить къ С. Захлый плоты съ орудіями. Наконецъ въ 2 часа ночи, на 10 Іюня, наши войска на лодкахъ двинулись впередъ по широкому разливу Дуная.

Впереди виднѣлась высокая гора, которая уступами, какъ лѣстница, спускается къ берегу; на ней множество черныхъ точекъ, фигуръ, скопившихся преимущественно въ двухъ мѣстахъ,

на одной и на другой сторонѣ горы, вдающейся въ воду:—это были Турки на Гарбинскихъ высотахъ. Оказалось потомъ, что Турки дѣйствительно поджидали нашихъ, ибо были извѣщены шпіонами-доносщиками—о мѣстѣ высадки.

Командиръ бригады, ѣхавшій тоже на лодкѣ вмѣстѣ съ другими, усмотрѣлъ во время эти двѣ массы Турецкихъ войскъ и далъ приказъ: направляться всѣмъ ротамъ къ одному мѣсту, именно туда, гдѣ меньше скопился непріятель; полагаютъ, что въ этомъ мѣстѣ его было до 1000 человѣкъ, тогда какъ по другой сторонѣ горы собралось болѣе 2000 человѣкъ. Въ лодкахъ не было особо назначенныхъ умѣлыхъ людей, для управленія ими, исключая немногихъ матросовъ и рыбаковъ. Солдаты сами гребли веслами и управляли рулемъ, хотя трудно было людямъ, непривыкшимъ къ этому, справляться съ быстрымъ теченіемъ Дуная.

Тихо, спокойно, безъ малѣйшаго шуму подплыли они къ назначенному мѣсту турецкаго берега, который представлялъ топкое болото, такъ что солдаты бросались изъ лодокъ прямо въ воду, часто по самую грудь и быстро пробирались по камышамъ на сухое мѣсто берега.

Было темно, тихо. На берегу въ Галацѣ собралась огромная толпа публики посмотрѣть кровавое зрѣлище. И вотъ, вдругъ, разомъ съ трескомъ освѣтился одинъ уступъ Гарбинской горы, потомъ другой, третій...

Рязанцы съ двумя офицерами впереди: поручикомъ Эльснеромъ и прапорщикомъ Сушковымъ, прежде всѣхъ ступившими на непріятельскую землю, быстро вышли на берегъ и бросились впередъ на гору.

Изъ за каждаго камня изъ за каждаго холмика, показывались огоньки выстрѣловъ и градъ пуль встрѣтилъ нашихъ храбрецовъ. Въ это время поручикъ Эльснеръ былъ тяжело раненъ и упалъ на землю.—„Не безпокойтесь обо мнѣ, ребята,“ кричалъ онъ своимъ солдатамъ: „я здѣсь буду лежать, а вы ступайте впередъ на приступъ; я отсюда буду командовать вами.“

Произошла страшная свалка. Нѣсколько солдатъ пало близъ поручика Эльснера; груди ихъ были пронизаны штыками.

Но вотъ поспѣваютъ на выручку вновь высадившіяся части нашихъ войскъ. Перестрѣлка усиливается; вся гора ежеминутно освѣщается непрерывнымъ огнемъ, поднимающимся все выше и выше. Очевидно, Рязанцы берутъ приступомъ каждый уступъ;

выбиваютъ засѣвшаго тамъ и укрѣпившагося непріятеля и быстро подвигаются впередъ на гору.

Въ это время турецкая масса, ожидавшая стрѣлковъ Ряжскаго полка въ другомъ мѣстѣ горы, начинаетъ двигаться въ сторону боя. Турецкая кавалерія бросается съ боку на нашихъ; но она запоздала. Рязанцы, поддержанные мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ, заставляютъ турокъ отступить и занимаютъ высоты. Бой разгорается. Съ турецкой стороны къ 7 часамъ утра начинаютъ раздаваться выстрѣлы изъ орудій—два орудія вступаютъ въ дѣло. А у насъ—ни одной пушки, только ружья! Была тяжелая минута для нашей пѣхоты. У врага была кавалерія и артиллерія. Стрѣлки нѣсколько разъ бросались на непріятельскую конницу въ штыки и отражали натискъ непріятеля. Дѣло уже дошло до ужасной рукопашной схватки.

Каждый солдатъ велъ себя героемъ. Впереди, шаговъ на двѣсти отъ линіи, увлеченный отвагою молодой офицеръ, подпоручикъ Никольскій, съ пятью нижними чинами внезапно былъ окруженъ турецкими кавалеристами; его видятъ, къ нему бѣгутъ на помощь. Но турки успѣваютъ изрубить на куски всѣхъ шестерыхъ храбрецовъ; мѣткіе выстрѣлы стрѣлковъ кладутъ на мѣстѣ всѣхъ виновниковъ этой несчастной стычки—ни одинъ изъ нихъ не остался живъ.

Этотъ случай раздражаетъ и воодушевляетъ солдатъ. Но вотъ, вдругъ съ нашей стороны раздается пушечный выстрѣлъ—первый выстрѣлъ изъ русскаго орудія, перевезеннаго сперва на плоту, а потомъ въ лодкѣ и частями перенесеннаго руками на гору и далѣе на поле битвы. Это произошло въ 10 часовъ утра. Въ рядахъ нашихъ солдатъ радость, новое оживленіе. Послѣ перваго-же выстрѣла изъ нашего орудія, уменьшаются выстрѣлы изъ турецкихъ орудій; за вторымъ выстрѣломъ еще меньше, за третьимъ, четвертымъ выстрѣлами—турецкая артиллерія умолкаетъ; ясно, что орудія увозятъ; значитъ артиллерія начала отступать. Но туркамъ, вѣроятно, и въ голову не приходидо, чтобы могли сдѣлать высадку безъ артиллеріи; они предполагали, что часто повторяющіеся выстрѣлы нашего орудія, составляютъ только часть нашей артиллеріи; при томъ-же они опасались какой нибудь западни съ нашей стороны и, большею частью, направляли выстрѣлы изъ своихъ орудій на небольшую ложбину, гдѣ предполагали стоящими наши резервы.

И точно, если бы съ нашей стороны были большіе резервы, то ихъ негдѣ было-бы держать, какъ только въ упомянутой ложбинѣ; и тогда они сильно пострадали бы отъ непріятельскихъ пушечныхъ выстрѣловъ. Но къ счастью, на этотъ разъ резервъ нашъ былъ очень не великъ—менѣе 200 человѣкъ. Почти всѣ остальныя наши войска, которыхъ только къ концу боя можно было насчитывать до 1800 человѣкъ, принимали участіе въ этой первой боевой линіи въ схваткѣ съ вдвое сильнѣйшимъ врагомъ.

Турки не могли устоять противъ храбрости нашихъ войскъ и отступили въ полномъ безпорядкѣ.

Къ 12 часамъ дня бой кончился, а къ часу по полудни уже прекратились послѣдніе выстрѣлы и мы заняли высоты до деревни Зизіала, верстахъ въ 5 отъ Мачина.

Въ то самое время, когда завязался бой на Гарбинскихъ высотахъ, ночью на 10-е Іюня, была послана команда на нашемъ военномъ пароходѣ „Фульджеро“ изъ Браилова, въ сопровожденіи двухъ небольшихъ паровыхъ лодокъ, къ городу Мачину, съ тою цѣлью, чтобы потревожить турокъ въ Мачинѣ и не дать имъ возможности послать подкрѣпленіе къ селенію Гарбину, гдѣ съ разсвѣтомъ началось дѣло. Приблизясь къ Мачину и остановившись въ полутора верстѣ отъ города, съ парохода „Фульджеро“ выстрѣлили въ Мачинскую баттарею близь турецкой казармы. Первая граната не долетѣла и упала въ воду очень близко отъ того мѣста, гдѣ возвышается баттарея. Турки отвѣтили. Съ „Фульджеро“ выпустили вторую гранату: этотъ выстрѣлъ былъ удачнѣе и, какъ узнали 11-го Іюня, ранилъ двухъ турокъ. Съ Мачинской баттареи открыли сильный огонь; выпущено было до 20 гранатъ, изъ которыхъ только нѣкоторыя ложились около парохода, другія перелетали очень близко отъ него. Командиръ парохода „Фульджеро, выпустивъ четыре выстрѣла, сталъ отходить къ Браилову, исполнивъ возложенное порученіе.

Въ ночь на 11-е Іюня Мачинъ былъ уже занятъ русскими и вотъ какъ это случилось: какіе-то рыбаки извѣстили, что Мачинъ оставленъ турками, которые боялись, что наши войска могутъ подойти съ занятыхъ ими горъ и окружить ихъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого устроена была дорога въ Мачинъ и установилась переправа по мосту, а 15-го Іюня весь корпусъ генерала Циммермана былъ уже на турецкомъ берегу.

И. К. Шведовъ.

Русская Гвардія подъ Горнымъ Дубнякомъ.

11-го Октября, раздавъ послѣднія приказанія, генералъ Гурко переѣхалъ со своимъ штабомъ въ селеніе Чириково, ближайшее къ Горному Дубняку, взятіемъ котораго генералъ хотѣлъ руководить лично.

Ночью-же съ 11-го на 12-е Октября потянулись къ мѣсту боя и войска. Въ первый еще разъ, въ теченіи настоящей войны, гвардія шла въ бой.

Свѣтила луна, ночь была ясная, но довольно прохладная. На пути движенія войскъ протекала рѣка Видъ, которую войскамъ пришлось переходить въ бродъ, по колѣно въ холодной водѣ. Движеніе войскъ происходило скрытно съ соблюденіемъ полнѣйшей тишины; костровъ раскладывать было нельзя, а потому войска, перейдя на другой берегъ рѣки Видъ, не имѣли возможности обсушиться. Всѣ провели эту, для многихъ послѣднюю, ночь подъ открытымъ небомъ. Кое-кто уснулъ, кто шептался съ товарищемъ, а кто возился съ мокрымъ сапогомъ...

Едва первыя полоски зари забѣлѣлись на небѣ, какъ по бивуаку разнесся громкій голосъ генерала Гурко: „Сѣдлать коней! Черезъ четверть часа выступленіе!“

Еще было темно, а генералъ Гурко ѣхалъ уже верхомъ по направленію къ шоссе, гдѣ въ кустахъ разсыпана была цѣпь передовыхъ турецкихъ постовъ. Позади медленно подвигались колонны пѣхоты; за ними съ глухимъ гуломъ двигалась артиллерія.

Войска стали расходиться по разнымъ направленіямъ: стрѣлковая бригада, подъ командой генерала Эллиса, забирала вправо, въ обходъ непріятельской позиціи съ сѣвера.

Московскій, Гренадерскій и Лб. Гв. Саперный батальонъ, подъ общимъ начальствомъ генерала барона Зеделера, шли на турецкія укрѣпленія прямо съ востока; а полки: Павловскій и Финляндскій—потянулись на лѣво, чтобы охватить позицію съ юга.

Лейбъ Гвардіи Егерскій полкъ, съ 2-мя полками кавалеріи и артиллеріей, назначенный для заслона со стороны Телиша, равно какъ и войска, назначенныя для заслона со стороны Дольняго Дубняка, пошли еще ранѣе къ своимъ мѣстамъ.

Движеніе полковъ совершалось скрытно, и покамѣстъ, не было еще слышно ни одного выстрѣла. Впереди былъ молодой очень густой лѣсокъ, который и прикрывалъ наши войска со сто-

роны турокъ. Но вотъ, гдѣ-то далеко раздался звукъ перваго ружейнаго выстрѣла, за нимъ другой, третій....

„Началось!“ заговорили тихо солдаты, снимая шапки, усердно крестясь и шопотомъ читая молитвы. „Что-то будетъ?“

Но то была незначительная, пустая перестрѣлка между турецкими передовыми постами и разъѣздомъ нашихъ казаковъ, посланнымъ впередъ для порчи на шоссе телеграфной проволоки, соединяющей Горный Дубнякъ съ Плевной.

Но вотъ перестрѣлка участилась, къ ружейному огню присоединились рѣдкіе орудійные выстрѣлы. Это турецкая цѣпь, замѣтивъ генерала Гурко съ его многочисленною свитою, выѣхавшихъ изъ-залѣса, открыла частую пальбу. Съ главнаго турецкаго укрѣпленія также замѣтили кучку всадниковъ и пустили по ней двѣ, три гранаты, которыя однако не причинили никому вреда, перелетѣвъ черезъ головы.

Турецкая цѣпь, увидя нашу пѣхоту, быстро стала отходить на шоссе и оттуда къ укрѣпленіямъ.

Было восемь часовъ утра. Яркое солнце свѣтито и грѣло чуть не по лѣтнему. Къ опушкѣ лѣса, прикрывшись стрѣлками, придвинулись Московскій и Гренадерскій полки, первыми подошедшіе къ мѣсту боя, такъ какъ путь ихъ былъ самый короткій.

Двѣ батареи, по 8 орудій каждая, тронулись и выѣхали впередъ къ шоссе. Одна изъ баттарей, не доѣзжая шоссе, быстро снялась съ передковъ и открыла частый огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Слѣдомъ за нею другая баттарея, помѣстившаяся на небольшомъ курганчикѣ, начала съ своей стороны обстрѣливать турецкую позицію. Оттуда не замедлили посыпаться отвѣты: гранаты загудѣли и зашипѣли по разнымъ направленіямъ, и сраженіе подъ Горнымъ Дубнякомъ открылось.

Мѣстность, на которой завязывался бой, была слѣдующаго вида: среди открытаго и почти ровнаго, обширнаго поля находились двѣ возвышенности. Одна весьма высокая, съ крутыми подъемами къ ней, виднѣлась на разстояніи около 2-хъ верстъ отъ того лѣска, гдѣ остановились московцы и гренадеры. Другая возвышенность, но меньше, находилась на востокъ отъ первой, въ разстояніи саженей двухъ сотъ отъ того-же лѣска.

На обѣихъ возвышенностяхъ возведены были непріятелемъ земляныя укрѣпленія, называемыя *редутами*.

Редутъ на вершинѣ большой и крутой возвышенности имѣлъ земляные валы болѣе сажени высоты, окруженные рвомъ, ширина

и глубина котораго, какъ оказалось впослѣдствіи была также больше сажени. По срединѣ этого редута виднѣлась высокая, сажени въ три насыпь, на которой стояли пушки, обстрѣливающія всю мѣстность на далекое пространство.

Другой редутъ, находящійся на меньшей возвышенности, былъ подобенъ первому, но значительно меньшихъ размѣровъ. Такъ были укрѣплены вершины высотъ.

Отъ вершинъ-же внизъ, во всѣ стороны, шли ярусами, одинъ надъ другимъ, *ложементы*, т. е. земляные валы, окруженные рвами; эти ложементы охватывали возвышенности, какъ-бы поясами, почти со всѣхъ сторонъ, слѣдовательно, чтобы добраться до редутовъ, необходимо было прежде взять всѣ ярусы ложементовъ; подходить-же къ ложементамъ приходилось почти по открытому полю, подъ огнемъ непріятеля, тщательно закрытаго насыпями, невидимаго нашими солдатами, и потому почти неуязвимаго съ нашей стороны.

Кромѣ того, огонь, которому неминуемо должны были подвергнуться наши войска, идя на приступъ укрѣпленій, производился непріятелемъ за-разъ, изъ всѣхъ ярусовъ ложементовъ; съ нашей-же стороны огонь могъ быть производимъ только одной линіей стрѣлковъ. Такимъ образомъ, на одну нашу пулю, непріятель имѣлъ возможность отвѣчать десятью и болѣе пулями за разъ. Очевидно, всѣ выгоды боя были на сторонѣ турокъ.

Турки, кромѣ того, пустились еще на хитрости: по полю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ росла высокая, густая кукуруза. Такъ турки, думая ввести насъ въ заблужденіе и, по возможности, скрыть отъ насъ свои ложементы, очень искусно прикрыли насыпи ихъ съ наружной стороны, стеблями кукурузы; по гребню-же валовъ были устроены, изъ кукурузы-же, особые заслоны въ видѣ невысокихъ плетней, сквозь которые просовывались въ щели одни лишь ружейные стволы; головы-же стрѣлковъ совершенно были скрыты.

Но туркамъ не удалась ихъ хитрость: наши артиллеристы очень скоро успѣли пристрѣляться къ турецкимъ укрѣпленіямъ, и послѣ двухъ, трехъ, пробныхъ выстрѣловъ снаряды ложились вѣрно по назначенію.

Часу въ 10-мъ утра пѣхотныя колонны наши стали выходить съ разныхъ сторонъ на поле и по немногу подвигаться къ укрѣпленіямъ: съ сѣвера двигались стрѣлковые батальоны, съ востока московцы и гренадеры; съ юга показались Павловцы и финляндцы; а съ западной стороны, изъ лѣса, выѣхала паша

кавалерія, съ 2-мя полками румынъ. Такимъ образомъ турецкая позиція оказывалась со всѣхъ сторонъ окруженною.

Обложеніе исполнено было какъ нельзя удачнѣе; казалось, непріятелю не было выбора, какъ только сдаться или умереть въ своихъ-же собственныхъ укрѣпленіяхъ: 54 орудія со всѣхъ четырехъ сторонъ громили теперь турокъ; но непріятель, лишь только показались на полѣ наши колонны, открылъ по нимъ изъ всѣхъ своихъ безчисленныхъ ложементовъ жестокій ружейный огонь.

Въ началѣ 11-го часа утра лейбъ-гренадеры, предводительствуемые своимъ храбрымъ командиромъ, флигель-адъютантомъ, полковникомъ Любовицкимъ, бросились изъ лѣска, въ которомъ находились, на штурмъ восточнаго редута, отстоящаго въ 200 саженяхъ отъ него. Турки встрѣтили гренадеръ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ. Но не смотря на огонь, молодцы гренадеры, съ распущенными знаменами, подъ звуки музыки, безъ выстрѣла, стремительно шли впередъ и съ крикомъ: ура! ворвались въ укрѣпленіе.

Турки бросились бѣжать въ главный редутъ. Лейбъ-гренадеры въ первую минуту послѣдовали было за убѣгающимъ непріятелемъ, чтобы по пятамъ его ворваться въ главное укрѣпленіе, но жестокій, губительный огонь рѣшительно не далъ возможности идти впередъ, и гренадеры должны были засѣсть во взятомъ ими укрѣпленіи.

Это была первая побѣда гвардіи.

А. Хребтовъ.

Монастырь.

За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій
Въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ,
У рощи, на горѣ высокой
Обитель иноковъ стоитъ.
Вокругъ нея стѣна съ зубцами,
Четыре башни по угламъ,
И по срединѣ Божій храмъ
Съ позолоченными главами.
Рядъ келій, темный переходъ,
Часовня у святыхъ воротъ

Съ чудотворящею иконой
И подлѣ ключъ воды студеной
Журчитъ цѣлительной струей,
Подъ тѣнью липы вѣковой.
Вечерній мракъ въ туманномъ полѣ;
Заря ужъ гаснетъ въ небесахъ;
Не слышно пѣсенъ на лугахъ,
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ;
Ни рогъ въ лѣсу не затрубитъ,
Ничто не дрогнетъ—лишь порою,
Чуть колокольчикъ прозвенитъ
Вдали дорогой столбовою;
И на Днѣпрѣ у рыбаковъ
Ужъ нѣтъ на лодкахъ огоньковъ.
Вошелъ и мѣсяцъ полуночный,
И звѣзды яркія горятъ;
Поляны, рощи, воды—спятъ.
Пробилъ на башнѣ часъ урочный,
Обитель въ сонъ погружена,
Повсюду миръ и тишина.

Козловъ.

Защита Баязета.

Къ числу геройскихъ дѣлъ въ послѣднюю войну съ турками принадлежитъ оборона занятаго нашими войсками въ Малой Азіи (въ Турецкой Арменіи) турецкаго города Баязета съ крѣпостью. Жители здѣсь армяне—христіане и курды—магометане. Овладѣвъ Баязетомъ, генералъ Тергукасовъ оставилъ тамъ небольшой гарнизонъ, а самъ 4-го Іюня 1877 года отправился далѣе въ глубь вражеской страны. Курды, выразившіе генералу Тергукасову готовность служить русскому оружію, за что были щедро имъ награждены, по уходѣ его, измѣнически присоединились къ турецкому отряду, который, въ числѣ 20 тысячъ, обложилъ городъ со всѣхъ сторонъ. Видя невозможность устоять вдесятеро-сильнѣйшаго врага, нашъ небольшой гарнизонъ (1622 человѣка) заперся въ *цитадель* (укрѣпленное мѣсто среди города), а городъ былъ оставленъ на произволъ судьбы. Ночью, при заревѣ пожара, гарнизонъ увидѣлъ страшную

картину: курды начали рѣзать христіанъ, не щадя ни пола, ни возраста, жечь ихъ дома, грабить имущество. Недорѣзанныхъ женъ и дѣтей они бросали въ огонь. Отовсюду слышались страшные крики, стоны и рыданія. Такія картины повторялись три ночи подъ-рядъ. Послѣ избіенія жителей, улицы города представляли потрясающій видъ: вездѣ валялись трупы, терзаемые собаками, и воздухъ наполнялся удушливою вонью. Непріятель началъ обстрѣливать крѣпость со всѣхъ сторонъ. При такомъ отчаянномъ положеніи гибель крѣпости и гарнизона казалась неизбѣжною; но чего не преодолѣетъ доблесть Русскаго войска? Начальникъ крѣпости, капитанъ Штоквичъ, сынъ героя, который при взятіи Карса въ войну 1829 года взорвалъ пороховой погребъ, при чемъ самъ поплатился жизнью,—съ горстью храбрецовъ отстоялъ Баязетъ и покрылъ вѣчною славою русское оружіе.

Извѣстно, что приказанія коменданта осажденной крѣпости исполняются, какъ Высочайшія повелѣнія. Имѣя запасъ сухарей всего на восемь дней и не зная, долго-ли протянется осада, капитанъ Штоквичъ тотчасъ приказываетъ уменьшить дачу сухарей и воды. Непріятель отвелъ изъ крѣпости воду и за нею приходилось посылать людей ночью, спуская ихъ чрезъ стѣну по веревкѣ. Непріятельскіе караулы зорко наблюдали за этимъ и половина посланныхъ солдатъ обыкновенно не возвращалась назадъ. Съ каждымъ днемъ положеніе гарнизона становилось невыносимѣе. Но примѣръ самаго капитана Штоквича, его увѣщанія, разумныя распоряженія, подкрѣпляли духъ и внушали бодрость осажденнымъ: „Крѣпитесь, друзья, крѣпитесь! предстоятъ еще большія лишенія; притомъ не теряйте надежды на освобожденіе. Помните, что присяга, законъ, долгъ, честь и слава нашего отечества требуютъ отъ насъ умереть на этомъ посту, что мы и сдѣлаемъ, а не поддадимся на ухищренія нашего противника, предлагающаго намъ ежедневно сдаться на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Помните, друзья, что Богъ насъ видитъ, и ведемъ-то мы войну, защищая послѣдователей Его, а потому Онъ насъ не оставитъ.“

Жара стояла невыносимая. Часто вылазка за водой совсѣмъ не удавалась; съѣстные припасы истощаются; помощи ждать неоткуда. И вотъ съ каждымъ днемъ порція сухарей и дача воды уменьшаются. Были дни, когда сухарей совсѣмъ не выдавалось; въ иные—гарнизонъ получалъ всего по одной восьмой фунта или по 4 лота сухарей въ день на человѣка. Между тѣмъ съ окру-

жающихъ высотъ сыпались пули и снаряды. Особенно одна пушка, стоявшая на высотѣ, вредила крѣпости; въ нее-же ни откуда съ нашей стороны нельзя было направить выстрѣла. Тогда капитанъ Штоквичъ догадался втащить одну пушку въ верхній этажъ дома, изъ окна котораго видна была непріятельская баттарея. Чтобы при выстрѣлахъ не провалился полъ, въ нижнемъ этажѣ подставили подпорки. „Ну-ка, полѣзай, старушка, на печь!“ шутили солдаты, тащившіе пушку. „Закашляла наша старушка!“ радостно привѣтствовали они первые ея выстрѣлы. Старушка сильно вредила непріятельской баттареѣ, но вскорѣ подбитая турецкой гранатой, должна была замолчать.—

Страданія гарнизона, томимаго голодомъ и жаждою, превосходили всякое терпѣніе! Турки завалили ручей гніющими трупами; но и зараженную воду приходилось добывать гарнизону цѣною жизни и дѣлить только по каплѣ. Каждая вылазка за водой, пахнувшей мертвечиной, обходилась въ пять и болѣе человѣкъ убитыми!... При такихъ страданіяхъ гарнизона комендантъ съ презрѣніемъ отвергалъ присылаемыя врагомъ предложенія сдаться. Наконецъ Штоквичу удается отправить охотника къ генералу Тергукасову съ извѣстіемъ о положеніи гарнизона. Исполнить это трудное и опасное дѣло взялся армянинъ Самсонъ Петросовъ. Обривъ себѣ голову, переодѣвшись въ татарскія лохмотья, онъ ночью спустился по веревкѣ съ крѣпостнаго вала. Но едва Петросовъ прошелъ версту, какъ попадаетъ въ руки курдовъ. На разспросы онъ отвѣчаетъ на ихъ же языкѣ, что онъ бѣдный персіянинъ, ищетъ своего навьюченнаго осла, котораго отъ него отняли. Ему повѣрили и отпустили. Пройдя еще нѣсколько верстъ, онъ очутился въ христіанской деревнѣ, въ то время, когда жителей грабили курды. Чтобъ легче отвести подозрѣніе, Петросовъ взваливаетъ себѣ на плечи какую-то корзину, принимая видъ грабителя. Однако же курды замѣтили посторонняго человѣка и начали допрашивать. Проглотивъ пилюлю съ скрывавшейся въ ней запиской отъ коменданта къ генералу Тергукасову, Петросовъ отдѣлывается тѣмъ же разсказомъ объ ослѣ. Едва на пятый день доплелся онъ до назначеннаго мѣста. Генералъ Тергукасовъ, узнавъ о положеніи Баязетскаго гарнизона, тотчасъ велѣлъ готовиться своему отряду въ походъ на выручку. Между тѣмъ турки продолжаютъ бомбардировать истощенную крѣпость и, въ виду неизбѣжной гибели гарнизона, снова посылаютъ коменданту предложеніе сдаться. Чтобы положить конецъ

оскорбительной назойливости врага, Штоквичъ приказалъ повѣсить присланнаго переговорщика, и съ этой минуты предложенія прекратились... Въ одномъ изъ своихъ отвѣтныхъ писемъ къ туркамъ комендантъ писалъ: „Если вы такъ горячо желаете взять крѣпость, берите насъ силою. Вамъ должно быть извѣстно, что Русскіе живыми не сдаются.“—

Наступило 22-е Іюня, а выручки все еще не было. Сдѣлали обычную вылазку за водой—отбита. Въ приказѣ на другой день по гарнизону дозволялось выдавать воды больнымъ по четверть кружки, а остальнымъ—по ложкѣ. Наконецъ комендантъ приказалъ зарѣзать двухъ послѣднихъ лошадей и мясо приказалъ не варить, чтобы сохранить воду для питья, а жарить. Положеніе больныхъ и раненыхъ было самое жалкое: недостатокъ воды не позволялъ приготовлять для нихъ горячей пищи, ни даже промывать ранъ. 28-го утромъ началось усиленное бомбардированіе. Вдругъ гарнизонъ—о радость! слышитъ условные выстрѣлы приближавшагося отряда генерала Тергукасова; черезъ восемь часовъ непріятельскій корпусъ былъ разбитъ на голову и разсѣянъ. Кто выразитъ тѣ чувства радости, крики восторга, слезы благодарности, съ которыми встрѣченъ былъ многострадальнымъ гарнизономъ побѣдоносный отрядъ при вступленіи въ крѣпость, превращенную въ развалины!

Капитанъ Штоквичъ награжденъ былъ за свои подвиги Георгіевскимъ крестомъ, чиномъ, золотою саблею и пожизненной пенсіей. Самсонъ Петросовъ получилъ въ награду чинъ прапорщика, золотой знакъ военнаго отличія и сотню полуимперіаловъ. „Геройскую оборону Баязетскаго гарнизона и спасеніе нѣсколькихъ тысячъ семействъ несчастныхъ христіанъ Турціи“, сказано въ приказѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Главнокомандующаго Кавказской арміей (Михаила Николаевича): „исторія занесетъ на свои страницы, а съ ними передастъ памяти и примѣру потомства имена ваши и вашего достойнаго предводителя“.

Р—ій.

Паденіе Плевны 28 Ноября 1877 г.

Въ главной квартирѣ русской арміи давно уже приблизительно знали, что состояніе продовольственной части не позволитъ

Осману держаться въ Плевнѣ далѣе 2-го или 4-го Декабря. Весь вопросъ былъ въ томъ, сдастся-ли плевненская армія просто, или же сдѣлаетъ попытку пробиться, и если будетъ пробиваться, то куда—на Ловчу, гдѣ его караулилъ Скобелевъ, или на Видднъ, гдѣ его поджидалъ Ганецкій. Удачный прорывъ Османа могъ-бы только отдалить на нѣкоторое время сдачу его арміи, могъ-бы только поддержать блескъ военной репутаціи самого Османа, но для Турціи не принесъ-бы ни малѣйшей существенной выгоды. Надо однако сказать, что, основывалсь на личномъ характерѣ и воинской стойкости Османа, общее мнѣніе склонялось къ тому, что онъ непремѣнно будетъ пробиваться,—и не ошиблись. Вечеромъ 27-го Ноября ружейный огонь изъ турецкихъ траншей, обыкновенно не прекращавшійся ни днемъ, ни ночью противъ позиціи генерала Скобелева, вдругъ прекратился. Проходитъ полчаса, проходитъ часъ и болѣе, а не слыхать ни одного выстрѣла, ни одна пуля не проноетъ надъ нашими окопами. Что это значитъ?... Ужъ не готовятся-ли къ новой атакѣ?... Тишина у непріятеля наводила на разныя сомнѣнія, и потому генералъ Скобелевъ рѣшился командировать особый секретъ, приказавъ высмотрѣть, что дѣлается у противника. Секретъ отправился; заложивъ ружья за спину, подползаетъ онъ, крадучись къ турецкой траншеѣ, прислушивается:—мертвая тишина... не слышно ни голоса людскаго, ни шаговъ, ни вообще какого-либо изъ тѣхъ звуковъ и шороховъ, которые служатъ признакомъ хотя-бы самаго осторожнаго, самаго сдержаннаго присутствія людей. Ползетъ секретъ далѣе на самый гребень траншеи, глянулъ за него, по ту сторону—пусто! Соскочили наши во внутрь траншеи, прошли нѣсколько шаговъ, заглянули въ одну, другую, третью землянку—нигдѣ ни души. Очевидно вся траншея была уже покинута. Но есть-ли кто нибудь еще въ Кришинскомъ редутѣ? Идутъ къ редуту. Тамъ—насколько можно судить на слухъ—люди еще копошатся, но уже покидаютъ укрѣпленіе; кажись, орудія увозятъ; слышны шаги и голоса по дорогѣ къ шоссе, немазанныя колеса гдѣ-то скрипятъ; огней тоже не видать по всей линіи.

Секретъ возвратился къ генералу Скобелеву и донесъ о всѣхъ своихъ наблюденіяхъ. Генералъ тотчасъ-же извѣстилъ объ этомъ по телеграфу Великаго Князя Главнокомандующаго въ Боготѣ и Генерала Тотлебена въ Тученицѣ. Послѣдній не замедлилъ сообщить тоже и генералу Ганецкому, командующему гренадерскимъ корпусомъ, или всѣмъ завидскимъ или „тыловымъ плев-

ненскимъ“ отрядомъ. Вскорѣ послѣ полуночи Великій Князь отправилъ за Видъ полковника Моравскаго узнать, не замѣчается ли тамъ какихъ либо приготовленій турокъ къ выходу изъ Плевны.

Генералъ Ганецкій, получивъ телеграмму изъ Тученицы, отдалъ распоряженіе по всему тыловому отряду—быть на готовѣ. Наши Кавалерійскіе аванпосты окружали все передовое пространство завидской позиціи и часть изъ нихъ стояла не подалеку отъ самаго моста. Ночь была такъ темна и туманна, что слѣдить глазомъ не представлялось ни малѣйшей возможности; тѣмъ не менѣе, сторожевые посты исполняли свою обязанность вполнѣ исправно: они слѣдили за непріятелемъ на слухъ, и замѣчательно, что по всей линіи нашихъ аванпостовъ въ эту ночь не было дано ни одного выстрѣла, хотя нѣкоторые посты приближались почти вплотную къ непріятелю. Они не хотѣли безпокоить его преждевременною тревогой и только заботились о томъ, чтобы слушать какъ можно чутко и внимательнѣе. Время отъ времени они посылали донесенія къ генералу Ганецкому, и эти „донесенія на слухъ“ сводились къ тому, что на непріятельскомъ (правомъ берегу) Вида, около моста, слышенъ скрипъ громадныхъ обозовъ, что часть повозокъ спускается съ высоть къ берегу и въ одномъ мѣстѣ входитъ въ самую рѣку, но на противный берегъ не переправляется, а остается въ рѣкѣ, что вмѣстѣ съ тѣмъ слышенъ глухой шумъ отъ скопляющихся большихъ массъ людей и животныхъ, хотя огней нигдѣ не замѣтно. Генералъ Ганецкій высказывалъ полное удовольствіе по поводу этой прекрасной сторожевой дѣятельности нашихъ кавалеристовъ, и, дѣйствительно, больше этого, при подобныхъ условіяхъ, невозможно требовать и ожидать ни отъ какой кавалеріи.

Поздній зимній разсвѣтъ и туманная мгла долго не позволяли разглядѣть, что дѣлается за мостомъ; но вотъ легкій морозецъ, покрывшій инеемъ всю землю, уничтожилъ туманъ и вскорѣ слабо заалѣло небо на востокѣ. Тогда передъ сторожевыми нашими постами открылась широкая низина, лежащая между Опонецкими и Терпинскими высотами и выходящая къ Виду. Вся эта низина и всѣ склоны подмостныхъ возвышенностей покрыты были сплошными массами людей и обозовъ. Неподалеку отъ каменнаго моста оказался другой, устроенный изъ составленныхъ попарно повозокъ, поверхъ которыхъ на скоро накинута была досчаная и фашинная настилка. Теперь уже сдѣлалось ясно, что тутъ собрана

вся армія Османа; и дѣйствительно, въ восемь часовъ утра, быстро спускаясь съ высотъ, потянулись по обоимъ мостамъ на нашу сторону густыя массы турецкой пѣхоты. Сторожевые наши посты медленно стали отходить на линіи своихъ окоповъ, пославъ предварительно въ Дольній Дубнякъ къ генералу Ганецкому извѣстіе о выступленіи непріятеля.

Какъ только генералъ прочелъ донесеніе, тотчасъ-же, какъ бѣлая игла, взвилась въ небо сигнальная ракета и по всему длинному и широкому пространству нашей тыловой позиціи барабаны зарокотали тревогу. Какъ на простыхъ мирныхъ маневрахъ, спѣшно, но безъ малѣйшей суеты становились гренадеры въ ружье и строились поротно въ шеренги на линейкахъ предъ шалашами. Фельдфебеля и „ротные“ повѣряли своихъ людей и сводили ихъ въ батальоны. Не прошло и десяти минутъ, какъ все уже стояло на своихъ мѣстахъ, сплотившись въ столь-же стройныя, сколько и грозныя колонны.

Но генералъ Ганецкій не сталъ дожидаться, пока соберутся и построятся его батальоны; пяти минутъ не минуло еще съ того момента, какъ зашипѣла ракета и еще барабаны продолжали гремѣть по линіи, перенимая одинъ отъ другаго энергическій быстрый бой „тревоги“, а онъ, вскочивъ на коня, уже мчался въ карьеръ къ передовымъ траншеямъ, расположеннымъ въ разстояніи около трехъ верстъ отъ моста и занятымъ въ этотъ день, по очереди, Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ, шефомъ котораго, какъ извѣстно, числится Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій.

Турки бѣгомъ выстраивали свою боевую линію на обширной завидской равнинѣ и стремительно бросились въ наступленіе, не подумавъ даже о необходимости обстрѣлять предварительно огнемъ нашу укрѣпленную позицію. Надо отдать имъ полную справедливость: если наши гренадеры приготовлялись къ бою, по тревогѣ, какъ на маневрахъ, то турки то-же, какъ на маневрахъ, вели на нихъ безъ выстрѣла свою стремительную атаку. Нужды нѣтъ, что изъ нашихъ траншей осыпали ихъ ружейнымъ огнемъ, что губительныя шрапнели цѣлыми десятками рвались надъ ихъ головами:—они шли со склоненными штыками молча и только старались учащать быстрый темпъ своего шага. Они вполнѣ пріучились и къ пулямъ, и къ гранатамъ, и шли теперь на насъ, какъ одно изъ самыхъ боевыхъ, самыхъ закаленныхъ войскъ въ мірѣ. Идти около трехъ верстъ подъ мѣткимъ—и замѣтьте, не по турецки, а подъ дѣйстви-

тельно мѣткимъ огнемъ, и идти безъ единаго ружейнаго и орудійнаго выстрѣла съ своей стороны—это чего нибудь да стоитъ!

Атаку велъ самъ Османъ-паша, красовавшійся предъ своими войсками на прекрасномъ рыжемъ жеребцѣ, который былъ присланъ ему въ подарокъ отъ султана. Едва прошли какія нибудь полчаса, какъ турки были уже передъ нашими траншеями. Съ одушевленными криками „алла“ кинулись они въ штыки на окопы и въ одно мгновеніе смѣшались въ нихъ съ сибирцами. Ни одинъ изъ нашихъ солдатъ не оставилъ передовой траншеи: всѣ полегли тамъ подъ турецкими штыками, и когда, на другой день боя, объѣзжали эти мѣста, то видѣли груды нашихъ и турокъ, застывшихъ вмѣстѣ въ предсмертной борьбѣ, словно-бы въ братскихъ объятіяхъ. Овладѣвъ траншеею, турки бросились на нашу земляную баттарею, гдѣ стояли шесть полевыхъ орудій 2-й баттареи 3-й гренадерской артиллерійской бригады. Большая часть прислуги была переколота. Долѣе прочихъ оборонялся артиллеристъ Карабановъ, который билъ враговъ своимъ банникомъ и, уложивъ имъ нѣсколько человѣкъ, вышелъ невредимо изъ неравной схватки.

Въ нѣсколько минутъ непріятель достигъ втораго ряда нашихъ траншей. Но здѣсь подоспѣлъ Малороссійскій Гренадерскій графа Румянцева-Задунайскаго полкъ, который поддержалъ сибирцевъ, и тогда началось горячее стрѣлковое, а вскорѣ потомъ и штыковое дѣло.

Въ это время генералъ Ганецкій замѣтилъ, что турки видимо хотятъ пробиться къ Дунаю, потому что, подъ прикрытіемъ своей атаки на наши ложементы, спѣшно направляютъ на сѣверъ головы своихъ обозовъ. Понятно, поэтому, что наибольшія усилія Османа были направлены на лѣвый флангъ сибирцевъ, который, наконецъ, и сталъ подаваться назадъ, послѣ упорнаго, но слишкомъ неравнаго боя. Были нѣкоторыя роты, которыя выводили изъ боя не болѣе какъ по пятнадцати человѣкъ, потерявъ всѣхъ офицеровъ. На помощь лѣвому флангу должна была подойти 2-я бригада 3-й гренадерской дивизіи; но до ея прихода, генералъ Лашкаревъ, находившійся тутъ съ 9-ю кавалерійскою дивизіею, выстроилъ свои полки въ боевой порядокъ и приготовился встрѣтить непріятеля въ случаѣ прорыва. Подъ Лашкаревымъ упала лошадь, пронизанная двумя пулями и, въ то же время, до пятнадцати коней и всадниковъ выбыли изъ строя. Турки, между тѣмъ, ломили въ нашъ лѣвый флангъ, пока не наткнулись на

1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи, расположенную въ траншеяхъ, идущихъ къ Виду подъ тупымъ угломъ отъ лѣваго фланга сибирцевъ. Полки этой бригады, Архангелгородскій и Вологодскій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рыкачева, приведенные сюда на смѣну румынъ, дня за три до 28-го числа, неожиданно встрѣтили противника изъ-за окоповъ такимъ огнемъ, что турки сразу оставили всякія дальнѣйшія покушенія противъ лѣваго фланга, но за то всѣ свои усилія сосредоточили противъ центра нашей позиціи. Генералъ Ганецкій все время разъѣзжалъ по войскамъ и ободрялъ ихъ.

— Кукурузники, не отступать и не смѣй думать объ этомъ! съ веселымъ видомъ, грозя кулакомъ, кричалъ онъ нѣсколькимъ сибирскимъ ротамъ, предъ которыми въ одномъ мѣстѣ разстилалось кукурузное поле.

— Ваше превосходительство, патроновъ нѣтъ! разстрѣляли уже всѣ патроны! отвѣчали ему изъ ложементовъ солдаты, показывая пустые подсумки.

— Ну и наплевать, коли нѣтъ! Такіе молодцы и безъ патроновъ, однимъ штыкомъ турнутъ непріятеля, да и баттарею свою назадъ отберутъ!

— Рады стараться, ваше превосходительство! Прикажите впередъ идти!

Не торопись, братцы, будетъ время—прикажу! Не бойтесь, назади не останетесь! А патроны вотъ уже подвозятъ!

Въ то время турки успѣли переправить за Видъ семь орудій, которыя приблизились къ намъ настолько, что гранаты ихъ летѣли черезъ обѣ линіи нашихъ окоповъ и разрывались около резервовъ. Все это, въ соединеніи съ отчаянными усиліями непріятеля противъ центра, побудило Ганецкаго послать находившагося въ его распоряженіи свиты генералъ-маіора Струкова къ начальнику 2-й гренадерской дивизіи, генералъ-лейтенанту Свѣчину, который уже шелъ отъ Дольняго-Дубнякъ къ мѣсту боя.

Между тѣмъ раненые у насъ все прибывали и прибывали: на носилкахъ, пѣшкомъ и ползкомъ тащились они кое-какъ къ перевязочному пункту; но не раздавалось въ средѣ ихъ ни громкаго стона, ни ропота. Всѣ они, отъ старшихъ офицеровъ до послѣдняго солдата, сознавали, что на этомъ полѣ битвы идетъ теперь рѣшительное дѣло чуть-ли не объ участи цѣлой войны,—тутъ уже не до личныхъ страданій того или другого!...

Спѣшнымъ шагомъ и въ образцовой стройности проходилъ мимо корпуснаго командира Астраханскій гренадерскій Наслѣдника Цесаревича полкъ.

Помните, астраханцы, чье имя вы носите! крикнулъ имъ генералъ Ганецкій, послѣ обычнаго привѣтствія.

Рядомъ съ астраханцами, но нѣсколько правѣе ихъ, двигались въ томъ-же направленіи Самогитскіе гренадеры. Оба эти полка, вспомнивъ боевую сноровку своихъ доблестныхъ Суворовскихъ дѣдовъ, дружнымъ ударомъ въ штыки „на ура“ насѣли на противника, поддержавъ изнемогавшихъ въ продолжительномъ и неровномъ бою сибирцевъ. Вышвырнувъ изъ траншеи турокъ, они отбили у нихъ захваченныя русскія пушки. Но мало того, здѣсь-же были взяты съ бою и семь турецкихъ орудій, вмѣстѣ съ ящиками, между которыми нашлись и наши, русскіе (5-й артиллерійской бригады), захваченные подъ Плевною въ несчастливомъ для насъ дѣлѣ 8-го іюля, а рядовой Астраханскаго полка, Егоръ Ждановъ, съ бою взялъ турецкое знамя. Одно изъ турецкихъ орудій замѣчательнымъ образомъ было отнято однимъ человѣкомъ. Лейбъ-казакъ 4-го эскадрона, Арсеній Нефедьевъ, паряженный въ качествѣ вѣстоваго къ генералу Каталею, былъ посланъ этимъ послѣднимъ съ Зерницкой позиціи на поле сраженія узнать, что тамъ дѣлается. Нефедьевъ, верхомъ, примкнулъ къ охотникамъ, штурмовавшимъ отбитую у насъ траншею, и когда турки, не выдержавъ удара, дали тылъ и спѣшили увозить свои пушку, Нефедьевъ погнался за крайнимъ орудіемъ, свалилъ ударами своей берданки двухъ ѣздовыхъ и, взявъ подъ уздцы одну изъ упоснихъ лошадей, повернулъ орудіе назадъ и привезъ его къ ложементамъ, уже занятымъ гренадерами!

Съ отбитіемъ траншеи успѣхъ сраженія склонился на нашу сторону. Это было въ половинѣ одиннадцатаго часа утра. Турки заколыхались и, поддерживая перестрѣлку отбѣжали на разстояніе ближняго ружейнаго выстрѣла, оттуда открыли частый огонь по нашимъ ложементамъ. Тутъ завязался ожесточенный стрѣлковый бой, которому вторила артиллерійская канонада. Наши орудія стрѣляли изъ-за окоповъ, а турецкія—съ высоты мостовыхъ укрѣпленій и съ Опонецкихъ редутовъ. Гранаты противника рвались среди нашихъ войскъ и, такимъ образомъ, ружейная и орудійныя пальба безъ умолку гремѣла по всей линіи войскъ нашихъ и турецкихъ. Въ это время подъ Османомъ-пашою была

убита его рыжая лошадь и самъ онъ раненъ пулею въ лѣвую икру, на вылетъ. Преувеличенная молвою вѣсть о ранѣ и даже о смерти Османа быстро пронеслась по рядамъ его арміи. И вотъ, тѣ же самые батальоны, которые, полчаса назадъ, съ такою отчаянною рѣшительностью лѣзли на наши окопы и послѣ отбитаго штурма все еще осыпали насъ огнемъ съ совершенно открытаго поля,—теперь, чуть лишь разнеслась между ними роковая вѣсть о смерти Османа, шарахнулись назадъ къ Виду, въ самомъ крайнемъ безпорядкѣ. Наши гренадеры съ барабаннымъ боемъ, тотчасъ-же, по всей линіи, перешли въ общее наступленіе.

Турки съ каждой минутой разстраивались все болѣе и болѣе, такъ что въ полдень всѣ Плевненская армія бѣжала уже въ разбродъ отовсюду, а въ это время наши гранаты то и дѣло разрывались посреди ихъ въ разныхъ направленіяхъ. Здѣсь полегло множество турокъ... Но хуже всего имъ было у Вида. Въ крайнемъ безпорядкѣ кинулись эти массы на мосты и прямо въ рѣку, сталкивая однѣ другихъ цѣлыми кучами: несчастные раненые, военные обозы, орудія, зарядные ящики, обывательскія арбы съ имуществомъ и хозяевами—стремглавъ летѣли въ воду, послѣ того какъ перила на каменномъ мосту обломились. Наконецъ, большая часть всего этого успѣла кое-какъ перебраться на тотъ берегъ, столпилась на шоссе въ полугорѣ и поползла въ разныхъ направленіяхъ на глинистыя вершины. Но множество турокъ оставалось еще около мостовъ и по нашу сторону Вида. Артиллерійская бригада Флигель-адъютанта полковника Щеголева, памятная всей Россіи еще съ прошлой восточной войны, по геройской оборонѣ Одессы, вынеслась далеко впередъ, подъ гранатнымъ огнемъ турецкихъ редутовъ, и сыпала картечью въ смятенныя толпы непріятеля.

Наконецъ, сквозь пороховой дымъ, замѣтили въ свитѣ генерала Ганецкаго, что на мосту среди всей этой толчеи и сумятицы, широко машетъ кто-то бѣлымъ флагомъ. Вскорѣ послѣ этого изъ нашей передовой цѣпи привели къ генералу турецкаго офицера съ завязанными глазами.

Получивъ отъ Османа изъявленіе полной покорности волѣ Его Высочества, Струковъ тотчасъ же послалъ къ генералу Ганецкому.

Между тѣмъ Адиль-паша, взобравшись на пригорокъ, будто мулла съ высоты минарета, закричалъ что-то войскамъ и замахалъ руками, показывая жестомъ, чтобы люди снимали съ себя

и клали на землю оружіе. Тутъ наступила крайне критическая минута нѣмаго протеста и сопротивленія. Толпы непріятельскихъ солдатъ стояли, словно-бы на нихъ столбнякъ вдругъ нашелъ. Они ясно слышали крики настойчиваго приказанія сѣдобородаго, почтеннаго Адиля, но никто изъ нихъ не подумалъ слагать оружія. Потребовалось энергическое вмѣшательство офицеровъ, изъ которыхъ ближайшіе къ караулкѣ первыми побросали въ общую кучу свои сабли и револьверы и затѣмъ направились къ своимъ таборамъ понукать къ тому аскеровъ. Съ явною неохотой и медлительными лѣнивыми шагами стали наконецъ отовсюду сходиться къ шоссе солдаты и сваливать въ безпорядочныя кучи свои прекрасныя скорострѣлки, и въ этомъ рѣзкомъ звукѣ, съ которымъ стукались о камни падающія ружья, явно сказывалась глубокая досада, съ какою эти оборванные, истощенные долгими трудами и голодомъ люди, разставались съ своимъ вооруженіемъ. Не только скорострѣлки, но и кожаные подсумки и суконные патронташи, срывая съ себя, швыряли и разметывали они по всему полю и разсыпали цѣлыя массы металлическихъ патроновъ, втаптывая ихъ ногами въ размокшую почву. Множество ружей кидали неразряженными, отчего при паденіи ихъ, нерѣдко раздавались, то тамъ, то сямъ, случайные выстрѣлы. Наши войска въ это время все ближе и ближе подходили со всѣхъ сторонъ и покрывали своими стройными рядами все окружающее пространство рѣчнаго берега, долину и возвышенности. Турки были оцѣплены полнымъ кольцомъ и ни одному изъ нихъ не было уже никакого выхода изъ этого роковаго круга.

Открытіе памятника войны 1877—78 гг.

Въ воспоминаніе о побѣдоносной войнѣ съ турками 12-го Октября 1886 года въ Петербургѣ, на Измайловскомъ проспектѣ открытъ въ присутствіи Государя Императора „Памятникъ Славы“, составленный изъ пушекъ, взятыхъ у непріятеля. Въ Высочайшемъ приказѣ по этому случаю сказано: „Сегодня совершилось въ Петербургѣ торжество открытія памятника войны съ Турціей 1877—1878 годовъ. Да пребудетъ памятникъ этотъ на вѣчныя времена воспоминаніемъ о самоотверженіи и доблестяхъ воиновъ, съ помощью Божіей, покрывшихъ новою славою русскія знамена и русское имя. Воспоминанія эти пусть

послужатъ залогомъ неизмѣнной увѣренности Моей и всего русскаго народа, что при всѣхъ испытаніяхъ, каковыя Промыслу Божію угодно ниспослать Россіи въ будущемъ, ея армія и флотъ на всегда останутся на высотѣ военной доблести и неувядаемой славы, добытыхъ нашими предками и на нашихъ глазахъ достойно поддержанныхъ и возвеличенныхъ."

Сигналъ.

Семенъ Ивановъ служилъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ. Отъ его будки до одной станціи было двѣнадцать, до другой—десять верстъ. Верстахъ въ четырехъ въ прошломъ году открыли большую прядильню; изъ за лѣсу ея высокая труба чернѣла, а ближе, кромѣ сосѣднихъ будокъ, и жилья не было.

Семенъ Ивановъ былъ человѣкъ больной и разбитый. Девять лѣтъ тому назадъ онъ побывалъ на войнѣ; служилъ въ деньщикахъ у офицера, и цѣлый походъ съ нимъ сдѣлалъ. Голодалъ онъ и мерзъ, и на солнцѣ жарился, и переходы дѣлалъ по сорока и по пятидесяти верстъ въ жару и въ морозъ: случалось и подъ пулями бывать, да слава Богу,ни одна не задѣла. Стоялъ разъ полкъ въ первой линіи; цѣлую недѣлю съ турками перестрѣлка была: лежитъ наша цѣпь, а черезъ лощинку—турецкая, и съ утра до вечера пострѣливаютъ. Семеновъ офицеръ тоже въ цѣпи былъ; каждый день три раза носилъ ему Семенъ изъ полковыхъ кухонь, изъ оврага, самоваръ горячій и обѣдъ. Идетъ съ самоваромъ по открытому мѣсту; пули свистятъ, въ камни щелкаютъ, страшно Семену, плачетъ, а самъ идетъ. Господа офицеры очень довольны имъ были: всегда у нихъ горячій чай былъ. Вернулся онъ изъ похода цѣлый, только руки и ноги ломить стало. Не мало горя пришлось ему съ тѣхъ поръ отвѣдать. Пришелъ онъ домой—отецъ старикъ померъ; сынишка былъ по четвертому году—тоже померъ, горломъ болѣлъ; остался Семенъ съ женой самъ-другъ. Не задалось имъ и хозяйство, да и трудно съ пухлыми руками и ногами землю пахать. Пришлось имъ въ своей деревнѣ не въ терпежъ; пошли на новыя мѣста счастья искать. Побывалъ Семенъ съ женой и на Линіи, и въ Херсонѣ, и въ Донщинѣ; нигдѣ счастья не достали. Пошла жена въ прислуги, а Семенъ по прежнему все бродитъ. Пришлось ему разъ по машинѣ ѣхать; на одной станціи, видитъ, начальникъ будто

знакомый. Глядитъ на него Семенъ, и начальникъ тоже въ Семеново лицо всматривается. Узнали другъ друга: офицеръ своего полка оказался.

— Ты, Ивановъ? говоритъ.

— Такъ точно, ваше благородіе, я самый и есть.

— Ты какъ сюда попалъ?

Разсказалъ ему Семенъ: такъ молъ и такъ.

— Куда-жъ теперь идешь?

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Какъ такъ, дуракъ, не можешь знать?

— Такъ точно, ваше благородіе, потому, податься некуда. Работы какой, ваше благородіе, искать надобно.

Посмотрѣлъ на него начальникъ станціи, подумалъ и говоритъ:

— Вотъ что, братъ. Оставайся-ка ты покувова на станціи. Ты, кажется, женатъ? гдѣ у тебя жена?

— Такъ точно, женатъ, ваше благородіе; жена въ городѣ Курскѣ у купца въ услуженіи находится.

— Ну такъ пиши женѣ, чтобы ѣхала. Билетъ даровой выхлопочу. Тутъ у насъ дорожная будка очистится; ужъ попрошу за тебя начальника дистанціи.

— Много благодаренъ, ваше благородіе, отвѣтилъ Семенъ.

Остался онъ на станціи. Помогалъ у начальника на кухнѣ, дрова рубилъ, дворъ, платформу мелъ. Черезъ двѣ недѣли пріѣхала жена, и поѣхалъ Семенъ на ручной телѣжкѣ въ свою будку. Будка новая, теплая, дровъ—сколько хочешь; огородъ маленькій отъ прежнихъ сторожей остался, и земля, съ полдесятины пахатной, по бокамъ полотна была. Обрадовался Семенъ: сталъ думать, какъ свое хозяйство заведетъ, корову, лошадь купитъ.

Дали ему весь нужный припасъ: флагъ зеленый, флагъ красный, фонари, рожокъ, молотъ, ключъ—гайки подвинчивать, ломъ, лопату, метелъ, болтовъ, костылей, дали двѣ книжечки съ правилами и росписаніе поѣздовъ. Первое время Семенъ ночи не спалъ, все росписаніе твердилъ; поѣздъ еще черезъ два часа пойдетъ, а онъ обойдетъ свой участокъ, сядетъ на лавочку у будки и все смотритъ и слушаетъ не дрожатъ-ли рельсы, не шумитъ-ли поѣздъ. Вытвердилъ онъ наизустъ и правила; хоть и плохо читалъ, по складамъ, а все таки вытвердилъ.

Прошло времени мѣсяца два; сталъ Семенъ съ сосѣдями сторожами знакомиться. Одинъ былъ старикъ древній; все смѣнить его собирались: едва изъ будки выбирался. Жена за него

и обходъ дѣлала. Другой будочникъ, что поближе къ станціи, былъ человѣкъ молодой, изъ себя худой и жилистый. Встрѣтились они съ Семеномъ въ первый разъ на полотнѣ, по серединѣ между будками, на обходѣ; Семенъ шапку снялъ, поклонился.

— Добраго, говоритъ, здоровья, сосѣдъ.

Сосѣдъ поглядѣлъ на него сбоку.—Здравствуй говоритъ. Повернулся и пошелъ прочь. Бабы послѣ между собой встрѣтились. Поздоровалась Семенова Арина съ сосѣдкой; та тоже разговаривать много не стала, ушла. Увидѣлъ разъ ее Семенъ:— что это, говоритъ, у тебя, молодица, мужъ неразговорчивый!

Помолчала баба, потомъ говоритъ:

— Да о чемъ ему съ тобой разговаривать? У всякаго свое... Иди себѣ съ Богомъ...

Однако, прошло еще времени съ мѣсяцъ, познакомились. Сойдутся Семенъ съ Василіемъ на полотнѣ, сядутъ на край, трубочки покуриваютъ и разсказываютъ про свое житье-бытье, Василій все больше помалчивалъ, а Семенъ и про деревню свою, и про походъ разсказывалъ.

— Немало, говоритъ, я горя на своемъ вѣку принялъ, а вѣку моего не Богъ вѣсть сколько. Не далъ Богъ счастья. Ужъ кому какую таланъ-судьбу Господь дастъ, такъ ужъ и есть. Такъ-то, братецъ, Василій Степанычъ.

А Василій Степанычъ трубку объ рельсъ выколотилъ, всталъ и говоритъ:

— Не таланъ-судьба намъ съ тобою вѣкъ заѣдаетъ, а люди. Нѣту на свѣтѣ звѣря хищнѣе и злѣе человѣка. Волкъ волка не ѣстъ, а человѣкъ человѣка живьемъ съѣдаетъ.

— Ну, братъ, волкъ волка ѣстъ, это не говори.

— Къ слову пришлось, и сказалъ. Все-таки, нѣту твари жесточе. Не людская-бы злость да жадность—жить-бы можно было. Всякій тебя за живое ухватить норовитъ, да кусъ отхватить, да слопать.

Задумался Семенъ.

— Не знаю, говоритъ, братъ. Можетъ оно и такъ, а коли и такъ, такъ ужъ есть на то отъ Бога положеніе.

— А коли такъ, говоритъ Василій, такъ нечего намъ съ тобой и разговаривать.

Повернулся и пошелъ, не простившись. Всталъ и Семенъ. Вернулся домой и говоритъ женѣ:

— Ну, Арина, и сосѣдъ же упасъ; зелье—не человѣкъ.

Однако не поссорились они; встрѣтились опять и по прежнему разговаривать стали, и все о томъ же.

Вотъ пріѣхалъ начальникъ дистанціи и замѣтилъ безпорядки у Василія, велѣлъ его уволить отъ мѣста.

— Прощай, Иванычъ!

— Неужто пѣшкомъ пойдешь?

— На станціи на товарный попрошусь; завтра въ Москвѣ буду.

Простились сосѣди; ушелъ Василій и долго его не было. Жена за него работала, день и ночь не спала; извелась совсѣмъ, поджидаючи мужа. На третій день пріѣхала ревизія: паровозъ, вагонъ багажный и два перваго класса, а Василія все нѣтъ. На четвертый день увидѣлъ Семенъ его хозяйку: лицо отъ слезъ пухлое, глаза красные.

— Вернулся мужъ? спрашиваетъ.

Махнула баба рукой, ничего не сказала и пошла въ свою сторону.

Научился Семенъ когда-то еще мальчишкой, изъ тальника дудки дѣлать. Выжжетъ таловой палкѣ сердце, дырки гдѣ надо высверлитъ, на концѣ пищикъ сдѣлаетъ и такъ славно наладитъ, что хоть что угодно играй. Дѣлывалъ онъ въ досужее время дудокъ много и съ знакомымъ товарнымъ кондукторомъ въ городъ на базаръ отправлялъ, давали ему тамъ за штуку по двѣ копѣйки. На третій день послѣ ревизіи остовилъ онъ дома жену вечерній шестичасовой поѣздъ встрѣтить, а самъ взялъ ножикъ и въ лѣсъ пошелъ, палокъ себѣ нарѣзать. Дошелъ онъ до конца своего участка; на этомъ мѣстѣ путь круто поворачивалъ; спустился съ насыпи и пошелъ лѣсомъ подъгору. За полверсты было большое болото, и около него отличнѣйшіе кусты для его дудокъ росли. Нарѣзалъ онъ палокъ цѣлый пукъ и пошелъ домой. Идетъ лѣсомъ; солнце уже низко было, тишина мертвая; слышно только, какъ птицы чиликаютъ, да валежникъ подъ ногами хруститъ. Прошелъ Семенъ немного еще; скоро и полотно; и чудится ему, что-то еще слышно: будто гдѣ-то желѣзо о желѣзо позвякиваетъ. Пошелъ Семенъ скорѣй. Ремонту въ то время на ихъ участкѣ не было. „Что-бы это значило?“ думаетъ. Выходитъ онъ на опушку—передъ нимъ желѣзнодорожная насыпь подымается; наверху, на полотнѣ, человѣкъ сидитъ на корточкахъ, что-то дѣлаетъ; сталъ подыматься Семенъ потихоньку къ нему: думалъ, гайки кто воровать пришелъ. Смотритъ—

и человѣкъ поднялся; въ рукахъ у него ломъ; поднялъ онъ рельсъ ломомъ, какъ двинетъ его въ сторону. Потемнѣло у Семена въ глазахъ; крикнуть хочетъ—не можетъ. Видитъ онъ Василія, бѣжитъ наверхъ бѣгомъ, а тотъ съ ломомъ и ключемъ съ другой стороны насыпи кубаремъ катится.

— Василій Степанычъ! отецъ родной, голубчикъ, воротись! Дай ломъ, поставимъ рельсъ, никто не узнаетъ. Воротись, спаси свою душу отъ грѣха! Не обернулся Василій, въ лѣсъ ушелъ.

Стоитъ Семенъ надъ отвороченнымъ рельсомъ; палки свои выронилъ. Поѣздъ идетъ не товарный, пассажирскій. И не остановишь его ни чѣмъ: флага нѣтъ. Рельса на мѣсто не поставишь; голыми руками костылей не забьешь. Бѣжать надо, непремѣнно бѣжать въ будку за какимъ-нибудь припасомъ. Господи помоги!

Бѣжитъ Семенъ къ своей будкѣ, задыхается. Бѣжитъ,—вотъ-вотъ упадетъ. Выбѣжалъ изъ лѣсу—слышитъ, на фабрикѣ гудокъ загудѣлъ. Шесть часовъ. А въ двѣ минуты седьмаго поѣздъ пройдетъ. Господи! спаси невинныя души! Такъ и видитъ передъ собою Семенъ: хватитъ паровозъ лѣвымъ колесомъ объ рельсовый обрубъ, дрогнетъ, накренится, пойдетъ шпалы рвать и въ дребезги бить, а тутъ кривая, закругленіе, да насыпь, да валиться то внизъ одиннадцать саженъ, а тамъ, въ третьемъ классѣ, народу биткомъ набито, дѣти малыя. Сидятъ они теперь всѣ, ни о чемъ не думаютъ. Господи, вразуми ты меня!... Нѣтъ, до будки добѣжать и назадъ во время вернуться не поспѣешь....

Не добѣжалъ Семенъ до будки, повернулъ назадъ, побѣжалъ скорѣе прежняго. Бѣжитъ почти безъ памяти; самъ не знаетъ, что еще будетъ. Добѣжалъ до отвороченнаго рельса: палки его кучей лежатъ, нагнулся онъ, схватилъ одну, самъ не понимаетъ зачѣмъ; дальше побѣжалъ. Чудится ему, что уже поѣздъ идетъ. Слышитъ свистокъ далекій, слышитъ рельсы мѣрно и потихоньку подрагивать начали. Бѣжать дальше силъ нѣту: остановился онъ отъ страшнаго мѣста саженяхъ во ста: тутъ ему точно свѣтомъ голову освѣтило. Снялъ онъ шапку вынулъ изъ нея платокъ бумажный; вынулъ ножъ изъ-за голенища, перекрестился. Господи, благослови!

Ударилъ себя ножемъ въ лѣвую руку повыше локтя; брызнула кровь, полила горячей струей; намочилъ онъ въ ней свой платокъ, расправилъ, растянулъ, навязалъ на палку и выставилъ свой красный флагъ.

Стоитъ, флагомъ своимъ размахиваетъ, а поѣздъ ужъ видѣнъ. Не видитъ его машинистъ, подойдетъ близко, а на ста саженяхъ не остановить тяжелаго поѣзда!

А кровь все льетъ и льетъ; прижимаетъ Семенъ рану къ боку, хочетъ зажать ее , но не унимается кровь; видно, глубоко поранилъ онъ руку. Закружилось у него въ головѣ; въ глазахъ черныя мухи залетали; потомъ и совсѣмъ потемнѣло; въ ушахъ звонъ колокольный. Не видитъ онъ поѣзда и не слышитъ шума: одна мысль въ головѣ; не устою, упаду, уроню флагъ; пройдетъ поѣздъ черезъ меня... Помоги, Господи, пошли смѣну...

И стало черно въ глазахъ его, и пусто въ душѣ его, и выронилъ онъ флагъ. Но не упало кровавое знамя на землю: чья-то рука подхватила его и подняла высоко на встрѣчу подходящему поѣзду. Машинистъ увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контръ-паръ. Поѣздъ остановился.

Выскочили изъ вагоновъ люди, сбились толпою. Видятъ: лежитъ человѣкъ въ крови, безъ памяти; другой возлѣ него стоитъ съ кровавой тряпкой на палкѣ.

Обвелъ Василій всѣхъ глазами, опустилъ голову.

— Вяжите меня, говоритъ: я рельсъ отворотилъ.

Всеволодъ Гаршинъ.

Русь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ,—
Вижу—даль степей
Зеленѣется.
И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.
По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.
Посмотрю на югъ—

Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,—
Тихо движутся;
Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается,
Гляну къ сѣверу—
Тамъ въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;—
Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходитъ по морю,
И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...
Это ты, моя
Русь Державная,
Моя родина
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли,
Въ красѣ Царственной
Развернулася!
У тебя-ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ-бъ разгулъ нашла
Воля смѣлая?
У тебя ли нѣтъ
Про запасъ казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?
У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой
Громкихъ подвиговъ?
Передъ кѣмъ себя

Ты понизила?
Кому въ черный день
Низко кланялась?
На поляхъ своихъ,
Подъ курганами
Положила ты
Татаръ полчища.
Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой—
И дала урокъ
Ляху гордому.
И давноль было,
Когда съ запада
Облегла тебя
Туча темная?...
Подъ горой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася;
И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ!
Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань—
Вдругъ со всѣхъ сторонъ
Поднялася Русь,
Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ,
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости на вѣки.
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!...
И теперь среди

Городовъ твоихъ
Муравьемъ кишитъ
Православный людъ.
По сѣдымъ морямъ
Изъ далекихъ странъ,
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ.
Груды золота;
И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идетъ
Слава громкая.
Ужъ и есть за что,
Русь Могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову.

Никитинъ.

Учась, шагай отъ мрака къ свѣту,
Неси разумно, бодро трудъ,
И вѣрь въ исконную примѣту:
Отъ свѣта—козни зла бѣгутъ.

Л.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

	Стран.
Откуда началась называться наша земля „Русью“ *Б.*	5
Муха *Дмитріева*	—
Принятіе христіанской вѣры и крещеніе Руси	6
Куликовская битва	8
Взятіе Казани.	10
Покореніе Казани Грознымъ Царемъ	11
Какъ гуси Римъ спасли	13
Чижъ и голубь (Басня) *Крылова*	14
Праведный Судья (Сказка).	—
Старикъ и Смерть (Басня).	17
Булька *Толстаго*	—
Прохожіе и Собаки (Басня) *Крылова*	18
Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ (Быль) *Толстаго.*	19
Обозъ (Басня) *Крылова*	27
Зайцы и Лягушки *Толстаго*	28
Волкъ и Котъ (Басня) *Крылова.*	29
Петръ I и Мужикъ (Быль) *Толстаго.*	30
Волкъ и Лисица. *Крылова.*	31
Отчего бываетъ вѣтеръ (Разсужденіе) *Толстаго*	32
Двѣ бочки (Басня) *Крылова*	—
Тепло *Толстаго*	33
Вечеръ *Аксакова*	34
Цапля, рыба и ракъ (Басня) *Толстаго.*	35
Волкъ и Журавль (Басня) *Крылова*	36
Ежъ и Заяцъ (Басня) *Толстаго.*	—
Макъ и Перецъ (Стихотвор.) *Максимова*	38
Нива (Стихотвор.) *Жадовской*	—
Городъ Петра Великаго (Стихотвор.) *Прокоповича.*	39
Илья Муромецъ крестьянскій сынъ *Острогорскаго.*	40
Кабакъ (Стихотвор.) *Огарева*	44
Штыкъ и пуля (Стихотвор.) *А. П.*	—
О Русской землѣ *Максимова*	45
Раскинулась вольно (Стихотвор.) *Х.*	47

Студеное море *Максимова* 47
Коль любить *А. Толстаго* 52
Тундра и ея люди *Максимова* . . . . . —
Мнѣ лѣкарь говорилъ *Дмитріева* 55
Песчаная степь *Максимова* . . . . . —
Воронъ къ ворону *Пушкина* 59
Верблюдъ *Б—нъ* . . . . . —
Пѣсня Бобыля *Никитина* 60
Про то, какъ деревенскаго парня московскія вороны раздѣли чуть не до нага *Ваненко* 61
Вешнее солнце взошло 67
Какъ аукнется, такъ и откликнется *Ваненко* . . —
Борода *Тимоѳеева* 69
Нѣтъ худа безъ добра *Ваненко* 70
Какъ мужичекъ Ермилъ своею смышленностью барина удивилъ *Его-же* 76
Ладно-ли въ ладу жить *Его-же* 80
Ой—кабы *Ал. Толстаго* 82
Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова *Петрушевскаго.* . . . . . —
Подвигъ Сусанина *Ремезова* 84
Жизнь за царя *Слѣпушкина* 87
Императоръ Петръ I. *Корниловича* . . . . . —
Петръ Великій *Бенедиктова* 90
О Петрѣ Первомъ *Семенова* 95
Конекъ-Горбунокъ *Ершова.* 96
Московская чума и разбойникъ Козьма Рощинъ . . 103
Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ *Пушкина.* 111
1812 годъ *Павловича* 114
Волкъ на псарнѣ *Крылова.* 127
Кутузовъ и солдаты Измаиловскаго полка *Михайловскаго-Данилевскаго* 128
Бѣгство французовъ отъ Березины *Толстаго.* . . 129
Могила Кутузова *А. Пушкина* 131
Анчутка Безпятый (Древняя сказка) *Погоскаго* . . —
Бобыль Наумъ-Сорокодумъ *Его-же* 142
Собачья дружба *Крылова* 149
Другъ человѣка—Собака 150
Недругъ человѣка—Волкъ. 159

Котъ въ сапогахъ (Сказка) *Жуковскаго* . . . 168
Путешествіе на луну *Погоскаго* 174
Пѣсня о хмѣлѣ Х. 180
Сказка о царѣ Берендеѣ *Жуковскаго* 181
Мужикъ и огурцы *Толстаго* 184
Чай и его польза *Рейнбота* 185
Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ *Жуковскаго* . 190
Разсказъ мыши о Котѣ Мурлыкѣ *Его-же* . . . 192
Дѣдушка Крыловъ 194
Крылову *Вяземскаго*. 197
Пустынникъ и Медвѣдь *Крылова* 198
Три мужика *Его-же*. 199
Иванъ Саввичъ Никитинъ (Народный поэтъ). . . 200
Наслѣдство *Никитина* 205
Дѣдушка *Его-же* 206
Зимняя ночь въ деревнѣ *Его-же* 207
Многолѣтіе *Жуковскаго* 208

ЧАСТЬ II.

Стран.
О разныхъ наукахъ и искуствахъ *Иванова* . . . 3
Святогоръ и Микула Селяниновичъ *Розенгейма* . . 12
Какого вида земля и какъ она велика *Медера* . . 15
Въ Кузницѣ *Немировича-Данченко* 22
Солдатское пиво *Погоскаго*. . . . . —
Отчего бываетъ день и ночь *Медера* 32
Крестьянинъ и овца (Басня) *Крылова*. . . . 39
Воздушные шары 40
Отчего происходитъ дождь и снѣгъ 45
Какъ и отчего происходитъ роса и иней . . . 51
Осень *Баратынскаго*. 52
Пожаръ на морѣ *Тургенева* 53
Каменный уголь *Вебера* 58
Что такое соль и гдѣ ее берутъ *Рейнбота*. . . 59
Всенощная въ деревнѣ *Аксакова*. 68
Стекла и зеркала *Вебера*. 69
Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ 72
Зима *Пушкина* 74
Домикъ въ Коломнѣ *Его-же* . . . . . —
О Гоголѣ 79

Ночь передъ Рождествомъ *Гоголя.* 81
Тарасъ Бульба *Его-же* 84
Донъ *Ознобишина* 88
Сорочинская ярмарка *Гоголя* 89
Ярмарка *Никитина* 96
Начало Кавказской войны 97
Отрывокъ изъ солдатской сказки *Чернышева* . . 99
Взрывъ турецкаго броненосца *Прокофьева* . . . 107
Горе ты, горе *Розенгейма.* 114
Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай у Галаца и Браилова въ 1877 году *Шведова* . . . . —
Русская Гвардія подъ Горнымъ Дубнякомъ *Хребтова* . 121
Монастырь *Козлова* 124
Защита Баязета *Р—ій* 125
Паденіе Плевны 128
Открытіе памятника войны 1877—78 гг. . . . 136
Сигналъ *Гаршина* 137
Русь *Никитина* 142
Учась, шагай *Л.* 145

2007098125